

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ISSN 0038-5050

1990

• НАУКА •

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

Март — Апрель

1990

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ ● ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Национальные процессы сегодня

- И. Кузнецов (Москва). Автономия или самоуправление? 3
- П. Калиновская, Г. Е. Марков (Москва). Ногайцы — проблемы национальных отношений и культуры 15
- А. Арутюнов, Я. С. Смирнова, Г. А. Сергеева (Москва). Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской автономной области 23

Статьи

- И. Бушков (Москва). Формирование современной этнической ситуации в Северном Таджикистане 30
- Е. Рязанов (Ленинск-Кузнецкий). Древний женский календарь 41
- Г. Власов (Москва). Пути расшифровки Каргопольского календаря-вышивки. 46
- К. Шидфар (Москва). Пережитки тотемизма и табуирование у аравийских племен VI—VII вв. (по «Жизнеописанию посланца Аллаха» Ибн Хишама) 64
- И. Ф. Макарова (Москва). Этнические представления болгарских книжников начала османского владычества 76
- Л. Хить, В. С. Шинкаренко, В. В. Наумкин (Москва). Дерматоглифика населения Южной Аравии 85

Дискуссии и обсуждения

Обсуждение статьи Л. Самойлова «Этнография лагеря»

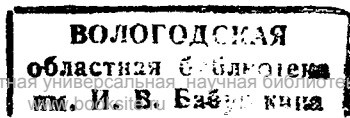
- Г. А. Левинтон (Ленинград). Насколько «первобытна» уголовная субкультура? 96
- И. Гилинский (Ленинград). Субкультура за решеткой 100

Сообщения

- В. Кантария (Тбилиси). Вселенная в представлениях вайнахов и осетин 104
- Ширейдыб (Улан-Батор). Из жизни аянчинов 111

Наши юбиляры

- Список основных научных трудов д. и. н. Б. В. Андрианова (к 70-летию со дня рождения). 116

Научная жизнь

- Л. И. Миссонова (Москва). Всесоюзное совещание по подготовке серии «Народы Советского Союза»
- Б.-Р. Логашова, Т. П. Федянович (Москва). Две конференции по ономастике, посвященные памяти В. А. Никонова
- Коротко об экспедициях

Критика и библиография

Общая этнография

- С. А. Арутюнов (Москва). *История первобытного общества. Эпоха классового образования.*
- В. А. Шнирельман (Москва). Ю. В. Павленко. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития
- А. А. Белик (Москва). Ph. K. Boch. Rethinking Psychological Anthropology. Continuity and Change in Study of Human Action

Народы СССР

- В. П. Даркевич (Москва). М. Г. Рабинович. Очерки этнографии русского феодального города. *Его же.* Очерки материальной культуры русского феодального города.
- Н. А. Миненко (Новосибирск). Л. М. Русакова. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири
- С. М.-А. Хасиев (Грозный), Я. В. Чеснов (Москва). *Кавказский этнографический сборник IX*
- Л. Р. Кызласов (Москва). *Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос*
- М. И. Вайнштейн, И. И. Земцовский (Ленинград). М. Береговский. Еврейская народная инструментальная музыка
- Р. Я. Денисова (Рига). Т. С. Балуева, Е. В. Веселовская, Г. В. Лебединская, А. П. Пестряков. Антропологические типы древнего населения на территории СССР (по материалам антропологической реконструкции)

Народы Зарубежной Европы

- Лекса Мануш (Москва). *Песенная поэзия цыган Воеводины*

Народы Америки

- П. М. Кожин (Москва). J. H. Moore. The Cheyenne Nation. A Social and Demographic History

Народы Африки

- Э. С. Львова (Москва). И. Е. Синицына. Человек и семья в Африке

1990 г.

А. И. Кузнецов

АВТОНОМИЯ ИЛИ САМОУПРАВЛЕНИЕ?*

В настоящее время нет ни одного государства, населенного людьми лишь одной национальности. В каждой стране живут коренные народы и выходцы из других стран, называемые обычно национальными или этническими меньшинствами¹. Правительства государств определяют политические, социальные, культурные, языковые и территориальные права населяющих страну народов. Политические права выражаются, в частности, в предоставлении гражданства (подданства) представителям того или иного народа, в праве избирать и быть избранным, т. е. оформляются юридически. Социально-экономические и культурно-языковые права народов не вытекают автоматически из политических. Получение лицами, принадлежащими к какому-либо народу, гражданства избирательного права далеко не везде гарантируется этому народу самостоятельность в решении вопросов образования, культуры и языка. Вместе с тем для сохранения самобытности этническим меньшинствам и малочисленным коренным народам необходима культурная или национально-территориальная автономия.

Коренные народы, искони живущие на своей земле и волею судеб вошедшие в состав данного государства, должны иметь право самостоятельно решать все этнокультурные, социально-экономические и политические вопросы, т. е. должны иметь самоуправление. Однако часто автономия предоставляется не народу, а всем жителям территории. Это проявляется в проведении референдумов не только среди народа, заинтересованного в национально-территориальной автономии, но всего населения данной административной единицы, как это можно увидеть из приводимых ниже примеров.

В советской и в особенности зарубежной прессе широко освещались события на филиппинском о-ве Минданао, и архипелаге Сулу, основными жителями которых в прошлом были мусульмане в отличие от других народов Филиппин, исповедующие ислам. Начавшаяся еще в период испанской аннексии борьба мусульман за свою религиозную культурную и государственную самостоятельность, продолжалась вплоть до нашего времени. Выдвигались разные цели — от национально-территориальной автономии до отделения от Филиппин и создания самостоятельного государства. Тем временем на исконную территорию мусульман постоянно переселялись немусульманские народы с других островов, и когда правительство в конце концов согласилось на проведение референдума, мусульмане составляли там уже менее половины всего населения. В референдуме участвовали не только мусульмане, но и все население этой области. Результат не замедлил сказаться — немусульмане, составляющие сейчас большинство, проголосовали против. Произошла подмена вопроса о предоставлении территориальной автономии народу вопросом о предоставлении автономии жителям территории. Самоуправление мусульман, таким образом, было поставлено в зависимость от воли представителей других народов. Такой способ очень удобен правительствам, заинтересованным в предоставлении подлинной этнической автономии или государственной самостоятельности какому-либо народу, населяющему данное государство. Так же, например, поступили и французские власти при решении

вопроса о предоставлении самостоятельности заморской территории Новая Каледония. 21 июля 1988 г. Совет Министров Франции принял закон о проведении в 1988 г., т. е. через 10 лет, референдума на Новой Каледонии по вопросу ее автономии или суверенности. Как объяснить, что референдум назначен через 10 лет? На Новой Каледонии кроме коренных жителей — канаков, живущих и европейцы. Канакы борются за предоставление независимости, европейцы — за сохранение статуса заморской территории Франции. В 1978 г. канакы составляли 56% всего населения. Газета Юманите (23.07.88) высказала мнение, что французские власти рассчитывают на изменение в течение 10 последующих лет соотношения численности населения на острове в пользу европейцев имеющих французское гражданство: их доля составит более 50% всего населения. Естественно предположить уже сегодня, что результаты всенародного опроса будут не в пользу канаков. Как видим, и здесь вопрос о предоставлении независимости народу подменяется вопросом о независимости или автономии территории, и решать его будут не канакы, а все население острова.

Подобные действия правительства объясняются не только стремлением государства сохранить принадлежащую им территорию, но и стремлением государственного аппарата к удобству управления, которое наилучшим образом достигается при централизации. На примере Индии эту мысль достаточно определенно выразила А. Н. Захожая: «В целом в политике властей по отношению к племенам приоритет отдается *удобствам управления* (курсив мой. — А. К.) в ущерб экономическому и социальному развитию этих народов».

Целями удобства управления наряду с другими причинами объясняется и откровенно ассимиляторская политика на Таиланде и в шахском Иране. В Таиланде к «тайской нации» относили не только таяязычные народы, но и все население страны. В меморандуме к конституции Таиланда сказано: «Желательно покончить с некоторыми концепциями, обосновывающими различия среди нашего народа, к примеру, такие названия, как малайцы или лаос. Мы хотим считать себя одной нацией»³. Ясно, что такой подход исключает даже постановку вопроса о национально-территориальной или культурной автономии для нетайского населения страны. В Иране персы составляют немногим более половины населения, но в официальной политике шахского режима господствовала концепция «единой иранской нации», не признававшая существования в стране самостоятельных народов и этнических меньшинств. Переплюс 1966 г. учитывала лишь различия по религиозному признаку⁴.

Своеобразным является подход к решению национального вопроса в Индонезии. Почти все население этого государства говорит на языках одной семьи, имеет определенную общность в материальной и духовной культуре, восходящую к общности происхождения населяющих страну народов. Учитывая эти факторы, лидеры национально-освободительной борьбы выдвинули идею единой индонезийской нации, легшую в основу национальной политики правительства Республики Индонезия. Признание существующей или формирующейся индонезийской нации ставило задачу ее дальнейшей консолидации или, по терминологии индонезийцев, «строительства нации», что находило практическое воплощение в области образования, языка и культуры, в воспитании общенационального индонезийского самосознания. Рассматривая народы Индонезии лишь как составные части индонезийской нации, правительство не уделяло внимания развитию их языков, созданию письменности и образованию национально-территориальных автономий.

Рассмотрим, чем различается решение национального вопроса в капиталистических и социалистических странах. Известно высказывание В. И. Ленина о том, что «при капитализме уничтожить национальный (и политический вообще) гнет нельзя. Для этого необходимо уничтожить классы, то есть ввести социализм»⁵. Приводимые ниже примеры позволяют предположить: или прогноз В. И. Ленина оказался ошибочным, или в социалистических странах не «введен» социализм.

Население капиталистической Бельгии и социалистической Чехословакии состоит из двух основных народов, соответственно валлонов и фламандцев, чехов и словаков. В Чехословакии до 1969 г. словаки находились в неравноправном положении, страна по сути была унитарным государством. Движение за создание федерального государства в Бельгии началось в начале 1960-х годов. За 20 с лишним лет в Бельгии были поставлены в равноправное положение фламандский и французский языки, фламандцы получили доступ к руководящим постам в государственных учреждениях и в сфере частного предпринимательства, были созданы региональные автономии, французский и фламандский культурные советы. В 1989 г. Бельгия стала федеральным государством, состоящим из Валлонии, Фландрии и округа Брюссель, с предоставлением равных прав не только валлонам и фламандцам, но и немцам⁶. История становления национально-государственных отношений в Чехословакии (1948—1969 гг.) показывает, с какими трудностями, в основном субъективного характера, пришлось столкнуться в социалистическом государстве при предоставлении словакам подлинного права на самоопределение, на создание собственного государственного статуса. Для этого потребовались 20 лет и кризис общественно-политической системы. Вступивший в силу конституционный закон 1 января 1969 г. установил, что ЧССР есть федеральное государство двух равноправных народов — чехов и словаков, основанное на добровольном союзе их равноправных национальных государств — Чешской и Словацкой социалистических республик⁷.

В большинстве стран мира отсутствует национально-территориальная автономия для неосновных народов и в особенности для малочисленных народов этнических меньшинств. Нет автономии у уэльсцев в Великобритании, украинцев и белорусов в Польше, бретонцев во Франции и венгров в Румынии, македонцев, аромунгов и черногорцев в Албании, хорватов, словаков, цыган и румын в Венгрии, лужицких сербов в ГДР, венгров, поляков, русинов в ЧССР, мыонгов, тай, кхмеров, мяо, яо и других малочисленных народов во Вьетнаме и т. д.

В нашей стране отношение к национальному вопросу было высказано уже в первых документах советской власти. II Всероссийский съезд советов в октябре 1917 г. провозгласил, что советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение»⁸. Право народов на самоопределение было записано уже в первой программе РСДРП, принятой на ее I Съезде в 1898 г. и переходило из программы в программу вплоть до прихода большевиков к власти. И тут оказалось, что критиковать царское правительство и другие империалистические колониальные державы гораздо легче, чем самим выполнять свои программные заявления. В. И. Ленину, следовательно отстаивавшему право всех народов на самоопределение вплоть до отделения, пришлось бороться со многими видными деятелями партии, например Бухариным, Пятаковым, не говоря уже о Сталине. Ратуя ранее за самоопределение и выход народов из состава царской России, они вдруг стали отстаивать границы бывшей империи, которые стали теперь уже границами «своего» государства. После предоставления независимости Финляндии с правительством был заключен договор, по которому, в частности, ей были уступлены территориальные уступки. О том, как эта акция оценивалась партийными лидерами, явствует из высказывания В. И. Ленина: «Я слышал немало возражений чисто шовинистических: „Там, дескать, хорошие рыбные промыслы, а мы их отдали“. Это — такие возражения, по поводу которых я говорил: „Христи иного коммуниста — и найдешь великорусского шовиниста“»⁹.

Тем не менее в первые годы советской власти национальная политика в нашей стране проводилась более или менее последовательно, правительство шло непроторенной дорогой и искало наилучшие пути и формы национально-государственного устройства. Создавались национальные сельсоветы, районы, округа, области и республики. Известна дискуссия того времени о структуре

создаваемого Союза Советских Социалистических Республик. Победила ленинская точка зрения, и новое государство стало федерацией, а не унитарным государством с автономными республиками, как предлагал Сталин. Одна национальные автономии сохранились в составе союзных республик, что было на мой взгляд, компромиссом, уступкой сталинской идее.

Неравное положение, в которое были поставлены народы, вошедшие в состав СССР, дает о себе знать сегодняшними событиями в Нагорном Карабахе и Абхазии. Конечно, нельзя оценивать национальное строительство тех лет с позиций сегодняшнего дня. В то время было закономерным для многих народов создание автономий в виде национальных областей с преобразованием их впоследствии в автономные республики. Так, автономными областями были Кабардино-Балкария, Калмыкия, Коми АССР, Марийская АССР, Мордовская АССР, Северная Осетия; Карельская АССР была образована в 1920 г. как трудовая коммуна. Особый подход требовался и к решению национального территориального вопроса на Крайнем Севере и в Сибири. Советская власть признала за малочисленными народами этих регионов право на самоопределение, провозгласила их политическое равноправие, но, учитывая их неподготовленность к созданию собственных органов самоуправления, взяла их под опеку.

В 1922 г. в Отделе нацменьшинств Народного Комиссариата по делам национальностей (Наркомнац) был учрежден Подотдел по охране и управлению первобытных племен Севера, в 1923 г. создается Комитет содействия и защиты малых народностей Севера и Сибири, были образованы национальные отделы при губисполкомах (губкомнацы). После упразднения Наркомнаца в 1924 г. при Президиуме ВЦИК создается Комитет содействия развитию окраин Сибири и населяющих их малых народностей Севера (Комитет Севера), в задачу которого входило, как писал возглавивший этот комитет П. Г. Смирнов, следующее: «Самое содействие будет продолжаться до той поры, пока каждая из малых народностей Севера не дорастет до самостоятельного бытия в виде самоуправляющейся хозяйственно-политической единицы. День завершения советизации северных туземных районов будет последним днем существования Комитета Севера»¹⁰. Комитет Севера опирался на созданную при исполкомах сеть местных комитетов Севера, которые подчинялись и Комитету Севера, и исполкомам. В 1926 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР утвердил «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», определявшее порядок образования, структуру и компетенции органов управления народов Севера и Сибири. Создаются родовые советы и национальные районы. В 1930 г. на Крайнем Севере насчитывалось 64 национальных райисполкома и 455 советов¹¹. Все малочисленные народы Севера, кроме кетов, нганасан и юкагиров, были объединены в национальные районы и сельсоветы.

Социально-экономическое развитие малочисленных народов позволило перейти к строительству у них национально-территориальной автономии. Первым на Крайнем Севере был создан в 1929 г. Ненецкий национальный округ, а 10 декабря 1930 г. принимается постановление Президиума ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера», которым предусматривалось создание восьми национальных округов и восьми национальных районов. Это постановление дополнялось и уточнялось, и в результате автономия была предоставлена 93 национальным районам и 7 национальным округам Крайнего Севера¹².

Нужно отметить поистине огромную помощь, которую оказывали малым народам Севера и Сибири энтузиасты — учителя, работники культуры, партийные и советские работники, этнографы и ученые других специальностей. Была создана письменность для большинства малых народов Севера, открыты школы, красные чумы, культбазы, появились учителя и советские работники из числа коренных народов. Однако дальнейшее развитие национально-территориальной

рмонии и превращение ее в действительное самоуправление народов было рможено политикой бюрократического централизма, основного принципа ившейся создаваться в конце 1920-х годов командно-административной системы, характеристика которой дана в платформе ЦК КПСС «Национальная политика партии в современных условиях». «Административно-командная система, кдавшаяся в предельно централизованных единообразных структурах, чем ыше, тем больше игнорировала потребности национального развития. Возо-дал ведомственный, бюрократически усредненный подход, который сказы-ся на всем — от размещения производительных сил до проблем языка, изования и культуры. Под предлогом защиты общегосударственных интере-ограничивалась самостоятельность республик, набирала силу тенденция нитаризму. Постепенно размывалось заложенное в Конституции 1924 г. рграничение компетенции Союза и республик, суверенитет которых стал мномом формальным»¹³.

В 1936 г. был упразднен Комитет Севера, так и не выполнив своей зада-и — помочь каждой из малых народностей Севера дорасти «до самостоятель-го бытия в виде самоуправляющейся хозяйственно-политической единицы». или ликвидированы все национальные районы, упразднены Витимо-Олекмин-ий и Охотско-Эвенский национальные округа (последний имел несчастье азаться на территории печально известного Дальстроя — «Колымской рес-блики»). По Конституции 1936 г. округа стали подчиняться исполкомам ластей и краев. Символичным было переименование национальных округов автономные в Конституции 1977 г.

Отход тоталитарной системы от провозглашенной Лениным национальной политики коснулся всех без исключения народов СССР, в том числе и русских. щемлялись национальные права народов в автономных областях, автоном-их и союзных республиках. Стремление сохранять и развивать национальную льтуру объявлялось национализмом или шовинизмом вопреки провозглашен-му в ноябре 1917 г. обращению Совета Народных Комиссаров: «Отныне иши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения бьявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою националь-ую жизнь свободно и беспрепятственно»¹⁴. Репрессиям подвергались не только едельные «националисты», но и целые народы: турки-месхетинцы, чеченцы, шуши, карачаевцы и балкарцы, греки, крымские татары, калмыки, выселялись уппы литовцев, латышей и др.

Государство стремилось к централизации, к полному единству, о котором ворилось еще в Программе партии, принятой на VIII съезде РКП(б): «Как ну из переходных форм к полному единству, партия выставляет федеративное бединение государств, организованных по советскому типу»¹⁵. Полному инству в строящемся номенклатурным классом казарменном социализме ешали любые различия, в том числе и этнические. Для теоретического обоснования полного единства было выдвинуто понятие «советский народ», ражавшее конечную цель, к которой вела многолетняя политика дена-онализации, деэтнизации, проводившаяся под флагом интернационализма ближения, слияния наций. Тиражировавшаяся на местах политика центра ревращалась в ассимиляторскую, что наглядно проявлялось в проведении реписей в союзных республиках. Для полного единства управленческом апарату нужны были не народы, а массы, человеческий материал, о котором е Н. И. Бухарин писал: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, чиная от расстрела и кончая трудовой повинностью, является, как парадок-льно это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества и человеческого материала капиталистической эпохи»¹⁶. Полное «единство» сех национальностей, «начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью» исправительно (!)-трудовых колониях ГУЛАГа, действительно было достигну-

В настоящее время СССР состоит из 53 национально-территориальных объединений: 15 союзных республик — субъектов федерации; 20 автономных республик, входящих в союзные республики и обладающих статусом политической автономии; 8 автономных областей и 10 автономных округов, имеющих административную автономию и подчиняющихся соответственно союзным республикам, краям и областям. Нетрудно видеть, что перечисленные национально-территориальные объединения не могут обладать равными правами. Союзная республика — самостоятельное государство. Автономная республика называется в советской литературе «советским социалистическим государством», но входит в состав другого государства — союзной республики и, естественно, зависит от нее, т. е. не имеет полной самостоятельности; автономные области и округа лишены политической автономии и по существу обладают теми же правами, что и обычные административные области или административные районы краев и областей.

Федерация только для союзных республик — это усеченная федерация. Автономии внутри РСФСР, Грузии, Азербайджана, Узбекистана и Таджикистана — дань сталинской политике автономизации. В действительности же централизация управления зашла так далеко, что даже союзные республики не могут воспользоваться декларируемой самостоятельностью. В решении всех вопросов, в том числе образования и культуры, союзные республики зависят от центральных органов власти, автономные республики и области — от высших органов власти союзных республик, а автономные округа — от краевых и областных исполкомов.

Как и в стране в целом, во всех национальных образованиях основное внимание уделялось промышленности в ущерб социальному развитию и культуре. Особенно это заметно в автономных округах Севера и Сибири, рассматриваемых в первую очередь как территории, имеющие те или иные природные ресурсы. Их разрабатывают без согласия коренного населения, которое несет значительные убытки от изъятия оленьих пастбищ, загрязнения нерестилищ и другого антропогенного и техногенного воздействия. В результате промышленного освоения коренным образом изменилось соотношение численности населения автономных округов, и сейчас народы, давшие название округам, составляют в них от 3 до 20% всего населения. Это отрицательно сказалось на осуществлении коренными народами своих национальных прав, так как согласно действующим законам, приезжее население обладает равными правами с коренными жителями при избрании местных органов власти. Так, например, в 1987 г. в Эвенкийском автономном округе депутатов-эвенков было в сельских советах — 47,4%, в районных советах — 27,3%, в окружном Совете народных депутатов — 27%. В 1988 г. в Совете народных депутатов Магаданского сельсовета Чукотского автономного округа чукчей была одна треть. При решении вопросов природопользования на этнической территории чукчей последние зависят от воли двух третей депутатов, представляющих временно живущих здесь приезжих. От всех оленеводов Билибинского района в окружной Совет народных депутатов Чукотского автономного округа избран всего один человек, в Магаданский областной совет народных депутатов — также один человек. Между тем площадь Чукотского автономного округа занимает 65% Магаданской области. В автономных округах с районным делением районы округа практически подчинены области, как, например, районы Чукотского и Корякского автономных округов. О превращении национальной автономии в обычную административную автономию территории косвенным образом свидетельствует тот факт, что почти все постановления, касающиеся коренного населения Севера, ставили цель (вынесенную в заголовки) — развитие территорий проживания народов Севера. В результате многие миллиарды рублей шли действительно на развитие территории и не попадали к коренным народам. О том, что автономные округа уже не являются национальной автономией,

свидетельствует и создание при окрисполкомах отделов по развитию экономики и культуры народностей Севера. (А чем и кем занимаются остальные отделы окрисполкома?!). О какой автономии, а тем более самоуправлении, можно говорить, если вопросы образования и культуры коренных народов решаются за них в области или крае, причем, как правило, малокомпетентными чиновниками.

Можно предположить, что не все 32 народа в Дагестане равным образом осуществляют свои национальные права просто из-за очень большой разницы численности. Достаточно сравнить арчинцев, живущих в одном ауле, и аварцев, насчитывающих полмиллиона.

Не все народы и этнические меньшинства имеют национально-территориальную или культурную автономию. Из 26 народов Севера в автономных округах живут только 10. Автономии нет у многих малочисленных народов Сибири, народов Средней Азии, Кавказа, некоторых народов Европейской части СССР (ливы, вепсы и др.), выходцев из других стран (болгар, гагаузов и др.).

Существующая в нашей стране национально-государственная структура является лишь одной из сторон сложившейся системы управления государством. Чиновники, осуществляющие государственное управление, как показывает практика, вне зависимости от социально-экономического строя государства стремятся к централизации, к сосредоточению в своих руках полномочий и функций, касающихся субъектов не только автономий, но и федераций, к подчинению всех нижестоящих административно-территориальных и национально-территориальных единиц — для удобства управления, для создания и сохранения привилегий, вытекающих из такого положения. В специальной литературе высказывается мнение, что «федерализм как таковой вообще отрицает и вследствие фактического „переливания власти“ к федеральным органам превращается в автономию»¹⁷, а национально-территориальная автономия, добавлю от себя, превращается в административно-территориальную.

Основанная на подчинении национально-государственная структура нашей страны не может обеспечить равных прав всем народам, она подчиняет народы автономных республик и областей правительствам союзных республик, а народы округов — областным и краевым исполкомам. Такая автономия противоречит идее равноправия и суверенности народов, их праву на самоопределение и самоуправление. В Платформе КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» отмечается: «Автономные образования не располагают достаточными и реальными возможностями, чтобы в полной мере реализовать национальные потребности, испытывают на себе ведомственное давление, мелочную опеку союзных, республиканских, а также краевых и областных властей»¹⁸.

Национальный вопрос в Советском Союзе, как отмечается в Платформе КПСС, приобрел в последнее время исключительную остроту; решение возникших в связи с этим проблем имеет огромное значение для судеб перестройки и будущего нашей страны. Казалось бы, что при принятии любого решения нужно учитывать прежде всего мнение специалистов, в данном случае мнение ученых-обществоведов, занимающихся проблемами национальных отношений. Однако, как говорится в Платформе, она была выработана в результате анализа и сопоставления точек зрения в первую очередь партийных комитетов и советских органов. Только после них учитывалось мнение научных учреждений, а мнение ученых — после мнения широкой общественности и различных общественных движений.

В Платформе ставится задача устранить несправедливости, открыть простор свободному национальному развитию, гармонизации межнациональных отношений, сохранению народами своей самостоятельности и самобытности, языка, культуры и традиций. Эта задача «может решаться только на путях демократи-

зации советского общества и утверждения социалистического *самоуправления народа* (курсив мой.— А. К.).

На первый план в Платформе выдвигаются, в частности, такие направления, как «совершенствование советской федерации», «расширение прав и возможностей всех видов национальной автономии», «обеспечение равных прав каждому народу, удовлетворение специфических интересов каждой национальности». Платформа не содержит каких-либо предложений, коренным образом меняющих существующую структуру национально-государственного устройства нашей страны. Сохраняются союзные и автономные республики, автономные области и округа, предлагается создание национальных районов, сельских поселковых советов в местах компактного проживания национальностей, имеющих своих национально-территориальных образований. Неясно, каким образом можно обеспечить равные права народам автономий и союзных республик, если автономии и республики не имели и не будут иметь равных прав.

В Платформе союзная республика признается субъектом федерации с правом решать вопросы государственной и общественной жизни, за исключением тех, которые добровольно переданы в ведение Союза. Автономная республика получает право решать проблемы *административно-территориального деления* на своей территории, защиты природы, развития национальной культуры и языка, охраны исторических памятников. Что касается актов органов управления Союза ССР и союзных республик, то она может лишь опротестовывать их. Собственностью союзной республики и Союза ССР предлагается считать землю, ее недра, лесные, водные и другие природные ресурсы; союзная республика принимает законы об использовании природных ресурсов на своей территории, а следовательно, и на территориях автономных республик, области и округа. Вряд ли это обеспечит равные права каждому народу и приведет к гармонизации межнациональных отношений.

Предлагаемые в Платформе меры по повышению правового статуса автономных областей и округов не уравнивают их в правах с вышестоящими органами власти и не выводят их из подчинения союзных республик, краевым и областным исполкомов, не дают право законодательной инициативы, право иметь представительство в Верховных Советах союзных республик, в Советах народных депутатов краев и областей; территория автономной области и округа не может быть изменена без согласия союзных республик; решение окружного Совета народных депутатов имеет право отменить только Верховный Совет союзной республики; дают право перехода автономных областей РСФСР в непосредственное подчинение органов государственной власти и управления Российской Федерации. Разве, например, переход Хакасской автономной области из подчинения Красноярскому крайисполкому в непосредственное все-таки подчинение органам государственной власти и управления Российской Федерации будет означать «обеспечение равных прав каждому народу», как это сказано в Платформе?

В Платформе содержатся и неточные формулировки, иногда взаимоисключающие друг друга. Так, например: «С *согласия* (курсив мой.— А. К.) Верховных Советов республик, краевых и областных Советов народных депутатов *могут* (курсив мой.— А. К.) создаваться национальные районы, сельские поселковые Советы в местах компактного проживания национальностей, которые не имеют своих национально-территориальных образований» и «Законодательно закрепить право таких национальных групп и общин на *самоуправление*». Как все-таки законодательно их закреплять, с чьего-то согласия или без согласия?

Разумеется, в условиях политической реформы решения об изменении национально-государственного устройства нашей страны должны приниматься Съездом народных депутатов после одобрения всенародным референдумом и предлагаемую Платформу КПСС надо рассматривать лишь как рекомендацию для обсуждения. Национальная политика партии в современных условиях шире

обсуждалась на страницах печати после опубликования проекта Платформы КПСС и на самом Пленуме ЦК КПСС, принявшем ее. В Платформе много предложений, например о создании национальных районов, городских и поселковых советов. В то же время участниками Пленума были высказаны и критические замечания в связи с сохранением существующей структуры национально-государственного устройства СССР. Приведу некоторые из них. Платформа сохраняет неприкосновенной иерархическую структуру национально-государственного устройства. Недостаточно проанализированы временные проблемы федерализма и национальных автономий, нет научно обоснованного критерия определения союзных и автономных республик. Автономные республики имеют намного меньше возможностей для своего развития: ограничена область законотворчества, ограничены права и возможности в экономической, социальной сфере; значительную часть вопросов, имеющих сугубо внутренний характер, приходится решать только через центр; статус автономии создает преодолимые барьеры в решении национальных и культурных вопросов, неравный правовой статус ущемляет права народов автономии и неизбежно порождает трения в межнациональных отношениях.

Представители автономных республик высказывались за преобразование их республик в союзные. Было предложено предусмотреть в Конституции СССР статус автономной территории союзного подчинения. Представляют интерес приведенные на Пленуме данные социологического исследования, показавшего, что 67% опрошенных жителей Татарии высказались за повышение статуса автономных республик до уровня союзных или же за отказ от деления республик на союзные и автономные.

Понимание и поддержку на Пленуме получило высказывание М. С. Горбачева о том, что: «Вступить же сейчас на путь перекройки административно-территориальной карты страны значило бы лишь усложнить и без того непростую ситуацию, фактически отодвинуть на неопределенное время достижение главных целей перестройки, направленных на улучшение жизни всех советских людей, всех народов». Так, первый секретарь Якутского обкома партии Н. Прокопьев, отметив, что нет принципиальных препятствий для постановки вопроса о преобразовании автономных республик в союзные, сказал, что на данном этапе с учетом политической ситуации более целесообразно расширить права автономий, максимально приблизить их к правам союзных республик, предоставить возможность союзным республикам делегировать право владения и распоряжения землей и ее недрами некоторым автономным республикам («Правда», 21 сентября 1989 г.).

В связи с этим представляется целесообразным разделить теоретическое рассмотрение вопроса о будущем национально-государственном устройстве нашей страны и практическое решение этого вопроса, осложненное создавшейся в стране обстановкой. Практическое решение, очевидно, должно иметь политический характер.

* * *

«Обеспечение равных прав каждому народу, удовлетворение специфических интересов каждой национальности, создание условий для свободного развития национальных языков и культур»¹⁹ не может быть достигнуто лишь «расширением прав и возможностей всех видов национальной автономии»²⁰, без приравнивания ее к статусу союзной республики.

В отношениях между всеми народами необходимо, на мой взгляд, исходить из принципа их абсолютного равенства, независимо от их численности. Каждый народ должен иметь право на самоопределение, самоуправление, сохранение культурной самобытности. Следует отказаться от искусственного выделения наций и народностей. Народы равноценны, могут различаться лишь созданными обществами. Осуществление самостоятельности в государственной, общественной и общественной жизни будет естественным образом зависеть

и от их численности. Важным представляется также предоставление каждому народу права на создание любых общественных институтов, начиная от научных учреждений и киностудий до организации школ со своей программой обучения. Переход на самофинансирование и хозрасчет, передача земли и природных ресурсов во владение и пользование народов позволят им самостоятельно организовывать хозяйственную и общественную жизнь, исходя лишь из собственных возможностей, не надеясь на дотации из центра, но в то же время не завися от его указаний. В течение какого-то времени, очевидно, не будет обойтись без помощи из общесоюзного бюджета малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, но целесообразно, чтобы она поступала прямо самоуправляющимся народам, а не через посредников в виде областных и краевых исполкомов.

В настоящее время нет необходимости сохранять деление на союзные и автономные республики: было бы целесообразным уравнивать их в правах и называть просто республиками. Автономные области и округа должны иметь самоуправление и не подчиняться органам власти союзной республики, краевым или областным. Нужно возродить или создать заново национальные сельские и поселковые советы, национальные районы и округа для малочисленных коренных народов и выходцев из других стран, насчитывающих от нескольких десятков тыс. до сотен тыс. чел. Кардинальное значение имеет обеспечение гарантии культурной автономии для дисперсно живущих народов, разработки форм самоуправления для населения национально-смешанных поселков. Все это следует закрепить в Конституции; дело каждого народа воспользоваться предоставляемыми правами. Равенство народов должно выражаться в законодательно закрепленном праве самостоятельно управлять своей жизнью, создавать необходимые организации и учреждения, а не в копировании автономными областями и округами всей структуры республики. Ясно, что Ханты-Мансийскому национальному округу, например, вряд ли понадобится собственное министерство иностранных дел или комитет государственной безопасности. Главное — законодательно закрепленные равные возможности для каждого народа нашей страны.

Советский Союз, на мой взгляд, должен представлять собой не федерацию союзных республик, внутри которых сохраняются автономные республики, области и округа, а добровольный союз равноправных народов, объединенных в республики, национальные области, округа и районы. В структуре Союза не должно сохраняться автономий в любом виде, кроме культурной. Республики, национальные области, округа и районы, различаясь в названиях, должны быть равноправными субъектами федерации — Советского Союза.

Представительство каждого народа в Верховном Совете Союза может быть осуществлено выборами депутатов в Совет Национальностей не от населения территории, а от граждан одной национальности вне зависимости от мест их проживания. А депутатов в Совет Союза будут, как и сейчас, выбирать по территориальным избирательным округам граждане нашей страны независимо от национальности. В ведение Совета Национальностей следовало бы передать вопросы самоуправления, культуры, языка и самобытности народов. Имеется в виду, что он будет представлять и защищать их этнические интересы. Вне его непосредственной компетенции находились бы общегосударственные экономические, социальные и другие вопросы. Но если экономические, социальные и другие обстоятельства будут влиять на культуру и язык какого-либо народа, нарушать его права, тогда Совет Национальностей совместно с Советом Союза должен решать и эти вопросы.

Нужно учитывать, что в настоящее время многонационален не только Советский Союз в целом, многонациональны и республики, национальные области и округа. Национальные права представителей любого народа, живущих в республике, национальной области и округе, должны соблюдаться так же, как и права отдельных народов в федерации Советский Союз. Для

го необходимо создать в республиканских, национальных областных и ок-
ных органах власти аналоги Совету Национальностей Верховного Сове-
СССР.

Во многих национальных округах Севера большинство приезжего населения
ято в добывающей промышленности и живет, как правило, в отдельных
коренного населения поселках; постоянно проживающих значительно меньше
немногие из них заняты в сельском хозяйстве. Представляется целесообраз-
ли отделить сельсоветы от поселковых советов. В поселковые советы изби-
ются все граждане поселка независимо от национальности, в сельские —
бираются и участвуют в выборах только представители коренной националь-
ности. Нужно подчеркнуть, что к коренному населению должно быть, безу-
словно, отнесено и старожильское, в основном русское, население Севера,
бири и Дальнего Востока. В компетенции именно сельсоветов должны нахо-
ться вопросы сельского хозяйства. Компенсацию за ущерб, причиненный зем-
при разработке полезных ископаемых и других отчуждениях, могут получать
лько занятые в сельском хозяйстве. Окружной совет депутатов мог бы
стоять из двух палат, одна из которых ведала бы промышленностью,
анспортом и другими сторонами жизни округа в целом, другая — вопросами
мелепользования, языка, культуры и пр., имеющими непосредственное отно-
шение к коренному населению, включая и старожильское. Выборы в первую
плату проводятся среди всего населения округа, во вторую — среди коренного
аселения.

Национальные районы целесообразно, по всей видимости, создавать в местах
ребладающего расселения одного народа и поэтому нет необходимости созда-
ть двухпалатный райисполком.

Культурная автономия должна быть гарантирована и обеспечена государст-
вом достаточным количеством национальных школ или классов там, где в этом
удет возникать необходимость.

Предлагаемая структура нашего государства предоставит каждому челове-
у права личности и своей национальности, т. е. права гражданина Советско-
Союза и представителя своего народа.

Обострение национальных отношений диктует настоятельную необходимость
корейшего пересмотра национально-государственного устройства нашей стра-
ы, создание системы равноправных отношений между всеми народами. Конеч-
ю, нужно учитывать сложную современную обстановку, политика — это искус-
ство возможного. Но нельзя и надолго откладывать решение так остро постав-
ленного жизнью вопроса. Как отмечал известный декабрист М. С. Лунин,
«всякий нерешенный вопрос — отклонен ли, рассечен ли он — возникает снова
е заботами неожиданными и затруднениями, каких не имел вначале»²¹.

Примечания

¹ О различении коренных народов и этнических меньшинств см. Кузнецов А. И. Малые
роды и национальные меньшинства // Расы и народы. 1981. № 11.

² Захожая А. Н. Правовое положение «зарегистрированных племен» в Индии // Правовое
гулирование национальных отношений. М., 1980. С. 41.

³ Иванова Е. В. Таиланд // Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974.
267.

⁴ См. Логашова Ж. Б. Национальная политика правительства и ликвидация неграмотности
Иране // Расы и народы. 1974. № 4.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 22.

⁶ Франсис Р. Демократический федерализм — путь решения общинных проблем в Бельгии //
ациональном вопросе в капиталистических странах. Прага, 1981. С. 71—83, 108—110.

⁷ Конституции социалистических государств. Т. 2. М., 1987. С. 145—151, 216.

⁸ В. И. Ленин, КПСС о Советском многонациональном государстве. М., 1981. С. 15.

⁹ Там же. С. 40.

¹⁰ Сидович П. Г. Советизация Севера // Советский Север. 1930. № 1. С. 14.

¹¹ Зибарев В. А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.).
иск, 1968. С. 307.

- ¹² Луковцев В. С. Минувя тысячелетия. М., 1982. С. 51.
- ¹³ Национальная политика партии в современных условиях (Платформа КПСС) // Прав... 1989. 24 сент.
- ¹⁴ Обращение СНК к трудящимся мусульманам России и Востока // В. И. Ленин, КП... о Советском многонациональном государстве. М., 1981. С. 101.
- ¹⁵ Там же. С. 63.
- ¹⁶ Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. М., 1920. С. 58.
- ¹⁷ Чиркин В. Е. Об особенностях федерализма в развивающихся странах // Правовое регули... вание... С. 6.
- ¹⁸ Национальная политика партии в современных условиях.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Лукин М. С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 10.

Журнал «Советская этнография» в разделе «Национальные процессы сегодня впервые начинает публикацию «закрытых» служебных записок, которым этнографы отдавали много сил и времени. Эти записки обычно готовятся на основе полевых материалов (по горячим следам) и содержат как картину жизни того или иного народа, так и конкретные рекомендации. В них анализируются также предпосылки возникновения кризисных ситуаций и предлагаются меры по их предотвращению.

Ниже мы публикуем две записки сотрудников Института этнографии АН СССР и Кафедры этнографии Исторического факультета МГУ, посвященные народам Кавказа. Надеемся, что они представят интерес для читателей нашего журнала.

с 1990 г.

К. П. Калиновская, Г. Е. Марков

НОГАЙЦЫ — ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КУЛЬТУРЫ *

Общая численность ногайцев составляет по разным подсчетам от 60 до 80 тыс. человек. Компактно или отдельными вкраплениями они расселены в Ногайском районе Дагестанской АССР, в Ставропольском крае (Карачаево-Черкесской автономной области, в Нефтекумском, Степновском и некоторых других районах), в Чечено-Ингушской АССР, в Астраханской области.

Почти все районы, в которых обитают ногайцы, имеют сходные почвенно-климатические условия — это Ногайская степь, представляющая собой обширные естественные пастбища.

Потомки кипчаков — куманов, ногайцы издревле были подвижными скотоплеменами. Их общество имело племенную структуру, в основе которой лежала система патриархально-генеалогических связей. Образ жизни ногайцев был кочевым. Основой жизнеобеспечения являлось экстенсивное содержание и разведение домашних животных — верблюдов, крупного рогатого скота, лошадей, овец, коз.

В 70—80-х годах XIX в. ногайцы начали оседать на землях Ногайской степи, переходя к отгонной форме подвижного скотоводства и к земледелию.

В настоящее время сохраняется традиционное соотношение отраслей хозяйства ногайцев в индивидуальном и коллективном секторах: преобладает отгонно-пастбищное скотоводство; земледелие стоит на втором месте. Разводят главным образом овец и коз, крупный рогатый скот и птицу. Развитое некогда верблюдоводство полностью исчезло в 1960—1970-е годы, но в настоящее время начинает хотя и медленно возрождаться. Объемы обрабатываемых земель стали несколько увеличиваться после строительства в 1958 г. Терско-Кумского канала **.

* Настоящая работа основана на полевых материалах, собранных Ногайской экспедицией кафедры этнографии МГУ и Института этнографии АН СССР в августе 1989 г. в Нефтекумском и Степновском районах Ставропольского края и Ногайском районе Дагестанской АССР. Состав экспедиции: Г. Е. Марков (МГУ, руководитель экспедиции), К. П. Калиновская — (Институт этнографии АН СССР), аспиранты кафедры этнографии МГУ Д. Д. Бажиров, А. А. Уйсенбаев, студенты О. Канке, А. Елфимов, Р. Бобохонов. В работе использованы полевые записи К. П. Калиновской, Г. Е. Маркова, О. Канке, А. Елфимова. (Записи хранятся в архиве ИЭ АН СССР.)

Следует иметь в виду, что приведенные ниже сообщения информаторов-ногайцев в известной мере субъективны и расходятся с точками зрения по этим вопросам представителей иноэтнического населения. Однако их учет совершенно необходим, так как они отражают распространенные в народе представления и должны поэтому восприниматься как объективные факторы.

** Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы. Черкесск, 1988. С. 5—6, 30—31.

За последние десятилетия в Ногайской степи постепенно стали сокращать площади ногайских пастбищ *. Так, в Ногайский р-н ДагАССР из соседних горных районов пригоняют скот на выпас грузины, аварцы, даргинцы, лаки. Происходит перевыпас скота, что истощает пастбища, способствует распространению болезней среди животных, особенно бруцеллеза, и в результате ухудшает условия местного скотоводства. Сокращению пастбищных земель в Ставропольском крае способствует передача больших земельных массивов в аренду корейцам для выращивания арбузов, лука и других огородных культур. Земля при этом не используется крайне экстенсивно, происходит массовое злоупотребление удобрениями и ядохимикатами. Как следствие — большие земельные площади выходя на многие годы, до 10 лет, из употребления (авторы, № 3, 4, 5, 20; Елфимов, № 1). Все это весьма отрицательно сказывается на продуктивности местного животноводства.

За послевоенные годы в районы расселения ногайцев прибыли две основные волны переселенцев из других областей Кавказа. Первая в 60-е годы, вторая, особенно интенсивная, в конце 70-х и в 80-х годах. Это главным образом даргинцы, аварцы, чеченцы, ингуши. Переселенцы первой волны считают себя и в какой-то степени воспринимаются окружающим ногайским населением коренными жителями степи. Во многих случаях с ними сложились нормальные отношения, сотрудничество, у них общие с ногайцами социально-экономические трудности.

Вторая волна переселенцев существенно отличается от первой. Ее составляют, как правило, предприимчивые и энергичные люди, стремящиеся любыми путями получить большие заработки. При этом вытесняются ногайцы, а также русские. Приезжие покупают у русских и ногайцев дома и укореняются в ногайских поселениях. Эти люди не особенно, по мнению ногайцев, щепетильны в выборе средств для быстрого достижения своих целей. Сомнительны, с точки зрения местного населения, путями они добиваются получения выгодных рабочих мест и должностей, прежде всего чабанов, заготовителей шерсти, посредников по сдаче мяса и пр. По мнению многих информаторов, они занимаются приписками, произвольно повышают цены на продукты, организуют сомнительные кооперативы, в которых ногайцы не хотят принимать участия (авторы, № 3, 5, 11; Елфимов, № 2, 7; Канке, № 1).

Заметно различие в материальной обеспеченности в семьях ногайцев и позднейших переселенцев. Количество домашнего скота колеблется в семьях ногайцев от 8 до 25 овец, 2—3 коров. У даргинских пастухов, как полагают многие опрошенные ногайцы, в личном стаде от 750 до 1500 овец и 30—40 коров (Елфимов, № 2; Канке, № 7; авторы, № 5, 19).

В зависимости от характера занятий значительны различия в материальном положении самих ногайцев. Те из них, кто работает в колхозном или совхозном скотоводстве, — зажиточные люди. Их заработная плата составляет 300—350 руб. в месяц и по 3 тыс. руб. в конце года, после подведения хозяйственных итогов (авторы, № 20). Те же, кто занят в земледелии или на подсобных работах, зарабатывают мало: летом от 70 до 200 руб. в месяц, в остальное время года по 30—40 руб. в месяц (авторы, № 18). Некоторые ногайцы прирабатывают (хотя это и запрещено сельсоветом) в выходные дни на полях арендаторов-корейцев, получая у них по 20 руб. за 2 дня (Канке, № 2).

В ногайских семьях много безработных, особенно среди молодежи и женщин (авторы, № 18, 19). Прежде всего это относится к лицам с высшим и средним специальным образованием, число которых значительно. В ряде мест ногайцы заняты только на сезонных работах, а зимой почти все остаются без работы. До 1950-х годов большинство чабанов были ногайцы, теперь они практически вытеснены из традиционного скотоводства даргинцами (Елфимов, № 2; Канке

* Полевые записи К. П. Калиновской и Г. Е. Маркова, № 20; полевые записи А. Елфимова, № 1; полевые записи О. Канке, № 1. Далее ссылки на полевые записи даются в тексте с указанием фамилии собирателя и номера записи. К. П. Калиновская и Г. Е. Марков указаны как «авторы».

4, 7, 8). Повсеместно наблюдается использование людей не по специальности (авторы, № 6).

В районном центре Терекли-Мектеб Ногайского р-на зарегистрировано 925 работающих — молодежь и женщины. При этом в овощеводстве района не хватает 1000 человек, много свободных мест и в других сферах — хозяйственных, социальных (авторы, № 17). Однако ногайцы не идут работать на низкооплачиваемые места, предпочитая жить за счёт личного приусадебного хозяйства. Сложняет дело то обстоятельство, что в овцеводческих совхозах из-за слишком больших госпоставок мяса и шерсти невозможно организовать производство, перерабатывающее сырьё, что, как считают местные руководители, заняло бы много сегодняшних безработных (авторы, № 18).

Вследствие безработицы значительное число молодежи уезжает (даже семьями) на заработки, бросая родные места. Уезжают в Ставрополь, Подюковье, Астрахань, Хабаровск, на север. Например, из села Тукуй-Мектеб (Ставрополье) в 1987 г. уехало по вербовке в Краснодарский край семь семей ногайцев (Елфимов, № 2; Канке, № 1; авторы, № 4, 6, 16). И этот процесс нарастает.

Весьма острой представляется, по мнению информаторов, ситуация с национальным составом руководящих кадров районов и хозяйств. Так, в Ставрополье, районах, где живут ногайцы, в руководящих органах и руководстве колхозов и совхозов ногайцев мало или нет совсем. В администрации главным образом русские, даргинцы и представители других национальностей (Елфимов, № 7; авторы, № 11). С 1957 г., по словам многих информаторов, не было направлено высшую партшколу ни одного ногайца (Елфимов, № 2; авторы, № 4). В Нефтекумском р-не среди руководящих работников райкома и райисполкома нет ногайцев (там же).

Довольно характерный пример для Нефтекумского р-на Ставропольского края ногайское село Бияш, где находится бывшее отделение Кара-Тюбинского совхоза. Теперь здесь овцеводческий кооператив «Луч», который содержит 15 тыс. совхозных овец в 11 отарах. Председатель и главный агроном — даргинцы. Кооператив организован, как считает местное ногайское население, приезжими даргинцами без учета мнения коренных жителей села — ногайцев. Все 11 чабанов в 11 отарах — даргинцы, которые, по словам ногайцев, пасут вместе с совхозными стадами на государственных землях и свои личные отары численностью до 800 голов. Ногайцам такое запрещается (Елфимов, № 7; Канке, № 4).

Еще в 1940—1950-х годах кадровая политика была здесь иной: в руководстве были русские или ногайцы, чабанами были ногайцы (Елфимов, № 11; Канке, № 8; авторы, № 8). Постепенно приезжие вытеснили ногайцев из скотоводческого хозяйства: В течение последних 10—15 лет приток переселенцев, особенно даргинцев, усиливается. Как считает подавляющее число ногайского населения, даже при наличии значительной безработицы для даргинцев сразу же находятся хорошие места работы и должности, причем нередко ногайцев просто снимают с рабочих мест. Давление даргинцев настолько сильно, что ногайцы — коренные скотоводы — почти полностью вытеснены из животноводческой отрасли хозяйства и вынуждены перейти к земледелию (авторы, № 4, 5, 13). В селе Тукуй-Мектеб в данный момент три ногайца-зоотехника не имеют работы, а на метод зоотехника принят даргинец (авторы, № 4). Информаторы утверждают, что в целом хорошо известна кадровая ситуация на местах, однако ничего не меняется (авторы, № 4, 5).

В Ногайском р-не Дагестанской АССР кадровая ситуация иная. В прошлом среди руководства хозяйствами было много русских, теперь главным образом ногайцы (Елфимов, № 11). И чабанами здесь работают в основном ногайцы, хотя есть немало представителей других национальностей. Межэтнических конфликтов меньше, чем в Ставрополье, и противоречия проявляются главным образом не на межэтническом уровне, а на производственном, межотраслевом (Елфимов, № 12, 15, 25).

К чисто местным социально-экономическим и культурным проблемам добавляются в областях расселения ногайцев и общегосударственные трудности: техническая отсталость производства, различие в доходах коллективных, государственных и индивидуальных хозяйств, завышенные госпоставки, плохое состояние дорог и средств связи, водообеспечение, отопления, нехватка продовольствия и промышленных товаров, проблема жилья и, что особенно существенно, угрожающее состояние экологии. Как пример ужасного состояния дорог можно назвать села Бияш и Кунай, где осенью и весной дороги становятся непроезжими, и тогда школьники не учатся по два месяца, так как их нельзя отвезти в другие села, где есть школы со старшими классами (Елфимов, № 7; Канке, № авторы, № 6). В селе Кунай автобусная связь с внешним миром вообще существует только летом, все остальное время года жители практически отрезаны из-за причине абсолютного бездорожья (авторы, № 6).

На ногайском языке выходят две газеты: «Путь Ленина» и «Степной маяк». Однако не все села получают их вовремя. Отчасти это связано с бездорожьем: не всегда газеты можно доставить на места. Кроме того, информаторы жалуются, что подписка на газеты плохо организована среди населения и потому многие не получают многие жители сел (Канке, № 5).

Весьма острой стала проблема ногайского языка. До 1957 г. ногайский язык преподавался повсеместно в средней школе до пятого класса. В дальнейшем в Ставрополье его преподавание постепенно прекратилось и в настоящее время сохранилось в лучшем случае факультативное, на последнем уроке, и только в начальной школе. В Ногайском р-не язык изучается. В 1950 г. еще работало Ногайское педучилище в г. Кизляре, теперь оно закрыто, что привело к большим трудностям с педагогами (Елфимов, № 1—3; Канке, № 5). В местах относительно компактного расселения ногайцев в детских садах и школах, где детей ногайцев до 75%, все воспитание и преподавание, за исключением Ногайского р-на, ведется на русском языке. Информаторы единодушно высказывают опасения, что с исчезновением ногайского языка исчезнет и ногайский народ. Население всех местностей, где живут ногайцы, требует, чтобы преподавание ногайского языка велось не факультативно, а в обязательном порядке (авторы, № 4, 5). Между тем на ногайском языке есть литература, учебники, газеты. С укреплением языка непосредственно связан и общий уровень национальной культуры. В этой сфере дело обстоит очень плохо. Как правило, в райцентрах досуг и молодежи, и людей старшего возраста не организован. Клубов нет, или они пусты. Например, в селе Кунай был клуб, но его разобрали на строительный материал, который перевезли по решению администрации совхоза на главную усадьбу. Туда же отправили и киноустановку. В результате в этом селе люди сами собираются в здании начальной школы, поют, танцуют под магнитофон: молодежь по вечерам, а взрослые по праздникам (авторы, № 6). В тех селах, где в комсомольской организации в основном выходцы из Дагестана, ногайская молодежь не может даже организовать самодеятельность.

Не удается уже много лет решить вопрос о создании национального ногайского театра. Существует на общественных началах единственный ногайский молодежный ансамбль, действующий на «птичьих правах». В силу ряда причин ансамбль не всегда имеет возможность выступать среди ногайцев за пределами Дагестанской АССР (авторы, № 17).

Существуя в значительной мере в иноэтнической среде, ногайская культура оказалась на положении падчерицы: никто не хочет ее финансировать и поддерживать. По утверждению ногайцев, за пределами Ногайского р-на они не имеют доступа ни к управлению культурой, ни в редакции газет (авторы, № 24). В некоторых селах есть клубы, но нет работников культуры, так как их оклады очень низкие (70—80 руб.) и на эту работу никто не идет (авторы, № 25). Все опрошенные информаторы крайне озабочены исчезновением ногайской национальной культуры, требуют принять меры к ее возрождению. Об этом говорится почти в каждой полевой записи — без различия пола и возраста информатора.

Все эти проблемы существенно отражаются на межэтнических отношениях, более что в местах расселения ногайцев проживают представители 38 этносов. Современную межэтническую ситуацию определяют прежде всего отношения между ногайцами и представителями дагестанских этносов, в первую очередь между ногайцами и даргинцами, в меньшей мере с русскими. Отношения ногайцев с русскими имеют многовековую историю. На первом этапе существовали весьма дружественные связи: со скотоводами-ногайцами была оживленная торговля. Когда ногайцы стали оседать, с русскими также складывались обычно добрососедские отношения. Ногайцы покупали у них все, что сами не производили: ткани, изделия столяров и плотников и многое другое (Елфимов, № 4, 8; авторы, № 5, 9).

Следующий этап во взаимоотношениях ногайцев с русскими можно отнести к периоду гражданской войны, когда в Ногайскую степь стали стекаться массы беженцев, в основном русские из терских районов. В первое время ногайцы относились к ним враждебно, ломали по ночам их дома, портили посевы (Елфимов, № 3). Но постепенно отношения стали налаживаться, тем более что ногайцы начали перенимать у русского населения многие полезные для них новые хозяйственные навыки, например разведение домашней птицы — уток, гусей, кур, свиней (Канке, № 1). Стали жить настолько мирно, что ни у кого в домах не было заборов, не отгораживались заборами. Росло число смешанных браков и их было немало. Постепенно многие русские освоили ногайский язык, а ногайцы — русский. В некоторых селениях ногайцев и русских оказалось примерно поровну (Елфимов, № 4, 11).

На третьем, новейшем этапе отношения между ногайцами и русскими приобрели новые, менее благоприятные черты. Как говорят информаторы, их русские соседи — новые переселенцы — языка и культуры ногайцев не знают, считают их «дикими», случается, что отдельные русские осуждают потребление ногайцами в быту своего языка (авторы, № 5, 25). Но в целом напряженность межэтнических отношений определяется совсем не противоречиями между русскими и ногайцами, в принципе малозначительными, а прежде всего мощным притоком населения из Дагестана и других областей, и в первую очередь даргинцев. В этой ситуации русские, а в известной степени и ногайцы, начинают чувствовать себя неуверенно и уезжают — десятки русских семей, ногайцев несколько меньше (авторы, № 4, 11).

Мирная межэтническая атмосфера нарушается также существенным ростом преступности. В Ногайском районе, по сообщению местных властей, она выросла в сравнении с 1988 г. на 74%, и район вышел по преступности на второе место в Дагестане. Происходят убийства, много краж, очень возросло пьянство и связанные с ним преступления (авторы, № 17).

Одновременно наблюдается повсеместно растущая тяга к религии. Причем касается не только старшего и среднего по возрасту поколений, но в значительной мере и молодежи (Елфимов, № 4, 6; Канке, № 4, 11, 12; авторы, № 9, 11).

Подавляющее большинство информаторов-ногайцев резко настроено против даргинцев, корейцев и других приезжих, что вызвано прежде всего вмешательством их в хозяйственную жизнь ногайских сел. И хотя сами ногайцы живут в остатке — у многих есть автомашины, мотоциклы, добротные дома с хорошей мебелью, — однако их доходы во много раз меньше того, что получают приезжие. Например, по сведениям информаторов, корейцы получают за выращенные овощи за сезон десятки тысяч рублей на человека (Канке, № 2; авторы, № 3). Это давно вызывает раздражение ногайцев, народа по своему характеру спокойного и мирного, переходящее в неприязнь и агрессивность. В последнее время происходили серьезные конфликты между ногайцами и даргинцами. По словам информаторов-ногайцев и представителей других национальностей, у обеих сторон накапливается оружие. Ногайцы считают, что в будущем ситуация обострится, если положение в местах их расселения не изменится (авторы, № 5, 11, 17).

В дополнение к существующим в межэтнических отношениях сложностям добавилось появление в Ногайской степи беженцев — турок-месхетинцев, преследуемых властями (авторы, № 18).

И при всем этом во многих случаях сохраняются добрососедские отношения с даргинцами, несколько десятилетий назад поселившимися в Ногайской степи, а тем более со старожилами-русскими, что неоднократно приходилось наблюдать на праздниках. Об этом же говорят и информаторы (авторы, № 23, 25).

В этой далеко не простой, а сегодня даже напряженной межэтнической обстановке, в сложной социальной и хозяйственной ситуации обострился и вопрос о ногайской автономии.

То, что вся территория, где обитают ногайцы, разделена на три административные области: одна часть ногайцев в пределах Ставропольского края, другая в составе Дагестанской АССР, третья в Чечено-Ингушской АССР, — приводит к их разобщению, нарушению экономических и культурных связей между отдельными группами ногайцев. Отсутствует какой-либо ногайский центр, который бы их объединял (авторы, № 4). С каждым годом происходит ослабление внутриаппаратных связей. Информаторы рассказывают, что на местах сформированы ногайские инициативные группы. Однако их обращения в райком, райисполком, нефтекумскую районную газету до сих пор результатов не дали. Зато частым явлением стало распространение слухов о неправомерных действиях ногайских инициативных групп, которые называют «самозванцами», «экстремистами», «нагорно-карабахцами». Газета не печатает заявлений и протестов инициативных групп ногайцев (авторы, № 4). Все это еще более накаляет национальные отношения. Проблемой автономии сейчас остро «больна» вся Ногайская степь. Абсолютно все информаторы, от подростков до стариков, высказываются за ногайскую автономию. Это требование поддерживают также приезжие — представители астраханских ногайцев. Высказываются самые различные лозунги — о полной «очистке» ногайской территории от приезжих из Дагестана до «спасения ногайцев как народа» и возрождения ногайской культуры. Основное требование всех — восстановить автономию в пределах границ, существовавших до 1957 г. (Елфимов, № 1; Канке, № 1, 2, 5, 10, 12).

Информаторы обращают внимание на то обстоятельство, что на карте Нефтекумского р-на теперь не отмечаются даже границы Ногайской степи и что официальная демографическая картина не отражает истинного национального состава в местах расселения ногайцев. В публикациях отмечается, что численность населения там быстро растет. Однако не указывается, что этот рост происходит не за счет ногайцев, а за счет притока иноэтнического населения. Реальный же показатель абсолютной численности ногайцев медленно идет вниз, падает и удельный вес ногайского населения (авторы, № 5, 11, 17).

Особенно решительно в отношении национальной автономии настроена молодежь. Это остро ощущалось и в отдельных беседах с информаторами, и в время встречи с ногайским самодельным фольклорным ансамблем (авторы, № 24). Многие высказывания в устах молодых ногайцев звучат угрожающе. По инициативе стариков — ветеранов войны и труда состоялась встреча с членами экспедиции, во время которой были высказаны требования об организации автономии. Группа стариков составила делегацию, которая направилась в Москву для встречи с Председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР, а также для того, чтобы передать петицию с требованием дать ногайцам автономию. Из бесед с информаторами удалось установить, что такого рода требование возникло уже много лет назад, задолго до начала перестройки (авторы, № 17, 24). Неформальные инициативные комитеты ногайцев по вопросу автономии действуют, по словам информаторов, повсюду, где расселены ногайцы (авторы, № 7, 17).

Насколько позволяла сложная межэтническая обстановка, экспедиция стремилась в целях объективности собрать материал и среди русского, и среди даргинского населения, а также выяснить точку зрения на эти проблемы руковод-

а совхозов, колхозов, районов. При этом старожилы, русские, и даргинцы, в целом подтверждали то, что сообщали ногайцы. Иную (расходящуюся с интересами ногайцев) точку зрения высказывали новопоселенцы. Однако даже при оценке на субъективность суждений ногайцев, их умонастроения и требования отражают реальную жизнь.

В ходе работ в местах расселения ногайцев прежде всего бросалась в глаза явная разница в уровне хозяйственного и культурного развития между районами Ставропольского края, где живут ногайцы, и Ногайским районом Дагестанской АССР. В первых руководстве в основном русское. При всех справедливых причинах недовольства ногайцев, в том числе все усиливающимися притоком переселенцев, здесь заметно больше порядка в хозяйстве, колхозы богаче, лучше дороги, водоснабжение, материальное положение и культурно-бытовые условия ногайцев.

В Ногайском районе Дагестана местная администрация в колхозах, совхозах, районном руководстве, как отмечалось выше, в основном из числа ногайцев. Однако картина здесь иная: дороги плохие, население беднее и ниже культурный уровень, колхозы находятся на дотациях, сложнее общее финансовое положение. Ответственность за все это население возлагает на республиканское руководство, которое не уделяет внимания району. Насколько это утверждение соответствует действительности, сказать трудно.

Причину, почему даргинцы и представители некоторых других национальностей вытесняют ногайцев из наиболее выгодной отрасли хозяйства — скотоводства, русские информаторы видят в том, что чабаны-даргинцы выгоднее скотоводам и совхозам, чем ногайцы по экономическим причинам. Чабан-ногаец обычно получает до 100 голов приплода в овечьем стаде при норме прироста 120 голов. У чабанов-даргинцев по 130 и более голов приплода, как считают информаторы, за счет своего личного стада, нелегально выпасаемого в общественном. Это выгодно и даргинцам, и хозяйствам. По тем же сообщениям, даргинцы пастухи лучше сохраняют стадо благодаря иному, чем у ногайцев, методу выпаса стада, при котором потеря животных намного меньше. Кроме того, как говорят многие местные русские жители, даргинцы больше дорожат своим делом, работают лучше, чем ногайцы. Если, к примеру, заведующий складом кормов — даргинец, он никому их не даст, сколько бы ни выпрашивали. А ногаец, мягко выразился один из руководителей хозяйства, «из-за своей доброй природы» — кто бы ни попросил — обязательно все общественное раздает.

Как говорят многие русские и даргинские информаторы, даргинцы работают хорошо, сохраняют общественные фонды и хорошо зарабатывают. Приезжие покупают или же строят отдельные дома, а затем из них формируются целые поселки. Администрация, экономически заинтересованная в приезжих, идет им во всем навстречу (Канке, № 11; авторы, № 17).

При том, что среди ногайцев, особенно многочисленных дипломированных специалистов, распространена безработица, следует учесть одну особенность, на которую указывали некоторые информаторы-ногайцы и районные руководители. Дело в том, что свободных рабочих мест повсюду немало. Но это все места должности, которые требуют приложения большого труда и плохо оплачиваются. Например, требуется очень много строительных рабочих, садоводов, овощеводов, учителей, медиков. Так, в Ногайском районе при наличии 925 человек, имеющих постоянную работу, остаются незанятыми 1000 рабочих мест в овощеводстве и некоторых других отраслях хозяйства. Однако ногайцы на эти места работать не идут. Нередко сами ногайцы-труженики говорят, что тем, кто хочет работать, работа всегда обеспечена (авторы, № 17, 25).

В известной мере сходная ситуация существует в организации культурной работы среди ногайцев. Местная администрация предоставляет возможности для устройства молодежных клубов, кафе, спортзалов, домов культуры, кружков самодеятельности. Для реализации этих возможностей нужны исполнители — из той же ногайской молодежи, нужна ее инициатива. Однако и здесь много лозунгов — требований о возрождении ногайской культуры дело обыч-

но не идет. В качестве характерного примера можно привести конфликт в связи с общественным садом в райцентре Терекли-Мектеб. Сад заброшен, зарос сорняками, сторож пасет в саду свой скот. Все на это жалуются, но никто не хочет принимать участия в благоустройстве. В другом селе — Канглы — пустует отличный дом культуры, куда тоже никто не идет работать (авторы, № 17, 25).

Издавна укоренившиеся в Ногайской степи даргинцы страдают от тех же проблем, что и ногайцы: от обострившихся межэтнических отношений, усилившегося социального неравенства среди населения, взяточничества, политики экстенсивного расширения пастбищных и пашенных земель, отдаваемых в аренду приезжим под бахчевые культуры, а также исчезновения традиционной культуры и традиционных отношений между людьми (авторы, № 19).

Проблема получения ногайцами автономии на деле гораздо сложнее, чем это видится большинству опрошенных информаторов-ногайцев. И дело здесь не только в экономических причинах, хотя и они существенны. Так, Ногайский район поставляет 25% всей шерсти, получаемой в Дагестане. Кроме того, большое значение для соседних республик имеют отгонные пастбища в Ногайской степи. Основная же проблема в том, что Дагестанская АССР и другие республики могут быть против образования Ногайской автономии (авторы, № 20).

На данном этапе развития ногайской культуры представляется особо важной проблема ногайского языка, хотя, возможно, что она несколько искусственно заострена на местах. Дело в том, что некоторые наши информаторы-ногайцы прямо, без наводящих вопросов говорят, что непреодолимых препятствий к изучению ногайского языка у них в селах нет (Канке, № 10, 12). Видимо, у ногайской молодежи нет особого желания посещать языковые факультативы, где нет обязательного преподавания ногайского языка. Желательно ввести его обязательное преподавание. Однако это встречает определенные трудности из-за нехватки преподавателей. В последнее время организуется подготовка учителей ногайского языка (авторы, № 17).

Молодежь — наиболее политически незрелая часть ногайского общества. Вместе с тем она крайне быстро воспламеняется и поддается агитации и плохо управляема. Одновременно с этим, хотя молодежь активно участвует в процессе борьбы за автономию, за возрождение ногайского языка и восстановление ногайской культуры, она, как и молодежь других регионов страны, ориентирована на восприятие в основном современной массовой культуры, проникающей по самым разным каналам: радио, телевидение, кино, иностранный туризм и т. п. Поэтому для молодежи важно не столько само национальное возрождение, сколько возможность самовыражения, самоутверждения. Отсюда ее выступления на собраниях и пассивность в том, что касается реальных действий по восстановлению ногайской культуры.

В целом представляется, что в настоящее время чрезвычайно актуально для ногайцев развитие разных форм национальной культуры, создание общего культурного центра. Это может в значительной мере уменьшить национальную напряженность и приглушить, даже снять некоторые острые проблемы, стать реальным шагом на пути желаемого всеми ногайцами национального единения народа. Несомненно, необходима и разработанная система экономических и социальных мер, в частности создание новых рабочих мест, что требует специального экономического исследования.

Необходимо обратить серьезное внимание на весьма острую межэтническую ситуацию во всей области расселения ногайцев.

Бесспорно наличие весьма серьезных проблем, остроту которых следует снять в скорейшем времени. Это, как отмечалось, проблемы имущественного и социального расслоения, безработицы, неудовлетворенности в сфере национальной культуры. Очевидно, что время диктует необходимость обратить внимание на эти проблемы сейчас, так как углубление процесса обострения межэтнических, социально-экономических, национальных и культурных проблем ногайцев может привести к серьезным деформациям в их общественном развитии в будущем.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской АО, несмотря на ее многонациональный состав, отличается значительно большей стабильностью, чем в некоторых других районах Кавказа, например Северо-Осетинской АССР и Чечено-Ингушской АССР, не говоря уже об Абхазии и НКАО.

В то же время в регионе можно отметить моменты, свидетельствующие о существенной культурной неудовлетворенности местных народов, о напряженности в национальной сфере при решении кадровых вопросов.

Несмотря на то что в КЧАО за годы Советской власти сформировались высококвалифицированные кадры национальной интеллигенции, все еще наблюдается значительная диспропорция между специалистами с высшим и средним специальным образованием у разных народов области. Причины — преждевременный отказ от выделяемых правительством РСФСР внеконкурсных мест¹, за исключением медицинских и некоторых технических институтов. Такая диспропорция у карачаевцев и черкесов не очень высокая, а у ногайцев она очень заметна.

Нередко высказывается недовольство кадровой политикой, проводимой в области. Так, существует протекционизм, когда на те или иные должности назначаются люди не по их деловым качествам, а по родственным связям, национальной принадлежности и (в этом местная специфика) по дореволюционной сословной принадлежности*. Не может не вызывать постоянного недовольства систематическое назначение, особенно на самые ответственные посты, людей извне, ранее не работавших и не живших в области, не знающих ее нужд, специфики, этнических особенностей. Например, первые секретари обкома ПСС в течение 30 лет были исключительно русские, назначенные сверху, которые работали за пределами области. То же можно сказать и о первых секретарях некоторых райкомов и горкомов.

Требуется более глубокой и конкретной реализации школьная реформа. В автономной области 175 дошкольных учреждений, 179 общеобразовательных школ, 9 профтехучилищ, 6 средних специальных и 2 высших учебных заведения, в них более 100 тыс. учащихся². С 1988 г. в них несколько активизировалась работа по дальнейшему развитию национально-русского двуязычия, совершенствованию преподавания русского и родных языков. «В 1988—1989 учебном году дополнение к существующей сети национальных школ с преподаванием родных языков (их около 90. — Авторы) открыты 53 класса с изучением родных языков в 27 школах; занимающихся по учебному плану для русских школ. В наступающем учебном году их будет уже 84 в 44 школах. Таким образом, во вновь открываемых классах в этом году будут изучать карачаевский язык 817 учащихся, черкесский — 91, абазинский — 115, ногайский — 39, греческий — 3». Эти цифры можно приветствовать, но все же этого недостаточно.

«Планируется также перевод 5 сельских школ, работающих по программе русских школ, на учебный план для национальных школ. В 42 национальных школах введено обучение русскому языку»⁴.

Несмотря на определенные сдвиги в реализации школьной реформы, достаточно острым остается вопрос о языке преподавания основных предметов, об изучении родных языков народов, населяющих автономную область. Прово-

Сложилась порочная традиция, по которой высокие должности занимают в основном потомки бывших крепостных крестьян (кулов), а потомки лично свободных фамилий (узденей) от этих должностей оттираются.

диямая политика организации национальных классов, изучения в национальных школах (их в области на январь 1989 г. было 90) родного языка и литературы в качестве отдельных предметов представляется нам хотя и положительной, но недостаточной мерой для глубокого усвоения родного языка и родной литературы. Точные науки (арифметику, естествознание) можно преподавать на русском языке, гуманитарные же науки (историю, обществоведение) в национальных школах желательно вести на родном языке.

Необходимо отметить следующее: с одной стороны, в ряде школ сельской местности (у карачаевцев, черкесов) с преимущественно однопредметным составом преподавания русского языка поставлено неудовлетворительно (в результате выпускники владеют им плохо); с другой стороны, в некоторых сельских школах (у ногайцев, абазин) преобладает тяга к русскому языку, а так как преподавание родного языка поставлено слабо (мало и учебных часов), знание его (учитывая и широкое распространение русского языка в быту) ослабевает даже на бытовом уровне, увеличивается число людей, считающих русский родным языком. В результате, забывая родной язык, они не полностью овладевают и русским, что создает ситуацию полужизничия.

В целом в сельской местности преподавание родных языков ведется недостаточно квалифицированно, и нередко выпускники школ не имеют навыков грамотного письма и свободного чтения на родном языке.

В связи с вышеизложенным ясно, что необходимо значительно увеличить число учебных часов по национальным языкам, улучшить качество преподавания, ибо, кроме недостаточной квалификации школьных преподавателей языков, их просто не хватает (случается, что один преподаватель ведет несколько предметов).

Повышение качества преподавания в школе непосредственно связано с улучшением качества подготовки преподавателей родных языков. В настоящее время выпускники Карачаево-Черкесского педагогического института не всегда обладают необходимым объемом знаний и навыками преподавания.

Следует отметить, что в ряде случаев потеря престижности родного языка приводит к тому, что вуз лишен возможности готовить специалистов по языкам, ибо не находится достаточного числа хорошо подготовленных абитуриентов для поступления на национальное отделение. Так обстоит дело, например, в ногайском и абазинском отделениях языка и литературы в Карачаево-Черкесском педагогическом институте.

Вообще положение с преподаванием ногайского языка и формированием кадров в области и за ее пределами явно неудовлетворительно (подробнее об этом см. в статье К. П. Калиновской и Г. Е. Маркова в этом номере журнала).

Это объясняется еще и тем, что среди населения существует мнение о неперспективности изучения своего родного национального языка, о невозможности его применения за пределами области или даже родного аула.

Важным условием для улучшения качества преподавания языков является создание новых программ, методических пособий и разработок, учебников и т. д. До сих пор этим занимался областной Институт усовершенствования учителей, в настоящее время их подготовка поручена коллективу Карачаево-Черкесского педагогического института.

Одновременно требует совершенствования и методика преподавания русского языка, недостаточное знание которого, особенно в сельской местности, часто является препятствием для поступления в вузы, осложняет языковое общение с другими народами, знакомство с их традициями и культурой.

В последние два года в области идут дискуссии, организуются «круглые столы» в областной газете «Ленинское знамя», проводятся встречи членов бюро обкома КПСС с представителями творческой интеллигенции, на которых обсуждаются перспективы развития национальных языков, национально-русского двуязычия, межнациональных отношений, развития национальных культур.

При Карачаево-Черкесском облсовпрофе работает комиссия по интерна-

нальному воспитанию трудящихся, которая была создана в соответствии с постановлением бюро обкома КПСС и президиума крайсовпрофа, на основе постановления ЦК КПСС о подготовке к Пленуму ЦК КПСС «О совершенствовании межнациональных отношений в СССР».

При обсуждении языковых проблем высказываются различные мнения. Главные из них следующие.

1. Необходимо ввести в национальных школах обучение по всем предметам пятого класса на родных языках (с последующим переходом на предметное обучение родного языка и литературы).

2. Оставить в принципе сложившуюся систему национальных школ с изучением родного языка и литературы с первого по одиннадцатый класс; предусмотреть увеличение в них числа учебных часов, расширение программы (при условии улучшения преподавания и учебно-методической базы). В смешанных по национальному составу школах, особенно в городах, создавать национальные классы для изучения родных языков.

Пока преобладает второе направление. Окончательные выводы, очевидно, будут сделаны после тщательного изучения и анализа общественного мнения, проводимого этнографами, социологами (Лаборатория социологических исследований при Ставропольском крайкоме КПСС), журналистами, комиссией по интернациональному воспитанию трудящихся.

При разработке планов обучения родному языку в школе на 1988/89 учебный год учитывалось мнение родителей и самих учащихся (проводился опрос), что и привело к созданию национальных классов в русскоязычных школах экспериментальной национальной начальной школы (с преподаванием до пятого класса на родном языке) в ауле Алибердуковском (черкесы). Число таких школ необходимо увеличить как у черкесов, так и у карачаевцев, абазин и ногайцев.

В процессе обсуждения проблемы межнациональных отношений и развития национальных культур утверждается мнение, что в многонациональной среде изучение истории народов края, их культуры (обычаев, традиций, духовной культуры), ознакомление всего населения с этнической спецификой каждого племени являются непременным условием межнационального общения, формирования здорового национального самосознания, совершенствования нравственных качеств.

Предусматривается введение в школах преподавания истории народов, краеведения. Квалифицированно приступить к этому будет возможно не ранее середины 1990-х годов, так как только в 1989 г. в местном педагогическом институте введены специальные курсы истории народов области и краеведения.

К сожалению, курс краеведения введен лишь на историческом факультете, тогда как оба эти предмета (история народов и краеведение) должны читаться не только на всех факультетах педагогического института, но и в техникумах, в училищах. Разработка обоих курсов не представляет трудностей, так как уже накоплен значительный научный материал, который может и должен быть использован. Чтение курса истории народов КЧАО тем более необходимо, что до сих пор нет соответствующих требованиям времени книг по истории Карачаево-Черкесии. Опубликованные в 1967 г. «Очерки истории Карачаево-Черкесии» давно устарели.

Коллективы историков, археологов, этнографов и фольклористов Карачаево-Черкесского НИИ выпускают сборники, освещающие различные аспекты истории и культуры народов. Учеными области изданы книги: «Черкесы» (И. Х. Калмыков), «Карачаевцы и балкарцы. Традиционная культура жизнеобеспечения» (К. М. Текеев), «Хумаринское городище» (Х. Х. Биджиев), а также коллективные монографии: «Карачаевцы», «Ногайцы», «Свадебная обрядность народов Карачаево-Черкесии» и ряд других. Вышла в свет монография «Абазины». К сожалению, тираж выпущенных книг крайне мал.

В научно-исследовательском институте создана и приступила к работе груп-

па, готовящаяся труды по истории народов и отдельных сел области, в которых будут использованы обширные архивные материалы, до настоящего времени остававшиеся недоступными исследователям. Подготовлены к публикации двуязычные разговорники. Необходимо содействовать их скорейшему изданию.

Решение языковых вопросов (в том числе двуязычия) и вопросов национально-культурного развития, межнационального общения во многом зависит от постановки издательского дела, развития радио и телевизионной информации.

Между тем в области имеется только отделение Ставропольского краевого издательства, образованное в 1963 г., со слабой полиграфической базой, ограниченными фондами бумаги, денежных средств. Объем выпускаемой продукции имеет строгие лимитные рамки и не отвечает возросшим запросам на печатную продукцию, в частности на учебно-педагогическую литературу, пособия.

Карачаево-Черкесия — одно из немногих автономных образований, где не своих общественно-политических и литературных журналов; журналов для молодежи и детей. Это значительно ограничивает возможности печатания произведений русскоязычных и национальных писателей, перевода последних на русский язык. Публикации же на разных языках, в том числе на русском, несомненно, способствовали бы взаимообогащению национальных культур.

Судя по мнению населения (письма в местные партийные и советские учреждения, выступления), совершенно недостаточно передач по радио на национальных языках. Время выхода в эфир очень ограничено. Объем и содержание таких программ нуждаются в корректировке. Они должны быть более разнообразны и содержательны, занимать больше времени. Своего телевизионного центра, который позволил бы широко освещать проблемы быта и культуры народов области, нет. Областную телестудию предполагается построить в 1991–1992 гг. Однако успешное завершение строительства и проектирования требует постоянного контроля местных партийных и советских организаций.

Специально для Карачаево-Черкесии Ленинградский госуниверситет начал подготовку журналистов для работы на радио и телевидении.

В области намечено создать на базе старого квартала г. Черкесска (ул. Первомайская) культурный центр, что также будет способствовать решению культурных проблем, межнациональных отношений. Ожидается создание двух театров (русского и национального) вместо существующих сейчас трех групп Областного драматического театра (русская, карачаевская и черкесская). Существенный вклад в развитие культуры области внесло бы создание государственных областных народных ансамблей песни и танца. Сейчас с успехом действует и гастролирует по области и вне ее единственный национальный ансамбль — «Абазинка», созданный при Доме культуры аула Псыж. Необходимо создать государственные ансамбли всех четырех народов области (черкесов, карачаевцев, абазин и ногайцев), причем карачаевский ансамбль, как и карачаевский национальный театр, должен базироваться не в Черкесске, а в Карачаевске.

Осуществление всех этих начинаний и проектов в конечном итоге приведет к расширению каналов информации и будет способствовать обмену культурными ценностями всех народов Карачая и Черкесии.

Однако необходимо подчеркнуть, что область в настоящее время в экономическом отношении, в кадровой политике, в культурной жизни (лимиты на издание, фонды бумаги, отсутствие самостоятельного издательства, телестудии и т. п.) практически полностью зависит от краевых организаций. Характерна, таким образом, двойная подчиненность КЧАО — краю и центру, что в значительной мере мешает развитию народов области. Средств только областного бюджета недостаточно, чтобы претворить в жизнь намеченные экономические, языковые и культурные преобразования, дальнейшее развитие школьной сети. Необходима помощь государства, Министерства культуры РСФСР.

После опубликования проекта платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» в области среди населения дискутируется вопрос о ее дальнейшем статусе. Утверждается мнение, что непременно: условием дальнейшего существования является выход из состава Ставропольского края и переход в непосредственное подчинение Российской Федерации, что представляется вполне обоснованным.

Особо следует сказать о судьбе карачаевцев, которые в годы сталинизма подверглись репрессиям, были незаконно выселены за пределы своей территории в Среднюю Азию и Казахстан и только теперь реабилитированы, хотя и были возвращены в прежние места обитания (указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 г. отменен только 14 ноября 1989 г.).

Отсутствие до последнего времени гласного признания невиновности карачаевцев привело к тому, что в течение последних 20 лет сохранялось недоверие к ним. В областной газете «Ленинское знамя» (1976—1982 гг.) появлялись статьи, подчеркивающие неблагонадежность народа, очерняющие его на основании отдельных отрицательных случаев (возможных среди любого народа), прочащие традиционные хозяйственные занятия и требующие отказа от них (например, скотоводство, шерстяной промысел). Несмотря на доказательные выступления в прессе очевидцев⁵, долгое время в Нижней Теберде на памятнике жителям, погибшим от рук гитлеровцев, сохранялась порочащая карачаевцев надпись, приписывающая им гибель детей. Памятник этот сегодня стал для карачаевцев как бы символом несправедливости и источником постоянного раздражения. Его нужно или вовсе убрать, или установить на нем недвусмысленную, отвечающую исторической правде надпись.

Эти клеветнические утверждения настраивали все остальное население области против карачаевцев. Нередко распространялись слухи, будоражащие население области, в том числе карачаевцев, например о якобы предполагаемом выступлении карачаевцев против русских, черкесов и др.

Проявлением недоверия к карачаевцам со стороны официальных лиц является и тот факт, что в течение 30 лет в Карачаевске не было ни одного секретаря райкома, ни начальника милиции, ни прокурора, ни судьи, ни даже рядового сотрудника КГБ карачаевца. Эти посты часто занимали лица, присланные из края. Между тем очевидно, что секретарем городской партийной организации должен быть человек, независимо от национальности хорошо знающий местные условия и местный быт. В г. Карачаевске в настоящее время половина секретарей первичных партийных организаций не карачаевцы; многие директора школ Карачаевска — русские. Долгие годы карачаевцам чинили препятствия при поступлении в аспирантуру, от них требовали многолетний производственный стаж, а не двухлетний, как это предусмотрено Положением о приеме в аспирантуру.

Вся эта политика проводилась не без согласия бывшего секретаря крайкома КПСС, а затем секретаря ЦК КПСС М. Суслова.

Областные партийные и хозяйственные организации недостаточно обращали внимания на восстановление прежнего архитектурно-культурного облика карачаевских селений, особенно Большого Карачая, варварски разрушенных после выселения народа и пришедших в упадок. Между тем эти места, расположенные живописных ущельях, богатых нарзановыми водами, с населением, хранящим древнейшие традиции обработки шерсти (выделка войлочных киизов, вязание), известные далеко за пределами края, могли бы стать историко-культурным этнографическим заповедником.

Беспокоит также тенденция к сокращению шерстяного производства Карачая, в котором занята большая часть женского сельского населения. Сокращение этого производства, безусловно, приведет к проблеме трудоустройства женщин, возникновению экономических трудностей.

В настоящее время болевой точкой для карачаевцев является вопрос о будущем административно-территориальном устройстве. Для населения Карачая

беспспорной является необходимость выхода из состава Ставропольского края. Дальнейшее существование карачаевцы мыслят в форме самостоятельной автономной республики, о чем ходатайствовала карачаевская делегация, появившаяся в ЦК КПСС в августе 1989 г.

* * *

В целом же по области в настоящее время, как и прежде, сохраняется обстановка нормальных межнациональных отношений, без острых конфликтов. Нероды по отношению друг к другу лояльны и терпимы.

Однако все же отмечаются факты недовольства одного народа другим, чувство национального превосходства. Порой возникают слухи, будоражающие общественное мнение, о неблагонадежности того или иного народа или стремлении возвыситься над другими. Нередко у представителей отдельных родов возникает чувство национальной ущемленности, что связано с кадровой политикой, распределением лимитных мест в вузы, необъективным приемом экзаменов, с ограничениями в области культуры и искусства (например, в области имеются карачаевская и черкесская труппы театра, но нет ногайской и абазинской).

Это недовольство зачастую рождается не по объективным причинам, а из-за недостаточной информированности. Хотя есть и действительные факты разного рода нарушений.

Следует отметить возросшее за последнее время чувство национального самосознания, стремление к сохранению однородности этноса. Так, например, если еще совсем недавно к межнациональным бракам было весьма лояльное отношение (особенно к абазино-черкесским, черкесо(абазино)-ногайским), то в данное время оно стало резко отрицательным. Браки стремятся заключать только с представителями своей национальности (те же черкесы, абазины, карачаевцы).

Представляется все более очевидным, что решение наболевших вопросов невозможно при сохранении нынешней административной структуры. Более всего им мешает краевое подчинение и областной статус КЧАО. Но уже не соответствует требованиям времени и объединение в общих рамках карачаевцев (более 150 тыс.), с одной стороны, и черкесов, абазин, ногайцев (соответственно около 50, 30, 20 тыс.) — с другой, с общим центром в Черкесске. Все более насущным становится их разделение, восстановление ранее существовавшей отдельной автономии карачаевцев с центром в г. Карачаевске. Эта идея все более пользуется властью общественным сознанием карачаевцев.

Представляются насущно необходимыми и неотложными следующие меры принятия.

1. Восстановление собственно карачаевской автономии, существовавшей с 1926 по 1943 г. и незаконно упраздненной. Учитывая возросшую численность карачаевского этноса, его экономические и социальные достижения за 30 лет после возвращения на родную территорию, равно как и необходимость создания оптимальных условий для преодоления все еще ощущающихся социальных психологических отголосков депортации, необходимо одновременное повышение уровня автономии до ранга АССР с переходом из краевого подчинения в подчинение непосредственно правительству РСФСР. Что же касается статуса остальных районов с черкесским, ногайским и абазинским населением, то вопрос о преобразовании их в Черкесскую АССР должен быть изучен с возможным переименованием в Черкесо-Абазинскую или Черкесо-Абазино-Ногайскую.

2. Оформление абазинских и ногайских национальных сельсоветов возможно, районов. Правомерным, например, представляется вернуть статус района территории наиболее компактного проживания ногайцев с центром с. Икон-Халк (существовал в 1930-е — 1940-е годы). Создание такого национального района, несомненно, будет способствовать развитию националь-

льтуры, в частности ногайского языка, и явится шагом навстречу пожеланиям народа.

3. Проведение ряда мер по повышению уровня образования и развития национальной культуры, в частности образование государственного карачаевского ансамбля песни и танца и карачаевского театра с базированием в Карачаевске, черкесского и ногайского ансамблей, абазинской и ногайской театральных трупп с базированием в Черкесске; расширение сети экспериментальных начальных школ с преподаванием предметов на родном языке.

Институт этнографии и ранее выступал с прогнозированием и проектами мероприятий по народам Кавказа, в частности по НКАО. Если бы эти рекомендации принимались во внимание своевременно, а не после того, как грянет бум, многих издержек можно было бы избежать. В относительно благополучной КЧАО в ближайшее время грозы, по-видимому, не ожидается, но все же некоторые тучи начинают сгущаться. Поэтому рекомендуемые мероприятия целесообразно провести сейчас, пока эти тучи еще не начали превращаться в грозовые.

Примечания

¹ См. «Ленинское знамя». Черкесск, 1988. 11 окт. № 193.

² Навстречу новому учебному году. Материал в помощь докладчикам областного, районных городских комитетов КПСС для выступления в единый политдень 17 августа 1989 года. (Карачаево-Черкесский областной комитет КПСС). Черкесск. 1989. С. 8.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же.

⁵ См. «Соц. индустрия». 1989. 13 июля, и др.

© 1990 г.

В. И. Бушков

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СЕВЕРНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

Исследования 1970—1980-х годов по истории населения современной нинабадской обл. Таджикской ССР¹, в географическом плане состоящей из Северного и Центрального Таджикистана, а в историческом объединяемой понятием Северного Таджикистана, положили начало детальному изучению населения этого региона. Полевой этнографический материал, собранный автором в рамках работы Среднеазиатской археолого-этнографической (с 1982 г. — Среднеазиатской комплексной) экспедиции исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в 1970—1974, 1978, 1979 и в 1980-х годах, позволил существенно расширить и углубить эти исследования². В результате оказался возможным выявить этнические процессы в регионе за достаточно длительный исторический период и составить подробную этническую карту Ленинабадской области³, что может иметь практическое значение для национальной и социально-культурного строительства в республике.

Имеющиеся в нашем распоряжении обширные поселенные статистические данные за 1870—1931 гг.⁴ позволяют дополнить, уточнить и конкретизировать полевые материалы, выявить процессы, с трудом фиксируемые другими историками, в том числе проследить процессы образования селений, рост и развитие их внутренней структуры, миграцию населения на межкшлячном, междоуездном и межобластном уровнях и т. д.

Сводный этностатистический материал дан на 1926 г. (табл. 1). Это вызвано рядом причин. Во-первых, всеобщим характером и наибольшей полнотой переписи 1926 г. применительно к национальной принадлежности, во-вторых, наибольшей доступностью данных переписи для исследователя и, в-третьих, отсутствием после 1931 г. опубликованных поселенных материалов, что делает невозможным как сравнительный, так и статистический анализ территориальных процессов⁵. Здесь следует кратко остановиться на материалах переписи 1926 г., качественный уровень которой исключительно высоко оценивается специалистами⁶. Целиком присоединяясь к этому мнению, все же отмечу, что поселенный анализ материалов переписи обнаруживает отдельные, но чаще весьма существенные ошибки в определении этнической принадлежности населения в изучаемом регионе. Исправление этих ошибок возможно лишь на основе полевых этнографических обследований и привлечения всей совокупности переписей по каждому отдельному селению за достаточно длительный период. Затрудняют использование переписи и некоторые ее особенности: детальная разбивка на этнические группы лишь сводных данных; показ сводных данных часто в иных, чем в настоящее время, административных границах; недоучет в переписях некоторой части населения. В силу этого этнический состав современных Ходжентского, Пролетарского, Науского, Ура-Тюбинского, Галичинского и Пенджикентского районов подсчитан мной по селениям. Соответствие по определенной методике учитывались и иные особенности переписи⁷.

Первые исторические сведения о населении региона относятся к периоду античности, когда местное население состояло из саков и согдийцев⁸. Вопрос о населении эпохи раннего средневековья вплоть до монгольского нашествия

Таблица 1

Этнический состав населения Ленинабадской обл. на 1926 г.*

Город и район	Численность этнических групп, чел. / %							всего
	таджики	узбеки	киргизы	казахи	татары	русские	прочие	
г. Пенджикент	3707/96,4	24/0,6				93/2,4	23/0,6	3847/100
Пенджикентский р-н	18384/62,5	10960/37,2				3/—	84/0,3	29431/100
Айнинский р-н	21780/92,2					1/—	1842**/7,8	23623/100
Матчинский (старый) р-н	13542/99,2						105/0,8	13647/100
Матчинский (новый) р-н + + правобережье Ход- жентского р-на	1356/15,6	6934/79,5	64/0,7				369/4,2	8723/100
Ходжентский (левобе- режье) р-н	18510/57,2	13724/42,4	49/0,2				60/0,2	32343/100
г. Канибадам	18208/94,4	790/4,1	2/—	4/—	51/0,3	224/1,2		19279/100
Канибадамский р-н	5793/27,6	14950/71,1	276/1,3			2/—		21021/100
Исфаринский р-н	30521/87,6	3815/10,9	494/1,4			13/0,1		34843/100
Аштский р-н	12778/59,0	8725/40,3	124/0,6			14/0,1		21641/100
Пролетарский р-н	103/0,8	11462/93,5	61/0,5	559/4,6			67/0,6	12252/100
Науский р-н	89/0,6	13649/99,2	14/0,1				9/0,1	13761/100
Зафаробадский р-н		731/100						731/100
г. Ура-Тюбе	17375/82,5	3056/14,5				423/2,0	202***/0,1	21056/100
Ура-Тюбинский р-н	19491/47,6	20112/49,0	402/1,0	957/2,3			46/0,1	41008/100
Ганчинский р-н	13625/52,0	12564/48,0						26189/100
г. Ленинабад	31708/84,8	4606/12,3	12/—		60/0,2	697/1,9	299/0,8	37382/100
Всего по области:	226970/62,9	126102/35,0	1498/0,4	1520/0,4	111/—	1470/0,4	3106/0,9	360777/100

* Составлена по материалам: Материалы Всесоюзной переписи 1926 г. в Узбекской ССР. Вып. 1. Поселенные итоги. Самарканд, 1927. С. 169—170, 178—183; Вып. 2. Поселенные итоги Таджикской АССР. Самарканд, 1927. С. 143—155. В таблице не учтено русское население железнодорожных и горняцких поселков — 3,2 тыс. чел.

** Из них 1829 ягнобцев.

*** Из них 1 туркмен и 45 чел. «коренных» национальностей, не выделенных переписью.

остается более дискуссионным и увязывается здесь с системой его расселения и процессом образования государства Уструшаны. Из письменных источников нам известно довольно много селений этого периода — Бунджикат (совр. Шаристан), Фагкат (Ура-Тюбе), Марсманда (Басманда-Калининабад), Суйди (Угук), Минк (Метк), Газа (Газандарак), Аркент (Ругунд), Нуджаники (Ниджони), Курушкада (Куркат), Гулякандоз, Самгар, Мадрушкат и некоторые другие, однако отождествление ряда из них с современными поселениями спорно⁹. Хотя имеются свидетельства о появлении в регионе в домонгольский период тюркоязычных групп¹⁰, достоверными сведениями об их племенном составе наука пока не располагает. Существование в р-не г. Ура-Тюбе селения Аргу и Кунджака свидетельствует, возможно, о периодических переселениях нетюркского населения в эти места в период, непосредственно предшествующий появлению здесь монголов. В. В. Бартольд говорит об этнических группах *аргу* и *кенджек*, проживавших в Восточном Туркестане, как о группах нетюркского происхождения¹¹. По данным Б. Х. Кармышевой, остатки этих групп на юге Таджикистана вошли в состав тюрков и кунгиров¹². В Ферганской долине аргу отмечены в составе узбеков и киргизов¹³. В настоящее время в селении Аргу Ура-Тюбинского р-на проживают таджики, не сохранившие преданий о своем происхождении и занимающиеся скотоводством; в селении Кунджаке — таджики, выходцы из Каратегина и Матчи, и узбеки кырк-юзы и марка-салым¹⁴.

Формирование современного этнического состава населения Ленинабадской обл. началось в послемонгольское время, когда в результате известных военно-политических событий произошли крупные передвижения значительных масс тюркоязычного скотоводческого населения, изменилась их племенная номенклатура, появилось новое, монголоязычное население. Эти события, несомненно, отразились и на местном ираноязычном населении. По единодушному мнению советских исследователей, последствия монгольского завоевания имели для населения Средней Азии самый катастрофический характер¹⁵. Были заброшены многие селения, часть жителей которых погибла, часть была уведена в плен, а часть была вынуждена переселиться в другие районы. Восстановление этих селений, в значительной степени на совершенно иной этнической основе, началось лишь в XIV в. и продолжалось на протяжении всего средневековья вплоть до XIX в.¹⁶

Весьма характерна в этом отношении территория бывшего уструшанского рустака (района) Минка (южная часть современного Ганчинского р-на), где археологическими и этнографическими исследованиями последнего десятилетия получены существенные материалы по истории местного населения. Так, археологическими раскопками в районе селений Метка и Росровута выявлены остатки крупного домусульманского культового центра, действовавшего вплоть до монгольского завоевания¹⁷. Материалы погребений из этих селений свидетельствуют о замене в домонгольский период погребального обряда, что, возможно, говорит о приходе сюда иных групп населения, предположительно из бассейна р. Исфары¹⁸. Исследования показывают, что население другого крупного местного селения — Басманды — выходцы из исфаринского селения Чорку, переселившиеся сюда в XIV в.¹⁹ Здесь же в XVII—XVIII вв. на пустующих землях, где от ранее проживавшего населения остались лишь кладбища, образовался ряд предгорных селений²⁰. В основном мигрировали таджикоязычные группы.

К сожалению, у нас нет достаточно полных данных о формировании ираноязычного населения во всем регионе. Получить подобные сведения методами полевой этнографии удастся с трудом, так как таджикское земледельческое население, не сохранив племенного деления, лишь в исключительных случаях помнит о сравнительно недавних переселениях достаточно крупных групп. Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, что эти переселения шли несколькими путями. Как уже упоминалось, в XIV в. и частью позднее

псируется наплыв переселенцев из западной части Ферганской долины Исфары, Касана, Соха) в округу Ура-Тюбе и южную часть Ганчинского р-на. Идимо, не позднее XVIII в. группы матчинцев, ягнобцев и в меньшей степени братегинцев, перейдя Туркестанский хребет, образовали ряд селений на заброшенных и опустевших местах на северном склоне хребта (селения Пуш-Похтохону, Каджровут, Сурхоб и др.)²¹.

Отдельные более мелкие группы переселенцев продвигались севернее, осе- в Ура-Тюбе, вокруг него и в других местах. В то же время крупная группа реселенцев из Ура-Тюбе, продвигаясь на юг, образовала ряд селений в не- средственной округе города. Оба эти процесса столкнулись с третьим — движением с запада тюркоязычных групп. В Шахристанской котловине это движение было сильным и помогло вытеснению ираноязычного населения шахристанской округи. Восточнее оно потеряло силу. Здесь стабилизация была истигнута в результате образования смешанных, таджикско-узбекских селе- — Чирой-таджик и Чирой-узбек, Кармыш-таджик и Кармыш-узбек, Пашши-таджик и Пашши-узбек, Кунджак-таджик и Кунджак-узбек, Караса- —таджик и Карасакал-узбек и др., чем было закреплено территориальное вли- и земельно-водные права различных в этническом отношении групп населе- ²². Несомненно, эти процессы проходили далеко не всегда так гладко безболезненно, как пытаются представить отдельные исследователи²³. При реселении использовались прямая сила, религиозный авторитет, власть деньги, дело кончалось убийствами, разорением и изгнанием целых групп селения, причем нередко многократно на протяжении относительно коротких исторических периодов. Ситуация осложнялась исключительной политической стабильностью в регионе²⁴.

Как и в уратюбинской округе, многие селения Ходжентского р-на (Ева, мон, Кулангир, Шейх-Бурхон и др.) формировались в значительной мере за сел переселенцев из г. Ходжента, а в Исфаринском р-не многие таджикские шлаки Средней и Нижней Исфары — за счет избыточного населения Верхней Исфары (в основном кишлака Воруха) и частично за счет переселенцев из Ятчи²⁵. В Исфаринской долине процесс образования новых селений в XVIII— XIX вв. напоминает этот процесс в районах к югу от Ура-Тюбе. Здесь также ток переселенцев-таджиков столкнулся с движением тюркоязычных групп из округи крупных кокандских центров Яйпана и Рапкана на юг. В результате смешении этих потоков возникло около двух десятков смешанных селений востоку и северу от Исфары. В Аштском р-не отмечена миграция таджикского селения из древних местных центров — Пангаза, Пунука и Ашта, но здесь на была относительно слабой из-за недостатка в округе пригодных для освое- ния земель.

В районах бассейна Верхнего Зеравшана (Матче, Фальгаре, Фане, Ягнобе, Шуте, Магиано-Фарабе, Афтобруе и Пенджикенте), хотя и были времена, да население значительно уменьшалось в результате миграций²⁶, длитель- ных периодов, когда совершенно забрасывались значительные массивы селений, идимо, не было. Исключение составляли ближняя пенджикентская округа, селение которой к эпохе позднего средневековья практически было тюрко- язычным и хозяйство которого имело скотоводческий характер²⁷, а также бас- сейн р. Сарытаг (выше оз. Исскандеркуль), где, по данным полевых исследова- ний, в средние века существовала группа небольших кишлаков, составляющих самостоятельный экономический организм и заселенных отдельными семей- но-родственными группами. По сообщениям информаторов, это селения: Арк, Масляхат-тепа, Дехондара, Замбар, Ходжа Кшивар, Ходжа Хофиз, Налистон, Бозорджой, Чуянгарон, Натарен, Ходжа Джашен, Сарытаг²⁸. В верховьях Зеравшана в позднем средневековье и в новое время заселялись в основном обжитые ранее места. Это заселение происходило, как правило, за счет избыточного местного населения и в меньшей мере за счет мигрантов из южных районов Таджикистана.

Несколько иначе складывается ситуация с тюркоязычным населением в регионе. Сплошным полевым обследованием работавшая здесь экспедиция МГУ собрала обширный материал, позволивший с достаточной полнотой установить этническую номенклатуру тюркоязычных групп Ленинабадской обл. и в общих чертах реконструировать историю их поселения в крае. Среди группы шахристанских тюрок выявлены представители домонгольского и монгольского времени — *карлуки* и *барласы* ²⁹. Эти группы тюрок сохранили кочевой образ жизни до рубежа XIX—XX вв. В процессе перехода к оседлости тюрками были образованы селения (частью на месте зимовок) Джаркутан, Кулькитан, Мурьяк, Кучкана, Гаутак и др. Небольшие группы тюрок обосновались в селениях Ганчинского и Ура-Тюбинского р-нов, занятых иными племенными подразделениями. Группы тюрок, зимовки которых располагались на правом берегу Сырдарьи, образовали в начале века селение Акджар-узбек и расселились в ряде других селений правобережья.

Что касается барласов, то первые исторические свидетельства об их появлении в дальней округе Пенджикента относятся к XIV в., когда они расселились в бассейне Кашкадарьи ³⁰. Учитывая, что уже в тот период часть барласов начала переходить к оседлости ³¹, следует предположить, что некоторые их группы, сохранившие кочевой образ жизни, в поисках свободных пастбищ начали продвигаться вверх по Кашкадарье и ее притокам и через Фараб продвинулись в низовья Магиана, оказавшись в непосредственной близости от Пенджикента.

С предмонгольского времени сохранились группы *хитоев* (*каракитаев*), проживающие в селении Хитой (совр. Пахтакор) и частично Хитой-реза (совр. Узбек-кишлак). Их появление здесь связывается с периодом после 1137 г., когда под Ходжентом хитои разбили войско владетеля Маверранахра Махмуд-хана ³². Причем, по сообщениям информаторов, в селение Хитой-реза каракитан переселились позднее из Хитоя. Вместе с карлуками хитои составили основу населения кишлака Ашоба Аштского р-на.

По-видимому, в XIII—XIV вв. сформировалось современное население кишлака Чорбог Ура-Тюбинского р-на, сохранившее этноним *чагатаи*. Проживающие в других селениях Ганчинского р-на этнические группы чагатаев немногочисленны.

Вероятно, с XIV в. в селениях Ниджони, Каирма и Пашши обитают группы *джалаилов*, ранее расселенные более широко. Их поселение в регионе связывается с пожалованием окрестностей Ходжента в удел улусу джалаилов и его уничтожение Тимуром в 1375/76 г. ³³, что неизбежно должно было вызвать оседание на землю части кочевников, потерявших возможность вести традиционную периферию улуса, можно реконструировать границы улуса. Поскольку сейчас джалаиры наиболее компактно расселены по северным отрогам Туркестанского хребта до Джизака, а на севере — в низовьях Ангрена, можно считать, что в улус входила степная зона к северу от Ура-Тюбе и до Джизака, периферия гор Моголтау и западной части Кураминского хребта. Жители упомянутых селений — джалаиры, чагатаи и хитои — достаточно давно перешли к оседлому образу жизни, хотя и сохранили скотоводство в качестве ведущей отрасли хозяйства.

С рубежа XV—XVI вв. началось продвижение в Северный Таджикистан даштикипчакских племен, принесших с собой этноним *узбек* ³⁴. Кипчаками были образованы селения Кипчак Зафаробадского р-на, Янги-кипчак и Халдар-кипчак Ура-Тюбинского р-на. Эти кипчаки уже давно осели на землю. Другая же их часть, сравнительно недавно перешедшая к оседлости, продвигаясь на восток вдоль Сырдарьи, обосновалась вокруг Канибадама и основала ряд селений на правобережье Сырдарьи — Сасык, Калям, Гадж, Дагана и др. ³⁵ Процесс формирования этих селений и переход их жителей к стационарному жилищу закончился к концу первого десятилетия XX в.

В XVII в. в регионе появилась крупная группировка *юзов*, которые в XVIII в.

хватили власть в Ура-Тюбе³⁶. Различные подразделения юзов (*кырк, парча, тугули* и др.) составили основу населения поселений Яхтан, Хуштоир-мухлон, Лязили, а также широко расселились вокруг Ура-Тюбе, Ганчи и Шахристана. Селения так называемой навгандинской группы, в которых проживают *ляуты, уязы, парча-юзы* и др., окончательно превратились из аулов в кишлаки в 1870—1880-х годах, когда завершился переход их жителей к стационарному жилищу³⁷. Северо-восточнее современной железнодорожной ст. Хаваст еще в начале XX в. сохранялись развалины Навганда, что, возможно, указывает на прежние места проживания некоторых из этих групп. В районе современных селений Яхтан — Хуштоир-мухлон, Парча-юз — курган Постатеппа и севернее селения Лякат расположены три значительные по площади группы развалин, свидетельствующие о многократных более ранних попытках обживания этих мест.

Массовое оседание на землю скотоводческих групп Голодной степи произошло в конце XIX — первой четверти XX в., когда скотоводы основали десятки селений на периферии гор Моголтау и отрогов западной части Кураминского хребта. Часть селений возникла на месте прежних зимовок Айнабулак, Ульбабулак, Каттаайры и др. Первоначально бывшие скотоводы оседали в самых верховьях *саев* (горных речек) и урочищ, позднее, по мере перехода к земледелию, спускаясь вниз. Племенной состав этой части тюркоязычного населения Ленинадской обл. остается наименее изученным. Видимо, здесь достаточно велика доля кипчаков (селение Дунгбулак), отмечены также болгали и киргизы.

Компактная группа *катаганов*, проживающая в одноименном селении к юго-востоку от Ленинабада, появилась здесь, вероятно, около середины VIII в. из-под Ташкента³⁸, а небольшие группы *мангытов* и *кенегесов*, жившие к югу от Ганчи, перекочевали сюда, возможно, в первой половине VIII в. из-под Шахрисябза³⁹. В дальнейшем мангыты и кенегесы были частично вытеснены, частично ассимилированы расселившимися в этих же местах беками-карапча.

Процессами, определявшими формирование населения ближней пенджикентской округи в последние столетия, были передвижения двух крупных тюркоязычных групп — *туяклы* и *кальтатаев*. Появление в окрестностях Пенджикента этих небольших групп туяклы, вероятно, можно отнести к XVII в., когда они продвинулись туда от Заамина в обход Туркестанского хребта с запада⁴⁰. Основная же их масса сконцентрировалась здесь несколько позднее — XVIII в., постепенно двигаясь по левобережью Зеравшана вверх. Кочевья *кальтатаев* находились здесь уже до прихода туяклы. Известия о том, что в более северных районах (Ура-Тюбе — Ганчи) они появились в конце XVI — первой половине XVII в. с юго-запада, позволяют предположить их проживание в округе Самарканда в более ранний период⁴¹. Под давлением туяклы *кальтатаи* были вынуждены продвигаться в поисках свободных пастбищ вверх по левобережью Зеравшана, местами переправляясь на левый берег. Конец XIII — первая половина XIX в. — период первоначального оседания указанных групп на землю и создания ими селений в форме постоянных аулов. После присоединения в 1870 г. края к России начался новый этап оседания местных скотоводов на землю. За 1870—1930 гг. здесь резко возросла численность селений. При этом при умеренном росте числа таджикских кишлаков число селений с тюркоязычным населением возросло более чем в 2 раза. Если в 1870 г. из узбекских селений современного Пенджикентского р-на составляла 30% от общего числа, то уже в 1927 г. — 42%, а к 1970 г. — 46%⁴².

В результате всех этих передвижений в пределах Ленинадской обл. стали обживать свыше 40 тюркоязычных племенных и родо-племенных подразделений, не считая киргизов и казахов.

Несомненно, ранее многие племенные группировки соотносились между собой иерархически. Причем иерархия эта постоянно менялась в зависимости от передвижения на первые роли тех или иных племен. Хотя данный вопрос приме-

Родо-племенной состав узбекского населения Северного Таджикистана *

Племя	Подразделение	Племя	Подразделение
Тюрки	Карлуки Барласы Махаттари Кальтатан Карабуины	Карапча Арбоб Баяуты Локайцы	Бохрин / Бекрин Сорек Ичкилик Итарчи
Чагатаи Хитои / каракитаи Мангыты Кенегесы Кипчаки Юзы	Кармыш Парча Кырк Тартули Туркман-джуз Марка Туяклы Урохлы / сурохлы	Болгали Катаганы Кураминцы Минги Найманы Уязы	Джалаиры Кунгроты Джаулчанах Каль Саккиз

* Таблица составлена по полевым материалам Среднеазиатской археолого-этнографической экспедиции МГУ за 1970-е годы. Племенной состав дан таким, каким он сложился к началу XX в. в Северном Таджикистане. Таблицу следует рассматривать как ориентировочную, так как вопрос требует дальнейшего исследования.

нительно к региону изучен недостаточно, имеющиеся материалы позволяют говорить о некоторых иерархических группировках, в частности о существовании объединения болгали, которому подчинялись некоторые ранее самостоятельные этнические группы, такие как *кунгроты*, *джалаиры* и *джаулчанах*. По другим данным, *марка*, *карапча*, *туяклы* и другие группы входили в состав юзов⁴³ (табл. 2). Этот состав значительно отличается от племенного состава узбеков в других регионах, например на юге Таджикистана⁴⁴.

Все крупные миграции тюркоязычных групп в Северный Таджикистан последних столетий происходили с запада на восток. Встречное движение — с востока на запад — было незначительным. Здесь можно отметить *локайцев*, образовавших селение Логинд Зафаробадского р-на, *каракалпаков* и *кашгарцев*, поселившихся в юго-восточной части Аштского р-на, группу узбеков-*мингов* в Канибадамском р-не и узбекские группы, не сохранившие племенного деления и поселившиеся в средней и восточной части Исфаринского оазиса.

Что касается *сартов*⁴⁵, группировавшихся в Гулякандозе, а позднее и в других селениях современных Пролетарского и Науского р-нов, то материалы по Ленинабадской обл. свидетельствуют, что сартское население в последние столетия формировалось исключительно на тюркоязычной основе⁴⁶. Как представляется, процесс ассимиляции раннего ираноязычного населения Гулякандоза шел параллельно с формированием сартского и был связан со стремлением жителей Гулякандоза освоить перспективные пустующие присырдарьинские земли, расположенные вокруг селения и западнее его. В рамках этого процесса поглощались и ассимилировались различные мелкие тюркоязычные группы, прибывавшие как с востока, так и с запада. Возможно, в период средневековья, когда складывалось понятие *сарт*, различия в способах хозяйственной деятельности и иной образ жизни в сравнительно недавнем прошлом этнически близких групп населения воспринимались скотоводческой средой исключительно остро и вызывали необходимость в особом понятии, отражавшем уже не этническую принадлежность, а принадлежность к иной хозяйственной, в более широком плане — социально-культурной среде. Поэтому весьма продуктивным, на наш взгляд, могло бы быть выяснение соотношения между понятиями и этно-

Этнический состав населения Ленинабадской обл. в 1970 г.

Численность населения	Численность этнических групп, чел. / %						
	таджики	узбеки	киргизы	казахи	татары	русские	прочие
на 1000 жителей	495866/52,9	267083/28,5	12511/1,3	1277/0,1	30391/3,2	99834/10,6	30759/3,4

Таблица 4

Численность населения Ленинабадской обл. в 1870—1970 гг., тыс. чел.*

Годы	1870 г.	1904 г.	1926 г.	1931 г.	1959 г.	1970 г.
на 1000 жителей	143,4	293,4	363,9	445,8	666,0	937,7

* Подсчитано по материалам, приведенным в примеч. 4.

ими *сарт, узбек и тюрк*, с учетом их хозяйственной деятельности и образа жизни. Во всяком случае, несомненно, что в XIX — начале XX в. сарт — понятие этническое, а социальное.

Киргизы и казахи составляли крайне незначительную часть населения Ленинабадской обл. Казахи, в настоящее время узбекизированные, населяют два кишлака: Казнок Пролетарского и Увак Ура-Тюбинского р-нов; киргизы — селения Бураген⁴⁷, Мукур, Верхний Кенкуль Ура-Тюбинского, Матпари, Кир-в-кишлак, Найман, Карабог Исфаринского, Кырк-кудук Аштского, ряд селений Нового Матчинского и правобережья Ходжентского р-нов, а также составляют незначительную часть жителей (1—10%) некоторых селений Науско-Пролетарского, Канибадамского и Аштского р-нов.

Рассмотрим общую этническую характеристику области на 1926 г. (см. табл. 1). Как мы видим, доминирующей группой в регионе в конце 1920-х годов являлись таджики, узбеки составляли около 35%. В группу «прочие» вошли в основном ягнобцы, евреи, цыгане и не выделенные переписью этнические группы коренного и некоренного происхождения. Русское население того периода было, в общем, незначительным, хотя в таблице и не учтено преимущественно русское население железнодорожных и горняцких поселков. В этих поселках насчитывалось 3,2 тыс. человек, или менее 1% всего населения области. По данным переписи 1970 г.⁴⁸, этнический состав Ленинабадской обл. был следующим (табл. 3).

Таким образом, за период 1926—1970 гг. состав населения области существенно изменился в основном за счет переселенцев из западных районов СССР: русских, украинцев, белорусов, башкир, мордвы, а также корейцев и других национальностей, указанных в графе «прочие». Однако таджики, как и прежде, составляли большую часть населения области.

Характеристика современного населения будет неполной, если хотя бы вкратце не показать динамику его роста за период с 1870 г. Имеющиеся статистические источники позволяют это сделать с достаточной точностью и полнотой (табл. 4). Следовательно, за 100 лет население области увеличилось более чем в 6,5 раз. И в последующие годы темпы прироста населения продолжали оставаться исключительно высокими. К 1974 г. население области превысило миллионную отметку, а на 1 января 1987 г. составило 1488 тыс. чел.⁴⁹ Следовательно, к 1987 г. численность населения с 1870 г. возросла более чем в 10 раз. После образования Таджикской АССР (1924 г.), а затем Таджикской ССР (1929 г.) сильнейшим фактором, влияющим на этническую ситуацию, становится индустриально-экономический. Развитие прежде всего добывающей промыш-

ленности, требовавшей рабочих рук, привлекло в регион массу переселенцев в основном из России. Формирование горняцких поселков с конца 1920-х годов происходило на межэтнической основе и помимо местных жителей — таджиков, узбеков и киргизов — шло за счет переселенцев некоренных национальностей. Возникли новые города и поселки вокруг Ленинабада, поселки городского типа у Кураминского хребта, а позднее и в бассейне Верхнего Зеравшана, изначально многонациональные. Например, среди жителей пос. Зеравшан-2 и Искандердарье помимо русских и татар много выходцев из близлежащих селений (Хайрамбета, Макшевата), которых привлекала возможность получения стабильных и высоких заработков, а также проживание в квартирах городского типа со всеми удобствами, совмещаемое с ведением традиционного хозяйства в родных селениях. Крупные ирригационные работы в Голодной и Дальней Зинской степях позволили создать здесь ряд новых крупных современных поселков (Зафаробад, Мехнатобад, Матчу, Оббурдон и др.), жители которых переселились сюда из Матчи и Ягноба в 1950—1970-х годах, образовав сплошные таджикские массивы в некогда тюркоязычной кочевой степи. Развитие промышленности в городах привлекает избыточное население горных и предгорных селений Туркестанского хребта (Пушти-охтохоны, Ичкилика, Сумбулькент и др.), жители которых переезжают в Зафаробадский р-н, Нау, Пролетарск, Ленинабад и другие места с развитой промышленностью и сельским хозяйством. Однако наряду с этим отмечается стремление некоторой части населения традиционно занимающейся скотоводством, сохранить это занятие в условиях интенсивного расширения зоны поливного земледелия. Так, в поисках пастбищ жители практически покинули селение Сексари Ура-Тюбинского р-на, небольшая группа скотоводов поселилась в горном распадке на правом берегу Сырдарьи возле мазара (святого места) Чешма-азана.

В процессе консолидации наций уходит в прошлое племенное деление тюркоязычных групп, заменяясь этнонимом *узбек*. В ираноязычной группе полностью вышел из употребления термин *гальча*, бытовавший ранее в ряде горных районов. Термин *сарт* сохраняется в памяти лишь немногих жителей.

Таким образом, анализ процесса сложения населения показывает, что современное население Северного Таджикистана (Ленинабадской обл.) складывалось стихийно на протяжении длительного исторического периода. В этом процессе участвовали самые различные по происхождению группы ирано- и тюркоязычного населения. Главным фактором здесь были постоянные, различные по интенсивности миграции населения. Важная роль принадлежала и ассимиляционным процессам, особенно в равнинной части области; в последние десятилетия на первое место выходит внутриэтническая и межэтническая консолидация.

Рассмотренные нами материалы показывают, что в основе значительной части этих процессов лежат хозяйственные интересы, связанные с освоением новых земель или с перераспределением старых. Постоянно происходит расширение зоны поливных земель и сокращение пастбищных. В последних случаях возникают очаги социальной напряженности, негативно сказывающиеся на обеспечении жизнедеятельности различных групп населения.

Если до конца первой трети XX в. отмечалось некоторое сокращение земель, где проживает таджикоязычное население, и не только за счет вытеснения из традиционных мест проживания, но и за счет тюркизации, начиная с 1930-х годов территории, занимаемые таджикоязычным населением начинают расширяться. Это происходит в основном на базе государственного регулирования переселенческих процессов. Однако и в настоящее время действует ряд негативных факторов, осложняющих межнациональную ситуацию в регионе. В первую очередь следует отметить демографический фактор в результате которого и сейчас, когда по сути прекратился прирост населения за счет приезжих и даже начался их отток (русского городского населения), темпы ежегодного прироста сохраняются на уровне четырех процентов. В

к концу за 120 лет размер общей территории, приходящейся на одного жителя, снизился с 18 до 1,8 га, что, учитывая рельеф местности, существенно осложняет условия хозяйствования и ухудшает среду обитания. Антропогенная деятельность в горной части региона привела, например, к тому, что только в 1987 г., по сообщениям Таджикского телеграфного агентства, в Ленинабадской обл. пострадало от селей свыше 100 населенных пунктов (т. е. каждое восьмое-десятое селение), чего в таких масштабах никогда не отмечалось ранее.

Кроме того, практика обеспечения промышленности рабочей силой за счет ее ввоза из России привела в итоге к отрицательным последствиям. Во-первых, это стимулировало сложение значительного отряда не занятого в общественном производстве местного населения. Во-вторых, существование классово различных групп населения, совпадающих с различиями этническими и конфессиональными и объективно имеющих различные экономические интересы, создает постоянный очаг социальной напряженности, преодолеть который традиционными методами не представляется возможным. В последнее время в печати высказываются и существенные ошибки, допущенные в ходе переселения крупных групп населения⁵⁰. Таким образом, выявляются основные направления работы по совершенствованию межнациональных отношений, определенную помощь которой может оказать детальное знание этнического состава населения региона, а также учет миграционных процессов, демографической ситуации и хозяйственной деятельности населения.

Примечания

¹ Турсунов Н. О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX в. Душанбе, 1976; Ахмадеев Н. А. Тюркоязычное население Северного Таджикистана (расселение и хозяйство). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

² Полевые материалы Среднеазиатской археолого-этнографической (с 1982 — Среднеазиатской комплексной) экспедиции исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством С. П. Полякова (в дальнейшем: Полевые материалы СААЭЭ/СКЭ) // Архив кафедры этнографии исторического ф-та МГУ.

³ Этническая карта составлена по состоянию на середину 1970-х годов, когда были собраны основные материалы. В настоящее время реальная поселенческая ситуация в результате работ по освоению новых территорий несколько отличается от зафиксированной в карте. Эти изменения складываются постоянно, касаясь в первую очередь правобережья Сырдарьи, а также восточной части степи Кизили. Карту см. Бушков В. И. Население Северного Таджикистана (формирование расселения): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. Приложение.

⁴ Кушакевич А. А. Статистические сведения о городах Ходжент и Уратюбе // Материалы для статистики Туркестанского края (ежегодник). Вып. I. СПб., 1872. С. 49—52; *его же*. Аулы, урды и кишлаки, в которых расположены зимовые стойбища кочевников Ходжентского уезда // *Там же*. С. 27—34; *его же*. Кишлаки Ходжентского уезда // *Там же*. С. 35—48; *его же*. Сведения о Ходжентском уезде // Зап. Императ. Русск. геогр. о-ва. Т. 4. СПб., 1878. С. 173—265; Сборник материалов для статистики Самаркандской области за 1887—1888 гг. Вып. I. Самарканд, 1890; Список населенных мест Самаркандской области (по сведениям 1904 и 1905 гг.). Самарканд, 1906; Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года. Предварительные итоги. Вып. 3. М., 1927; Список населенных пунктов ТаджССР. Сталинабад, 1932 и другие источники.

⁵ Имеющиеся в архивах первичные материалы переписей 1939, 1959, 1970 и 1979 гг. до настоящего времени были мало доступны исследователям. В настоящее время в связи с проводимой реформой СССР и Главархивами союзных республик совместно с ведомствами работой по снятию неоправданных ограничений на архивные документы, в том числе и статистические, материалы переписей переводятся на общее хранение. Однако их детальное изучение — дело будущего.

⁶ Поляков Ю. А., Киселев И. Н. Численность и национальный состав населения России в 17 году // Вопр. истории. 1980. № 6. С. 40.

⁷ Бушков В. И., Поляков С. П. Методы организации полевых этнографических исследований (Опыт работы Среднеазиатской комплексной экспедиции исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова) // Проблемы сравнительных исследований в социологии (методы сбора данных). М., 1988. С. 183—195; Бушков В. И. Население Северного Таджикистана (формирование расселения): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 26, 101, 116, 150.

⁸ История Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 35—36.

⁹ Негматов Н. Н. Усрушана в древности и раннем средневековье // Труды Института истории ТаджССР. Т. 55. Сталинабад, 1955. С. 138—150; *его же*. Государство Саманидов. Душанбе, 1980. С. 43—44; Калинина Т. М. Сведения ранних ученых арабского халифата. М., 1988.

¹⁰ История Ленинабада. Душанбе, 1986. С. 41.

10. Сушественное значение для понимания этнической ситуации кроме письменных свидетельств о токуз-огузах, карлуках и каракитаях (IX—XII вв.) имеют найденные в результате археологических работ в Северном Таджикистане образцы древнетюркской письменности, а также известная тюркская надпись XI в. в Ворухском ущелье. Немаловажна кроме того обнаруженная среднеазиатской экспедицией МГУ в одном из памятников Канибадамского р-на трилингва, датированная 715 г. и дающая образцы греческой, согдийской и тюркской письменности. См.: Бартольд В. В. Древнетюркские надписи и арабские источники // Соч. Т. 5. М., 1968. С. 547; Дзенецкий Ю. А. Тюркские памятники в Фергане // Сов. археология. 1967. № 1. С. 272—281. Полевые материалы СААЭЭ/СКЭ за 1972, 1980 гг.

11. Бартольд В. В. Тюрки (историко-этнографический обзор) // Соч. Т. 5. М., 1968. С. 13.
12. Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. С. 90, 173.

13. Полевые материалы СААЭЭ/СКЭ за 1972, 1985 гг.

14. Там же.

15. Общее мнение советских ученых и библиография по этому вопросу изложены в раб. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. 1. М., 1963. С. 530.

16. Бушков В. И. Указ. раб. С. 68, 71—73.

17. Пулатов У. П. Городище Калан Кофар // Археологические открытия за 1984 г. М., 1985. С. 482—483.

18. Полевые материалы СКЭ за 1984 г.

19. Бушков В. И. Указ. раб. С. 71.

20. Там же. С. 72. Полевые материалы СААЭЭ за 1971 г.

21. Турсунов Н. О. Указ. раб. С. 254—255.

22. Бушков В. И. Указ. раб. С. 80.

23. Ахмадеев Н. А. Указ. раб. С. 95.

24. Мухтаров А. Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. Душанбе, 1964. С. 1.

25. Кисляков Н. А. Некоторые материалы по этнографии исфаринских таджиков // Изв. о делении общественных наук АН ТаджССР (Материалы по истории, археологии и этнографии). Вып. 5. Сталинабад, 1954. С. 45—46.

26. Шишов А. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. Ч. 1. Ташкент, 1910. С. 10.

27. Бушков В. И. Указ. раб. С. 63, 68; *его же*. Этнические процессы в бассейне Верхнего Зеравшана в последней трети XIX—XX вв. // Источниковедение массовых источников. М., 1984. С. 25.

28. Смирнова О. И. Очерки из истории Согды. М., 1970. С. 149; Мухтаров А. М. Хроника полководца отряда сектора истории средних веков (1963—1973 гг.) // Археологические работы в Таджикистане в 1973 г. Вып. 13. Душанбе, 1977. С. 250; Бушков В. И. Население Северного Таджикистана. С. 66—67.

29. Ахмадеев Н. А. Указ. раб. С. 57—58.

30. Бартольд В. В. История Туркестана // Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 153; *его же*. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Там же. Т. 5. М., 1968. С. 172.

31. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 1.

32. Бартольд В. В. Туркестан... С. 386.

33. Бартольд В. В. Двенадцать лекций... С. 172.

34. История Узбекской ССР. Т. 1. Ташкент, 1967. С. 501—502.

35. Бушков В. И. Население Северного Таджикистана... С. 159—163.

36. Мухтаров А. Указ. раб. С. 17.

37. Кушакевич А. А. Аулы, урочища и кишлаки... С. 68; Сборник материалов для статистики Самаркандской области... С. 229—230.

38. Ахмадеев Н. А. Указ. раб. С. 87.

39. Там же. С. 73.

40. Гребенкин А. Д. Таджики. Узбеки // Русский Туркестан. Вып. 2. М., 1872. С. 69.

41. Кармышева Б. Х. Указ. раб. С. 173—176; Ахмадеев Н. А. Указ. раб. С. 87.

42. Бушков В. И. Этнические процессы... С. 28, 30, 36.

43. Ахмадеев Н. А. Указ. раб. С. 80, 85.

44. Отнесение тех или иных групп, подчиненность которых не установлена, дана по: Кармышева Б. Х. Указ. раб. С. 91—93, 99—101, 105.

45. О проблеме сартов, о происхождении которых исследователи до сих пор придерживаются различных точек зрения, написано много. См.: Борнс А. Путешествие в Бухару в 1832 и 1833 гг. Ч. 2. М., 1848; Гребенкин А. Д. Таджики. Узбеки...; Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. СПб., 1876; Навишин В. П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886; Остоумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы. Ташкент, 1896; Шишов А. П. Сарты. Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Вып. 11—12. Ташкент, 1904—1905; Бартольд В. В. Сарт // Соч. Т. 2. Ч. 2. М., 1964, и др. Из современных исследований о значении термина сарт писала, например, Б. Х. Кармышева (Указ. раб. С. 147).

46. Ахмадеев Н. А. Указ. раб. С. 54—55, 99; Бушков В. И. Население Северного Таджикистана. С. 81.

47. В названии селения сохранился, видимо, древний уструшанский топоним Бурджен — так назывался один из пяти крупных арыков Бунджиката (совр. Шахристана).

48. Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1974. С. 301.

⁴⁹ СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. М., 1987. С. 511.
⁵⁰ Зеймаль Е. Народности и их языки при социализме // Коммунист. 1988. № 15. С. 69—70.
Однако того, высказывается точка зрения, что конфликтные ситуации в национальных отношениях
вызываются специфическими для каждого конкретного региона причинами: см. Чешко С. В. На-
циональный вопрос в СССР // Сов. этнография. 1988. № 4. С. 62—72. Наши полевые материалы
полностью согласуются с такой посылкой, подтверждением которой может служить национальная
ситуация в соседнем с Ленинабадской обл. Баткенском р-не КиргССР, где в основе социальной
напряженности лежат иные, чем в Северном Таджикистане, причины, проявляющиеся в иной форме
национальных отношений.

1990 г.

П. Е. Рязанов

ДРЕВНИЙ ЖЕНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Календарём как распределителем отдельных видов деятельности по време-
нам года люди начали пользоваться в глубокой древности. Старейший славян-
ский календарь из земли полян (IV в. н. э.), судя по расшифровке Б. А. Рыба-
кова, служил аграрно-магическим целям; в нем отмечены основные сельско-
хозяйственные работы и языческие праздники¹. Изучение народных вышивок
русского Севера, так называемых «кругов» или «месяцев», распространенных в
конце XIX — начале XX в. в Каргополье (Архангельская губ.), приводит к убеж-
дению, что в славянском мире употреблялся еще и специфически женский
календарь, в котором отмечались определенные сроки, связанные с физиологией
организма, деторождением и отправлением религиозных обрядов.

Впервые эти вышивки исследовал Г. П. Дурасов²; его материалы и выводы
использованы Б. А. Рыбаковым в монографии по славянскому язычеству³.
Представление о кругах-вышивках дает схематичная прорисовка «месяца» с
ленточки, хранящегося в Музее Московского текстильного института, на кото-
рой видны все составляющие его узоры (рис. 1). На этой вышивке несколько
кругов, все они обрамлены растительным орнаментом. «Круг» составляют
сетка-солнышко (12 узорных лепестков с кольцом-чашечкой в центре) и
дополняет на браслет незамкнутое кольцо-«месяц», на которое нанесены симво-
лические знаки. Двенадцать лепестков «круга» Г. П. Дурасов определил как
символы месяцев, а полукольцо-браслет как графическое изображение года.
Знаки на «браслете» он соотнес с земледельческим календарем — народным
скажесловом. Но значение узоров на лепестках «солнышка» осталось нерас-
крытым, высказана лишь догадка, что в основе кругов-месяцев лежит стремле-
ние обеспечить не только будущее плодородие полей, но и умножение человече-
ского рода, — на это указывает совмещение в одной композиции символов солнца
и месяца — светил, которые почитались в народе покровителями брака⁴.

Но что означают различные деления на лепестках, почему они разнятся по
форме, что выражают сплюснутые колечки (полосы) на «браслете»? Каков
смысл деления на неполном колечке «январского» лепестка и на колечке-
роsetки? Почему часть лепестков вышивается в виде завитков-кудрей?
Каждый лепесток представляет собой вся вышивка? В поисках ответов на эти вопросы необ-
ходимо последовательно рассмотреть узоры круга-роsetки, полукольца-брасле-
та и всю вышивку в целом.

Розетка-солнышко. Розетка-солнышко состоит из 6 лепестков и 6 «кудрей»
(окоптуренных завитков). Всех их 12 и они означают, по-видимому, 12 меся-
цев года. Но они имеют и другие значения. Так, из шести окоптуренных лепест-
ков вышивальщицей выделены четыре — март, май, сентябрь и ноябрь (четы-
ре лепестковый цветок). Их объединяет одинаковая графическая форма и нали-

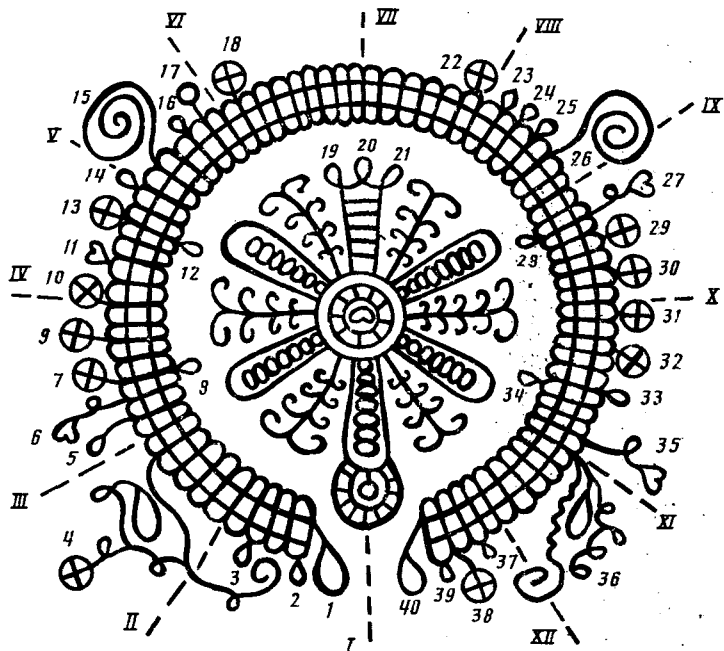

Рис. 1. Схематичная прорисовка вышивки «круга-месяца» с кумачового передника, хранящегося в музее Московского текстильного института (№ 6853)

чие делений внутри лепестков. В трех лепестках имеется по 7 делений, в одном сентябрьском — их 8. Что означают эти деления? Учитывая сходство их рисунка с изображением браслета, поперечные полосы которого выражают какие-то хронологические единицы, можно заключить, что и деления на лепестках имеют тот же смысл. Стройная картина возникает, если предположить, что каждое деление здесь обозначает 1 день. В этом случае на лепестках вышито: март — 7 дней, май — 7 дней, сентябрь — 8 дней, ноябрь — 7 дней. Три семидневки — одна восьмидневка. Всего 29 дней. Таким образом, в четырех лепестках розетки солнышка отразились 4 фазы лунного месяца — в чем можно видеть отражение некогда существовавшего лунного счисления, которое повсеместно лежало в основе первичного календаря⁵. Понятно, почему это так. Ведь установление начала нового календарного года по годичному движению Солнца — задача очень трудная. Для этого нужны продолжительные астрономические наблюдения и их тщательный анализ. Гораздо легче вести счисление времени на основе изменений фаз Луны⁶.

В центре лепестков и «кудрей» своеобразного лунно-солнечного цветка находится кружок-чашечка. В ней вышито кольцо с девятью делениями, а в центре изображен «боб» — лунница. Иногда вместо боба вышивается «заюшка» — крестик с загнутыми концами. Как известно, кольцо является одним из символов женского начала. Кольцо в народных гаданиях — эмблема брачной любви: «Любовь — кольцо, а у кольца нет конца», — говорит пословица, используя на христианское представление о неразрывности брачного союза⁷. А в центре кольца, видимо, символизирует семья, зародыш, новую жизнь. В «заюшке» тоже символ жизни, солнечного света и тепла.

Кольцо с делениями и бобом в центре обведено круговой линией, которая, как известно, получила в народных верованиях «значение охранительной чертой, защищающей человека от зловерного действия, колдовства и от покушения нечистой силы»⁸. В данном случае эта охранительная сила направлена на зародыш новой жизни. Такая трактовка изображений в чашечке лунно-солнечного цветка правомерна, так как «магическая связь между Луной и женщиной

ясняется влиянием Луны на физиологическое состояние женщины»⁹. С Луной же было связано в сознании земледельца плодородие полей и животных: «отнесение Луны с молочностью скота глубоко архаично»¹⁰. Поэтому можно предположить, что девять делений на кольце с символом зародыша в центре начают девять месяцев, т. е. время полного созревания человеческого плода.

Деления, аналогичные делениям этого кольца, нанесены и на неполном кольце в верхней части лепестка «январь», только там их 10. В центре его вышит кружок на «ножке». Такая ножка на вышивке круга-месяца на полотенце А. Новожиловой тянется через весь лепесток к чашечке цветка. Точно такая же ножка-стебелек тянется к чашечке и от центральной петельки лепестка «июль»¹¹. Это указывает на взаимозависимость двух лепестков и чашечки с зародышем в кольце. Есть основание полагать, что этот кружок на ножке январского лепестка символизирует семя. И тогда получается, что январский лепесток можно назвать мужским лепестком (фаллосом), а лепесток «июль» — женским. Десять делений на кольце январского лепестка, очевидно, обозначают девять месяцев брачного периода на протяжении года, а семь делений на самом лепестке — 7-дневный период в течение менструального цикла, наиболее благоприятный для зачатия. Шесть делений на женском лепестке, графически сходные с делениями на кольцах чашечки и январского лепестка, означают, видимо, шесть месяцев — время, в течение которого после зачатия женщина еще может позволить себе кое-какую тяжелую работу. А если к этим шести делениям прибавим три деления-петельки, венчающие женский лепесток, то вновь получим 9 месяцев, т. е. ту же графическую символику, что и на кольце чашечки. Здесь выделены три последних «осторожных» месяца.

Теперь рассмотрим лепестки-кудри. Кроме того, что они означают календарные месяцы, можно предположить в них также знаки плодородия, связанные с жизнью. Ведь они изображают пары ростков-завитков на ножках-стебельках. Их пар ростков вышивается по 23—25 на шести лепестках-месяцах, и их число, видимо, означает количество дней между женскими месячными. Подтверждением этому может служить следующий элемент свадебной обрядности: следующий день после свадьбы теща привозила зятю «хлибины» (угощение), и среди них обязательно должны были быть «кудри»¹². Кудрями назывались специально надрезанные по краям блины, выдержанные в горячем масле. После брачной ночи эти «кудри»-блины подавались лишь одной женщине. Смысл этого обрядового кормления теперь становится ясен. Просто блины, без надразов, являлись ритуальной пищей, подавались в определенные рядовые дни, символизировали Солнце, его благодатные свет и тепло, жизнеутверждающее начало. Вкусная блины-кудри, молодая жена как бы вбирала в себя плодотворную благодать, его плодотворящую силу и заодно «съедала» свои месячные, что означало зачатие плода. Таким образом, можно заключить, что вся разная символика розетки-солнышка связана с лунным и солнечным влиянием, с физиологией женского организма и браком.

Браслет-месяц. Конфигурация несомкнутого кольца вокруг розетки-солнышка на вышивках напоминает браслет с застежками на концах — большими петельками или спиралями (рис. 1). В предположении, что поперечные звенья браслета (его «деления») означают дни (сутки), общее число делений, составляющее от 57 до 73, должно выражать длительность 2—2,5 месяца — тот период, который можно определить как дородовое — послеродовое время возмужания ради здоровья будущего ребенка и самой матери.

В другом варианте прочтения (предложенном Г. П. Дурасовым) браслет отождествляется с полным крестьянским месяцесловом. На наружной и внутренней сторонах браслета нанесены знаки, которые Г. П. Дурасов объединил в группы. Всего знаков отмечено 38, к ним необходимо добавить еще два — петельки (или спирали) на концах браслета. Тогда общее количество знаков будет равным 40. Большинство из них объяснены Г. П. Дурасовым с позиций одного месяцеслова. Так, например, кружки с крестом внутри соответствуют

солнечным дням, связанным с годичным кругом полевых работ (среди эпитетов — главные праздники земледельческого календаря), а также с метеорологическими наблюдениями, определяющими виды на будущий урожай. Петельки указывают дни посева и уборки хлебов, а также дни, когда гадали о будущем урожае. Сердцевидные значки — наиболее ответственные фазы развития озимых¹³. Некоторые знаки расшифрованы Б. А. Рыбаковым: отмечаемые ими дни сопоставлены с праздниками встречи весны, масленицы, рожаниц, девичьим праздником ляльником¹⁴.

К перечисленным группам знаков следует добавить еще две: кружки на «ножке» (половое семя) и крупные петельки (на концах браслета). Они могут означать следующее: первые — знаки оплодотворения, вторые — праздники зимних святок. «Весь год делился у славян на два цикла: восходящий — от поворота солнца на лето (святки) до летнего солнцестояния (Иван Купала), и нисходящий — от Ивана Купалы до зимнего солнцезаворота. Святки играли в этом календаре ключевую роль. Они приходились на время перехода от одного сельскохозяйственного цикла к другому, конец одного года и начало следующего, представляли собой как бы разрыв времен, скачок в неизвестность»¹⁵.

Есть основание полагать, что и в символических знаках браслета в значительной мере отражались брачные мотивы, а также те земледельческие и хозяйственные работы, которые связаны с трудом женщины. Сорок знаков браслета строго разделены на две половины: 20 знаков находятся на восходящей части годового цикла и 20 знаков на нисходящей части. Число 20 у многих древних народов означало «человек» (по числу пальцев на руках и ногах). На женской вышивке-круге эти две двадцатки не случайны — это, очевидно, символизация парности: мужчина и женщина, муж и жена, мать и ребенок.

Знаки «сердечко с петелькой» и одно «сердечко» означают, видимо, время весенних и осенних свадеб. Знаки, похожие на большие спирали или на завиток горохового усика, соответствуют, очевидно, началу садово-огородных работ (с конца апреля до третьей декады мая) и их окончанию — уборке урожая (с начала августа до начала сентября). Многие из этих работ выполняли женщины. Знаки, соответствующие концу марта — началу апреля, возможно, напоминали женщинам о том, что пора расстилать для отбелики холсты, сотканые за зиму. Знак (кружок на ножке), приходящийся на конец мая¹⁶, по всей видимости, означает время огула домашнего скота. В обрядах, связанных с этим важным периодом в животноводстве, большую роль играли женщины, так как одной из их главных забот был уход за домашней живностью, особенно за молочным скотом.

Рассмотрим всю вышивку в целом.

Древний женский календарь. До нас дошли каргопольские вышивки-календари конца XIX — начала XX в. Каргополье находится в центре древнего русского Севера, а «Север сохранил и донес до нас былинный эпос, бытующий в народе по сегодняшнему дню, великолепные вышивки, уходящие рисунком своими орнаментами в скифскую языческую глубину, дивную деревянную и каменную архитектуру, яркие образцы русской письменности, сохранившиеся за стенами монастырей»¹⁷. К этому следует добавить, что русский Север сохранил исключительно интересный вышитый календарь, который может быть интерпретирован как женский календарь. Разумеется, в дошедших до нас памятниках узор календаря вышивался уже в усложненном виде, с увеличением числа знаков символов, соответственно представлениям своего времени, но действие традиции должно выражаться в сохранении композиции рисунка. Календарь может быть представлен «январем» вверх или вниз, это зависит от характера его использования — вывешивание на стене (полотенце) или ношение (передник). В любом случае правильное положение календаря при его прочтении — «январем вниз: при этом счет времени идет посолонь, снизу вверх направо — точно также, как движется Солнце по небосводу.

Возможно, первоначально календарь вышивался в таком виде, какой:

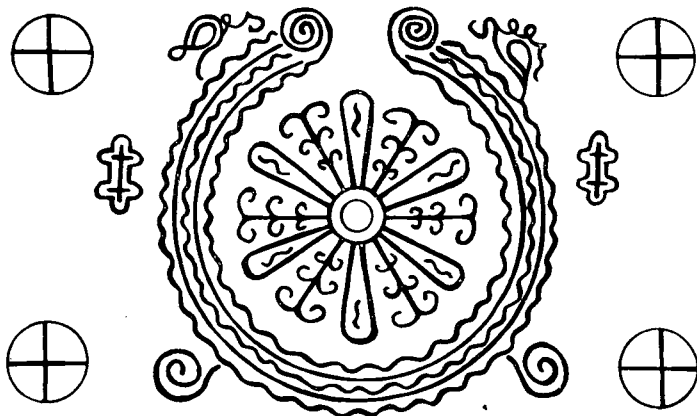

Рис. 2. Схематичная прорисовка вышивки «круга-календаря» с передника А. Н. Никулиной. Дер. Погост Наволочный

еет на переднике А. Н. Никулиной (рис. 2) ¹⁸. Здесь изображена розетка-солнышко с лепестками и кудрями, но вместо браслета-месяца вышиты три замкнутые круговые волнистые линии; внизу линии завершаются двумя жалами. На этом круге с внешней стороны расположены следующие знаки: «птица», окурненное двукрестие, большая спираль-завиток; эти знаки вышиты на нисходящей половине годового круга. По краям вышивки, как бы образуя вершины угла, помещены четыре символа Солнца, которые, видимо, означают четыре важные позиции светила: весеннее и осеннее равноденствия, летний и зимний солнцевороты. Значение знаков, очевидно, то же, что и на «полной лунки» календаря. Но здесь есть и неизвестный знак — окурненное крестовидное. Она, по всей видимости, символизирует ручной ткацкий станок — «прсна». Знак схематично изображает бёрдо (черта) и нити основы (черточки в концах). Эти знаки, стоящие против «октября» и «марта», означают начало и завершение ткацких работ. Нет нужды говорить, что подобные работы выполняли только женщины.

Таким образом, на переднике А. Н. Никулиной изображена, видимо, древняя форма женского календаря. В нем еще отсутствует подробная разметка лунного цикла по значимым датам, но уже намечены символами основные женские работы, явления, связанные с физиологией организма и брачной жизнью. Такое сочетание календарной и семейной обрядности характерно, особенно для русского Севера: здесь «свадьба может восприниматься не только на фоне элементов брачного характера в системе календарной обрядности (гадания, кумление и т. д.), но и просто как составная часть календарной обрядности в целом ...свадебная (брачная) обрядность, развиваясь, втянула в себя значительную часть собственно календарных обрядов» ¹⁹.

Таким образом, каргопольские вышивки кругов-месяцев на полотенцах и передниках правомерно рассматривать как изображения древнеславянских женских календарей. По своей структуре эти календари трехчастные: первой, центральной частью является розетка-солнышко, второй — браслет-месяц, третьей — узорные знаки, размещенные по обоим сторонам браслета-месяца. В смысловой основе календаря лежит идея целостности «всего мира». В отношении человеческой деятельности календарь содержит расчет годового времени посредством фиксации значимых дней, связанных с сельскохозяйственными и домашними работами, с праздниками и обрядами; вместе с тем календарь позволяет планировать брачную жизнь, учитывая физиологию женского организма. В целом календарь является солнечным, хотя в нем и сохраняются элементы лунного числения.

В календаре находят отражение элементы магии (предохранительная круго-

вая линия, число «20» и другие) и древнеславянское понимание времени к бесконечно повторяющегося годового цикла с разрывом во время зимних святок («умирание» Солнца). Культурное значение этого календаря чрезвычайно велико, оно может быть сопоставимо с расшифрованным Б. А. Рыбаковым аграрно-магическим календарем полян IV в. Уникальность этого древнего женского календаря тем более значима, что ничего подобного ему нигде в мире пока не обнаружено.

Примечания

- ¹ Рыбаков Б. А. Календарь IV века из земли полян // Сов. археология. 1962. № 4. С. 66.
- ² Дурасов Г. П. Каргопольские народные вышивки-месяцесловы // Сов. этнография. 1978. № 3. С. 139—148.
- ³ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 509.
- ⁴ Дурасов Г. П. Указ. раб. С. 146—147.
- ⁵ Идельсон Н. И. История календаря. Л., 1925. С. 93.
- ⁶ Климишин И. А. Календарь и хронология. М., 1985. С. 116.
- ⁷ Афанасьев А. Н. Наузы. Пример влияния языка на образование народных верований и обрядов // Афанасьев А. Н. Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. М., 1986. С. 20.
- ⁸ Там же. С. 218.
- ⁹ Колева Т. А. Георгиев день у южных славян // Сов. этнография. 1978. № 2. С. 30.
- ¹⁰ Там же. С. 30.
- ¹¹ Дурасов Г. П. Указ. раб. Рис. 3. С. 142.
- ¹² Там же. С. 147.
- ¹³ Там же. С. 143.
- ¹⁴ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян... С. 508.
- ¹⁵ Филиппов Л. А. Крещение. М., 1973. С. 59—60.
- ¹⁶ Дурасов Г. П. Указ. раб. С. 144.
- ¹⁷ Алферова Г. Древний Каргополь и Каргополье // Наука и жизнь. 1968. № 6. С. 135.
- ¹⁸ Дурасов Г. П. Указ. раб. Рис. 6. С. 146.
- ¹⁹ Чистов К. В. Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов русского Севера // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. М., 1974. С. 16.

© 1990 г.

В. Г. В л а с о в

ПУТИ РАСШИФРОВКИ КАРГОПОЛЬСКОГО КАЛЕНДАРЯ-ВЫШИВКИ

Опубликованием каргопольских народных вышивок-месяцесловов в историческую науку введен замечательный памятник народной хронологии, причем памятник многослойный. Это отметил и автор публикации на эту тему Г. П. Дурасов. Он подчеркнул, что «до нас месяцесловы дошли уже в значительно измененном виде»¹. Он охарактеризовал месяцеслов как *земледельческий*, раскрыв верхний, наружный слой памятника, и отождествил вышитый узор с полным кругом юлианского календаря. Основанием для такого подхода было соответствующее понимание данного узора информаторами, родившимися в конце XIX — начале XX в.

Подобное прочтение правомерно, так как отражает определенную (позднюю) народную традицию, сложившуюся в условиях забвения изначального смысла узора. О том, что такое «прочтение» не могло быть первичным, говорит ряд структурных несовпадений. Главные: юлианский календарь представляет собой полный годовой круг; вышитый «месяц» (похожий на «гусеницу») разомкнут, в чем можно видеть отражение древних календарей, которые всегда были *неполными*, распространявшимися лишь на часть года². Число делений на «гу-

«Рисунок» непостоянно, колеблется от 57 до 73, в любом случае оно не равно и не относится к числу дней юлианского года (что и невозможно с учетом високоса). Следовательно, узор «гусеница» не мог сформироваться на юлианской основе. П. Е. Рязанов представляет каргопольский календарь как сугубо *женский* (физиологический). Такая трактовка чрезвычайно интересна в русле поисков подобных календарей в искусстве верхнего палеолита³; убедителен ряд аргументов и прочтение символов, особенно при расшифровке розетки «солнышка». Реальность верхнепалеолитических корней последующих календарных представлений бесспорна (Б. А. Рыбаков усматривает палеолитическую основу таких поздних славянских праздников, как медвежий — 24 марта⁴, змеинные — 5 марта и 14 сентября, почитание рожаниц — 22—23 апреля и 8—9 сентября⁵). Вместе с тем объем и содержание первичных хронологических знаний, а также форма, в которой они фиксировались, далеко не ясны; это относится и к предполагаемым женским календарям, нанесенным на антропоморфных фигурках («палеолитических Венерах») ⁶.

Проблема женского календаря сложна еще и тем, что не определено его историческое место в системе народной культуры. Центральный вывод автора, что ничего подобного данному календарю «нигде в мире пока не обнаружено», свидетельствует отнюдь не в пользу предлагаемого толкования. Тем более, что *не обнаружено* не только в современном мире, но также в прошедшие эпохи — начиная с мезолита. Отсутствие преемственности должно настораживать: мост от верхнего палеолита до нашего времени (с разрывом в 12—14 тыс. лет) пережить очень трудно, особенно если учесть данные, говорящие о полном неведении женской физиологии многими народами мира на ранних стадиях их развития (например, отмечаемые еще недавно у аборигенов Австралии⁷). Одним из важнейших вытекающих отсюда следствий была широко распространенная религиозная и даже бытовая традиция непорочного зачатия. В рамках культур, где действовали подобные календари, она была бы невозможна. По-видимому, применение каргопольского узора в качестве индивидуального женского календаря надо рассматривать как его позднее и вольное использование (по принципу «вторая жизнь вещей»).

Таким образом, древний пласт каргопольского календаря, очевидно, не связан с юлианской календарной основой и с женской (в узком смысле этого слова) областью функционирования. Однако в позициях двух авторов можно найти точки соприкосновения: этот календарь мог быть земледельческим и женским, но в широком смысле слова — в силу того, что раннее земледелие было женским занятием.

Итак, резюмируя вышеизложенное, можно согласиться, что каргопольский узор первоначально был связан с женским культурным кругом, где он, по-видимому, носил календарный характер (в системе неполных календарей). Чтобы заметить пути к раскрытию первоначального смысла узора «гусеница», ниже предлагаются наблюдения над двумя типами памятников.

1. «Гусеница» несомненно несет в себе какую-то счетную структуру. Однако трудно допустить, чтобы первичный математический аппарат календаря создавался посредством вышивки — это техника трудоемкая и маловариабельная, в условиях поиска и неизбежных корректировок она вообще непригодна. А это значит, что вышитую «гусеницу» надо рассматривать как рисунок (или чертеж) какого-то объекта, который и служил инструментом первичного календарного счета. Судя по характеру изображения, таким инструментом, вероятнее всего, были ожерелья (бусы).

Ожерелье относится к числу древнейших украшений, преимущественно женских (хотя в ряде культур ими пользовались и мужчины). Это было не просто украшение — оно играло роль оберега и потому могло быть единственным предметом женского костюма; о значительном сакральном содержании ожерелья говорит его обычное присутствие в составе погребального инвентаря. Древнее ожерелье полифункционально; при этом, как показывают археологические и эт-

Рис. 1. Костяные бусы (Херсонская обл., конец 3 тыс. до н. э.)

Рис. 2. Самоанские полинезийки в ожерельях

нографические материалы, ему присуща и математическая нагрузка (количество бусин, их ритм). В историческое время применение таких ожерелий было усвоено всеми мировыми религиями; изделия этой поры известны под именем четок. В Европе четки употребляются главным образом в монастырском обиходе; интересно, что введение этой традиции предание приписывает Пахомию Великому (IV в.), основателю монашеского общежития в Египте. Но наибольшее распространение четки получили в странах Азии, где они применяются не только в ритуальных, но и в чисто утилитарных целях, как счетное устройство. Дальнейшее развитие четок в функции калькулирования можно видеть в таком счетном приборе, как канцелярские счеты.

Элементарную счетную структуру (соответствующую основному рисунку «гусеницы») представляют простые бусы, составленные из однородных предметов (бусин) (рис. 1).

Рис. 3. Ожерелье из палеолитической стоянки Мальта (Сибирь)

Более сложный ритм, сопоставимый с «праздничным рядом» каргопольского ряда, создается, когда к основной структуре добавляются счетные элементы того вида (рис. 2; на рис. 1 подвески, обозначающие «праздники», показаны отдельно). За ожерельем подобного типа из палеолитической стоянки Мальта (Сибирь) признается календарный характер, хотя интерпретатор связал календарную информацию не с ритмом бусин, а с узором на подвесках⁹ (рис. 3). На каргопольской «гусенице» изображены две продольные линии. Концы одной из них выходят за пределы «гусеницы» и завершаются петельками, напоминая нить, на которую нанизываются бусины. Значение второй линии неясно, как будто противоречит схеме ожерелья. Однако бусы, крепящиеся на два ряда, также известны этнографам¹⁰; при этом бусины могут быть обычными глиняными и иметь одно отверстие (рис. 4).

Попытаемся определить хотя бы в первом приближении, какую единицу времени обозначала одна бусина первичного календаря-ожерелья и соответственно чему равна «цена деления» на каргопольском чертеже-«гусенице». Обратим внимание на то, что число праздничных знаков на каргопольском календаре равно 38, с учетом концевых петелек — 40. Хорошо известно (это отметил Л. Е. Рязанов), что число 40 в системе числительных древности тождественно понятию «2 человека». Однако «человек» было не только арифметическим, но и календарным понятием: календарный счет по частям тела был органично включен в индоевропейскую культуру, он восходил к космогоническому мифу о создании мира из тела жертвенного человека (Пуруши)¹¹. Реликты этого счета сохранились в земледельческом календаре современных таджиков: в «прямом» направлении (снизу вверх) распространяется здесь на 141 день (2 человека), затем он идет в обратном направлении и в сумме охватывает 282 дня (4 человека). Древнейший римский календарный год также делился на две половины — таким образом, что все праздники приходились на одну из половин¹². Вероятно, каждое из «полугодий» ассоциировалось с понятием «человек»; общая длительность этого календаря («календаря Ромула») в 304 дня рим-

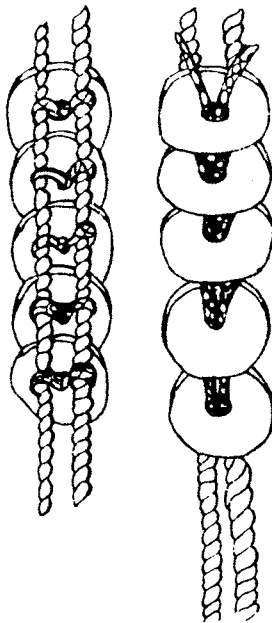

Рис. 4. Раковинные бусы, употребляемые в качестве денег
(Новая Гвинея)

ский период «1 человек» должен составлять 152 дня. И наконец, календарный период приднепровских славян IV в. при длительности 128 дней (в прочтении Б. А. Рыбакова) ¹⁴ мог восприниматься как временной отрезок, который на сакральном уровне эквивалентен понятию «человек»: по мнению В. К. Кузакова, данный календарь-кувшин является лишь летней половиной общего календаря славян ¹⁵. При таком подходе календарные «2 человека» в славянской традиции насчитывали 256 дней.

Итак, календари трех индоевропейских народов, рассмотренные в сопоставимых формах, имеют разные длительности. Каргопольская «гусеница» близка к этим календарям благодаря мифологеме о Пуруше: можно утверждать, что эта вышивка (по крайней мере на каком-то этапе) отражала календарь некоего индоевропейского народа. Но какого именно? Решить это трудно, поскольку «гусеница» не содержит постоянного числа делений (оно колеблется от 57 до 73).

Но может быть, эта нестабильность узора несет определенную информацию? В рисунках календаря с разным числом делений могли запечатлеться реальные календари с разным числом дней. Это явление возможно в смешанной, поликультурной среде; в славянской истории такие ситуации, обуславливаемые ассимиляционными и контактными процессами, складывались многократно. В контексте рассматриваемых календарей особый интерес вызывает период III–IV вв. (время создания календаря-кувшина), когда в рамках археологической черняховской культуры поднепровские славяне взаимодействовали со скифскими и сармато-аланскими племенами ¹⁶. Есть указание, что подобные контакты имели место и в более ранние периоды: предки индоиранцев и славян входили в «юго-восточную» зону индоевропейского единства ¹⁷. К сожалению, до нас не дошли календари скифов и сарматов, но некоторое представление о древней календарной традиции ираноязычных народов может дать вышеупомянутый календарь таджиков. Правомерность такого подхода, кроме чисто культурологических соображений, подкрепляется данными антропологии: в составе антропологического типа современных таджиков отмечен компонент, ареал которого

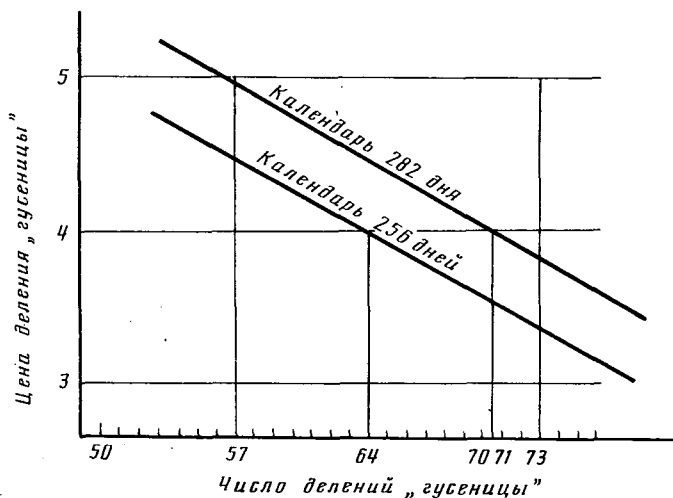

Рис. 5. График связи между продолжительностью календаря и его ценой деления

ратывал и южнорусские степи¹⁸. При попытке совместить длительность календарей, представляющих славянскую и иранскую традиции (в 256 и 282 дня), всеми вариантами каргопольского узора оказывается, что это возможно при деления «гусеницы», равной 4 дням (рис. 5). То есть, каргопольская «гусеница» с 64 делениями отражает удвоенный календарь полян (каждая половина «гусеницы» представляет число дней, запечатленных на календаре-кувшине Ромашки Киевской обл.); «гусеница» с 70 (71) делениями — земледельческий календарь иранцев.

Какую календарную единицу отражает период в 4 дня? Обратимся снова к календарю таджиков. За исключением одного периода в 12 дней и трех периодов по 9 дней, он весь состоит из чередования трехдневных сроков (кстати, крупные периоды в 9 и 12 дней кратны 3). Каков смысл этой трехдневки? Б. А. Рыбаков показал, что древней индоевропейской неделей была шестидневная: ее следы у славян и германцев, в ряде письменных источников она зафиксирована у согдийцев¹⁹. Тогда малый период таджиков — это половина индоевропейской недели. Но может быть, и тот календарь, который сопрягался с каргопольским узором, строился по тому же принципу, т. е. основывался на счете по половине? Но что такое восьмидневная неделя? Применялась ли она в календарных системах?

Хронологический ритм, основанный на числе 8, ведет на юг Европы, в Переднюю Азию, а также Египет: здесь издавна был известен восьмилетний цикл снов; в Древней Греции восьмилетний срок назначался для искупления грехов²⁰. Год, состоящий из 8 месяцев, отмечен у этрусков (выходцев из малоазиатской Лидии) и на Руси (Чернигов, X в.).²¹ Наконец, неделя из 8 дней бытовала у этрусков, от которых перешла в календарь Древнего Рима²². Таким образом, движение восьмеричности как определенной идеи в счислении времени обнаруживает общее направление с юга на север: Египет — Малая Азия — Северное Причерноморье и Приднепровье.

Все сопоставления и расчеты, приводимые в этой части работы, носят ориентировочный характер; так как основаны на ряде допущений. И хотя многие положения подкрепляются материалами следующего раздела, полученный здесь результат дает самое общее, приблизительное представление о том математическом аппарате, который, очевидно, был сопряжен с рассматриваемым узором. Во всей вероятности, каргопольский узор «гусеница» является рисунком древнего календаря в виде ожерелья, где каждая бусина означала временной период,

Рис. 6. Фрагмент плана святилища-обсерватории в Стоунхендже (Англия)

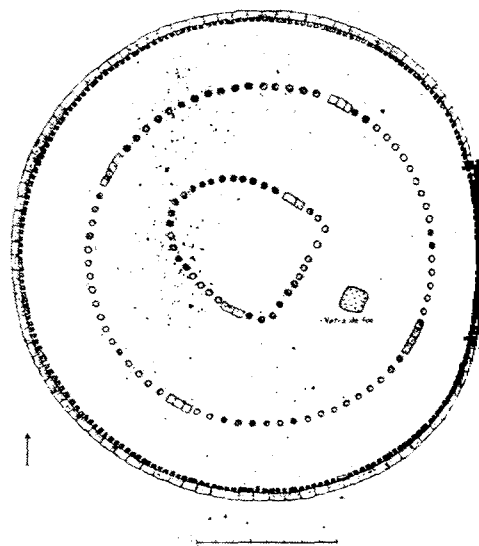

Рис. 7. План святилища-обсерватории в Сармизегетусе (Румыния)

равный 4 дням (половине восьмидневной недели); ожерелье-календарь имеет южное происхождение, хотя регионально довольно неопределенное.

II. Исследование древнего календаря не может ограничиваться изучением его математического аппарата; адекватное «прочтение» календаря возможно лишь при обращении к его естественнонаучной основе — астрономии. В системе неполного календаря, где календарный счет ежегодно начинается заново, простейшие астрономические наблюдения оказываются особенно актуальными, они в сущности, входят в структуру календаря²³. Здесь важно подчеркнуть, что поскольку объектами наблюдения являются моменты восходов или заходов солнца в дни солнцестояний или равноденствий, т. е. явления, происходящие на линии горизонта, наблюдения носят круговой, азимутальный характер. Ни случайно за всеми палеоастрономическими сооружениями признается календарное значение, некоторым из них даже присвоено название «горизонтальный календарь»²⁴.

В настоящее время исследован целый ряд палеоастрономических комплексов; убедительно раскрыто значение кольцевых мегалитических сооружений, а также одиночных объектов (*менгиров*). Наибольшие сложности для понимания представляют подковообразные фигуры внутри обсерваторий — им в лучшем случае отводится какая-либо второстепенная роль. Отметим две такие фигуры «подкова» из 19 «голубых камней» в Стоунхендже (рис. 6) и «подкова» из 3 столбов в святилище даков Сармизегетусе (рис. 7). По-видимому, эти конструкции не имели непосредственного астрономического значения, но ясно, что они обладали каким-то другим. Ближайшее по смыслу — счетно-календарное: геометрическое сходство этих фигур и каргопольской «гусеницы» позволяет предположить, что они выполняли аналогичную функцию. Если применить к этим монументальным сооружениям найденную выше календарную единицу — восьмидневную неделю и считать, что каждый элемент здесь обозначал 8 дней, получим, что «подкова» Стоунхенджа охватывает $19 \times 8 = 152$ дня — точно половину

да Ромула, а «подкова» даков $34 \times 8 = 272$ дня — среднее между календарем авяи и иранцев. Числовое «решение» данных памятников могло быть и иным; я нас важно, что вероятность календарного предназначения «подков» достаточно высока. А это значит, что каргопольскую «гусеницу» можно рассматривать как рисунок не только календаря-ожерелья, но и подковообразных фигур, сводимых в древних обсерваториях.

Однако эта гипотеза встречает ряд препятствий; наиболее существенное из них состоит в том, что рисунок как «план» или «планировка», т. е. графическое изображение чего-либо при *взгляде* на него *сверху*, представлял значительные, иногда непреодолимые трудности для древних художников. Можно привести множество примеров даже сравнительно недавнего прошлого (из области иконописи, книжной миниатюры XIV—XVII вв.), где художник явно стремился переложить планировку монастыря или града, но вместо этого получалось нагромождение построек. Даже чертежи XVIII в., продолжая древнюю традицию, не могли избежать от сочетания элементов плана с лежащими на нем фасадами зданий. Причину этого курьеза можно видеть в том, что у художника не было реальной, закрепленной в культурной традиции, точки в пространстве, из которой он смотрел бы на объект изображения *сверху вниз*. В равной мере не было такой точки и у зрителя: если бы художник нарисовал план (в современном смысле слова), то зритель его просто не понял бы. Вся древнерусская живопись опирается на то, что и художнику, и зрителю свойственно обычное земное, фронтальное видение мира. В этом рассуждении трактовка каргопольского узора как рисунка палеообсерватории, сделанного «с высоты птичьего полета», идет вразрез местными художественными принципами.

Но, говоря о календарно-астрономических сооружениях Дакии или Британских островов, мы выходим за пределы славянской культуры, и причем не только территориально, но и хронологически (применительно к святилищу в Сармате-тесе это следует понимать таким образом, что у указанной постройки кон. I в. н. э. были предшественники, в том числе датируемые III тыс. до н. э.²⁵). Иными словами, создателями подобных обсерваторий были не славяне и, очевидно, не индоевропейцы, а это значит, что здесь действовали иные художественные принципы.

Приняв это условие, рассмотрим некоторые аспекты археологической культуры Триполья-Кукутени, ареал которой распространялся от Среднего Днестра до низовий Дуная и Карпат (на поздних этапах она была синхронна той культуре, которая создала мегалитический Стоунхендж). Среди богатой и разнообразной символики этой культуры исследователи давно обратили внимание на знак перекрещенного ромба с точками, видя в нем идеограмму засеянного поля, причем линии внутри поля А. К. Амброз понимает как сетку борозд или даже как «невысокие земляные валики, которыми делилось пахотное поле в условиях поливного земледелия»²⁶. Такую картину можно увидеть с некоторой высотой. Этот знак — как зарисовка поля, выполненная в сухой топографической манере, — безусловно был понятен и художнику, и зрителю, в этом — словесное его сакральности. Знак этот дошел до нас на изделиях из глины — статуэтках и посуде. Принимая, что древнейшее гончарство было женским делом²⁷, можно считать, что роль художника здесь исполняла женщина; но и зрителем также, по-видимому, была она: посуда как кухонный инвентарь и статуэтки как принадлежности аграрного культа сопровождали ее повседневную праздничную жизнь.

Феномен «взгляда сверху» вряд ли можно объяснить, исходя из каких-либо фактов реальной жизни. Но многое становится понятным, если обратиться к космологическим представлениям трипольцев, закодированным в орнаментальных композициях. Энеолитическим племенам Приднепровья Вселенная представлялась состоящей из трех ярусов — Земли, Воздушного пространства и Неба с закатами воды. Самый яркий и оригинальный момент: Небо наделялось женскими атрибутами (тучи — груди, дождь — материнское молоко), а может быть,

казалось существом женского пола — Великой Матерью, Прародительницей. Таким образом, *взгляд сверху* был запрограммирован трипольской мифологией: им наделялся центральный (или единственный) мифический персонаж — Жихина. Отсюда с необходимостью следует, что в ритуальной практике к этому взгляду приобщалась каждая земная женщина.

Трипольская культура заканчивает свое существование в 3-й четверти III тыс. до н. э.²⁹, но не исчезает бесследно: она растворяется в ряде других культур, в том числе тех, которые затем участвовали в формировании славянской культуры. Б. А. Рыбаков считает вероятным, что часть трипольских племен стала субстратом обособившихся праславян³⁰. Славянская духовная культура безусловно испытала влияние идеологических построений Триполья, хотя последние образовали здесь лишь дериваты ценностей. Славянам, как и всем индоевропейцам, присуще отношение к небу как к мужскому началу; но в то время как поэтический образ (не подкрепленный ритуальными действиями) встречается уподобление дождя молоку, а туч — женским грудям и коровье вымени³¹. В созвучии с этими представлениями и ромбовидный символ, широко распространенный в славянской вышивке; о его вторичности говорит то, что его исконный смысл давно забыт — он именуется «лягушкой», «жабой», «репеем» и даже «гусаром». Возможно, «гусеница» Каргополья (как изображение опрделенного плана) имеет тот же источник, что и шашечный ромб, и тот же механизм утраты первоначального смысла³².

Такой подход делает возможным отнести каргопольский узор к восточноевропейскому энеолиту, но не дает ответа на вопрос о содержании рисунка в культуре Триполья-Кукутени пока не обнаружено круговых обсерваторий. Хотя они, вероятно, были — косвенным свидетельством их существования являются более поздние славянские святилища Поднестровья, такие, как, например, у с. Ржавинцы Черновицкой обл., представленное менгиром высотой 2,5 м и двумя незамкнутыми валами; своеобразной «подковой» с размещенными в ней восемью площадками был окружен знаменитый Збручский идол³³. Для решения поставленной задачи необходимо привлечь более широкие культурно-исторические параллели.

Ход дальнейших поисков мог бы быть простым и коротким, если бы генезис трипольской культуры был выявлен с достаточной глубиной и ясностью. Однако четкого представления об истоках этой культуры еще не сложилось: рассматривается вероятность ее происхождения с Нижнего Подунавья или из Трансильвании, отмечены непрерывные связи трипольцев с населением Балкан (и в меньшей степени — Малой Азии), установлено, что трипольцам был свойствен средиземноморский антропологический тип, распространенный в то время на Балканах и в Подунавье³⁴. Дальнейшие нити на этом как будто обрываются.

Обратимся к основной космологической концепции трипольцев, согласно которой Небо ассоциируется с женским началом. На всем пространстве европейской, переднеазиатской и североафриканской мифологии этот мотив встречается только однажды — в Египте, это образ небесной коровы или богини Нут простертой над богом земли Гебом. При этом важно отметить, что речь идет о довольно архаичном этапе в развитии египетской религиозной мысли: начиная с V династии Древнего царства (середина III тыс. до н. э.), когда главным божеством Египта становится Ра, представление о «женском небе» теряет актуальность. Это можно объяснить тем, что носителем рассматриваемого представления был лишь один из немногих исходных компонентов древнеегипетского этноса, не занявший к тому же господствующего положения. Отсюда следует, что родина этого представления не Египет. Но кто и откуда принес его на берега Нила?

Миф тесно связан с ритуалом; ритуальная практика зачастую обнаруживает большую живучесть, чем соотнесенный с ней миф. В данном случае речь идет о ритуале, повторяющем те или иные элементы *священного брака* космических супругов. Для сравнения можно вспомнить, что в индоевропейской концепции

Небо наделено мужскими чертами, оно оплодотворяет Мать-сыру-землю действием дождя; одним из ритуалов, соответствующих этому мифу, было омовение водой девушек и женщин в ходе определенных календарных обрядов³⁵.

В рамках противоположной диспозиции культовая практика, ритуально спланированная космическому браку, должна была выглядеть иначе. Есть основания связывать ее с воздвижением достаточно высокого камня (*менгира*): в традициях одиночных мегалитов археологи видят фаллическую символику³⁶. Таким образом, менгир как фаллос Земли (или ее бога) должен маркировать матрицистскую культуру³⁷. В Египте менгиры известны, но их мало и встречаются лишь на периферии страны: каменные столбы сохранились на древнем холме в Анибе. По-видимому, культовые действия, связанные с почитанием пиров, не стояли в центре ритуальной жизни Египта. В то же время известно, что этот культ был присущ ливийским племенам: «ливийцами» египтяне и античные авторы) называли все народы, жившие к западу от Египта. Предполагают, что именно их навыки работы с крупными каменными блоками легли в основу строительного искусства Древнего Египта³⁸.

Исследованиями последних десятилетий установлено, что культурами, предшествовавшими египетской и во многом служившими ее источниками, были культуры сахаро-суданского неолита, начало которых датируется VI-II тыс. н. э. Судя по наскальным изображениям, сохранившимся в горных районах Сахары, и по археологическим находкам, ряд религиозных верований и обрядов (культ быка, барана, сокола, мумификация трупов) зародился здесь и отсюда перешел в Египет³⁹. Однако определение сахарных культур как мегалитических весьма проблематично: пустыня, а также утвердившийся здесь ислам систематически разрушали древние памятники. Лишь несколько столбов и камней, похожих на фаллические, найдены в Тассилин-Аджере, небольшой менгир отмечен на горе Аир. Эту коллекцию могут пополнить фаллические сюжеты на фресках⁴⁰; но этого явно недостаточно. Вместе с тем положение нельзя считать безальтернативным: памятники культуры хорошо сохраняются в районах, являющихся естественными изолятами. Роль такого изолята для сахарской культуры сыграли, во-первых, Канарские острова: здесь имеются многочисленные менгиры, стелы, сопровождаемые кругами из камней; некоторым мегалитам придана форма фаллоса, часть сооружений обнаруживает азимутальную ориентацию⁴¹. Второй изолят можно видеть на крайнем юге Сахары — это район современного Либии, лежащего на водоразделе между бассейнами оз. Чад и р. Конго. Здесь сравнительно небольшой площади обнаружены сотни мегалитов высотой 1 м и более. Одна из датировок указывает время жизнедеятельности этой культуры — VI—V тыс. до н. э.⁴².

Подтверждением того что мегалитам Сахары действительно соответствовала матрицистская картина мира, служит то обстоятельство, что мифологема «женского» Неба встречается (кроме указанных выше случаев) в религии африканского племени фульбе — народа «загадочного происхождения», многие элементы культуры которого распознаются на фресках нагорий Северной Африки⁴³.

Итак, поиски источника матрицистской идеи привели нас в неолитическую Сахару. Однако для темы статьи важна не матрицистская сама по себе, а связанная с ней хронологическая информация носителей этой идеи и их способность выражать планировки; в частности планы круговых обсерваторий.

История календаря (как наука) переживает сейчас очередной этап своего развития, когда разрабатываются древнейшие аспекты времяисчисления, уходящие к эпохам неолита и, возможно, верхнего палеолита. Классический разрыв этой науки родиной календарных представлений считал Египет. Эта традиция жива и поныне: например, О. Нейгебауер называл египетский солнечный календарь «единственным разумным календарем во всей человеческой истории»⁴⁴. Если это и соответствует действительности, то естественно ожидать, что такая высокая культура должна иметь глубокие корни. Хронологическая глуби-

на, которой достигают эти корни, интересовала уже древних. Так, Диоген Лаэртский сообщал, что у жрецов Египта имелись записи 373 солнечных и 832 лунных затмений — из чего следовало, что наблюдения велись не менее 10 тыс. лет, по Геродоту, письменные источники египтян уходят в прошлое на 17 тыс. лет, египетский жрец Манефон написал историю своей страны, начав хронологию от 30 627 г. до н. э.; есть указания и на более ранние даты⁴⁵. Как бы ни относиться к этим цифрам, они свидетельствуют о повышенном внимании египтян к времени и к численности. Но если в приведенных данных содержится хоть какой-то элемент реальности (т. е. если они выходят за пределы истории Египта, начавшейся в IV тыс. до н. э.), это должно означать, что хронология зародилась здесь — ее создали предшествующие общества. Египет уже унаследовал эту культуру.

На вероятность последнего варианта указывает конструкция солнечных часов, употреблявшихся в Древнем Египте. При анализе этих часов обнаружено, что их строители исходили из такого соотношения самого длинного и самого короткого дня, которое не соответствовало ни одной точке египетского государства даже в период максимального расширения его территории и имело силу только для 15-й параллели (широты Хартума, северного побережья оз. Чад, южной оконечности плато Аир)⁴⁶. Таким образом, «патент» на изобретение солнечных часов принадлежит не Египту, а какой-то неизвестной нам высокой культуре, расположенной ближе к экватору.

Связь мегалитической культуры с астрономией и календарем хорошо прослежена на западноевропейском материале. Установлено, что одиночный мегалит (в паре с дальним визиром) позволяет наблюдать единичное явление в жизни неба (например, момент солнцестояния или равноденствия). Более широкие возможности предоставляет группа камней, определенным образом расположенных относительно центрального менгира (например, по кругу): это создает систему визирных линий, соответствующих разным календарным датам. Отсюда следует, что основу сакрального отношения к камням, выложенным по кругу (строго говоря, составляющим часть окружности), можно видеть в их календарно-обсерваторной функции.

Как указывалось выше, от времени сахарского неолита почти не сохранилось мегалитов, но зато широко представлены каменные круги и, что особенно важно, круги неполные, «полукруги», предварительно датируемые VI—III тыс. до н. э. Обычно в них видят остатки (фундаменты) хижин; однако А. Лот установил, что каменный фундамент — отнюдь не обязательный элемент сахарского жилища, а на плато Аир он обнаружил круглые хижины, для которых лежащие по периметру камни служили украшением⁴⁸.

Кольцевые объекты Сахары еще не исследовались на предмет выявления древних обсерваторий; но опубликованный А. Лотом рисунок «ансамбля, несомненно являющегося символическим характером»⁴⁹ (рис. 8), может быть прочитан как чертеж такой обсерватории. Внутренний объект составлен из трех вертикальных камней; это не обязательно «символ солнца»: в древнем мире любой обелиск считался источником света (вспомним римскую стелу: stella — звезда). У одной стороны окружности изображены пять камней, помеченных бычьими головами, — возможно, они маркируют наиболее значительные календарные величины. Правее показан один камень и знак Луны — в этой обсерватории (как и в Стоунхендже) следили не только за солнечными, но и за лунными циклами. Подчеркнем, что это чертеж, сделанный при взгляде на обсерваторию *сверху*. Чертеж достаточно ясный, он вполне характеризует изображенное сооружение как простую подковообразную фигуру, развитые варианты которой мы видим в более поздних постройках. Вместе с тем это рисунок короткого «неполного» календаря, опирающегося на пять годовых праздников. Сейчас трудно что-либо сказать о длительности этого календаря: обращаясь к схеме ожерелья, находим, что художник не показал здесь рядовые «бусины» — малые камни (очевидно, помня, что эти бусы всегда имел при себе) и выделил лишь те, что в ожерелье

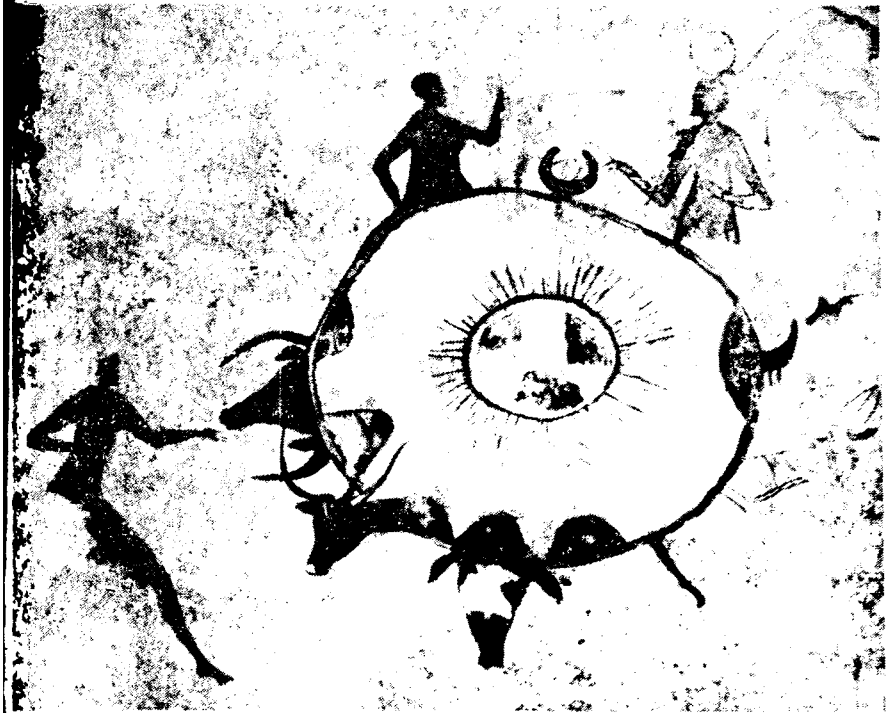

Рис. 8. Наскальный рисунок в Тассилин-Аджере (Сахара, 5—3 тыс. до н. э.)

ставлены праздничными подвесками. Таким образом, здесь в сущности своя «выписка из календаря», набор его праздничных символов.

Возможно, дальнейшее целенаправленное изучение сахарских древностей позволит выявить еще целый ряд объектов астрономического и календарного характера, но даже имеющиеся данные в их совокупности убеждают в том, что в неолитической Сахаре была создана матрицеллярная картина мира, были астрономические (азимутальные) наблюдения солнца и создан солнечный календарь. Построенный на местности в виде крупных камней-визиров, выложенных по кругу, этот календарь был, очевидно, продублирован в ожерелье древней Ливии культура ожерелий была чрезвычайно развита; на египетских и критских росписях «ливийцев» изображали непременно в ожерельях). Все это, именно матрицеллярная культура, которой было свойственно топографическое видение земных объектов, оказалось способной создать рисунок этого календаря — как план мегалитической обсерватории.

Дальнейшая история сахарских культур развивалась драматично. Ближайший этап хорошо известен: племя или группа племен — носителей матрицеллярной идеи — вошли в состав древнеегипетского этноса. Естественно ожидать, вместе с идеологическими конструкциями, хронологическими знаниями, навыками ремесла (работы по камню) в Египет были принесены и определенные художественные принципы, в частности связанные с вычерчиванием планов. Действительно, в Древнем Египте известны рисунки, представляющие геометрически точные планировки: таково, например, изображение виллы в Телль-Фарне⁵⁰. Свою страну египтяне обозначали картинным иероглифом плоской облой поверхности, иногда разделенной оросительными каналами на ряд обжитых участков⁵¹, — тот же принцип, что и в трипольском шашечном ромбе. Египетские иероглифы, обозначающие «дом», «двор», ясно показывают планировку того и другого; с ними хорошо сочетается критская логограмма «дво-

Египетское искусство знало и рисунки круговых фигур, в принципе соотно-

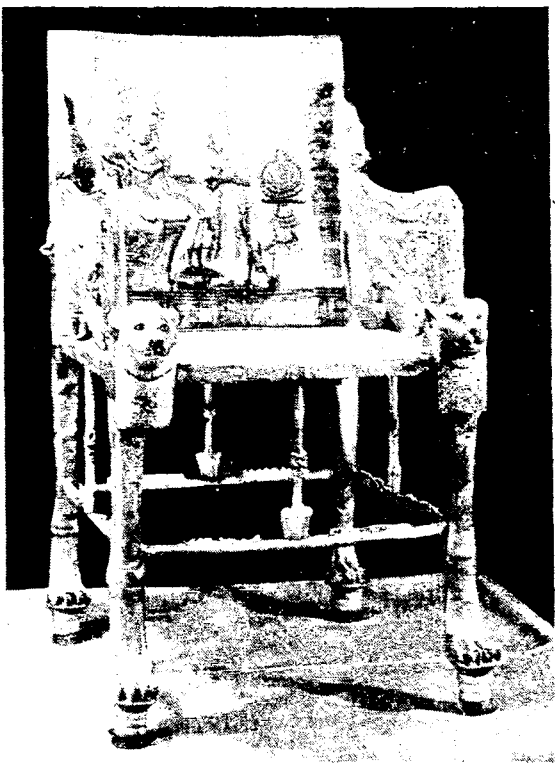

Рис. 9. Трон фараона Тутанхамона (XIV в. до н. э.)

симые с рассмотренным изображением на фреске Тассили. Для примера приведем оригинальную композицию, нанесенную на спинке трона фараона Тутанхамона и безусловно представляющую священный символ (рис. 9). Интересно, что этот круг не замкнут на вершине, он образован своеобразным ожерельем и в этом смысле напоминает каргопольскую «гусеницу». В тронном узоре удается насчитать 33 или 34 звена (величина, близкая или равная числу столбов в «подкове» дакийской Сармизегетусы) — возможно, сакральность этого символа определялась его календарным и астрономическим характером.

Область влияния матрицеллярной культуры Северной Африки не ограничилась Египтом, но распространилась если не на все Средиземноморье, то на его восточную (включая Крит и Грецию) и западную (Пиренейский полуостров) зоны. Это «влияние» представляется в значительной мере вынужденным: население Сахары, вытесняемое пустыней (процесс аридизации этого региона начался в V или даже в конце VI тыс. до н. э.⁵³), покидало обжитые земли и двигалось по всем возможным направлениям. На север (в Европу) мигранты могли попасть двумя путями: западным — через Гибралтарский пролив и далее вдоль побережья Атлантики — и восточным — через Переднюю и Малую Азию, Балканы и в Северное Причерноморье. На эти направления указывал еще В. Н. Даниленко (правда, вне связи с сахарской проблемой)⁵⁴. Эти два пути прослежены А. А. Формозовым как маршруты распространения египетского культового изображения солнечной ладьи⁵⁵ (но точнее это изображение надо считать *сахарским*, поскольку оно встречается среди наскальных рисунков Тассилин-Аджер, Нубии, Судана, Канарских островов). Западный путь ясно маркирован рядом археологических культур, относимых к категории мегалитических⁵⁶; знаменательно, что в зоне мегалитических сооружений при раскопках часто встречаются «египетские» *бусы* и амулеты⁵⁷.

Нас в наибольшей степени интересует восточный путь распространения североафриканской культуры. Говоря о проникновении североафриканцев в Европу, пусть поставит вопрос об антропологическом типе мигрантов. Сейчас считается установленным фактом расовая однородность автохтонного населения южной Африки: оно принадлежало к большой европеоидной расе и включало типы — средиземноморский и атлантический (в виде вкраплений присутствовали и другие антропологические типы)⁵⁸. Египетские росписи запечатлели темнокожих голубоглазых «ливийцев» конца II — начала I тыс. до н. э. По-видимому, так же выглядели представители доиндоевропейского населения Эгейского бассейна — пеласги; их вероятных потомков, фракийцев, своеобразно описал древнегреческий философ Ксенофан: в рассуждении о том, что боги древних народов похожи на эти народы, он отметил, что фракийцы представляют своих богов голубоглазыми и рыжеватыми⁵⁹. Интересно, что эта иконография божества сохранялась и в период греческой архаики (VII—VI вв. до н. э.): мраморная скульптура раскрашивалась таким образом, чтобы показать волосы золотистыми, а зрачки глаз синими⁶⁰. Источник этого типа — в Северной Африке: считается, что Осирис был рыжим, поэтому в ежегодных мистериях египтяне приносили в жертву рыжеволосых людей, которые символизировали Бога⁶¹. Для вопроса о продвижении этого типа дальше на север представляет интерес утверждение Геродота, что он был распространен у племени будинов, населявших юго-восток Европы (в. до н. э. земли между Верхним Доном и Средней Волгой)⁶².

Важнейшей вехой на восточном пути стала Эгеида. Первые волны мигрантов с юга и юго-востока стали прибывать сюда, начиная с эпохи керамического неолита (VI тыс. до н. э.)⁶³. Первооткрыватель минойской культуры (IV тыс. до н. э.) А. Эванс выдвинул гипотезу о ливийском происхождении этой культуры и самих обитателей острова Крит. Сейчас вопрос о миграциях в этом регионе является остродискуссионным: они либо отрицаются, либо признаются, но относятся к более позднему времени (III тыс. до н. э.)⁶⁴. Особое место в этой дискуссии занял Ю. К. Поплинский: по его мнению, в древности все страны Средиземноморья, включая Сахару, образовывали единый этнокультурный комплекс. Западнее этого комплекса, т. е. зона, откуда исходила более сильная инициатива культурного взаимодействия, обладал подвижностью — с течением времени он неоднократно перемещался. В период неолита и вплоть до III тыс. до н. э. роль в культурном взаимодействии играла Северная Африка (с Сахарой)⁶⁵. Исходя из этой теории, миграции из Африки в это время не вносили в культуры народов Средиземноморья ничего инородного: суть процесса была в том, что шло территориальное перераспределение одной культуры.

Культурные связи между Северной Африкой и странами Эгейского бассейна спорны, о них можно судить по разнообразным и многочисленным памятникам. Самым убедительным свидетельством культурной общности этих регионов является стилистическое единство глиняных статуэток с изображением женщин⁶⁶. Характерно, что это раннеминойское божество представлялось его поклонникам *витающим в небе*⁶⁷.

О связях Триполья с культурами Балканского полуострова, а также о единстве антропологического типа на этих территориях говорилось выше. Но как осуществлялись эти связи, полной ясности нет. Г. Чайлд считал трипольскую культуру пришедшей из областей Восточного Средиземноморья⁶⁸. С. Н. Бибиков считал, что мигранты с юга составили один из компонентов этой культуры⁶⁹. Новая космогоническая модель мира (матрицелярная), обнаруживаемая в Триполье и Северной Африке, говорит в пользу такой миграции. Наглядный пример южных корней жителей Триполья можно видеть в том, что луна как элемент трипольского орнамента изображалась «рогами вверх»⁷⁰: лунный серп может занимать горизонтальное положение в тропической зоне, в частности на широте южной Сахары. И если к этому добавить присущий трипольцам культ женского начала (обилие женских фигурок), а также топографическую манеру рисования — можно с уверенностью говорить о том, что рисунок кольцевого узора, напо-

минающего ожерелье, гусеницу или некое подковообразное сооружение, бы вполне понятен обитателям Приднепровья IV—III тыс. до н. э.

Разумеется, было бы полезно убедиться в том, что этот узор для них — только «читаемый» символ, но и живая реальность, т. е. что астрономические наблюдения того времени осуществлялись на обсерваториях подковообразного вида. Некоторые соображения на этот счет приводились выше. Важнейшим элементом таких обсерваторий (и вместе — центральным культовым объектом) должен быть фаллоподобный менгир. Мегалитов на юго-востоке Европы гораздо меньше, чем на западе, и к тому же они почти не изучены. Для примера укажем так называемый Конь-камень в современной Тульской области⁷¹ — в зоне обитания геродотовых будинов, каменные столпы в горном Крыму и в Болгарии (о последних сообщает житие Климента Охридского⁷²). Если предположить еще несколько утраченных экземпляров, можно считать, что этого количества (10—15 объектов) достаточно для функционирования астрономической службы тем более если учесть наличие прямых, тесных связей с западом континента⁷³. С другой стороны, развитие подобных комплексов на Британских островах показывает, что параллельно с каменными конструкциями существовали и деревянные (Вудхендж неподалеку от Стоунхенджа). Триполье могло пойти по упрощенному варианту: вместо каменных глыб водружать деревянные столбы.

Идея матрицеллярности обнаруживается не только в рассматриваемой сфере она сопрягается с рядом мифопоэтических и ритуальных элементов, не имеющих прямой связи с астрономией и календарем. Со временем эти элементы отрываются от единой религиозной системы и получают самостоятельное существование. Выявление этих элементов и их географического распространения может послужить дополнительным аргументом в пользу постулируемого здесь положения о миграции исходной идеи — кругового календаря и его рисунка — узора «гусеница».

Богатый материал представляет греческая мифология. Она включает сюжет, прямо отражающий факт переселения «ливийцев» в Грецию (миф о Данее и 50 его дочерях). Рассказ о девушке Ио, превращенной в корову, крайними точками ее странствий называет Египет и Скифию — в этом можно видеть память о том пути, который прошли мигранты со своими стадами. Особый интерес представляет образ богини Афины. Ее культ греки заимствовали у аборигенов Эллады — пеласгов⁷⁴. Она безусловно происходит из пантеона того общества, для которого Небо связывалось с женским началом. Афина причастна к Небу по троянскому преданию, ее изображение (палладиум) упало с Неба, поэтому Троя находилась под особым покровительством этой богини. Афина рождена Зевсом — почему столь странные «роды»? В этом, видимо, отразились представления матрицеллярных земледельцев: урожай для них — это плоды, порожденные землей как мужским началом. На вопрос, откуда пришла в Эгеиду Афина (а точнее, почитающее ее общество), во многом отвечает костюм богини (на вазовых росписях): дева-воительница изображалась закутанной в козью шкуру без шерсти или одетой в кожаную юбку и такую же накидку. По мнению Геродота, это одеяние богини точно соответствует костюму женщин Ливии и было заимствовано эллинами у последних (История. IV. 189). Но истина, видимо, в том, что заимствована сама богиня. Еще одно соображение в пользу этого: одним из культовых животных Афины была сова; это значит, что в отдаленной древности культу Афины предшествовал культ совы. Это довольно редкое культовое животное. Но не так давно в наскальных росписях Тассилин-Аджера обнаружено до 40 изображений сов, а на северных отрогах Тассили найдено 9 фаллических столбов, украшенных человеческими фигурами с совиными головами⁷⁵. Не здесь ли родина Афины-совы?

В связи с вопросом о мужской атрибуции земли представляет интерес обряд, при котором приверженцы этого представления не возводят гигантских стен, а довольствуются весьма миниатюрными предметами. Речь идет об обряде «похороны Германа», который еще недавно совершался ради вызывания дождя

юлгари, и причем на территории, некогда занятой северофракийскими племенами. Основной реквизит обряда — глиняная фигура обнаженного человека юльшим фаллосом⁷⁶. Его смерть символизировала погибающую от засухи юлю. Герман олицетворял эту землю или был ее богом (подобие египетского йа).

Для религиозного мышления древности вода не была монолитной субстанцией: ее свойства разнились во времени (сакральность воды резко возрастала в определенные календарные праздники), они зависели также от топографии и космографии источника вод. Выше указывалось на различие Небесных вод образно с космологическим взглядом на Небо: Дождь «мужской» — оплодотворяющий, Дождь «женский» — питательный. Столь же по-разному воспринимались последователями полярных «основных мифов» и земные воды. Прицельной теории (где Земля — «мужская»), очевидно, должно быть свойственно отношение к воде Земли так же, как к «мужской». (Или в обратном раскладе: известные факты такого отношения к земным водам должны раскрываться как признак матрицелярной концепции мира). Наиболее ярким средоподобных фактов является широко распространенное в Древней Греции представление о том, что детей даруют женщинам воды (или божества) рек⁷⁷. Следы йй идеи в северном и восточном регионах: 1) циклическая теория зороастризма предусматривает прецеденты, повторяющиеся раз в тысячелетие: купающаяся в священном озере девственница выпивает глоток воды, от которого береется и рождает мальчика, сына Заратустры⁷⁸; 2) в славянском свадебном обряде невеста теряет «девью красоту» несколько ранее встречи с женихом, частности, при мытье в бане, где присутствовал волхв, а позже просто банщик — персонажи, в которых исследователи видят воплощение духа воды⁷⁹. При этом этого представления уходят в Северную Африку: Анри Лоту удалось проанализировать один из рисунков в Тассилин-Аджере как сцену ритуального купания священного рогатого скота, цель которого — предохранение животных от бесплодия⁸⁰.

Приведенные примеры иллюстрируют продвижение некоторых традиций представлений, зародившихся в неолите Северной Африки, в область славянской культуры, убеждая в наличии реального механизма, обеспечивающего это движение. Таким же образом мог мигрировать художественный принцип, предусматривающий изображение предметов «в плане», т. е. при взгляде на них сверху. Зарождение этого принципа связывается с мифологемой «женского» начала, простертого над «мужской» Землей, маркированной фаллоподобным менеем. Иными словами, все культуры древности на основании принятой ими космологической схемы могут быть разделены на две категории: матрицелярные и матрицелярные; топографический метод изображения был присущ первой из них.

Для людей, возводивших мегалитические объекты, менгир стал зародышем ритуальной обсерватории. Но наблюдать небо — значит считать дни, поэтому юмис мегалитом появляются другие камни, лежащие по кругу и обозначающие некие первичные календарные единицы («недели» или ее половины) и крупные праздничные даты: обсерватория становится круговой. Ее вид (вид сверху) походил на огромное ожерелье, так ожерелье становится изображением ю «храма», где сочтены важнейшие сроки в жизни Земли и Неба, и вместе с тем становится формой календаря. Следующие этапы: нарисовать план календаря-обсерватории на поверхности скалы, на спинке трона, вышить на ткани. Итак, каргопольский узор как изображение календаря, тесно связанного с мифологической астрономией, по-видимому, обязан своим происхождением неолитическим племенам Северной Африки, донесшим его до Северного Причерноморья и, возможно, до днепровского Триполья. Столь долгая его сохранность свидетельствует о том, что этот календарь продолжал функционировать и после образования трипольских племен в местных обществах; а нестабильное число дней на дошедшем до нас узоре «гусеница» говорит об использовании календарными, но взаимодействующими между собой народами. Такое бытова-

ние древнего кругового календаря длилось не одно тысячелетие (вероятно, был еще «читаем» в первые века I тыс. н. э.) — это, несомненно, оказало бы готворное влияние на календарные традиции новых европейских народов. В дальнейшем исконный смысл календаря и его математический аппарат бы забыты; рисунок продолжал употребляться преимущественно в магическом и декоративном плане, хотя память о присущем узору календарном значении побуждала привязывать к нему позднюю (юлианскую) систему.

Рассмотренный календарь служит подтверждение глубоких этнокультурных связей древнего мира, показывая, что так называемые высшие знания о ласти астрономии и календаря человечество добывало сообща, в преемственности движения культуры.

Примечания

- ¹ Дурасов Г. П. Каргопольские народные вышивки-месяцесловы // Сов. этнография (далее — СЭ). 1978. № 3. С. 139—148.
- ² Власов В. Г. Русский народный календарь // СЭ. 1985. № 4. С. 26—33.
- ³ Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974; Ларичев В. Е. Лунно-солнечная календарная система мальтинской культуры. Лунно-солнечный идол. Новосибирск, 1984 (принт).
- ⁴ Календарные даты здесь и далее — по юлианскому календарю.
- ⁵ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 8—23, 97—123, 200, 316, 400—401.
- ⁶ Власов В. Г. К вопросу о календаре верхнего палеолита // Сов. археология. 1989. № 5. С. 5—15.
- ⁷ Элькин А. Коренное население Австралии. М., 1952. С. 149—150, 179.
- ⁸ Заславская Ф. А. «Мунчок» из Караул-Тепе, сумарни и счетные палочки // Индийская культура и буддизм. Сб. статей памяти акад. Ф. И. Щербатского. М., 1972. С. 179—184; Жуковская Н. Четки // Наука и религия. 1985. № 3. С. 38—39.
- ⁹ Ларичев В. Е. Лунно-солнечный календарь погребения Мальты и проблема палеокосмогонических аспектов семантики образов искусства древнекаменного века Сибири // Каменный век Севернор, Средней и Восточной Азии. История и культура Востока Азии. Новосибирск, 1985. С. 63—64.
- ¹⁰ Липс Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М., 1954. С. 217.
- ¹¹ Брагинская Н. В. Календарь // Мифы народов мира. Т. I. М., 1980. С. 614.
- ¹² Мухитдинов И. Народный земледельческий календарь памирских таджиков (XIX—начало XX в.) // Памироведение (сборник статей). Вып. 1. Душанбе, 1984. С. 153—157.
- ¹³ Лебедев Д. К истории времяисчисления у евреев, греков и римлян. Пг., 1914. С. 134.
- ¹⁴ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 177—190.
- ¹⁵ Кузак В. К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X—XVII вв. М., 1976. С. 59.
- ¹⁶ История Европы с древнейших времен до наших дней. Т. I. Древняя Европа. М., 1965. С. 616—617.
- ¹⁷ Горнунг Б. В. Из предьстории образования общеславянского языкового единства. М., 1965. С. 35.
- ¹⁸ Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989. С. 338—344.
- ¹⁹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси... С. 184.
- ²⁰ Нейгебауер О. Точные науки в древности. М., 1968. С. 136; Церен Э. Лунный бог. М., 1971. С. 302; Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 38, 51, 152, 165.
- ²¹ Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983. С. 7—49; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси... С. 329—343.
- ²² Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976. С. 54.
- ²³ Власов В. Г. Русский народный календарь... С. 27—32.
- ²⁴ Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. М., 1981. С. 244.
- ²⁵ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974. С. 24.
- ²⁶ Амброс А. К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // Сов. археология. 1965. № 3. С. 22; Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // Сов. археология. 1965. № 1. С. 29, 31; Энеолит СССР. М., 1982. С. 242, 251.
- ²⁷ Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Л., 1983. С. 209.
- ²⁸ Рыбаков Б. А. Космогония... С. 26—28, 34—35, 39; его же. Язычество древних славян. С. 166—169, 181—208; Энеолит СССР... С. 250—251.
- ²⁹ Энеолит СССР... С. 213.
- ³⁰ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян... С. 148, 212, 566.
- ³¹ Афанасьев А. Н. Поэтическое воззрение славян на природу. М., 1865. Ч. I. С. 435, 671.
- ³² В древнейшей славянской азбуке (глаголице) буква «земля» обозначалась ромбом, пересеченным горизонтальной линией. Простой ромб выражал это же понятие в сарматских знаках и на некоторых древнерусских изделиях. См. Истрин В. А. Развитие письма. М., 1961. С. 290.
- ³³ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси... С. 224, 226, 238, 250.

Энеолит СССР... С. 169—170, 175, 223, 252.

Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы, конец XIX — начало XX в. и древние праздники. М., 1977. С. 115, 142, 154; Календарные обычаи... Летне-осенние праздники. 978. С. 179, 187, 201, 274—275.

Дикшиг С. К. Введение в археологию. М., 1960. С. 251.

От caelum (лат.) — небо.

Авдиев В. И. История Древнего Востока. М., 1970. С. 138—146.

Лот А. К другим Тассили. Новые открытия в Сахаре. Л., 1984. С. 29, 45, 50, 55, 83—87, 112, 210; История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 276—279.

Лот А. Указ. раб. С. 13, 17, 54, 98, 151, 163, 165.

Большаков А. А. За Столпами Геракла. Канарские острова. М., 1988. С. 93—101.

Археология Центральной Африки. М., 1988. С. 32.

Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986. С. 44; Лот А. Указ. раб. С. 43—44, 117, 122.

Нейгебауер О. Указ. раб. С. 92.

Горбовский А. А. Загадки древнейшей истории (Книга гипотез). М., 1971. С. 36, 45.

Там же. С. 21.

История первобытного общества... С. 281.

Лот А. Указ. раб. С. 44, 146.

Там же. С. 213.

Древний мир. Сборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима. Ч. 1. М., 1917. С. 23.

Авдиев В. И. Указ. раб. С. 135.

Истрин В. А. Указ. раб. С. 108, 111, 193. Рис. 63 (вклейка).

Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. М., 1977. С. 143.

Даниленко В. Н. Энеолит Украины. Этноисторическое исследование. Киев, 1974. С. 143—144.

Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966. С. 41—45.

Монгайт А. Л. Археология Западной Европы... С. 51, 59 (Карты).

Формозов А. А. Указ. раб. С. 96.

Поплинский Ю. К. Из истории этнокультурных контактов Африки и эгейского мира. Гараман-проблема. М., 1978. С. 22—23, 89; Лот А. Указ. раб. С. 29, 49, 53, 67, 86, 122, 177; История первобытного общества... С. 280.

Антология мировой философии. В 4-х т. М., 1969. Т. 1. Ч. 1. С. 292.

Дмитриева Н. А. Краткая история искусств. М., 1969. Вып. 1. С. 72.

Резер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1986. С. 354—355, 414—415.

Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии. М., 1955. С. 12.

Гитов В. С. Неолит Греции. Периодизация и хронология. М., 1969. С. 220—227.

История Европы... Т. 1. С. 97; Мерперт Н. Я. Об этнокультурной ситуации IV—III тыс. до н. э. в кумпонтинской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С. 20—22.

Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950. С. 53.

Богаевский Б. Л. Крит и Микены. М.; Л., 1924. С. 172—173.

Ранние земледельцы. Этнографические очерки. Л., 1980. С. 55.

Бибииков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // Материалы исследований по археологии СССР. 1953. № 38. С. 276—288.

Рыбаков Б. А. Космогония и мифология... С. 30.

Васов В. Г. Русский народный календарь... С. 31.

Билбасов В. А. Кирилл и Мефодий по западным легендам. СПб., 1871. С. 374.

Формозов А. А. Указ. раб. С. 96.

Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский М., 1958. С. 256—265.

Лот А. Указ. раб. С. 54, 94.

Календарные обычаи и обряды... Летне-осенние праздники... С. 226.

Тамсон Дж. Указ. раб. С. 221—222.

Церен Э. Указ. раб. С. 315.

Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1929. Т. VIII. С. 171—173.

Лот А. Указ. раб. С. 116.

Р. К. Шидфар

ПЕРЕЖИТКИ ТОТЕМИЗМА И ТАБУИРОВАНИЕ У АРАВИЙСКИХ ПЛЕМЕН в VI—VII вв.

(по «Жизнеописанию посланца Аллаха»
Ибн Хишама)

Одним из характерных качеств ислама является строгое табуирование, возникшее на основе отдельных положений Корана и ряда хадисов. Интересно как отражение складывающегося этнического единства, поскольку его корни уходят в доисламский период и обнаруживают единство ряда пережиточных явлений, наблюдавшихся не только у языческих племен, но и арабов, исповедовавших христианство или иудаизм.

Источником для освещения подобных явлений может служить весь корпус документов, связанных с ранней мусульманской традицией, и прежде всего «Жизнеописание посланца Аллаха», автором или составителем которого является Ибн Исхак (ум. в 767 г.) и которое отредактировано Иби Хишамом (ум. в 835 г.)¹. Ценность этой книги обусловлена не только хронологической близостью к эпохе формирования раннего ислама, но и тем, что ее цель — осуждение «джахилийских» доисламских обычаев или идолов, которым поклонялись аравийские племена (об этом говорится как бы мимоходом, что уменьшает вероятность искажений), а описание многих моментов, имеющих первостепенную важность для данной темы.

В условиях разложения родо-племенного общества на Аравийском полуострове² трудно было бы ожидать сохранения «чистого» рода, объединенного лишь кровнородственными связями³. Род, особенно к VI— началу VII в. «растворился» в племени. Большую роль в этом процессе играл обычай усыновления, широкое распространение института так называемых *маула* — людей, присоединившихся к племени и получивших от него имя (например, «аль-Кальби» от *кальб* — собака), обычай *истиджара* (буквально «просьба о принятии в соседи», т. е. покровительстве), смешение представителей разных родов и даже племен, как это произошло, например, в Мекке и отчасти в Медине.

Представляя интерес наименования многих аравийских племен, в которых можно усмотреть пережитки тотемизма. В качестве этих наименований выступают, как правило, названия крупных хищных животных, мясо которых не употребляется в пищу: *асад* (лев), *намир* (пантера), *фахд* (гепард). Большие группы племен носят также названия *кальб* (собака), *салаб* (лиса). Некоторые родственные или союзные племена, часто объединенные общими происхождением, получают наименование по множественному числу от соответствующего тотемного имени, например, *намир* — *анмар* (пантеры!); *кальб* — *килаб* (собаки); *салаб* — *саалиб* (лисы) и т. п.

Общим для данных названий является, очевидно, то, что перечисленные животные отличаются силой, ловкостью и эти качества должны были перейти родам и племенам, носящим их имя. Кроме того, тотемические звери — хищники, и приобщение (благодаря общему названию) к их охотничьему мастерству должно было помогать людям-львам и людям-пантерам успешнее добывать дичь.

Очевидно, существовали тотемы не только родовые и племенные, но и индивидуальные⁴, о чем говорит наличие имен собственных того же ряда (*Асад*, *Намир*, *Кальб*, *Зиб* — волк, *Салаб* и т. п.). В данном случае отсутствуют имена, образованные от множественного числа, что вполне логично. Для собственных имен употребляются также названия животных, эпитеты которых не зафиксированы в названиях родов или племен, например *Лейс* (бурый лев).

ханфар (свиный лев), Шибль (молодой лев), Лейл или Луейл (самец гиены), Ваул (горный козел) и т. п. То же можно сказать и о женских существных именах, например аль-Ханса (плосконосая антилопа) ⁵.

В поздних патриархальных родах и племенах, которые сложились на Аравийском полуострове к рассматриваемому периоду, такие наименования могут быть истолкованы и иначе: поздние патриархальные роды и племена часто ведут свое происхождение и соответственно наименование от предка-мужчины, который получал имя крупного хищника для устрашения врагов. Так, Ибн Хишам сообщает, что у некоего Абу Ракиша аль-Араби (VII в.) спросили, почему арабы называют своих сыновей такими «скверными именами», как Кальб и Зиб, а рабов — «наилучшими именами» — Марзук (наделенный) или Рабах (рыбный), на что тот ответил: «Мы называем наших сыновей для наших врагов, а рабов — для себя». Поясняя свои слова, он добавил, что «сыновья — оружие против врагов и стрелы, направленные им в грудь» ⁶. В этом сказывании, кроме пережиточного отождествления человека с животным-тоименом, чье имя он носит, мы видим связанную с этим магию имен — явление, широко распространенное у арабов в течение долгого времени ⁷. Иногда встречается попытка «рационализации» в истолковании названий племен: *Курейш* объясняется не как «маленькая акула», а как производное от слова *такарруш* — «занятие торговлей» ⁸.

Нет сведений о наличии каких-либо изображений тотемных животных у арабов в VI—VII вв. Вероятно, какие-то отдаленные отголоски существования древности подобных изображений можно усмотреть в библейско-коранической легенде о золотом тельце, который, по всей видимости, был зооморфным тотемом. Не случайно корова была наиболее приемлемой формой жертвоприношения, в чем можно усмотреть типологическое сходство с обычаями жертвоприношения и поедания тотемного животного (например, культ медведя у народов Бири) ⁹. Но, не сохранившись в изображении, пережитки тотемизма продолжают жить в арабском языке, в многочисленных названиях. Интерес представляют и некоторые художественные образы, имеющиеся в «Жизнеописании посланца Аллаха», а также в поэзии и средневековом арабском народном эпосе. Так, о влиятельном и щедром человеке было принято говорить, что «кормит зверей». Сообщая о прадеде Мухаммада Абд аль-Мутталибе, Ибн Хишам пишет: «Это был господин корейшитов [племени, проживавшего в Мекке], старейшина мекканских караванов [*сахиб ияр Макка*], он кормил людей на вершинах гор и людей на равнине» ¹⁰. Одного из героев романа «Жизнеописание Антары ибн Шаддада», охотника и воина, зовут Мукриль-гуш (буквально «кормящий зверей»). Здесь возникает предположение о какой-то, конечно весьма отдаленной, связи упоминания «кормления диких зверей» (имеются в виду именно звери-хищники, от названий которых произошли названия племен) с обычаями кормления предков-тотемов, сохранившимися, возможно, как пережиток культа предков. Эту мысль подкрепляет еще одно интересное место из «Жизнеописания посланца Аллаха». Когда Абд аль-Мутталиб решает принести в жертву Великому Хубалу (одному из богов, живущих в Каабе) своего младшего сына Абдаллаха, отца Мухаммада, настоянию других корейшитов отправляется к ведунье (*аррафа*) в Медину, советует Абд аль-Мутталибу выкупить сына. Хубал удовлетворяется несением в жертву сотни верблюдов, и после того как верблюдов убивают, «не мешают ни людям, ни хищным зверям есть их мясо» ¹¹. В данном случае звери — потомки зверей-тотемов — приравниваются к людям — потомкам «природителей арабов», которые непосредственно произошли от данных тотемов-предков.

Пережитки тотемизма (может быть, в известной степени переплетающиеся с анимизмом) видны в часто встречающихся упоминаниях о «камнях», главным образом камнях из Каабы (здесь не имеется в виду «Черный камень», который ко времени Мухаммада составлял одну из ее основных святынь;

речь идет о небольших камнях, которые, очевидно, находились внутри Каабы. Ибн Хишам сообщает: «Началом поклонения камням-предкам среди потомков Исмаила было то, что никто из отъезжающих не покидал Мекки, когда он становился ему тесна и он желал поискать просторных земель, не взяв с собой камня из камней святилища [Каабы], почитая святыню. И где бы он останавливался, он клал этот камень, и они [очевидно, члены одного рода] обходили вокруг него, как обходят вокруг Каабы. И это привело к тому, что они стали поклоняться тем камням, которые нравились им и которые они находили подходящими для этого»¹².

В этом сообщении, представляющем собой позднее осмысление древнейшей, ясной, ясные два момента. Первый — наличие тотемов-камней, по всей вероятности, родовых, поскольку говорится о перекочевке, которая обычно предпринималась родом в поисках лучших пастбищ, и употребление множественного числа — «обходили». Здесь несомненно идет речь о членах рода, совершающих ритуальный обход — *таваф* вокруг тотема — пережиток ритуальных плясок (вокруг Каабы совершают обход и мужчины, и женщины). Второй момент — роль Каабы как первоначального хранилища тотемов, которое воспринималось как «дом» тотемов, что сохранилось в арабском языке (Дом Аллаха — одно из языческих богов до ислама, дом Аллат и других «идолов»). Камни эти по всей вероятности, были разной величины — от небольших, которые не обременяли членов откочевывающего рода, до больших камней — так называемых *ансаб* (буквально «установленные»), о которых часто упоминают доисламские поэты, не называя их «изображениями»¹³.

О связях камней-тотемов с культом предков свидетельствуют многие сообщения Ибн Хишама. Говоря об истории «идола Аллат» (или аль-Лат), относительно происхождения которого существуют различные версии, Ибн Хишам приводит рассказ о некоем предке племени сакиф, который «не умер, а вошел в камень, и этот камень стали почитать его потомки»¹⁴. Далее говорится, что перед тем, как предок «вошел в камень», он приказал построить для этого камня дом и почитать его, так что дом стал святыней (*харам*)¹⁵.

О наличии тотемов-предков можно узнать также из сообщения о том, что первые камни поставлены как воплощение «праведных людей-прародителей» со времени Нуха (Ноя) — Адама, Шиса (сына Адама), Сува — сына Шиса и сыновей Сува — Ягуса, Яука и Насра¹⁶. Особенно обращает на себя внимание имя Наср — «ястреб» или «орел», вероятнее всего, тотемный предок. Изображение орла помещалось на знамени первых мусульман¹⁷. Яук, Ягус, Сува и Наср позже стали «идолами», но у Ибн Хишама не говорится, было ли это изображение или *насаб*, т. е. просто камень.

Можно отметить пережитки тотемизма в наличии большого числа «ансабов» (камней) над колодцами, игравшими определяющую роль в жизни арабских племен. Ибн Хишам постоянно упоминает о том, что над таким-то колодцем стоял камень, или «идол»¹⁸. Вероятно, здесь можно говорить о «духах-хранителях», таких, например, которые стояли над знаменитым мекканским колодцем Земземом¹⁹. В интерпретации появления этих камней Ибн Хишам стремится связать их с нарушением табу, осквернением Каабы. Он рассказывает о Исае и Наиле — мужчине и женщине, которые «согрешили в Каабе» и за это тотчас превратились в камни, т. е. «вошли в камень», так же как предок сакифитов (употребляя глагол *масаха* — «одушевлять»).

Возможно, эти камни были тотемами одного из мекканских родов, который в то время принадлежал колодецу. Не исключено, что сами колодцы в свое время воспринимались как тотемы, поскольку возле них приносились жертвы и они служили объектами поклонения²⁰.

По всей вероятности, были и тотемы-растения, главным образом финиковая пальма. Может быть, тотемной прародительницей племени бану Кинана была Узза, обитавшая, как говорится у Ибн Хишама, «у пальмы» или даже «в пальме» (*би нахлятин*)²¹. В VII в. существовал культ пальмы; пальма рассматри

лась если не как тотем-предок, то, во всяком случае, приравнивалась к равному члену племени, поскольку за срубание пальмы взималась вира как человека — одна корова²².

Древний обычай строить дома вокруг деревьев осмысливается как табуирование рубки деревьев, так что такие дома представляли своеобразную параллель юму», в котором хранились каменные тотемы²³.

Возникает вопрос, почему в названиях племен нет какого-либо наименования верблюда — животного, игравшего такую большую роль в жизни аравийских кочевников. Очевидно, одомашнивание верблюдов произошло уже после образования тотемной системы аравийских племен; возможно, ранее верблюд был дичью, а тотем-дичь, объект охоты, не был достаточно «сильным» в сознании ранних кочевников. Любопытно, однако, что в одной из ранних мусульманских легенд, еще сильно связанных с доисламским периодом, именно верблюд выступает как покровитель Мухаммада, отгоняющий от него врагов, и в образе «страшного огромного верблюда» показывается архангел Гавриил²⁴, покровитель пророка, передающий ему Коран со слов Аллаха.

Может быть, одним из древнейших тотемов была змея. Ибн Хишам приводит сильно модифицированный и переосмысленный рассказ о ядовитой змее, жившей в Земземе, которая «мешала людям и была унесена хищной птицей»²⁵. Она якобы была послана в наказание за кражу «сокровищ Дома Аллаха» (Каабы) одним из мекканцев (т. е. это типичный мотив наказания за нарушение табу). Однако первоначально змея (*аркам*), очевидно, была тотемом рода араким, название которого часто встречается в истории аравийских племен, и не исключено, что она была хранителем подарков, которые приносились ей в жертву. В данном случае виден процесс превращения определенного предмета или живого существа из «хранителя» во «вредителя», причем первоначальная основа предания совершенно забылась.

В противоположность тотемизму, пережитки которого можно реконструировать по дошедшим до нас в передаче Ибн Хишама сообщениям, система табуирования была чрезвычайно устойчивой у аравийских племен данного периода и в своей основе удержалась в исламе, за исключением некоторых табу, от которых боролся Мухаммад, как видно из отдельных аятов (стихов) Корана и хадисов (об этом будет сказано ниже). Здесь не рассматривается тема пищевых табу, заслуживающая специального исследования.

В арабском слове *тахрим* — «запрещение», «табуирование» и в других производных от корня *харама* явственно прослеживается связь понятий «запретное» и «священное» — «недозволенное» (*х́арам* — «святыня» и *харám* — «запретное, позорное»). Эта связь, как представляется, имеет очень древнее происхождение — от неразграниченности понятий «добро» и «зло» до религиозной ступени сознания, когда понятий «добра» и «зла» в их абстрактном понимании еще существовало.

Противопоставление дозволенного (*халал*) и запретного (*харам*), разделяющего на эти две категории было резко выражено и проявлялось в множестве обычаев.

Одним из древнейших табу, существовавших в VI—VII вв. уже как табу, был запрет произнесения имени. Этот запрет, не сохранившись в чистом виде, проявляется в табуировании имени божества. У Ибн Хишама имеется довольно интересный отрывок, где рассказывается о некоем Фимионе, который был, очевидно, проповедником ханифства, одного из монотеистических учений, распространенного в Центральной Аравии в VII в. Ученик Фимиона говорит, чтобы тот сказал ему «величайшее имя», и, когда Фимион отказывается назвать это, «ибо ученик слишком слаб...», последний узнает имя после испытания огнем²⁶.

Может быть, от табуирования «подлинного имени» божества идет множество эпитетов Аллаха, призванных замаскировать его «величайшее имя».

Среди самых строгих табу ислама следует назвать запрет приближения

крови к святилищу²⁷. Однако до принятия ислама это табу, как кажется, проявлялось весьма противоречиво. Можно предположить, что вначале табу проявлялась даже не сама кровь, а слово *дамун* (кровь), которое заменяло эвфемизмами. Так, в одном из стихотворений доисламского поэта Зухейра вместо слова *дамун* употребляется *джасадун* (буквально «тело») ²⁸. Нужно отметить, что слово *дамун* входит в разряд слов, относящихся к древнему слою лексического состава арабского языка ²⁹ и, возможно, было одним из «тайных» скральных слов.

О двойственном отношении к крови, в котором проявляется связь «святого и «запретного», говорит то, что, с одной стороны, жертвы приносились в святилищах (возможно, даже в Каабе). С другой стороны, строго запрещалось даже подносить близко к святилищу кровавые тряпки. Некая женщина во время паломничества родила внутри Каабы, и вся ее кровь и пропитанная ею одежда были вынесены из святилища и сожжены как «нечистое» (*наджас*) ³⁰. По аль-Аша Маймун еще до начала проповеди Мухаммада сложил стихи, в которых говорится о недопустимости применения в пищу мертвечины и обычая вскрывать вену верблюду и пить его кровь (когда кончается вода во время пути):

И берегись, не приближайся к мертвечине,

И не бери острое железо, чтобы вскрыть шейную жилу верблюда
и выпить его кровь ³¹.

О том, что ханифы, ближе всего связанные с христианством, приняли табу соблюдавшиеся также иудейскими племенами, говорит рассказ о Зайде ибн Амре ибн Нуфайле, ставшем позже героем арабского народного романа «предтечей» «чистого пророка» ³². Он не принял ни иудейства, ни христианства, но «бросил веру своего народа, отдалился от идолов, мертвечины, крови и жертв (*забах*), которые приносили у идолов» ³³. Следовательно, он принял табу, которые позже войдут в ислам (не без влияния иудейства и ханифства). В сборнике хадисов «Ас-Сахих» аль-Бухари имеется хадис о том, что Мухаммад еще до начала пророчества пригласил ибн Нуфайля на трапезу, но тот отказался, заявив: «Я не ем то, что вы закалываете у своих камней [*ансаб*] Я ем только то, над чем произнесено имя Аллаха» ³⁴.

На то, что табуирование крови соблюдалось многими племенами до принятия ислама, в частности йеменцами — христианами и «язычниками», указываясь приводимая Ибн Хишамом легенда о походе йеменского царя (*тобба*) против Мекки в ответ на осквернение мекканцем или одним из соседей построенной им церкви. Два «ахбара» — иудейских священнослужителя, сопровождавших царя в походе, не советовали ему покушаться на Каабу, так как за это он постигнет страшная кара. Они сказали, что царю следует обрить голову в знак смирения (об этом обычае см. ниже), обойти Каабу и признать себя ее рабом ³⁵. Отвечая на вопрос царя, почему они сами не сделают это, ахбары ответили: «Это дом нашего прародителя Ибрахима, но жители Мекки прегрешили нам путь к нему своими идолами, которые они поставили вокруг него и кровью, которую они проливают у него» ³⁶. Царь поступил так, как советовали ему ахбары, и принес у Каабы жертву (*нахара индаху*), и кормил людей (буквально «резал скот для людей» — *нахара ли-н-нас*), приказал не приближаться к дому Аллаха мертвечину и кровь, а также запретил женщинам приносить к святилищу кровавые тряпки ³⁷.

Отношение к крови как к священному / запретному, нечистому, особенно к менструальной крови, видно в сообщении ат-Табари, излагающем легенду о взятии персами города-крепости Хадра, расположенного в Саваде (территория нынешнего Ирака). Ат-Табари приводит ряд дополнительных подробностей взятых им у Ибн Исхака, которые опущены Ибн Хишамом: будто бы для того чтобы разрушить городскую стену, надо было поймать серую голубку, окрасить ей ноги менструальной кровью девственницы, а потом отпустить ее. Голубка

идет на стену, и «талисман, охраняющий город», будет уничтожен³⁸. Это южение «дополняет» легенду деталями, в которых проявляется связь священного/запретного, определенное мистическое отношение к крови, которую нельзя приближать к святилищу как запретное/нечистое, но вместе с этим кровь — это что вроде «разрыв-травы», сильное средство, способное разрушить колдовство или наслать порчу.

Эти представления породили, очевидно, обычай клятвы на крови, распространенный у аравийских племен наряду с клятвой на благовониях³⁹. Когда корейшиты перестраивали Каабу, между ними возник спор относительно того, кому нести священный черный камень. Род потомственных жрецов бану ад-дар (буквально «рабы дома») принес сосуд, наполненный кровью, корейшиты заключили договор, невыполнение которого каралось смертью⁴⁰.

Подобная же связь понятий священного/запретного как нечистого, подлежащего удалению, и «хранилища силы», подлежащего принесению в жертву жествам (тотемам, «идолам» и, наконец, «единому богу»), видна в отношении волосам, что характерно для многих народов мира, и в частности для семитов. Волосы Самсона — хранитель и вместилище силы, волосы Авессалома — источник его гибели). Известной параллелью скальпирования у арабов был обычай «обрезания хохла» (*насия*) — длинной пряди волос, которую оставляют у детей как охрану от злых духов; к ней часто привязываются «талисман» — у ислама буину, заговоренную шаманом (*кахином* или *аррафом*), после каннизации — кусочки пергамента или бумаги с аятом из Корана, чаще всего в последних сур, «отвращающих сглаз»⁴¹. «Хохол» — воплощение мужской гордости и силы, и обрезать хохол — значит опозорить врага. Перед палатками кельх воинов часто втыкалось копьё, на которое привязывались волосы бежденных врагов⁴². Табуирование волос проявилось до принятия арабами ислама и продолжает жить в исламе в обычае обривания головы, особенно в время паломничества, или как обет-жертва у воинов, собирающихся на священную войну» (вплоть до настоящего времени)⁴³. О том, что в джахилийский период этот обычай был широко распространен, говорит приведенный выше рассказ о Йеменском царе, который, собираясь поклониться Каабе, обрил голову «в знак унижения и покорности», чтобы не приближать их к святыне⁴⁴.

Запретными считались не только человеческие волосы (к сожалению, у Ибн Хишама нет сведений о том, куда девали срезанные волосы и соблюдали ли по отношению к ним какие-либо предосторожности), но и шерсть «запретных» верблюдов и овец. Это выразилось в обычае *аль-бахира*, *ас-саба*, *аль-васила* и *аль-хами*. Эти слова представляют собой названия священных и «запретных» животных: *бахира* — это, согласно словам Ибн Исхака, введенным Ибн Хишамом, «дочь саибы», верблюдица, которая родила подражать верблюду, среди которых не было ни одного детеныша мужского пола⁴⁵. *Аль-васила* — овца, которая произвела на свет десять овец одну за другой, а *аль-хами* (буквально «охраняющий» или «запрещающий», однако это участие может означать и причастие страдательного залога, т. е. «хранимый» и «запретный») — верблюд, в потомстве которого были десять верблюдиц подряд. Эти животные свободно паслись, за ними ухаживали особенно тщательно, их шерсть запрещалось стричь, а выдоенное молоко мог пить только гость и же им «платили садаку» (налог) шейху племени (речь идет о доисламском периоде)⁴⁶. Такое табу сопряжено с целым рядом пищевых, с наложением каннических половых запретов (определенных овец могли есть только мужчины и т. д.), о которых будет сказано ниже. Существовали и более сложные формы табуирования волос и шерсти. Например, когда жители Мекки, «принимая новшества», что произошло, как явствует из Ибн Хишама, примерно конце VI в., объявили себя *хумс* (этимология слова неясна), очевидно, подчеркивая свою обособленность от жителей *халля* (обычных, не «запретных», т. е. не входящих в табуированную зону земель), они провозгласили для себя запрет входить в шатер, сделанный из верблюжьей шерсти (войлока), а сами их не имели права входить в шатер и прикасаться к нему и прясть шерсть⁴⁷.

Одним из запретов, вошедших в полную силу лишь при Мухаммаде, и о необходимости которого говорили уже ханифы⁴⁸, был запрет на обнажение сыгравший большую роль в исламе. В частности, он привел к введению института *хиджаба* (покрывала) как реакции на «языческие» обычаи. Ибн Хишам неоднократно сообщает о том, что паломники из различных племен и даже мекканцы-корейшиты совершали обход Каабы нагими. Очевидно, это был пережитком каких-то древних ритуалов, может быть, связанных с магией плодородия⁴⁹. Говорится даже, что Мухаммад совершил свой «прощальный хадж» для того, чтобы помешать паломникам обходить вокруг святыни нагишом⁵⁰. Очень интересные факты приводит Ибн Хишам об этом обычае там где он рассказывает об установлении мекканцами табу для паломников. Указанные табу, которые, как представляется, имеют довольно позднее происхождение, гсворят о стремлении мекканцев упрочить своё положение как центр (пока сакрального) центральноарабийских племен. Корейшиты запретили паломникам привозить с собой продукты, так что те должны были покупать пищу только в Мекке. То же относилось к одежде — нельзя было совершать хадж в своей одежде, привезенной извне (*халль*), ее следовало выбросить, а новую купить в Мекке (что сохранилось и в современном обряде паломничества)⁵¹.

Ибн Хишам пишет: «Мекканцы стали говорить: „Не подобает жителя халля есть еду, которую они принесли с собой из халля в х́арам, если он явились в ... хадж, и обходить Дом...“». Если паломники почему-либо не могли приобрести одежду в Мекке, они должны были совершать обряд нагими. Женщинам разрешалось совершать обход в рубаше с разрезом⁵².

Если мекканцы хотели «почтить» кого-либо из паломников, которые не смогли вовремя приобрести одежду в Мекке, то последним разрешалось совершать обход в привезенной из халля одежде, но она после паломничества объявлялась «запретной», называлась *лакан* («брошенная») и должна была быть выброшена. Об этом Ибн Хишам пишет: «И один из арабов [бедуинов] сказал, вспоминая вещи, которые он бросил и не мог приближаться к ним — а он любил их:

Хватит горевать о любимой, словно она

Запретная брошенная одежда [*лакан*] тех, кто совершил обход»⁵³.

Это один из тех обычаев, против которых боролся Мухаммад. Ибн Хишам приводит как реакцию на такой обычай слова из Корана: «О сыны Адама! украшайтесь одеяниями у каждой мечети...»⁵⁴.

«Новое» табу, очевидно, входило в силу не сразу, о чем говорит тот факт, что имеется ряд хадисов, осуждающих обычай не только обхода вокруг святыни без одежды, но и вообще обнажение. Ибн Хишам приводит рассказ Мухаммада, записанный в одном из таких хадисов: «Я вместе с мальчишками корейшитов носил камешки для игры, в которые обычно играют дети, и каждый из нас разделся, снял с себя изар [набедренную повязку] и переносил в нем камешки на спине. Я ходил с ними взад и вперед, и вдруг кто-то невидимым больно ударил меня и сказал: „Надень свой изар“. И я снял со спины изар и повязался им, и потом стал носить камни среди мальчиков, одетый в изар».

В другом хадисе, очень напоминающем приведенный выше, но передаваемом со слов одного из сподвижников Мухаммада, говорится о более позднем периоде жизни пророка — времени, когда корейшиты перестраивали Каабу. «Мы переносили камни вместе с родичами, и они вешали свои изары себе на шею, чтобы переносить камни, а Мухаммад не снимал изара и носил камни прямо на плечах. Аббас сказал ему, чтобы он поступал как другие, и он снял изар и сразу же упал без сознания, а потом сказал: „Мой изар, мой изар!“, и не повязал изар, и он стал носить камни, облаченный в него»⁵⁶.

Другой вариант того же хадиса сообщает о том, что когда Мухаммад сна

то услышал голос с небес: «Появи свой изар, о Мухаммад!». Далее сообщается, что это первый раз, когда пророк «был позван» (*нудия*)⁵⁷. Важнейшим табу, которое имело, может быть, позднее происхождение, являлось табу на оружие в определенные «священные» месяцы в Мекке и соответственно ведение войны в ее пределах. Причины данного табуирования связаны многими социальными факторами древней Аравии: с кровной мстью, когда война рассматривалась как естественное убежище, дающее временный иммунитет (по крайней мере до уплаты виры); с наличием общеаравийского (в пределах Центральной Аравии) «обменного пункта», где в течение определенного времени мог бы производиться свободный обмен между враждующими племенами, причем Ибн Хишам сообщает, что мекканские жрецы могли по своему усмотрению продлевать, сокращать или переносить сроки «священных месяцев» соответственно запрета на ведение войны в Мекке⁵⁸. Нужно сказать, что это табу довольно часто нарушалось как целыми племенами, так и отдельными племенцами»⁵⁹.

К началу VII в. табуирование не только Каабы — святыни, но и всего рода сыграло большую роль в этногенезе арабов, представляя основу для надвигающегося вокруг Каабы единства, которое было одной из причин, обусловивших победу мусульманского монотеизма.

Нарушение табу осмысливалось как преступление перед богом и строго каралось им. Ибн Хишам приводит множество фактов кары Аллаха. О наказаниях, которые осуществлялись «идолами», он, естественно, не говорит из-за апологетической направленности книги. Вероятно, такие рассказы существовали в устной передаче как часть древнеарабской мифологии и позже эпоса, затем «забылись».

Из примеров наказания за нарушение табу можно привести как наиболее известный и подробно разработанный у Ибн Хишама рассказ о наказании эфиопского полководца Абрахи, который покусился на Каабу. За это Аллах послал против врагов «огненную тучу», которая сожгла их, а самого Абраху поразил чума, от которой у него «отвалилась одна часть тела за другой» (по-видимому, описание эпидемии оспы, занесенной в Аравию впервые эфиопами)⁶⁰. Мсть за нарушение табу считалась «личным делом» богов. Колоритен из эпизодов похода Абрахи на Мекку. Приблизившись к городу, он захватил сотню верблюдов, принадлежащих прадеду Мухаммада Абд Аль-Муталibu, который явился к Абрахе с просьбой вернуть ему верблюдов. Когда Абраха упрекнул его за то, что он просит о верблюдах, но не молит пощадить Каабу, тот ответил: «Верблюды — мои, а Дом принадлежит Богу. Это запретный Дом Аллаха и Дом его друга [халиль] Ибрахима, и если он защитит Каабу, то это ведь его Дом и святыня»⁶¹.

Если после принятия ислама арабами и создания государственности нарушение мусульманских табу перешло в разряд «уголовных преступлений» (сколько нарушение табу — грех — в раннем исламе отождествляется с преступлением), то первоначально в исламе мы видим табу в их более примитивном виде, так что иногда непонятно, какое табу нарушается. В этом отношении показательным является рассказ о «первом откровении» — суре аль-Алак, переданной Мухаммаду через архангела Гавриила. В хадисе, имеющемся у Ибн Хишама, сообщается, что якобы со слов самого Мухаммада, рассказывается о том, что он услышал голос: «Возглашай!» (*икра*). Мухаммад спросил: «Что возглашай?», и кто-то ударил его так, что он потерял сознание, и так продолжалось три раза⁶². Уже трехкратное повторение говорит о фольклорном происхождении сюжета, но не совсем понятно, за что Гавриил «ударил» пророка. Возможно, в какой-то форме отражен мотив богоборчества, известный в Ветхом Завете; вероятно, было нарушено табу молчания «перед словом божьим»; в любом случае наказание за нарушение табу здесь так же ясно видно, как и в хадисе об ослеплении Мухаммада (другим можно было бы ходить слепыми, но для пророка это табу, как позже и для всех мусульман).

Когда шла борьба за владение Каабой между представителями племенных союзов «мудар» и «хузаа», мудариты вывезли запретный черный камень погрузив его на верблюда, но тот тут же пал, и за ним еще два верблюда. Тогда камень зарыли близ Мекки, затем достали и снова привезли в Каабу, причем верблюд его легко поднял⁶³. Здесь нарушение табу карается смертью животного, которое соприкасалось со святыней.

Мухаммад очень активно боролся с некоторыми языческими табу, и не всегда понятны его мотивы. Возможно, некоторые табу устарели уже в появлении ислама, казались непонятными и даже вредными. Наиболее показательна в этом отношении борьба Мухаммада против определенных пищевых табу, особенно против обычая *саиба*, *васила* и т. д., о котором говорилось выше. Так, потомство, которое приносила запретная овца *васила*, могли есть только мужчины. Если же ягнята околевали, то их разрешалось есть и женщинам. Ибн Хишам пишет: «Говорят, что ее потомство было дозволено в пищу лишь сыновьям владельцев, но не дочерям». Кроме этого табу существовал ряд других, которые трудно было объяснить уже Ибн Хишаму⁶⁴. Как реакцию на эти устаревшие и кажущиеся нелогичными табу можно рассматривать приведенные у Ибн Хишама слова из Корана: «Из восьми пар овец — две и из коз — две. Скажи: „Мужской род он запретил или же женский? Разве не заключали все это чрева скота женского пола, — научите меня, если вы говорите правду“ И из верблюдов двох, и из коров. Скажи: „Пару мужского пола бог сделал запретной или женского пола? Разве не заключали все это чрева скота женского пола? Или вы были свидетелями, когда Аллах давал вам завет об этом? И кто несправедливо возводит напраслину на Аллаха, тот вводит в заблуждение людей, ничего не зная. Поистине, Аллах не ведет истинным путем тех людей, что несправедливы“»⁶⁵. Там же приведено такое высказывание и Корана: «Нет во чреве этих стад того, что пригодно лишь для ваших мужчин и запретно для ваших жен, а если это будет мертвечина, то они сотрапезничают в ней»⁶⁶.

Как единственный способ умиротворить божество, рассерженное нарушением табу, рассматривалась жертва, которая, очевидно, также являлась попыткой «приобщиться» к божеству. Об этом говорит сама этимология слова «жертва» (*курбан*), так как корень *крб* имеет общее значение «быть близким, быть родственником» (ср. *курба* — «родство», *кариб* — «близкий родственник», *такарраба ила-ллахи* — «приблизиться к Аллаху, принести жертву»). В жертву приносились табуированные предметы — кровь, волосы⁶⁷, так как обычай обрывать волосы у святыни несомненно восходит к жертвованию «источника жизни» (кровь) и «источника силы» (волосы)⁶⁸. Существовавший обычай совместного поедания жертвы, очевидно, представляет собой приобщение к божеству, так что жертва становится как бы «гостем» божества⁶⁹. Обычай *саиба*, *хами*, *васила* и др. также можно рассматривать как своеобразное жертвоприношение «духам степи»: животных пускали свободно пастись в степи, отдавая их на волю этим духам (см. обычай *хима* — заповедных или запретных пастбищ, который в VII в. был началом появления собственности на землю)⁷⁰. Вероятно, обычай известного гостеприимства арабов и вообще кочевников идет от мистификации понятия гостя — пришельца, воплощающего «духа пустыни» (конечно, в основе обычая необходимость взаимопомощи для выживания в условиях, которые часто были экстремальными)⁷¹.

Как «гости» рассматривались также паломники, а первоначальный обычай их кормления (который позже превратился в налог) — как своеобразная жертва гостю. Ибн Хишам рассказывает, что известный мекканский старшина Каси ибн Килаб «наложил расход» на мекканцев, сказав им: «О корейшиты, вы соседи Аллаха и его семья [*ахль байтихи*], жители священного места [*х́арам*], а паломники — гости Аллаха, посетители его Дома, и они достойны всего гостеприимства [*карама*, слово имеет также значение «благодать», «чудо»], дайте же им питье в дни паломничества, пока они не покинут вас».

Очевидно, первоначально обычай распускать волосы, вырывать их, царапать лицо и бить камнем по голове рассматривался как самоистязание и вместе с тем призыв к мести и своеобразное магическое действо. Ибн Хишам имеет интересное сообщение о разрушении Дома Уззы — юн из богинь языческого пантеона арабийских племен. Уже после образования мусульманского государства Мухаммад отправил полководца Халида ибн Валида для разрушения этого храма. Первый раз Халид, опасаясь угрозы Уззы, разрушил храм не до основания, затем, вернувшись, разрыл фундамент и увидел там «черную женщину, выщипывающую себе волосы щипцу, щипцу себя по щекам», призывая к мести»⁷³.

Очень распространенной формой жертвоприношения были жертвы «по обычаю» — обычай, сохранившийся у арабов и после принятия ислама. Одним из наиболее интересных сообщений, относящихся к жертве по обету, является рассказ о том, как Абд аль-Мутталиб, дед Мухаммада, дал обет: «...если у него родится десять сыновей и они вырастут, пока смогут защищать его, то он обязательно заколет одного из них для Аллаха у Каабы»⁷⁴. Далее говорится, что после гадания на стрелах, осуществленного специальным жрецом, жребий пал на младшего и любимого сына — Абдаллаха, будущего отца Мухаммада. Абд аль-Мутталиб «взял Абдаллаха за руку, схватил нож и подвел Абдаллаха к Исафу и Наиле, чтобы заколоть его. Но сбежались корейшиты со своих территорий [андия — места сбора отдельных родов] и спросили его: „Что ты хочешь делать, о Абд аль-Мутталиб?“ Он ответил: „Хочу зарезать его“. Корейшиты и другие сыновья Абд аль-Мутталиба сказали ему: „Клянемся кляном, ты не убьешь его, а будешь стараться избавиться от обета. Ведь если убьешь его, не перестанут наши люди приводить своих сыновей и убивать, как жить людям с таким обычаем?“»⁷⁵.

Рассказ этот, уже получивший характерный для агиографии назидательный характер, содержит ряд очень интересных моментов. Прежде всего, неоспорима связь с «жертвоприношением Авраама» — тот же мотив обета и выкупа человеческой жертвы (которая уже, очевидно, была табуирована) закланием животного или животных (в Ветхом завете — агнец, у Ибн Хишама — сотня бычков, что отражает, очевидно, более раннюю стадию института выкупа — поскольку выкупом за убийство человека был десяток верблюдов или корова⁷⁶). Подобное совпадение может быть объяснено, конечно, влиянием библейских текстов. Однако, возможно, это говорит об общности фольклорного фонда семитских племен. На табуирование в те времена человеческой жертвы указывает отрицательное отношение к этому обряду корейшитов; говорят даже о «появлении нового обычая».

На смягчение обычая человеческого жертвоприношения, своеобразный вы указывает ритуал, о котором рассказывает Ибн Хишам: мать некоего сына Ибн Мурра аль-Джурхуми, ведавшего хаджем, т. е. принадлежавшего к наиболее влиятельным жрецам Каабы, дала обет, что, если у нее родится сын, отдаст его в рабы Каабы⁷⁷. Приводятся и другие версии этого сообщения: сын Ибн Мурра был прозван „Суфа“ [букв. «шерстяная тряпка»], потому что матери не жили дети, и она дала обет, что, если он выживет, она привяжет к голове шерстяную тряпку и сделает его привязанным [рабитан] к Каабе.

Обычай «привязывать», «делать рабом» Каабы, очевидно, можно рассматривать как пережитки человеческого жертвоприношения, и «принесенный в жертву» становился жрецом, прислужником божества.

Очень интересно сообщение о том, что дядя Мухаммада Хамза, знаменитый воин, «никогда не возвращался домой с охоты, не совершив обхода вокруг Каабы, держа в руках свой лук»⁷⁹. Очевидно, Хамза освящал свой лук, держа вокруг Каабы, может быть, принося в какой-то форме искупительную жертву за убитых им животных, или же здесь усматриваются пережитки иной магии.

Выше приводились некоторые «новые» табу, которые корейшиты пытались ввести непосредственно перед образованием мусульманского государства, стараясь упрочить свое преимущественное положение среди других арабских племен. Они аргументировали эти претензии наличием в Мекке общепарабского святилища: «Мы жители святыни, и нам не подобает выходить из нее и почитать что-либо иное, как мы, хумс, почитаем нашу святыню»⁸⁰. Мухаммад боролся против «языческих» табу корейшитов, и Ибн Хишам указывает даже, что «Аллах принизил дело корейшитов и все их выдумки»⁸¹. Возможность введения новых запретов говорит о том, что система языческих табу к VII в. была сильно расшатана и уже не воспринималась как нечто незыблемое и установленное богами, а это свидетельствует о кризисе религиозного сознания языческих племен.

Обобщая факты, приведенные в «Жизнеописании посланца Аллаха» Ибн Хишама/Ибн Хишама, можно сделать ряд выводов.

Тотемизм, пережитки которого просматриваются у арабских племен (да принявших христианство или иудаизм), сохраняется лишь в некоторых обычаях, сообщения о которых, видимо, уже подверглись сильной абстракции и искажению с появлением мусульманского государства.

Система табуирования была достаточно стойкой, соединяя в себе различные напластования — от наиболее древних табу (волосы, кровь, обитая вахша и саиба и др.) до более поздних, введенных в VI—VII вв. и частично сохранившихся в исламе.

Мухаммад боролся с некоторыми табу, главным образом, очевидно, с теми, которые предоставляли преимущества язычникам. Очевидно, это была одна из форм борьбы с племенным сепаратизмом; он устанавливал общепарабские табу, используя в общем сходные объекты табуирования различных племен. При этом старые табу как бы «обесмысливались» (см. *вахша* и *саиба*), объявляясь неугодными богу. То же произошло в церемонии хаджа.

В дальнейшем, однако, когда племенная знать, прежде всего корейшиты и род хашимитов, присоединилась к мусульманам, они получали еще больше преимуществ, в связи с созданием огромного государства, во главе которого они стали.

Примечания

¹ Ибн Хишам. Срагу расул-Аллах («Жизнеописание посланца Аллаха») (далее — Ибн Хишам). Т. I—IV. Бейрут, 1930. (на араб. яз.).

² См. Негри Л. В. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V—VII вв. 1981. С. 54—55.

³ См. Smith R. Kinship and Marriage in Early Arabia. Cambridge. 1885. P. 17.

⁴ Токарев С. А. Религия и история народов мира. М., 1976. С. 44—45.

⁵ См. Ибн Хишам. Т. I. С. 3—4.

⁶ Там же.

⁷ См., например, Ибн Абд Раббихи. Китаб аль-икд аль-фарид («Книга чудесного ожерелья»). Т. I. Каир, 1928. С. 125 (на араб. яз.).

⁸ Ибн Хишам. Т. I. С. 86.

⁹ Там же. С. 18 сл.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Там же. С. 143.

¹² Там же. С. 72.

¹³ См., например, стихи Зухейра, приведенные аль-Маарри:

«Клянусь... жертвенной кровью,
которую проливают у ансабов...»

(Абу-ль-Аля аль-Маарри. Рисалату-ль-гуфран «Послание о прощении». Каир, 1950—1952. С. (на араб. яз.).

¹⁴ Ибн Хишам. Т. I. С. 72. Ближневосточная универсальная научная библиотека

¹⁵ Там же.

- ¹⁸ Там же. С. 73; см. также с. 212 (сноска 1).
- ¹⁹ *Ат-Табари*. *Китаб ар-русуль ва-ль-мулук* («Книга пророков и нарей»). Т. 1. Каир-Булак, С. 150 (на араб. яз.).
- ²⁰ *Ибн Хишам*. Т. 1. С. 22 сл.
- ²¹ Там же. С. 77—78 сл.
- ²² См. там же. С. 131—133; ср. с обычаем приношения жертв озерам у древних славян *Шапер* С. А. Указ. раб. С. 206).
- ²³ *Ибн Хишам*. Т. 1. С. 78.
- ²⁴ Там же. С. 115.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ См. там же. С. 264.
- ²⁷ Там же. С. 104, 178.
- ²⁸ Там же. С. 29.
- ²⁹ Там же. С. 12. Т. II. С. 187.
- ³⁰ См. *Аль-Маарри*. Указ. раб. С. 194.
- ³¹ *Хадздов* А. Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1965. С. 18.
- ³² *Ибн Хишам*. Т. I. С. 187.
- ³³ *Аль-Маарри*. Указ. раб. С. 171.
- ³⁴ См. *Иорасимов* Н. Арабский народный роман. М., 1984. С. 64.
- ³⁵ *Ибн Хишам*. Т. I. С. 236.
- ³⁶ *Аль-Бухари*. *Ас-Салих* («Истинный»). Т. 1. Каир. б.г. С. 380 (на араб. яз.).
- ³⁷ *Ибн Хишам*. Т. I. С. 20.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С. 20—21.
- ⁴⁰ См. там же. С. 66. Сноска 1.
- ⁴¹ См. там же. С. 121 — рассказ о так называемых «аль-мутайбаунах» — надушенных, которые, ючив союз, омочили руки в сосуде с благоговениями, а затем приложили руки к Каабе.
- ⁴² Там же. С. 182.
- ⁴³ См. Коран (суры «аль-Фалак», «ан-Насу»).
- ⁴⁴ См. *Ахмад Мухаммад аль-Хауфи*. *Аль-хаят аль-арабийя мин аш-шир аль-джахилия* («Жизнь арабов по джахилийской поэзии»). Каир, 1972. С. 85 (на араб. яз.); также Коран (сура Алак): «... Мы схватим его за хохол, скверный, грешный хохол...» за который адские дужники потащат грешника в ад.
- ⁴⁵ См. *Марасим аль-хадж* («Ритуалы хаджа»). Каир, б.г. С. 18 (на араб. яз.).
- ⁴⁶ *Ибн Хишам*. Т. I. С. 20.
- ⁴⁷ Там же. С. 82—83.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. Т. I. С. 186.
- ⁵⁰ Там же. С. 21.
- ⁵¹ См. *Токрев* С. А. Указ. раб. С. 50—51 (об обрядах австралийских аборигенов).
- ⁵² *Ибн Хишам*. Т. I. С. 29. Сноска 2.
- ⁵³ См. *Марасим аль-хадж*. С. 12.
- ⁵⁴ *Ибн Хишам*. Т. I. С. 187.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. С. 188.
- ⁵⁷ Там же. С. 168.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. Сноска 1.
- ⁶⁰ Там же. С. 59.
- ⁶¹ См. там же. С. 169—170; о «нечестивой войне» (*харб аль-фиджар*).
- ⁶² Там же. С. 48.
- ⁶³ Там же. С. 43—44.
- ⁶⁴ Там же. С. 222.
- ⁶⁵ Там же. С. 110. Сноска 1.
- ⁶⁶ Там же. С. 82.
- ⁶⁷ Там же. С. 83.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же. С. 20.
- ⁷⁰ См. там же. С. 78.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² См. *Нигря* Л. В. Указ. раб. С. 93—96.
- ⁷³ См. *Ибн Хишам*. Т. I. С. 82—83.
- ⁷⁴ Там же. С. 120.
- ⁷⁵ Там же. С. 208.
- ⁷⁶ Там же. С. 135.
- ⁷⁷ Там же. С. 142—143.
- ⁷⁸ Там же. С. 76; см. выше о вине за пальму. С. 115.
- ⁷⁹ См. там же. С. 111.
- ⁸⁰ Там же. Сноска 2.
- ⁸¹ Там же. С. 260.
- ⁸² Там же. С. 182.
- ⁸³ Там же. С. 188.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БОЛГАРСКИХ КНИЖНИКОВ НАЧАЛА ОСМАНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Среди актуальных проблем современной медиевистики вопрос формирования и развития этнического самосознания занимает важное место. Разработка советскими этнологами необходимого понятийного аппарата и их теоретических изысканий в области внутренней структуры самосознания¹ нашли применение при исследовании советскими историками конкретных вопросов формирования славянских народностей и их этнического самосознания². Вопрос о степени развития этнического самосознания болгар периода османского владычества имеет особую актуальность. По общему мнению советских и болгарских исследователей, османское завоевание поставило под угрозу само существование болгар как особой славянской этнокультурной общности, а одним из важнейших факторов сохранения их самобытности оказался высокий уровень развития этнического самосознания к моменту завоевания в конце XIV в.³

В последние десятилетия в исторической науке Болгарии уделяется пристальное внимание различным аспектам проявления этнического сознания в среде болгарского общества в первые столетия османского ига. Кроме исследования общего характера в ряде специальных работ рассматривается значение национальной государственности для системы исторической памяти болгар, эконоинтегрирующая роль церкви и культов православных святых, система потребления в болгарских источниках этнонима и некоторых экзоэтнонимов (этноконов), этноконсервирующая в условиях завоевания функция сельской общины и традиционной болгарской культуры⁴. В задачу указанных исследований, однако, не входил специальный анализ внутренней структуры системы этнических представлений различных слоев болгарского населения в османский период. Между тем по справедливому мнению советских этнологов представления о характерных чертах своего и отчасти чужих этносов составляют основное содержание этнического самосознания народности и нации⁵.

Данная работа предполагает конкретно-исторический и терминологический анализ оригинальных литературных произведений болгарских книжников конца XIV — начала XV в. с целью предварительной реконструкции этнических представлений наиболее образованных слоев болгарского общества в первые десятилетия после падения Второго Болгарского царства. Соответственно анализу привлекаются сочинения лишь тех болгарских книжников, чья этническая принадлежность не вызывает сомнений в современной историографии и чьи произведения были созданы после завоевания турками бывшей столицы Второго Болгарского царства Тырнова в 1393 г. Это Иоасаф Бдинский (? — после 1395 г.), Григорий Цамблак (? — 1420 г.), Константин Костенечский (? — после 1430 г.). Хронологические рамки деятельности рассматриваемых авторов не совпадают: для Иоасафа они приходятся на середину 90-х годов XIV в., для Цамблака — на 1400—1410-е годы, а для Константина — на 20—30-е годы XV в. Это дает возможность проследить эволюцию этнических представлений книжников от момента падения Тырнова до новой волны турецкой экспансии на Балканах в конце 30-х годов XV в.

В качестве источников привлекаются следующие произведения: Иоасаф Бдинский «Похвальное слово Филофее»⁶; Григорий Цамблак «Рассказ о перенесении мощей Параскевы»⁷, «Похвальное слово митрополиту Киприану»⁸, «Похвальное слово патриарху Евфимию Тырновскому»⁹; Константин Костенечский, трактат «О письменах»¹⁰, «Житие деспота Стефана Лазаревича». В силу того, что принадлежность Второго Жития Стефана Дечанского и Мун

Имя Иоанна Нового Сучавского перу Григория Цамблака или одноименного болгарского автора вызывает серьезные сомнения у ряда исследователей¹², в данном случае они рассматриваться не будут. Следует также отметить, что за исключением историко-грамматического трактата «О письменах» остальные сочинения относятся к агиографическому жанру. Это обуславливает их специфику, а именно: значительную степень абстрагированности при описании конкретных исторических событий, широкое использование литературно-христианских клише и общую конфессиональную заостренность повествования. Специфика источников сужает рамки возможной реконструкции этнических представлений как самих книжников, так и образованных слоев болгарского общества рубежа XIV—XV вв. в целом. Поэтому полученные выводы могут расцениваться лишь как предварительные наблюдения к общей проблеме развития этнического самосознания болгарского народа первого столетия османского ига.

Гибель самостоятельной государственности и экстремальная этническая ситуация в регионе не могли не оказать влияния на структуру этнического самосознания болгар. Известно, что наглядным внешним выражением самосознания на личностном уровне и на уровне этнической общности в целом является этноним¹³, поэтому изменения в сложной структуре самосознания должны отчасти отражаться и на внутренней структуре самого этнонима. Этническое самосознание иерархично, и если в той или иной ситуации на передний план выступают его различные компоненты, логично ожидать, что меняется и конкретное содержание, вкладываемое современниками в эндэтнонимы и этниконы. Эволюция внутреннего содержания этнонимов оказывается, таким образом, одним из частных проявлений эволюции общей структуры этнического самосознания народа. Поэтому в данной работе анализ этнических представлений болгар начала османского владычества, отраженный в литературных произведениях Иоасафа Бдинского, Григория Цамблака и Константина Костенеческого будет проводиться на базе исследования того конкретного содержания, которое вкладывалось этими авторами в этноним «болгары», а также в этниконы, используемые для обозначения соседних народностей — сербов, греков и турок. В целях выявления закономерностей в эволюции этнических представлений указанных книжников их взгляды будут по возможности увязываться с общей хронологией их творчества.

«Похвальное слово Филофее» было написано Иоасафом Бдинским в двухлетний промежуток времени между падением Тырновского царства в 1393 г. и Видинского в 1396 г. С точки зрения использования этнонима оно отражает столько этнические, сколько политические представления автора. Этнополионим «царство Българское» употребляется им лишь в отношении Болгарии начала XIII в. времени царя Калояна¹⁴. Ни сам этноним, ни этнопроизводные сочетания при описании современных событий автором не используются. Политическая терминология в тексте нарочито расплывчата. Автор избегает употреблять этнические определители для указания статуса Тырновского и Видинского царства; Тырново фигурирует в тексте лишь как географическое понятие, а в отношении Видина применены абстрактно-политические формулы типа «царей христолубивых держава» и т. д.¹⁵ Приоритет в сознании Иоасафа Бдинского политических категорий над этническими, возможно, обусловлен конкретной политической ситуацией второй половины XIV в. — соперничеством двух указанных болгарских княжеств. Этим можно объяснить и присутствующую в тексте апологетику Видина. Этнографам хорошо известны ситуации, когда в случае возникновения на базе одного этнического массива нескольких государственных образований на передний план выступает сознание государственной принадлежности и местного патриотизма¹⁶. По-видимому, это наблюдение относится и к Иоасафу Бдинскому.

Сочинения Григория Цамблака написаны в течение двух первых десятилетий после захвата турками всей территории бывшего Второго Болгарского царства. Этноним представлен в них чрезвычайно широко в следующих словосо-

четаниях: царь болгарский, болгарские пределы, болгарский язык, «болгарские роды», болгарские книги. Контекст их употребления позволяет предположить, что для автора содержание этнонима тесно связано с сознанием как этнической, так и государственной принадлежности болгар.

Характерно, что Цамблак использует этнические определители лишь в отношении Тырновского царства: именно его царь назван болгарским¹⁷, а падение этого царства трактовано в тексте как подчинение османам всех болгарских территорий¹⁸. Видинское царство представлено этнически нейтральными формулировками — Бдинский град, царь Бдинского града. В отличие, однако, от Иоасафа, местный государственный патриотизм которого подавляет в сочинении этнические чувства автора, Григорий Цамблак четко осознает болгарский характер обоих соперничавших княжеств. При описании перенесения мощей Параскевы из Тырнова, а затем Видина (после их завоевания) в Сербию в сознании автора обе части бывшего Второго Болгарского царства объединяются в своем политическом небытии и олицетворяют бывшую «българскую славу» в противовес славе сербской¹⁹.

В «Похвальном слове патриарху Евфимию Тырновскому» представление Цамблака об этническом единстве всех болгарских территорий прослеживаются вполне определенно. По мысли автора, Евфимий, занимая патриаршую кафедру, «о своеплеменном имеше милование»²⁰. Однако в начальный период его пребывания на кафедре с 1375 по 1381 г. юрисдикция тырновского патриарха распространялась на население не только Тырновского, но и Видинского царств. Таким образом, к категории соплеменников автор относит подданных обоих враждующих княжеств. С другой стороны, деятельность Евфимия в области реформы церковно-славянского языка также трактуется Цамблаком как общebolгарская и не связывается с местной политической конъюнктурой (от всех концов земли к нему приходят учиться «българских родов множества»²¹).

В сочинениях Константина Костенечского, относящихся к 20—30-м годам XV в., представлены следующие этнопроизводные словосочетания: болгарский язык, сын/сыновья царей болгарских, болгарские города. Кроме того, в трактате «О письменах» в отношении Болгарии употреблены выражения: тырновская страна, тырновцы, тырновский «отценачалъник», тырновское написание. По-видимому, в сознании автора этноним перестает быть жестко связанным с понятием государственной принадлежности и может заменяться местным топонимом.

Между тем представление Константина об этническом единстве болгар четко прослеживается в его грамматическом трактате. В тексте речь идет о едином болгарском языке как одном из составляющих общей семьи славянских языков²². Если принять во внимание, что понятие «язык» и «этнос» были настолько близки в общественном сознании тех времен, что Константин специально подчеркивает в трактате разницу в их написании («язык» — «езык») ²³, то в сознании автора единому болгарскому языку должно было соответствовать и племенное единство болгар.

Мысль об этническом единстве болгарских территорий присутствует и в Житии Стефана Лазаревича. Здесь сыновьями царей болгарских равным образом названы и сын видинского царя Срацимира Константин²⁴, и тырновского царя Шишмана Фружин²⁵. Одновременно упомянуто, что под их руководством восстали «грады българции»²⁶. По мысли некоторых исследователей, восстание могло охватить достаточно большую территорию, включающую земли бывших Видинского и Тырновского княжеств²⁷. В таком случае характер использования автором этнонима указывает на ослабление в его сознании представлений о тесном единстве этноса и социально-политической организации и о усилении собственно этнического компонента.

Следует отметить, что данная тенденция в целом достаточно типична для сочинений Цамблака и Константина Костенечского. Если для образованных слоев болгарского общества последнего периода существования Второго Болгарского царства тесная связь между их этнической и государственной принадлежностью была очевидна, то для большинства населения, в том числе и для представителей низших слоев, этноним «болгар» был скорее топонимом, обозначающим территорию, на которой они жили, а не этнической принадлежностью.

жностью была центральным компонентом этнического самосознания²⁸, то в условиях османского владычества основное значение этнонима постепенно переходит в сторону его собственно этнического содержания. И хотя в системе исторической памяти обоих авторов идея национальной государственности занимает по инерции важное место, однако ее общее значение ослабляется, с одной стороны, наличием отголосков местного державного патриотизма (Константин игнорирует в тексте факт существования Видинского царства, Цамблак избегает применять к нему этнические определители), а с другой — признанием этнического единства населения двух княжеств. Думается, что выдвинутое этническое объединение всех болгарских территорий в рамках османской империи послужило дополнительным фактором, способствовавшим активизации собственно этнического компонента в общей структуре самосознания болгарских книжников, так и прекращению развития чувства местного государственного патриотизма.

Относительно конфессиональной нагрузки этнонима следует отметить, что принадлежность всех областей бывшего Второго Болгарского царства к православию является обязательным компонентом этнических представлений трех рассматриваемых авторов. Именно с точки зрения сохранения чистоты христианского вероучения рассматривает деятельность патриарха Евфимия по упорядочиванию церковно-славянского языка Константин Костенечский²⁹. Только конфессиональной стороны характеризуют население болгарских земель Иоанн Бдинский и Григорий Цамблак при описании перенесения мощей Филофея Параскевы³⁰.

Таким образом, можно говорить об изменении внутреннего содержания этнонима. Хотя на первый взгляд он продолжал сохранять свою традиционную для эпохи развитого феодализма трехчленную структуру, отражающую основные компоненты этнического самосознания эпохи в целом: этнос — подданство — вероисповедание³¹, реальный вес таксономов в этой структуре меняется. Если до момента завоевания основным содержанием этнонима была его этнополитическая нагрузка, то после уничтожения государственной независимости на первый план выходят собственно этническая и конфессиональная характеристики. Средняя таксонома продолжает существовать лишь по инерции, основном в системе исторической памяти и постепенно ослабляет свое значение в общей структуре этнического самосознания. Вместе с тем необходимо отметить, что в рассматриваемых произведениях авторы опускают вопрос о новой государственной принадлежности болгарского населения. Даже принятие ислама трактуется лишь с точки зрения измены христианству без каких-либо выводов относительно трансформации этнополитического статуса отступников³².

В тексте рассматриваемых произведений содержится также материал для реконструкции этнических представлений болгарских книжников относительно характерных черт соседних этносов. В первую очередь это касается представлений о славянских народностях. В трактате «О письменах», содержащем объяснения проводимой на Балканах во второй половине XIV в. реформы письменности, Константин Костенечский излагает общую для болгарских книжников конца XIV — начала XV в. философскую платформу³³, важной составной частью которой является мысль о славянском племенном и языковом единстве. По логике автора разговорный язык есть категория этническая, так как носителем каждого конкретного языка является соответствующее племя. Перечисляя языки, положенные в основу нового синтетического церковно-славянского языка: русский, болгарский, сербский, боснийский, словенский, чешский, ватский³⁴, он поясняет, что для его создания первоучители Кирилл и Мефодий собрали вокруг себя представителей «от всех сих племень»³⁵. Поэтому, употребляя для общей характеристики перечисленных языков термин «словенский»³⁶, Константин как бы распространяет это общее понятие и на соответствующие племена, носителей этих языков. А поскольку церковно-славянский — общеплеменной язык («же есть всех сих племень»³⁷), то уже сам факт его

возникновения является как бы зримым воплощением идеи славянского этнического единства.

Отголоски этой идеи заметны и в «Похвальном слове Евфимию» Григория Цамблака. Во всяком случае, география территорий, язык народов которых по мнению автора родственен болгарскому — «северная все до океана и западная до Илирика»³⁸ — совпадает в целом с ареалом, очерченным Константином. Трудно сказать, насколько популярна была идея славянского этнического единства среди болгарского населения конца XIV — первой половины XV в., однако широкое распространение краткого списка трактата Константина в Болгарии, Сербии и России XV—XVII вв.³⁹ свидетельствует о том, что в среднеславянских книжниках она пользовалась достаточной известностью.

Не только этническое единство связывало большинство славянских народностей. Их объединяло и христианское вероисповедание. В «Надгробном слове митрополиту Киприану», произнесенном Григорием Цамблаком в Москве, а в Киеве, декларируется мысль о братстве между болгарами и русскими, основанном на конфессиональном единстве и скрепленном пастырской деятельностью двух иерархов-соотечественников: патриарха Евфимия в Болгарии и митрополита Киприана в России. Используя в качестве литературного прототипа «Надгробное слово Мелетию Антиохийскому» Григория Нисского и развивая эту мысль о духовном родстве епископов⁴⁰, Цамблак проводит идею о тождестве духовного вероучителя паствы и ее истинного «родителя»⁴¹. Через это тождество определяется терминология «Надгробного слова Киприану»: отец — это церковный иерарх, а сыновья — паства. Автор выстраивает идеализированную картину болгаро-русского братства «во Христе»: Евфимий — отец, болгары — чада; Киприан — отец, русские — чада; Евфимий и Киприан — братья с точки зрения единства своих общественных и церковных функций; следовательно болгары и русские — также братья⁴².

Мысль о единстве славянских народностей в рамках единой христианской конфессии косвенным образом прослеживается и в трактате Константина Костенеческого. Она логически вытекает из взгляда автора на церковно-славянский язык как на один из священных языков⁴³ и на необходимость сохранения его чистоты как залога чистоты религиозного учения тех племен, которые им пользуются⁴⁴. Проблемы защиты христианской догматики и сохранения строя славянского языка оказываются в трактате явлениями одного порядка. Рассуждение Константина о взаимосвязи между грамматическими ошибками в языке и возникновением еретических вероучений⁴⁵, как бы намечает основные контуры идеи общей ответственности славянских народностей за судьбы христианского вероучения на их землях и спланирует их в исполнении единой религиозной миссии.

Вместе с тем мысль о единстве славянских племен не заслоняла в представлениях книжников осознания их этнических различий. Константин, например, в трактате не только перечисляет практически все славянские народы, а конкретно указывает вклад каждого из них в дело создания общего языка. Он также отмечает специфику употребления отдельных букв в болгарском и сербском языках⁴⁷ и непривычность для болгарина местных сербских традиций⁴⁸.

Примером этнических представлений болгарских книжников о соседних славянских этносах, думается, может служить восприятие Константином Костенечским сербов, в среде которых ему довелось долго жить. События истории этого народа нашли отражение в написанном им «Житии Стефана Лазаревича». В тексте присутствует как сам местный этноним, так и производные от него словосочетания: «сербский род», «сербам деспот», «Сербия», «сербская страна-земля», «пределы сербские», «сербский скипетр». Собственно этническое содержание этнонима в тексте прослеживается достаточно определенно: для авторов нынешние сербы — это потомки старых даков⁴⁹, род замечательный во всех отношениях — мужественный, богопослушный и т. д.⁵⁰

Хотя в тексте широко представлено описание внешнеполитических коллизий периода правления деспота Стефана Лазаревича (1389—1427 гг.), автор мало интересуется деталями внутривнутриполитической борьбы в стране. Максимально глухо упомянуто в тексте и наличие внутривнутриполитической раздробленности⁵¹. Для Константина Сербия не ограничена территорией, контролируемой деспотом Стефаном, при дворе которого он живет. Сербией Константин называет всю землю «от древле нарекша се сръбскаа»⁵², т. е. в его сознании Сербия — это первую очередь этническая категория — земля, населенная сербским племенем. Думается, что представления такого рода были достаточно типичны среди болгарских эмигрантов. Во всяком случае аналогичные наблюдения можно сделать в отношении «Рассказа о перенесении мощей Параскевы» Григория Цамблака; в нем автор также склонен говорить о некой единой богоугодной сръбской земле.⁵³

Материал для реконструкции этнических представлений относительно греческого населения представлен в «Похвальном слове Евфимию» Григория Цамблака, а также в «Житии Стефана Лазаревича» и трактате «О письменах» Константина Костенечского. В тексте одновременно используются этноним — «эллины», этникон — «греки» и производные от них словосочетания — «греческий/эллинский язык», «греческие письма/книги, глаголы», «греческий скипетр», «царь греческий», «эллинские обычаи». Однако в употреблении этнонима этникона прослеживается четкая дифференциация. В тех случаях, когда в тексте речь идет о противоборстве христианства с греками-язычниками⁵⁴ или о каких-либо событиях греческой истории дохристианского периода⁵⁵, оба автора последовательно и без исключений употребляют этноним «эллины». В отношении греков-христиан он не используется. В целом этноним в употреблении рассматриваемых авторов носит негативный, оценочный характер и применяется для конфессиональной характеристики.

Использование этникона в тексте не столь однозначно. В «Житии Стефана» он указывает на государственную принадлежность: союзный договор императора Мануила с Сулейманом и передача Солуни «въ руки Греком»⁵⁶; употребление выражений греческий скипетр и греческий царь при описании борьбы Византии с османами⁵⁷. В трактате же он несет в первую очередь этническую нагрузку — использование этникона в качестве синонима к понятию «греческий язык»⁵⁸, что для Константина равнозначно признанию греков этнически обособленной общностью. Следует также отметить, что поскольку в трактате речь идет о священном характере греческого языка и о его значении для судеб православной догматики, то конфессиональный компонент также оказывается обязательной составной частью внутренней структуры этникона.

Исключением в двух конфессиональных системах, разделяющих употребление этнонима и этникона, являются выражения, связанные с определением языка греков. Константин и Цамблак в одинаковом по смыслу контексте свободно используют производные и от этнонима, и от этникона. По-видимому, различия между эллинским и греческим языками в их сознании не существовало, следовательно, этническая основа языка также была общей. Можно поэтому предположить, что в данном случае этнические представления книжников образуют два этноконфессиональных уровня — языческий и православный. В первом случае структура этнонима имеет две таксономы: этнос — языческое исповедание. Во втором случае структура этникона состоит из трех таксономий: этнос — подданство — православие. При этом ведущая роль в контексте принадлежит этническим и конфессиональным понятиям.

Об этнических представлениях болгарских книжников относительно народов Западной Европы можно судить лишь по материалам сочинений Константина Костенечского, поскольку Иоасаф Бдинский и Григорий Цамблак в рассматриваемых произведениях их не упоминают. В «Житии Стефана» и в трактате в качестве этникона Константин использует термин «фруги» и прилагаемое «западные», которые в тексте определены следующими выражениями: православные «языци», западные страны, западный царь.

В отличие от своего идейного учителя Евфимия Тырновского, в сочинениях которого этникон «фруги» несет исключительно конфессиональную нагрузку и относится ко всем народам римско-католического вероисповедания, Константин применяет его лишь к итальянцам⁵⁹. Прилагательное «западные» имеет в тексте более широкое значение и относится одновременно ко всем государствам и ко всем народностям Западной Европы в целом. Несмотря на то, что в тексте можно найти упоминание об отдельных исторических событиях в различных западных государствах — Чехии, Венгрии и других, для автора не типична политическая конкретизация карты западного мира. Ее заменителем для Константина и является предельно общее прилагательное «западные». Одновременно для определения народностей Западной Европы Константин употребляет выражение «неправославнии езыци»⁶⁰. Если принять во внимание, что автор прекрасно разбирался не только в племенных различиях славян, но был осведомлен о существовании венгров, германцев и других народностей Европы⁶¹, то напрашивается вывод, что основным звеном, объединяющим в его сознании эти народности, была их конфессиональная принадлежность. По-видимому, определяющим компонентом этнических представлений в отношении неправославного населения Европы для Константина было римско-католическое вероисповедание, тогда как собственно этническая и политическая карта региона его интересовала мало.

Этнические представления в отношении османов базируются в сознании рассматриваемых авторов на конфессиональной принадлежности завоевателей. Для Иоасафа Бдинского, писавшего свое произведение непосредственно после падения Тырнова, это единственная основа для восприятия турок. В качестве этникона он использует библейское наименование для мусульман — «агаряне», которое определяется выражениями, также не выходящими за рамки конфессиональной характеристики: «нашествие агаренское», «неподобная вера Магомедова», а также эпитетами «безбожные», «нечестивые», «скверные». Само завоевание воспринимается автором как наказание за грехи⁶², а борьба как противоборство двух вероисповеданий⁶³.

Григорию Цамблаку, писавшему в начальный период становления османской государственной структуры на территории Болгарии, присуща более развитая система представлений, хотя основа по-прежнему остается конфессиональной. Этниками также выступают библейские определители «агаряне», «исмаилиты» и оценочный термин «варвары». Вместе с тем можно отметить и первые признаки этнической конкретизации завоевателей, что проявляется в разовом использовании словосочетаний, включающих турецкий этноним «воевода турчин» и «царь турецкий»⁶⁴. Система употребления этнонима и этникона свидетельствует, что в сознании Цамблака они связаны воедино с понятиями новой государственной структуры, что выражается в их сочетании со словами «начальник», «царь», «воевода» и т. д. По всей видимости, в представлении автора новое государство имело не этнический, а конфессиональный характер. Этим, по его мнению, объясняются и жестокости турок по отношению к болгарскому населению⁶⁵.

Наиболее сложная структура восприятия завоевателей отражена в сочинениях Константина Костенечского, которые в хронологическом отношении являются наиболее поздними. Несмотря на то, что основную роль в тексте по-прежнему играют конфессиональные клише-этниконы («исмаилиты», «сарацины»), а также их производные, смысловое содержание этих терминов расширяется. Конфессиональный этникон в сознании автора получает стабильную конфессионально-политическую нагрузку, что выражается в широком употреблении словосочетаний «исмаилитский царь», «пределы исмаилитские», «страны исмаилитские» и т. д. Одновременно он приобретает и этническое содержание. Константин упоминает в трактате сарацин в перечне других этносов («языкъ») ⁶⁶ и определяет их как носителей особого исмаилитского языка ⁶⁷. Из конкретного лексического примера с использованием исмаилитского местоиме-

Первого лица единственного числа следует, что под этим языком автор подразумевает турецкий⁶⁸. Вассальная зависимость Сербии после битвы на Косовом поле также трактуется как подчинение конфессионально враждебному этному — «исмаилитскому языку»⁶⁹.

Таким образом, с течением времени в сознании болгарских книжников можно наблюдать эволюцию в сторону усложнения структуры восприятия турецких завоевателей: одночленно-конфессиональная в момент завоевания, двухчленная (конфессия-государство) в период становления новой государственности, трехчленная (конфессия-государство-этнос) спустя три-четыре десятилетия момента завоевания. Вместе с тем следует отметить, что в формировании этнической структуры решающая роль принадлежит идеологии, поскольку основой представлений на всем протяжении времени остаются конфессиональные установки, которые постепенно лишь корректируются, но не вытесняются историческими реалиями.

Подводя итог анализу этнических представлений болгарских книжников начала Османского владычества, можно сказать, что даже материалы такого исторического вида источников, как этнография, свидетельствуют о тесной связи этнических представлений с явлениями общественно-политического, исторического и идеологического характера. Уничтожение независимой болгарской державы, включение ее территорий в состав Османской империи, активная турецкая колонизация и исламизация местного населения вызвали неизбежные изменения в этническом самосознании болгар. У болгарских книжников эти изменения выразились в постепенном ослаблении представлений о тесной связи своего этноса с его политическим организмом. В свою очередь это вызвало стигматизацию собственно этнического и религиозного сознания, чему также способствовали резкие отличия в конфессиональном и этническом отношениях между завоевателями и поработленным населением. В целом, возможно, этот процесс является отражением начала постепенного превращения болгар из политическо-этнической в достаточно замкнутую этноконфессиональную и этнокультурную общность внутри громадной Османской империи. В советской этнографии давно замечено, что наличие иноэтнического окружения, особенно в случае конфликтной конфессиональной ситуации, способствует консервации традиционных форм духовной культуры, в том числе и этнического самосознания народности⁷⁰. Не исключено, что превращение болгарского населения в такую замкнутую общность явилось в отдаленной перспективе одним из условий, обеспечившим сохранение его этнической самобытности и подготовившим в конечном итоге национальное Возрождение болгарской народности в XVIII—XIX вв.

Примечания

¹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 176—177, 180; Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и его место в теории этноса // Сов. этнография. 1974. № 2. С. 79—92; Васильев К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // Сов. этнография. 1973. № 3. С. 73—85.

² Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989; Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981; Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1988.

³ Гандев Хр. Българската народност през XV век. Демографско и этнографско изследоване. София, 1972; Лигаврин Г. Г. Особенности развития самосознания болгарской народности во второй четверти X — конце XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 36—69; Цветкова Б. Опазване на българската народност и изяви на народностно сознание през XV—XVIII в. София, 1972; Иванова Э. Формирование и развитие национального самосознания болгар эпохи национального Возрождения (до 70-х годов XIX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

⁴ Гандев Хр. От народност към нация. София, 1988; Цветкова Б. Указ. раб.; Гандев Хр. Публицистическо изследване за възможността през XV—XVI в. да създава своите институции // История 1300. Институции, държава и традиция. 2. София, 1981. С. 399—405; Георгиева Ц.

- Идеята за държавност и съхраняването на българския народ в ранните векове на османското владичество // Първи международен конгрес по българистика. Доклади. София, 1982. С. 123—141; *Димитров С.* Традицията в борба за възстановяване на българската държава // *Български архивен институт*. 1978. № 1. С. 65—86; *Георгиева Ц.* Етноинтеграцията на култове на българските светци в периода на османското владичество // *Българска етнография*. 1984. № 1. С. 3—11; *Дуйчев И.* Ролята на църквата за запаждане на българската народност през ранните векове на османското владичество // *Известия на Църковния историко-архивен институт*. 1978. № 1. С. 65—86; *Георгиева Ц.* Етнонимът «българи» в системата на българския исторически спомен през XV—XVII вв. // *Изследвания в чест на професор Хр. Гандев*. София, 1983. С. 155—171; *Георгиева Ц.* Содержание и функций этнонима «болгары» в условиях османского владычества // *Bulgarian Historical Review*. 1983. № 2. С. 40—54; *Иванова Е.* Еволюция на собственоетническите названия на българите (XV—начало на XVIII) // *Българска етнография*. 1985. № 4. С. 3—10; *Петканова Д.* «Латини» и «немци», в старобългарската народна песен // *Български фолклор*. 1984. № 4. С. 28—34; *Грозданова Е.* Ролята на традиционните села община за опазване на българската народност и народностно самосъзнание // *Българската нация през Възраждането*. София, 1980. С. 139—177; *Живкова В.* Българското село през вековете: социологически проблеми на докапиталистическото му развитие. София, 1985; *Митев Й.* Значението на култура за опазване на българската народност по време на османското владичество // *Проблеми на култура*. 1983. № 2. С. 66—76; *Нешев Г.* Манастирите като назители на българските държави и културно-религиозни традиции през XV—XVII вв. // *България 1300. Институции и държавна традиция*. 2. София, 1981. С. 413—418.
- ⁵ *Бромлей Ю. В.* Указ. раб. С. 181.
- ⁶ *Katužniacki E.* Aus der panegyrischen Literatur der Südslaven. Wien, 1901. P. 97—115; *Далее Иоасаф Бдинский.* Похвальное слово Филофее.
- ⁷ *Katužniacki E.* Werke des Patriarchen von Bulgarien Zuthymius. Wien, 1901. P. 432—435; *Далее: Григорий Цамблак.* Рассказ о перенесении мощей Параскевы.
- ⁸ *Архимандрит Леонид.* Надгробное слово Григория Цамблака российскому архиепископу Киприану // *Чтения общества истории и древностей Российских*. 1872. Кн. 1. С. 25—32. *Далее Григорий Цамблак.* Надгробное слово Киприану.
- ⁹ *Katužniacki E.* Aus der panegyrischen... С. 28—88; *Григорий Цамблак.* Похвальное слово Евфимию.
- ¹⁰ *Ягич И. В.* Рассуждения старины о церковно-славянском языке // *Исследования по русскому языку*. 1. СПб., 1885—1895. С. 383—487. *Далее: Константин Костенечский.* О письменах.
- ¹¹ *Кувев К., Петканов Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки. Изследване и текст. София, 1986. С. 361—424. *Далее: Константин Костенечский.* Житие Стефана Лазаревича.
- ¹² *Киселков В.* Проуки и очерти по старобългарска литература. София, 1956. С. 244—247; *Наумов Е. П.* Кем написано второе житие Стефана Дечанского // *Славянский архив*. М., 1967. С. 60—74; *Nasturel P.* Une prétendue oeuvre de Grégoire Tsamblak «Le martyr de Saint Jean le Nouveau» // *Actes du premier congrès international balkaniques et sud-est européen*. VII. Sofia, 1971. P. 345—351.
- ¹³ *Бромлей Ю. В.* Указ. раб. С. 180.
- ¹⁴ *Иоасаф Бдинский.* Похвальное слово Филофее. С. 109.
- ¹⁵ Там же. С. 114.
- ¹⁶ *Бромлей Ю. В.* Указ. раб. С. 193.
- ¹⁷ *Григорий Цамблак.* Рассказ о переносе мощей Параскевы. С. 432.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 436.
- ²⁰ *Григорий Цамблак.* Похвальное слово Евфимию Тырновскому. С. 43.
- ²¹ Там же. С. 49.
- ²² Там же. С. 396—398.
- ²³ Там же. С. 405—406.
- ²⁴ *Константин Костенечский.* Житие Стефана Лазаревича. С. 398, 415.
- ²⁵ *Петров П.* Встъпанието на Константин и Фружин // *Известия на Института за история*. София, 1960. Т. 9. С. 187—214.
- ²⁶ *Константин Костенечский.* Житие Стефана Лазаревича. С. 398—399.
- ²⁷ *Кувев А.* Восстание Константина и Фружина // *Bulgarian Historical Review*. 1974. № 3. P. 53—69.
- ²⁸ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. С. 321.
- ²⁹ *Константин Костенечский.* О письменах. С. 390, 395.
- ³⁰ *Иоасаф Бдинский.* Похвальное слово Филофее. С. 110—111. *Григорий Цамблак.* Рассказ о перенесении мощей Параскевы. С. 434—436.
- ³¹ *Литаврин Г. Г.* Указ. раб. С. 36—69.
- ³² *Иоасаф Бдинский.* Похвальное слово Филофее. С. 110—111.
- ³³ *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России (IV Международный съезд славистов. Доклады). М., 1958. С. 21—25.
- ³⁴ *Константин Костенечский.* О письменах. С. 395.
- ³⁵ Там же. С. 398.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.

- 38 Григорий Цамблак. Похвальное слово Евфимию Тырновскому. С. 49.
- 39 Кувев К., Петков Г. Указ. раб. С. 271.
- 40 Hothhuzen J. Neues zur Erklärung des Nadgrobnoe slovo von Grigorij Camblak auf den Koskauer Metropolit Kiprian // Sonderdruck aus Slavistischen Studien zum VI Internationalen Slavistenkongress in Prag. München, 1968. P. 372—382.
- 41 Григорий Цамблак. Надгробное слово Киприану. С. 26.
- 42 Подробнее см.: Макарова И. Ф. Идея славянского единства в памятниках болгарской литературы начала XV в. // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989. С. 75—86.
- 43 Константин Костенечский. О письменах. С. 413.
- 44 Там же. С. 390.
- 45 Там же. С. 395.
- 46 Там же. С. 396—398.
- 47 Там же. С. 403, 407.
- 48 Там же. С. 452.
- 49 Константин Костенечский. Житие Стефана Лазаревича. С. 366.
- 50 Там же.
- 51 Там же. С. 393, 398.
- 52 Там же. С. 393.
- 53 Григорий Цамблак. Рассказ о перенесении мощей Параскевы. С. 436.
- 54 Константин Костенечский. О письменах. С. 449, 454.
- 55 Григорий Цамблак. Похвальное слово Евфимию. С. 42, 43.
- 56 Константин Костенечский. Житие Стефана Лазаревича. С. 389.
- 57 Там же. С. 373—374, 400.
- 58 Константин Костенечский. О письменах. С. 425.
- 59 Константин Костенечский. Житие Стефана Лазаревича. С. 400. Константин Костенечский. О письменах. С. 471, 468.
- 60 Константин Костенечский. О письменах. С. 471.
- 61 Константин Костенечский. Житие Стефана Лазаревича. С. 368, 382.
- 62 Иоасаф Бдинский. Похвальное слово Филофее. С. 109.
- 63 Там же. С. 110.
- 64 Григорий Цамблак. Похвальное слово Евфимию. С. 52—53.
- 65 Там же.
- 66 Константин Костенечский. О письменах. С. 436.
- 67 Там же. С. 402.
- 68 Там же. С. 403.
- 69 Константин Костенечский. Житие Стефана Лазаревича. С. 383.
- 70 Чистов К. В. Указ. раб. С. 78.

с 1990 г.

Г. Л. Хить, В. С. Шинкаренко, В. В. Наумкин

ДЕРМАТОГЛИФИКА НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ АРАВИИ

Южная Аравия сыграла огромную роль в процессе формирования человеческих рас. В этом регионе не только складывались и контактировали древнейшие цивилизации, но и на протяжении тысячелетий контактировали антропологические типы, принадлежащие к трем большим расовым группам: европеоидной (в южном варианте), негроидной (негро-африканской) и, по-видимому, индо-австралоидной (веддоидной). Между тем до недавнего времени кожный рельеф кисти здесь практически не изучался. Опубликованы лишь неполные данные о небольшой группе бедуинов Йемена, состоящей из 17 мужчин¹. Вероятно, слишком малый объем этой выборки послужил причиной возникновения необычайно высоких величин ряда признаков, так что указанные данные нельзя рассматривать как репрезентативные.

В результате полевых исследований Советско-йеменской комплексной экспедиции с 1983 по 1985 г. впервые был собран материал по дерматоглифике населения островов Сокотра и Абд-эль-Кури, а также сборной группы арабов периферического Йемена. Данные в обработке Г. Л. Хить публиковались по мере поступления, причем особенно детально были проанализированы материалы по

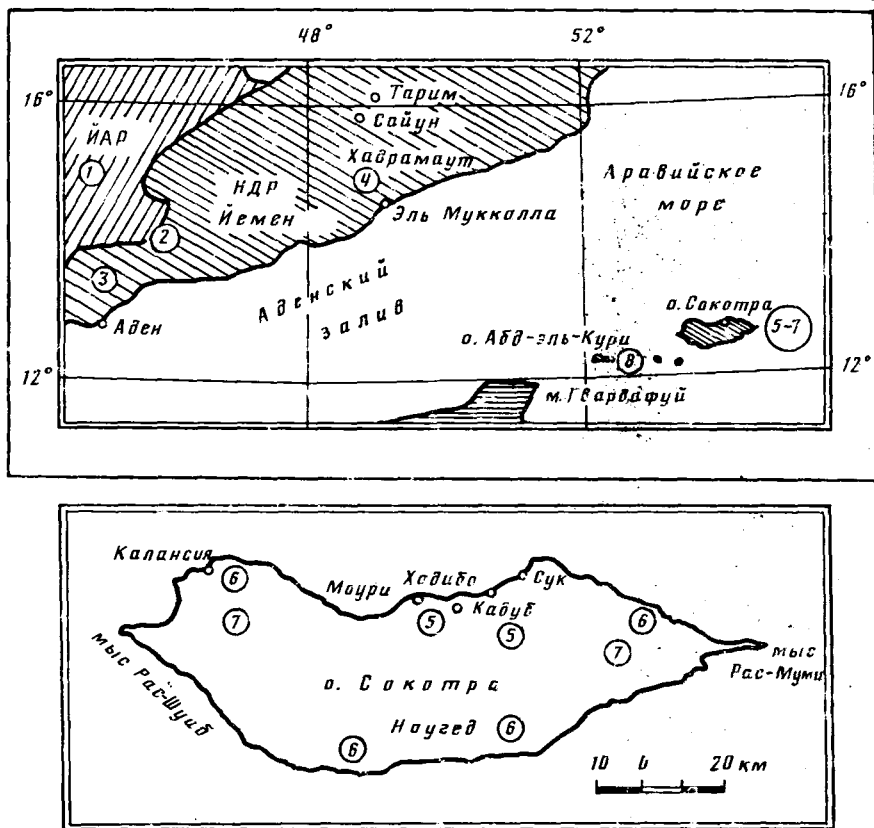

Рис. 1. Локализация исследованных групп: 1 — арабы ЙАР, 2—4 — арабы НДРЙ (2 — горного массива Йафи. 3 — района Аден, 4 — района Хадрамаут), 5—7 — сокотрийцы (5 — северного побережья о-ва Сокотра и горного массива Хагьер, 6 — западного, южного и восточного побережья о-ва, 7 — горных местностей на западе и востоке о-ва), 8 — население острова Абд-эль-Кури

сокотрийцам². За полевой сезон 1986 г. В. В. Наумкиным собраны новые коллекции отпечатков кисти арабов НДРЙ. Вследствие этого общий объем выборки материковых арабов увеличился более чем вдвое. Стало возможным не только уточнить дерматоглифическую характеристику арабов Южной Аравии, но и провести сравнительный анализ данных о локальных и обобщенных группах населения материкового и островного Йемена (рис. 1). Это и составило задачу нашей статьи, подводящей определенный итог работы экспедиции в 1983—1986 гг.

Прежде чем перейти к изложению результатов, обратимся к историческим связям населения Сокотры и Аравийского полуострова. Можно считать достаточно вероятным, что в древности, еще до заселения о. Сокотра, на юге Аравии существовала некая этническая общность, отличная от той, на основе которой были образованы древние южноаравийские государства. Эта общность была представлена, видимо, пастушескими племенами, обитавшими в центральной части Южной Аравии (современные восточная область НДРЙ Махра и западная область Омана Дофар). Они были носителями того языка, который в результате исторического развития разделился на дошедшие до нас языки Южной Аравии: махри, сокотри, харсуси, джиббали. По данным глоттохронологического анализа, о результатах которого сообщил А. Ю. Милитарев, это разделение языков произошло примерно в начале I тыс. до н. э. Можно предположить, что заселение Сокотры носителями сокотрийского языка произошло не ранее или не намного ранее этого периода (в результате отмежевания части племен, переселившихся на остров).

нившихся на остров, и мог начать обособленно развиваться их диалект (ивший языком). Однако мы не знаем, был ли остров заселен кем-либо до той волны носителей сокотрийского языка. Следов более раннего заселения прова археологические исследования не обнаружили. Данная статья — попытка способствовать прояснению вопросов о заселении Сокотры и о формировании населения южной части Аравийского полуострова.

Материал и методы исследования. В основу работы положены данные о кожном рельефе лишь мужских групп арабов материковой части Южной Аравии, так как исследовать женщин оказалось невозможно. Общий объем выборки — 14 человека, распределенные по четырем территориальным группам: 1) уроженцы Северного Йемена (ГАР) — 50 чел. (в эту выборку вошли также 27 человек, обследованных в 1987 г. группой под руководством И. И. Гохмана, отпечатки кистей которых были любезно переданы нам для анализа); 2) уроженцы Адена и его окрестностей — 43 чел.; 3) горцы района Яфи — 36 чел.; 4) уроженцы Хадрамаута — 53 чел.

Сбор дерматоглифического материала проводился в Адене, Хаджарейне (западный Хадрамаут), Лабусе (область Яфи). С йеменской стороны в этой работе принимал участие сотрудник Аденского университета Мухаммед Галиб. Следует отметить, что если группы Хадрамаута и Яфи антропологически гомогенны, то население Адена представляет собой сложный конгломерат, в который наряду с йеменскими арабами входят представители и других рас. Классификация собранного материала по происхождению обследованных лиц этой или иной области проводилась на основании опроса, в котором выяснялись соответствующие данные о родителях, дедах и бабках.

В анализ включены также данные о сокотрийских группах и островитянах баэль-Кури. Отпечатки обработаны Г. Л. Хить по классической методике Камминса и Ч. Мидло, осевые ладонные трирадиусы определены по схеме Шармы³. Примененные методы расового анализа подробно описаны⁴. Таблицы содержат полную характеристику групп, но в основной анализ вошли лишь ключевые признаки: дельтовый индекс (DI_{10}), индекс Камминса (I_c), процент узорности гипотенарной подушечки (Hu), добавочных межпальцевых трирадиусов (DMT) и осевого проксимального трирадиуса ладони (t). Анализ включает три независимых метода, позволяющих извлечь из материала информацию разного рода: 1) изучение сочетаний признаков путем построения комбинационных полигонов; 2) определение расхождения групп по сумме признаков посредством общей меры дивергенции — обобщенного дерматоглифического расстояния (ODR); 3) определение суммарной выраженности расовых свойств путем вычисления условной доли индо-австралоидного, точнее, зеддонного и евро-африканского компонентов (австралоидный комплекс — АК и негроидный, или экваториальный, комплекс — ЭК). Каждый из них представляет по существу расовый модуль и рассчитывается, исходя из гипотезы наличия лишь двух расовых компонентов в популяции, одним из которых, принятым за точку счета, является южноевропеидный. Таким образом, величина комплекса прямо связана с долей соответствующего (австралоидного или экваториального) компонента в группе и обратно — с долей южноевропеидного переднеазиатского компонента. Разумеется, оба комплекса являются условной мерой содержания компонентов. Исходной точкой анализа служил перевод абсолютных величин признаков в относительные, с использованием межгрупповой евразийской амплитуды популяционных средних. Лимиты амплитуды опубликованы. Этот способ дает возможность сравнить величины ODR и разницу в ЭК и АК. Так как все эти параметры вычисляются на единой методической основе. Более подробно техника подсчета расовых комплексов и их формулы приведены в предыдущих публикациях. Результаты анализа рассматриваются на разных таксономических уровнях. Локализация исследованных групп представлена на рис. 1.

Дерматоглифическая дифференциация и таксономическое положение арабов Йемена. В данном разделе проведем сравнение обобщенных групп населения материкового и островного Йемена (табл. 1).

Основные дерматоглифические показатели у населения Йемена (мужчины)

Признак	1. ЯАР	2. Аден	3. Яфи	4. Хад- рамаут	1—4 суммарно	5. Сс	6. Сг	7. Сп	5—7 суммарно	АЭК
n	50	43	36	53	182	237	106	93	436	17
DI ₁₀	13,58	14,15	13,70	13,45	13,70	13,49	14,62	15,45	14,18	12,85
I _c	8,51	7,87	7,65	7,64	7,93	7,72	8,80	7,98	8,04	8,82
t	72,0	77,9	73,6	70,8	73,4	58,1	43,9	45,7	52,0	52,5
Hu	34,0	29,1	33,3	28,3	31,0	33,5	36,8	40,9	35,9	25,0
DMT	16,0	26,8	19,4	26,4	22,3	27,2	39,1	26,9	30,0	62,5
AK	41,2	57,1	49,5	53,3	50,2	45,7	41,5	42,9	44,0	54,5
ЭК	40,0	51,4	47,4	53,1	48,0	45,1	32,1	27,0	38,1	59,0
Th / I	9,0	7,0	4,2	7,5	7,1	6,7	5,6	7,0	6,5	22,5

Примечание. Сс — сокотрийцы северные, Сг — сокотрийцы горные, Сп — сокотрийцы прибрежные. АЭК — абд-эль-курийцы. Номера групп соответствуют обозначениям на рис. 1.

Таблица 2

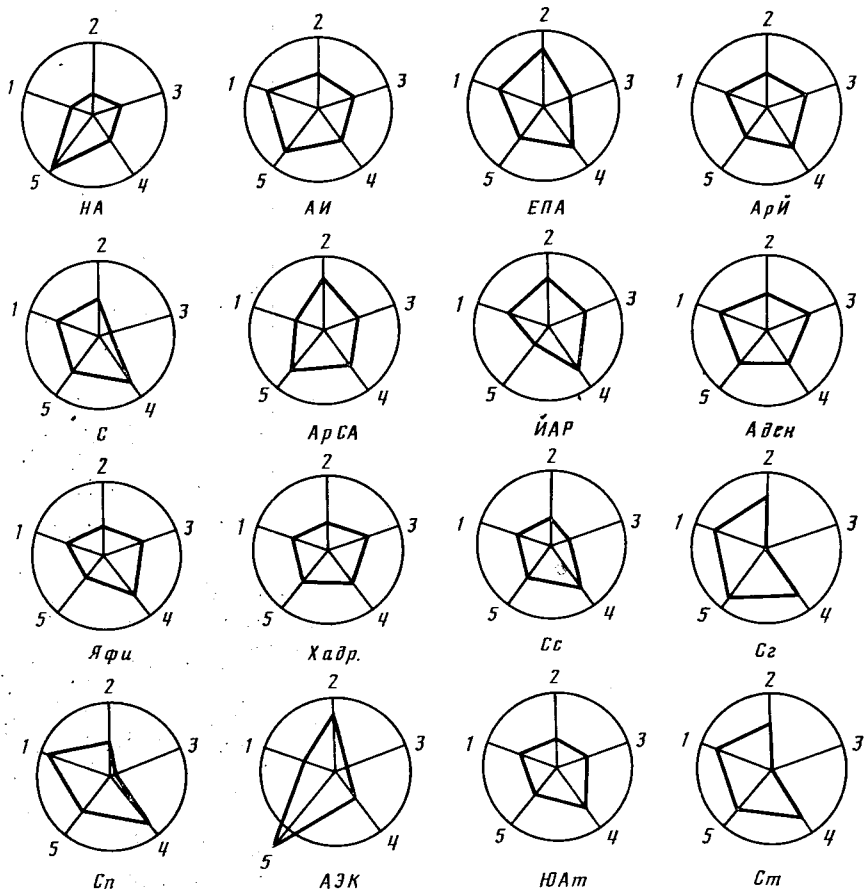
Таксономическое положение населения материкового и островного Йемена в системе трех расовых вариантов (матрица ОДР)

Группа	2	3	4	5	6
1. Арабы материкового Йемена	14,0	25,4	12,4	16,9	38,4
2. Европеоиды Передней Азии	—	30,1	18,8	13,8	30,8
3. Негроиды Африки	—	—	18,9	29,1	25,2
4. Австралоиды Индии	—	—	—	15,2	32,6
5. Сокотрийцы суммарно	—	—	—	—	30,7
6. Абд-эль-курийцы	—	—	—	—	—

Несмотря на существенное увеличение материала, арабы материкового Йемена (Северного и Южного суммарно) сохраняют все черты комплекса, описанного в предыдущих работах авторов⁵. Это группа с малым содержанием дуг на пальцах, преобладанием петель над завитками (2,58 и 40% соответственно) и дельтовым индексом около 14 единиц. Индекс Камминса понижен и не достигает 8, а частота осевого проксимального трирадиуса ладони повышена до 73%. Узорность гипотенарной подушечки довольно высока (31%), тенарной, напротив, понижена (7%). Добавочные межпальцевые трирадиусы умеренны (22%).

Этот комплекс как типологически, так и статистически, по сумме признаков, более всего сходен с индо-австралоидным (табл. 2, рис. 2). ОДР в данном случае имеет наименьшую величину, равную 12,4. Немного сильнее арабы отличаются от переднеазиатских Европеоидов (ОДР = 14,0), в основном благодаря пониженному индексу Камминса. С негроидами Африки арабы абсолютно несходны как по комбинации признаков, так и по их сумме (ОДР = 25,4, что примерно соответствует разнице между большими расами). Отсюда можно заключить, что арабы материкового Йемена представляет собой группу смешанного происхождения, сложившуюся при взаимодействии индо-австралоидного и переднеазиатского Европеоидного компонентов, с небольшим преобладанием первого. Негро-африканская примесь на этом уровне анализа неощутима.

Сокотрийцы как целое также сочетают черты двух указанных расовых комплексов, но в отличие от арабов у них преобладают черты переднеазиатских Европеоидов (ОДР составляет 13,8, а с австралоидами Индии 15,2). Это выражается главным образом в резкой редукции частоты проксимального трирадиуса ладони, увеличении индекса Камминса и узорности гипотенара. С материковыми арабами сокотрийцы умеренно сходны: ОДР = 16,9, что говорит о сред-

с. 2. Дерматоглифические комбинационные полигоны групп (мужчины). Обозначение дугосов: 1 — DL_{10} , 2 — I_c , 3 — t , 4 — H_y , 5 — DMT . Центр окружности соответствует минимально-конеч радиуса — максимальному лимиту евразийской амплитуды популяционных средних (см. жку 4). Обобщенные расовые группы: НА — негроиды Африки, АИ — австралоиды Индии, ЕА — европеиды Передней Азии (см. Г. Л. Хить и Н. А. Долинова. Расовая дифференциация населения (дерматоглифические данные). М., 1990 (в печати)). Арабы: АрИ — Йемена (ИАР НДРИ суммарно), Хадр — Хадрамаута, АрСА — Средней Азии. Сокотрийцы: Сс — северные, — горные, Сп — прибрежные, С — сокотрийцы суммарно. АЭК — абд-эль-курийцы. Дерматоглифические типы: ЮАт — южноаравийский, Ст — сокотрийский

степени близости на уровне этнических сопоставлений, но оценивается как меньшая разница для уровня локальных групп.

Немногочисленная группа островитян Абд-эль-Кури наиболее смешана, и в составе преобладает негро-африканский компонент, переднеазиатский же здесь представлен в заметно меньшей степени. В связи с этим суммарное отличие абд-эль-курийцев от материковых арабов и сокотрийцев достигает очень малой величины (ОДР равны 38 и 31 соответственно).

Все сказанное подытоживается дендрограммой, выполненной по итогам кластерного анализа матрицы ОДР (рис. 3, А). В системе трех расовых вариантов арабы материкового Йемена по комплексу ключевых признаков объединяются с австралоидами Индии, сокотрийцы — с европеоидами Передней Азии, островитяне Абд-эль-Кури — с негроидами Африки.

До сих пор мы говорили о тотальной мере дифференциации, вызванной комплексом причин, в том числе различиями расового состава групп. Попробуем вычленить долю этих различий, рассмотрев условные показатели «австралоидности» (АК) и «негроидности» (ЭК) (рис. 4, А). Напомним, что оба

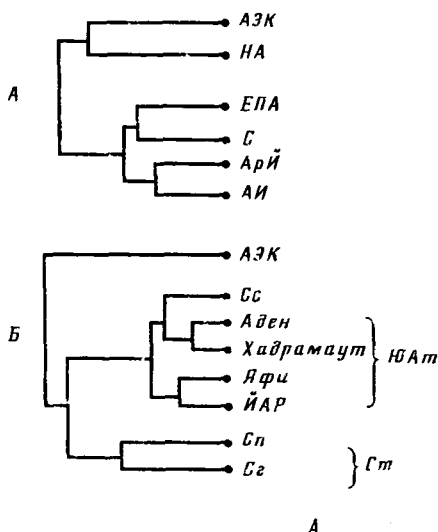

Рис. 3. Систематизация групп по результатам кластерного анализа матриц ОДР (мужчины). А — таксономическое положение обобщенных групп населения материкового и островного Йемена в системе крупных расовых вариантов. Б — дендрограмма локальных групп населения Йемена. Обозначения групп как на рис. 2

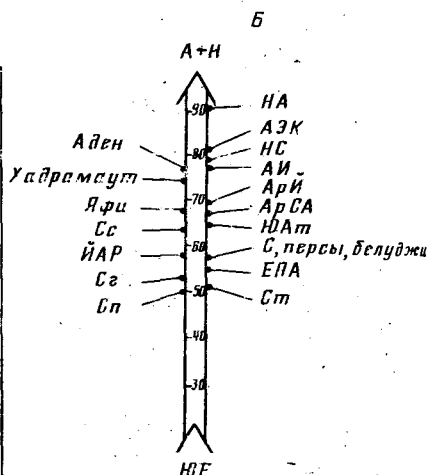
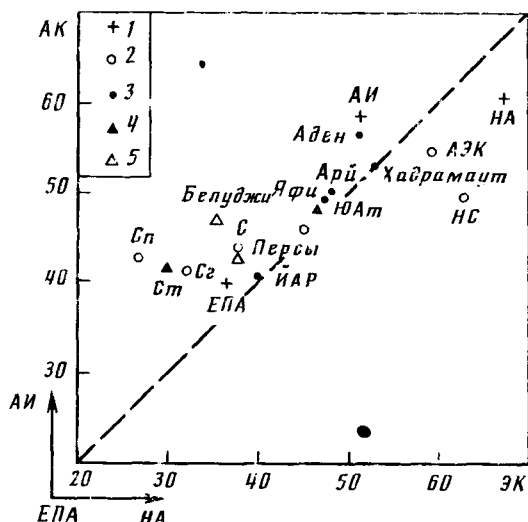

Рис. 4. Сравнение исследованных групп по расовому составу. А — сопоставление по величинам расовых комплексов: ЭК — экваториальный (негро-африканский), АК — австралоидный (индоавстралоидный) комплексы. Обозначения, как на рис. 2. НС — негры Сокотры. 1 — обобщенные расовые группы, 2 — сокотрийцы, 3 — материковые арабы, 4 — сокотрийский и южноарабский типы, 5 — сравнительные группы Передней Азии. Б — суммарный негро-австралоидный комплекс (объяснение в тексте). Слева — локальные группы йеменцев, справа — обобщенные группы. ЮЕ — южные европеоиды, А — австралоиды Индии, Н — негроиды Африки.

вычисляются как модульное значение пяти ключевых признаков на евразийской шкале их вариаций, где за 0 приняты лимиты, характерные для южных европеоидов, за 100% — «австралоидные» или «негроидные» лимиты, в зависимости от того, какой комплекс вычисляется. Диагональ на рис. 4, А разделяет зоны преобладания величин АК (слева) и ЭК (справа). Как видим, три обобщенные группы йеменцев соотносятся на рисунке по-разному. Абд-эль-курийцы вместе с неграми Сокотры характеризуются преобладанием негроидных черт в каждом рельефе. Сокотрийцы сближаются с переднеазиатскими европеоидами

при этом австралоидный комплекс у сокотрийцев повышен. Что касается материковых арабов Йемена, то по величине обоих показателей они располагаются между переднеазиатскими европеоидами и австралоидами Индии, в большей мере сближаясь с последними.

Статистический итог одновременного учета обоих комплексов может быть выражен путем извлечения квадратного корня из суммы их квадратов, и получающаяся величина характеризует степень близости группы к «идеальному» (европеоидному) комплексу, находясь с ним в обратной связи. Результаты этой операции представлены на рис. 4, Б. Можно убедиться, что из крупных групп полярные места занимают переднеазиаты, с одной стороны, австралоиды и особенно негроиды — с другой. Из наших групп южноевропейские черты максимально выражены у сокотрийцев, с которыми сходны яфизиты и белуджи. Абд-эль-курийцы вместе с неграми Сокотры максимально близки к южноевропейскому комплексу, превосходя в этом смысле даже индийских австралоидов. У арабов материкового Йемена, как и у арабов Северной Африки, юноевропейский комплекс заметно ослаблен по сравнению с сокотрийцами и проявляется близость к австралоидной группе. Таким образом, более тесное сходство арабов с индийскими австралоидами, определяемое комбинацией черт и общей мерой дивергенции (ОДР), действительно связано с увеличением доли неевропеоидного, точнее, индо-австралоидного компонента в составе арабов. От негроидов же арабы отличаются очень резко.

Дифференциация локальных групп населения Йемена. Локальную изменчивость дерматоглифических признаков и их комплексов у арабов материкового Йемена рассмотрим в сравнении с островными группами. Детальная характеристика четырех материковых выборок содержится в табл. 3—7 (см также бл. 1 и рис. 1—4).

Типологически, по сочетанию признаков, группы материковых арабов отличаются друг от друга и представляют собой незначительные вариации среднего, йеменского материкового типа. Можно заметить, однако, что арабы Северного Йемена более сходны с переднеазиатскими европеоидами, а остальные группы тяготеют к индо-австралоидной комбинации. Частоты признаков у арабов материкового Йемена в основном варьируют умеренно и образуют прерывный ряд изменчивости. Однако индекс Камминса выпадает из этого ряда, распределяясь компактно всюду (7,6—7,9), кроме Северного Йемена, где достигает максимума (8,5). В этой группе отмечены также крайние и близкие к таковым значения целого ряда признаков (минимальный процент МТ, максимум узорности гипотенара, тенара, высокого окончания линий I и V, проксимального типа линии C). Примечательно, что арабы Яфи часто попадают в северные йеменцы в ряду вариаций признаков.

Статистически, по комплексу признаков без учета расовых векторов, материковые арабы однородны: среднее межгрупповое расстояние составляет 10,7 при $t_{0.05} = 3,53$. Эта величина соответствует низкому уровню дифференциации территориальных групп внутри этноса. Попарные различия между выборками также малы, ОДР колеблется от 7,5 до 8,4, не выходя за пределы малых величин для данного таксономического уровня. Лишь в двух случаях можно отметить заметное увеличение ОДР, свидетельствующее о резком отличии арабов Северного Йемена от аденской и хадрамаутской групп (14,1 и 15,9 соответственно). Арабы Северного Йемена сближаются лишь с группой Яфи (8,4). Хадрамаутцы наиболее сходны с аденцами и арабами Яфи, а также с северными сокотрийцами, т. е. группой северного побережья и центральных гор острова. Аденцы теснее всего связаны с хадрамаутцами и арабами Яфи. Последние максимально связаны помимо хадрамаутцев также с северными йеменцами и аденцами, а из островных арабов — с северными сокотрийцами.

Сокотрийцы чрезвычайно разнородны: среднее ОДР между выборками достигает 19,5; эта цифра одинакова для семи исходных и трех укрупненных в соответствии с данными кластерного анализа групп. Все же горцы (западные и восточные суммарно) и население побережья (за исключением северного)

Пальцевые узоры, типы главных ладонных линий (%) и индексы у арабов Йемена (мужчины)

Признак	ЙАР	Аден	Яфи	Хадрамаут
A+T	3,0	5,3	1,1	1,7
R	2,4	1,9	3,3	3,8
U	55,8	46,0	57,5	58,3
R+U	58,2	47,9	60,8	62,1
W	38,8	46,8	38,1	36,2
Dl ₁₀	13,58	14,15	13,70	13,45
(A / L) · 100	5,2	11,1	1,8	2,7
(A / W) · 100	7,7	11,3	2,9	4,7
(W / L) · 100	66,7	97,7	62,7	58,3
A-1 (1+2)	8,0	9,3	12,5	10,3
A-3 (3+4)	62,0	73,2	65,3	67,0
A-5 (5+6+7)	30,0	17,5	22,2	22,7
M _A	3,44	3,16	3,19	3,25
D-7	16,0	16,3	16,7	21,7
D-9	25,0	44,2	52,7	40,6
D-11	59,0	39,5	30,6	37,7
M _D	9,86	9,46	9,28	9,32
l _c	8,51	7,87	7,65	7,64

Таблица 8

Окончание линий А и В (%) у арабов Йемена (мужчины)

Признак	ЙАР	Аден	Яфи	Хадрамаут
A:1	8,0	9,3	11,1	9,4
2	—	—	1,4	0,9
3	52,0	62,7	59,8	64,2
4	10,0	10,5	5,5	2,8
5'	25,0	16,3	19,4	20,8
5''	4,0	1,2	2,8	1,9
7	1,0	—	—	—
B:3	2,0	1,2	5,5	2,8
4	—	—	1,4	0,9
5'	8,0	11,6	20,8	12,3
5''	32,0	43,0	36,2	41,6
7	55,0	43,0	34,7	39,6
8	1,0	—	1,4	0,9
9	2,0	1,2	—	1,9

Таблица 9

Окончание линии С и Д (%) у арабов Йемена (мужчины)

Признак	ЙАР	Аден	Яфи	Хадрамаут
C:5'	1,0	1,2	—	1,9
5''	13,0	14,0	16,7	18,9
6	1,0	—	—	0,9
7	24,0	20,9	40,3	34,0
8	1,0	—	—	0,9
9	36,0	41,8	30,6	25,5
10	2,0	1,2	1,4	1,9
11	—	—	—	0,9
X	13,0	15,1	5,5	5,7
0	9,0	5,8	5,5	9,4
D:7	14,0	15,1	16,7	20,8
8	2,0	1,2	—	0,9
9	24,0	32,6	44,4	34,9
10	1,0	11,6	8,3	5,7
11	58,0	39,5	30,6	36,8
13	1,0	—	—	—
0	—	—	—	0,9

линные узоры, добавочные межпальцевые трирадиусы на ладонных подушечках, осевые ладонные трирадиусы (%) у арабов Йемена (мужчины)

Признак	ИАР	Аден	Яфи	Хадрамаут
Н	34,0	29,1	33,3	28,3
Н-I	9,0	7,0	4,2	7,5
II	2,0	5,8	1,4	6,6
III	27,0	30,2	19,4	21,7
IV	41,0	47,7	55,5	58,5
IVT: II	4,0	5,8	2,8	6,6
III	2,0	1,2	—	—
IV	10,0	19,8	16,6	19,8
Н-IV	16,0	26,8	19,4	26,4
	72,0	77,9	73,6	70,8
	18,0	11,6	8,3	20,8
	2,0	2,3	—	0,9
	8,0	7,0	9,7	5,7
	—	1,2	2,8	0,9
	—	—	1,4	4,2
	—	—	—	0,9

Таблица 7

Матрица ОДР между сопоставляемыми группами

Группа	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1 ЕПА	18,8	30,1	31,2	30,8	18,5	12,6	22,7	11,6	16,8	15,9	16,1
2 АИ	—	18,9	30,5	32,6	21,4	15,4	23,9	20,4	9,0	16,0	11,0
3 НА		—	18,2	25,2	35,8	21,9	40,0	32,4	25,5	26,3	18,3
4 НС			—	36,6	42,3	19,7	36,4	34,6	28,5	28,4	21,0
5 АЭК				—	27,1	32,0	42,5	38,1	39,5	42,7	34,9
6 Сг					—	23,8	16,7	28,7	30,4	33,1	32,5
7 Ссц						—	18,1	16,0	13,7	10,9	8,7
8 Сп							—	29,4	24,5	27,1	26,5
9 ИАР								—	15,9	8,4	14,1
10 Аден									—	10,3	7,5
11 Яфи										—	7,9
12 Хадрамаут											—

Примечание. ОДР — обобщенное дерматоглифическое расстояние. Обозначение групп, как на рис. 2.

наиболее сходны друг с другом, а северная группа отличается от каждой из указанных в большей мере.

По соотношению расовых компонентов материковые и островные группы дифференцируются вполне отчетливо (см. рис. 4). Так, абд-эль-курийцы резко отличаются от остальных арабских выборок благодаря высокому содержанию экваториального элемента и сближаются с негроидами Сокотры. У горных и прибрежных сокотрийцев черты южноевропеоидного комплекса выражены максимально, вследствие чего обе группы располагаются в непосредственной близости к обобщенной переднеазиатской выборке, вместе с бедуинами, персами и арабами Северного Йемена. Северные сокотрийцы тяготеют к арабам Яфи. Что касается материковых арабов, то у них, за исключением северно-йеменской группы, заметно увеличена доля индо-австралоидного компонента, особенно у аденцев и хадрамаутцев. В этой связи уместно вспомнить наблюдение К. Куна о расово-соматологическом сходстве бедуинов Хадрамаута с веддоидами Индии⁶.

Кластеризация матрицы ОДР между всеми локальными группами дает картину, в основных чертах совпадающую с группировкой по величине расовых комплексов (см. рис. 3, Б). Наиболее резко из всего массива выделяются абд-эль-курийцы. В основном кластере насчитываются два субкластера, один из

которых объединяет сокотрийцев гор и побережья, другой — всех материков арабов и северных сокотрийцев, причем здесь группы более однородны.

На основе результатов кластеризации можно дать обобщенную характеристику субкластеров, усреднив показатели входящих в них групп со взвешиванием. Выделенные таким образом типы населения Сокотры и материкового Йемена удобнее всего обозначить как сокотрийский и южноаравийский соответственно их локализации. Полигоны этих типов отчетливо различаются. Основные их параметры таковы:

Признак	Сокотрийский тип	Южноаравийский тип
n	199	119
Dl_{10}	15,01	13,57
I_c	8,42	7,82
t	44,7	64,8
H_y	38,7	32,4
DMT	33,4	25,0
AK	42,1	47,5
$ЭК$	29,7	46,4
Th / I	6,2	6,9

О степени несходства этих типов можно судить как по величинам признаков, так и по ОДР, равному 24,3 и достигающему уровня различий между обобщенными характеристиками больших рас.

Каким образом идентифицируются эти типы? Аналогию сокотрийскому находим лишь в лице белуджей и персов: соответствующие ОДР составляют 12,6 и 13,7. Первая величина оценивается на этническом уровне как малая, вторая — как почти малая (см. также рис. 4). На фоне всех рассмотренных групп сокотрийский тип характеризуется наиболее четко выраженным южноевропеоидным комплексом. Что касается южноаравийского типа, включающего всех арабов материковой части Йемена и северных сокотрийцев, то он естественно образом отражает основные черты суммарной выборки материковых арабов. Влияние северных сокотрийцев сказалось лишь в некоторой редукции частот осевого ладонного трирадиуса, малое содержание которого составляет одну из специфических особенностей сокотрийских выборок.

Оба типа резко различаются по расовому составу. Доля южноевропеоидного расового элемента у сокотрийского типа наиболее велика не только в сравнении с южноаравийским, но и с обобщенной группой европеоидов Передней Азии (см. рис. 4, Б). В то же время южноаравийский тип занимает почти строго срединное положение между переднеазиатскими европеоидами и австралоидами Индии.

* * *

Как показали результаты проведенного исследования, население материковой и островной частей Южной Аравии сложилось в процессе взаимодействия и смешения в основном двух расовых компонентов — юноевропеоидного переднеазиатского и индо-австралоидного.

На Сокотре в количественном отношении преобладает первый компонент, причем в горных, наиболее изолированных популяциях его черты выражены максимально. Это позволяет предположить, что юноевропеоидный компонент был для сокотрийцев исходным. В то же время прибрежные сокотрийцы отличаются более смешанным расовым составом и большей долей индо-австралоидной примеси по сравнению с горными. Однако максимально разнородны северные сокотрийцы, морфологически (и исторически) наиболее связанные с материковыми арабами. Таким образом, формирование сокотрийских популяций в разных частях острова происходило в условиях неравномерного притока разных расовых элементов. В результате этого смешения и микроэволюционных процессов, происходивших в популяциях, современное население Сокотры разнородно. Тем не менее локальные группы сокотрийцев, хотя и в разной степени, обнаруживают черты общего и по видимому наиболее древнего

рь дерматоглифического комплекса, наиболее сходного с европеоидным среднеазиатским. Видимого влияния негро-африканцев не обнаруживается, явно, из-за малой доли пришельцев из Африки, практически бесследно растворившихся в местной среде. Однако у островитян Абд-эль-Кури негроидные черты в кожном рельефе отчетливо преобладают над европеоидными. Из этого вывод, полученный на малом по объему материале (всего 20 чел.), повторяется при исследовании более представительной группы, это будет ярким показателем влияния негроидов Африки на расовый состав островных популяций Йемена.

У материковых арабов черты южноевропеоидного и индо-австралоидного расовых комплексов примерно сбалансированы, а по сравнению с сокоотрийцами доля последнего компонента заметно увеличена. Индо-австралоидный компонент распространялся, по-видимому, в прибрежных областях южной части Аравийского полуострова, т. е. его содержание наиболее велико в хадраутской и аденской выборках и падает до минимума в северо-йеменской. Примечательно, что локальные группы материковых арабов весьма однородны. Таким образом, формообразующие процессы шли здесь при постоянном обмене генами между популяциями.

Примечания

¹ Fleischhacker H. Finger und Handabdrücke von Arabern und Juden aus Südarabien (Jemen) // Anthropologischer Anzeiger. 1943. В. 18. № 4. S. 233—249.

² Шинкаренко В. С., Наушкин В. В., Хить Г. Л., Зубов А. А. Антропологические исследования на Сокотра // Сов. этнография. 1984. № 4. С. 53—63; Хить Г. Л., Шинкаренко В. В., Наушкин В. В. Ладонные узоры кисти у сокоотрийцев // Наушкин В. В. Сокоотрийцы. Историко-этнографический очерк. М., 1988. С. 54—71; Хить Г. Л., Шинкаренко В. С., Наушкин В. В. Дерматоглифика населения островного Йемена // Тр. Советско-Йеменской комплексной экспедиции. Т. 1. М., 1990.

³ Cummins M., Midlo Ch. Finger prints, palms and soles. N. Y., 1961; Sharma A. Comparative methodology in dermatoglyphics. Delhi, 1964. P. 1—23.

⁴ Хить Г. Л. Дерматоглифика народов СССР. М., 1983; *ее же*. Расовый состав населения СССР по материалам дерматоглифики // Расы и народы. Вып. 16. 1986; Хить Г. Л., Шинкаренко В. С., Наушкин В. В. Дерматоглифика населения островного Йемена.

⁵ Там же.

⁶ Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М., 1978. С. 417.

© 1990 г.

Г. А. Левинтон

НАСКОЛЬКО «ПЕРВОБЫТНА» УГОЛОВНАЯ СУБКУЛЬТУРА? *

В чрезвычайно ценной статье Л. Самойлова отчетливо выделяется несколько аспектов: это, с одной стороны, общественные проблемы (более подробно рассмотренные в других его статьях) и связанные с ними предложения о необходимых реформах в пенитенциарной системе, с другой — собственно этнографическая проблематика, т. е. введение в обиход важного материала, постановка проблемы и гипотетическое ее решение. Первой, практической стороны, несмотря на ее актуальность и остроту, я позволю себе не касаться. Материал, приведенный в статье, большинство из нас может, разумеется, только с благодарностью принять; не вызывает сомнения и сама постановка вопроса об этнографии лагеря, и целый ряд параллелей между социальными и ментальными структурами блатного мира и более традиционным этнографическим материалом «экзотических», или «первобытных», обществ. Число таких параллелей можно было бы даже умножить, например, самоназвание воров *люди, человеки* точно соответствует засвидетельствованному у многих «примитивных» этносов самоназванию, совпадающему с обозначением «человека».

Однако то объяснение, которое предлагается для этих параллелей, общий вывод статьи о близости лагерной культуры (и самого ментального типа вора к первобытной культуре, к «дикарю» и о характере этой близости — приняты уже значительно труднее. Объяснение это в сущности сводится к тому, что человек «за последние 40 тыс. лет человек биологически не изменился», то есть «психофизиологическая природа» тоже не изменилась, и она адаптирована к соответствующим «условиям экологии и социокультурной среды», т. е. к первобытному обществу. Можно, конечно, усомниться в том, действительно ли биологический вид адаптируется к социокультурной среде (экология тут явно не причем) и вся психофизиология остается неизменной, но важнее в этом рассуждении другое: «культура и общество... проделали... грандиозный путь развития», а человек остался неизменным. Все адаптационные механизмы заключены в «культуре», а человек «минус культура» — это «дикарь». Я хочу прежде всего обратить внимание на то, что слова «культура» и «общество» употреблены в единственном числе. Речь идет, таким образом, о какой-то единой, универсальной культуре (а не о *культурах*, с которыми только и имеет дело этнограф), причем понимаемой не просто «эволюционистски», но в каком-то еще более простом, бытовом и, несомненно, оценочном смысле. Понимаемая таким образом, «универсальная» культура, как показывает опыт гуманитарных наук, всегда подсознательно отождествляется с культурой европейской. По существу выделяются как бы два состояния: «культурное», «наше», «современное» общество и общество «примитивное»¹ (куда под горячую руку может попасть и античность и средневековье, в которых действительно есть много глубоко архаических черт, но их немало и в нашем обществе).

Я разумеется, не пытаюсь приписать все эти заблуждения Л. Самойлову, но некоторые следы подобных предпосылок в его статье несомненно присутствуют. Характерно, что на «первобытное» состояние он проецирует факты *разных*

* Обсуждение статьи Л. Самойлова «Этнография лагеря» (СЭ, № 1, 1990)

культура, а часть этих фактов была известна и весьма поздним (в «эволюционистском» смысле слова) обществам. Так, запрет употребления посуды, бывшей в контакте с ритуально нечистыми людьми, есть, например, у старообрядцев. Институт побратимства, с которым сопоставляются отношения «кентов», также нельзя считать специфически первобытным явлением. Кстати, само это сопоставление не вполне убедительно, в частности, существенно, что «кентовство», кажется, не оформляется никаким ритуалом (в 40-е годы эти же отношения обозначались формулой «они вместе кушают» — здесь как будто скорее можно отыскать какие-то ритуальные аналогии, особенно на фоне запрета есть за одним столом с «неприкасаемыми»).

Доказывая сходство блатной культуры с первобытной, Л. Самойлов постоянно ссылается на ее «примитивность» (понимаемую, опять-таки в оценочном, терминологическом смысле). Особенно наглядно это проявляется там, где идет о языке, о «бедности, убогости блатного жаргона», при этом упоминается даже словарь Элочки-людоедки. Этот аргумент неверен по нескольким причинам. Во-первых, воровской жаргон в некоторых специфических областях и раз очень разработан и разветвлен (в названии воровских профессий, карьер и т. п., т. е. в терминологической сфере), в то же время это только жаргон, а система не замкнутая, а сосуществующая с общенародным языком — очень многие вещи просто нет надобности выражать на жаргоне, для этого есть другие средства. Во-вторых, описанная ситуация: «диалект, выражающий сотни понятий и оттенков каким-нибудь одним словечком... или цензурным глаголом, заменяющим чуть ли не любой другой... а многое выражается просто междоуениями и бранью» — отнюдь не специфична для блатной речи. Очень похожие явления современного состояния русского языка приходилось слышать, например, в докладах Г. Гуссейнова о его полевых исследованиях, да и вообще каждую, вероятно, приходилось встречаться с такой речью. Совершенно такую же стилистику в разговоре мастеровых описывал еще Достоевский². Способность основных матерных слов обретать очень широкое местоименное значение³ (а для соответствующего глагола заменять широчайший круг других глаголов) вытекает из самого характера этой микросистемы⁴. Это видно, в частности, из обычного соотношения: очень многие местоимения и существительные («это», «така», «предмет») и тем более глаголы могут в соответствующем контексте звучать как эвфемизмы. Разумеется, эти возможности небезграничны, так же и способность матерных слов заменять обычные, здесь есть вполне реальное, хотя и трудно уловимое в описании семантические ограничения, но они, конечно, есть и в том языке, который описывает Л. Самойлов⁵.

Наконец, в-третьих, обращаясь ко второму члену сравнения, нужно отметить, что, кажется, уже никто из серьезных лингвистов (кроме, может быть, тех, кто сам не занимался «экзотическими» языками и полагается на устаревшие общающие работы) не признает существования «примитивных» языков. Есть языки, в которых по историческим и культурным причинам слабее разработаны отдельные сферы лексики, но нет языков, примитивных по природе, «весь познавательный опыт и его классификацию можно выразить на любом существующем языке»⁶. Точно так же отнюдь не примитивность отличает «первобытные» культуры, поэтому невозможно принять такого рода аргумент, как сопоставление воровских суеверий с первобытными религиями, т. е. целостными системами верований, конечно, в свое время называли *суевериями*, но в чисто оценочном смысле, как *ложную веру*, терминологически же под этим словом могут пониматься скорее всего современные представления о сверхъестественном, не сводимые в единую систему и не опирающиеся на последовательную веру). И уж тем более это относится к тому аргументу, что «сближает уголовников с дикарями любовь к украшениям».

Отнюдь не пытаюсь вовсе отвергнуть доказываемое Л. Самойловым сходство или отвести как можно больше параллелей. Дело не в отдельных сопоставлениях (хотя и к ним придется еще вернуться), а в общем подходе к проблеме. В первую очередь перед нами те же представления, которые в свое время выражались

в традиционном сопоставлении (относительно не лишнюю убедительности «дирей» с детьми или душевнобольными. Сопоставления эти давно опровергнуты в частности в работах К. Леви-Стросса⁷. Он показал, что, например, ребенок располагает всем диапазоном культурных возможностей, свойственных человеку как виду, впоследствии культура «отсеивает» то, что ею не принято, мы в нашем наблюдении фиксируем только «экзотические» черты (а другие не воспринимаем как специфически детские или специфически «дикарские») и встречаем полную взаимность у «дикаря», которому многие черты «культурного поведения» кажутся похожими на поведение детей или безумцев.

Оставим пока в стороне само это объяснение сходства, важно подчеркнуть, что впечатление сходства основано на избирательном наблюдении и сопоставлении. Сравняются не системы, а отдельные их черты и даже разрозненные факты из разных систем. Это, конечно, общая беда этнографической науки, сопоставление не становится от этого более коррективным. Так, сравнивая многочисленные лагерные табу с первобытными, Л. Самойлов выделяет прежде всего — с его точки зрения — немотивированность. Но для «дикаря» табу вполне мотивированы, а без знания контекста многие правила нашего поведения будут выглядеть столь же абсурдно. Нужно отметить в связи с табуированием еще два обстоятельства. Целый ряд запретов действует не только в уголовных, а и в политических зонах (например, нельзя строить «запретку», т. е. ограждение), где блатные нормы не действуют. Сам термин *западло* означает не только социальные табу, но и какие-то индивидуальные запреты или, во всяком случае, отношения. В рассказах о лагере нередко фигурирует такая реплика: «Тебе что — западло (сделать то-то и то-то?)», причем, как можно понять, утвердительный ответ был бы оскорбительным (как, скажем, утвердительный ответ на вопрос: «Ты что, брезгуешь?»).

При подобном сопоставлении не учитывается контекст сопоставляемых фактов, их функции (не принимая крайностей функционалистов, отрицавших всякую возможность сравнения разных культур, не следует пренебрегать некоторыми их предостережениями). Камерная «прописка», конечно, даже по своей функции напоминает инициацию, однако нужно учитывать, что в «первобытной инициации» жестокость отнюдь не была самоцелью, тогда как здесь она являлась одним из важных стимулов. Кроме того, «прописка» выполняет еще одну функцию, которой нет у инициации: она позволяет выявить уже посвященным. Любопытно, что вся эта вопросно-ответная игра напоминает скорее «сказочную инициацию», ритуальные параллели к которой обнаруживаются скорее в обрядах типа свадьбы с обменом иносказательными репликами.

Таким образом, сходство с «первобытной» социальной организацией представляется мне в значительной мере иллюзорным, обусловленным избирательностью наблюдения и сопоставления. Кроме того, в субкультуре, противопоставляющей себя основной культуре, неизбежно должны возникать явления типологически сходные с какими-то другими культурами: возможности «выбора» отнюдь не безграничны, и если субкультура для той или иной функции выбирает средства, не принятые основной культурой, то в силу самого этого талкивания довольно велики шансы, что ее выбор совпадает с уже существовавшим «решением»⁸.

Эти объяснения, однако, никак нельзя считать исчерпывающими, вещь существенна и роль других факторов, которые на правах второстепенных упоминает Л. Самойлов (подражание социальным структурам «воли», специфика закрытых сообществ), к ним можно, вероятно, добавить и такую аналогию, повышенная ритуализация поведения при некоторых психических расстройствах (не в смысле упомянутого сближения: дикари — дети — сумасшедшие, но проявление «социального психоза»). Тем не менее все это не снимает необходимости поисков более глубоких объяснений, а для этого нужно будет расширить круг сопоставлений: сравнить структуру лагеря с уголовной субкультурой на воле (учитывая при этом, что лагерь состоит не только из уголовников), с уголовными субкультурами (в тюрьме или на воле) других стран (видимо, на

льные подразделения внутри нашей страны не сказываются на уголовных структурах, в этой области мы, кажется, действительно создали новую историческую общность) и, главное, с другими формализованными субкультурами. К сопоставлению с «дедовщиной» важно уже тем, что сходные структуры известны во многих учебных заведениях (не только военных и не только русских), еще интереснее упоминаемый в статье пример «стай» — подростковых банд. Трудно ожидать полностью совпадающих структур, но само сравнение вызывает на одно важное обстоятельство: замкнутость лагеря не является определяющей, она лишь позволяет вовлечь в уголовную структуру остальных ключенных, а для самой этой структуры замкнутость, возможно, не столь необходима. Однако банды составляют тоже не полностью добровольно (по мере разрастания и усиления их влияния положение вне банды становится неопасным — явление, несколько напоминающее партизанскую войну, которая всегда предполагает определенное воздействие на нейтральное население, так и часть его вынужденно примыкает к партизанам). Кроме того, нет уверенности, что подростковые банды являются *типологическим* подобием уголовных структур, а не их прямыми наследниками, «диффузией» этой субкультуры. Действительно, распространение уголовного влияния огромно. Диффузия сленгового языка⁹ и фольклора началась еще в первые послереволюционные годы (слова на жаргон в литературе и т. п.) и приобрела огромные масштабы после освобождения в 1950-х годах политзаключенных. Но распространение блатной мологии и морали шло другими путями; Л. Самойлов справедливо указывает роль лагеря, однако питательной средой является и школа. Школа изначально обладает своей («бурсацкой») этикой, в некоторых точках соприкасающейся с лагерной (ненависть к надзирателям — не обязательно реальная, запрет на одиночество и т. п.), своим жаргоном, который питается и блатными источниками. Я учился в обычной школе 50-х годов, довольно благополучной (в центре Ленинграда), шпана в ней отнюдь не господствовала, но пользовалась несомненным престижем, как и блатные этические нормы, блатная мифология и т. п. Упоминаю об этом не для объяснения генезиса «стай», но, прежде всего, чтобы отметить еще одну субкультуру, которую было бы полезно сопоставить с блатной, — детскую. Именно в детском фольклоре найдутся ближайшие аналоги тем вопросно-ответным испытаниям, которые описывает Л. Самойлов; в детской субкультуре свойственна и особая роль жаргона, и повышенная ритуальность (последнее хорошо видно, например, в фильме «Чучело»), суеверия, локальная семиотизация одежды.

Все это требует, конечно, серьезного исследования, а не таких поверхностных суждений. Но если действительно окажется, что круг субкультур, сопоставимых с блатной, можно значительно расширить, тогда, возможно, появятся и более убедительные объяснения. Чисто гипотетически можно допустить, что описанная в статье структура окажется простейшим (т. е. наиболее естественным и типологически вероятным) способом *самоорганизации коллектива*. Субкультуре необходимо противопоставить себя окружающему миру и навязанной извне иерархии и строить свою структуру «с нуля», ей приходится вводить даже свой эквивалент денег (характерно, что слово *тимак*, которым обозначается чай как общий эквивалент; в 30-е годы означало «рубль»), она организуется по самым простым принципам.

Замечания

¹ Так называлась популярная этнографическая брошюра начала века: «Культура бескультурных народов».

² В «Дневнике писателя». Этот пример подробно разбирал М. М. Бахтин (*Волгинов В. Марксистская философия языка*. Л., 1929. С. 124—125).

³ Местоименное значение отметил уже А. И. Бодуэн де Куртене в 3-м и 4-м изд. Словаря Даля.

⁴ В недавней работе: *Dreizin F., Priestly T. A. Systematic Approach to Russian Obscene Language*. // *Russian Linguistics*. 1982. V. 6. P. 233—249 — даже высказана весьма продуктивная мысль, что подобные значения вообще нельзя описывать лексикографически как слова или значения

слов, но весь «мат» нужно представить как особую подсистему со своей грамматикой, позволяющую образовывать эти новые значения (см. также: Ward D. Pro-from and Metaphor — Pro-from a Votive // Там же. 1982. V. 7. P. 21—23). Семантический анализ таких значений см.: Левин Ю. Об общентных выражениях русского языка // Там же. 1986. V. 10. P. 61—72.

⁵ Описанное Л. Самойловым «буквальное» восприятие мата (как относящегося к матери) квинно засвидетельствовано и в сравнительно поздних русских текстах. См.: Успенский Б. А. Мат: логический аспект русской экспрессивной фразеологии // Studia Slavica Hungarica. 1983. T. 2. P. 33—69, 1987. T. 3. P. 37—76. В последнее время у нас распространилось (в основном в среде массовой информации) немало неверных и дилетантских рассуждений об этой сфере лексики, поэтому мне показалось уместным подробнее остановиться на ней и привести основные работы.

⁶ Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 19.

⁷ Например: Lévi-Strauss C. The Elementary Structures of Kinship [1949]. Boston, 1968. P. 84—97.

⁸ Аналогичные явления встречаются, например, в литературе, см.: Левинтон Г. А. Замечания к проблеме «литература и фольклор» // Труды по знаковым системам. Тарту, 1977. Т. 7. С. 18. Прим. 27.

⁹ Не все примеры блатных по происхождению слов, приводимые Л. Самойловым, одинаково убедительны, *халтура*, например, вовсе не из уголовного аргю.

© 1990 г.

Я. И. Гишинский

СУБКУЛЬТУРА ЗА РЕШЕТКОЙ

Широкое движение в защиту прав граждан, незаконно и несправедливо подвергающихся ограничениям и репрессиям, нередко проходит мимо тех, чьи права и свободы ограничены на законном основании. Между тем, сколь бы виновен гражданин в совершении уголовного преступления, он не должен подвергаться большим лишениям, нежели это предусмотрено законом. К сожалению, практика наших пенитенциарных учреждений расходится с принципами правового государства.

Общемировой «кризис наказания» (см. работы Д. Блэка, У. Бондесона, Н. Кристи, Ф. Макклитока, Дж. Митфорда, У. Нэйджела, Г. Хохрякова, И. Шмарова и др.) проявился и в Советском Союзе, но еще обостренный насильствием репрессивной сталинской системы. Лишь в самое последнее время появились в массовой печати материалы, приоткрывающие завесу секретности, которая охраняла «тайны» мест лишения свободы надежнее колючей проволоки. Среди публикаций на эту тему особый интерес вызывают работы Л. Самойлова, поскольку они явились взглядом «изнутри» системы¹.

В своих статьях Л. Самойлов, не будучи юристом, раскрывает основные «грехи» нашей карательной практики.

«Законные» беззакония начинаются уже в отношении лиц, содержащихся под стражей во время предварительного расследования. Они испытывают практически все тяготы осужденного к лишению свободы и сверх того — лишены права переписки, свиданий с родственниками. Если по закону (ст. 97 УПК РСФСР соответствующие статьи УПК союзных республик) срок содержания под стражей во время предварительного следствия не должен превышать 9 месяцев и то лишь с санкции Генерального прокурора СССР, то фактически этот срок может быть продлен на сколь угодно длительное время Президиумом Верховного Совета СССР (свежий тому пример см. в газете «Правда» от 1 июля 1989 г.).

Лица, приговоренные судом к наказанию в виде лишения свободы, отбывают его в исправительно-трудовых учреждениях с различным режимом. Конечно, дифференциация условий отбывания наказания в зависимости от возраста осужденного, тяжести совершенного преступления, умышленного или неосторожного характера содеянного и т. п. способствует дифференциации самого наказания. Однако фактические условия отбывания наказания ужасны: к зако-

у лишению свободы добавляются бесправие перед администрацией и... рами в законе», «черной мастью», управляющими в исправительно-трудовых воспитательно-трудовых колониях (ИТК, ВТК). Произвол «черной масти» поддается описанию и доходит до «беспредела»².

В деятельности пенитенциарных учреждений завязан узел проблем: правовых и нравственных, экономических и педагогических, политических и психических. Ниже мы попытаемся рассмотреть лишь одну из них — формирование и значение *субкультуры* заключенных. Заметим, что в современной отечественной литературе этот вопрос наиболее полно исследован в работах Р. Хохрякова³.

Долгие годы навязчивая (и навязываемая!) убежденность в единстве всего русского народа, в единой советской культуре, в едином социалистическом лагере жизни и т. п. затрудняли (а порой делали невозможным) исследование социальной дифференциации населения — и социально-классовой, и национально-этнической, и культурной.

Будучи *способом* жизнедеятельности, культура включает не только общественно «полезные», но и «вредные» формы деятельности: преступления, пьянство, употребление наркотиков, суицидальное поведение и т. п., являющиеся компонентами культуры. Вообще деятельность, не соответствующая установившимся общественным нормам (типам, шаблонам), охватывается понятием *девиантного* (отклоняющегося) поведения. Отклоняющееся поведение может быть позитивным, ломающим устаревшие нормы и объективно способствующим прогрессу (социальное творчество), и негативным, препятствующим существованию и развитию общества (социальная патология). Отклоняющееся поведение культурно, поскольку, во-первых, как способ деятельности включено в культуру общества, а, во-вторых, поскольку само «нормировано», осуществляется по определенным способам, в виде культурных «шаблонов». Так, «нормативным» самым типом и частотой агрессивных форм поведения задают культуру. Их различия зафиксированы в целом ряде исследований межкультурных различий⁴. Институционализированы способы самоубийства (японское харари, индийское сати), ритуалы приема алкоголя и наркотиков и т. п. С другой стороны, культура (способ жизнедеятельности!) изменяется посредством отклоняющегося поведения. Прежде всего — в результате социального творчества, а также и под воздействием социальной патологии. Культура вбирает, аккумулирует аксиологически неравнозначные, подчас противоположные, способы (объекты) деятельности постольку, поскольку они объективно *адаптивны*, выполняющие и/или латентные функции. Очевидно, что сохраняющиеся формы не являются отклоняющегося поведения функциональными и только поэтому не элиминированы в процессе исторического развития общества («сбалансированный порогфизм»).

Если для некоторых социальных общностей отклоняющееся поведение становится преобладающим, ведущим, иными словами — образом жизни группы, то такая общность складывается и проявляет себя как *субкультура* со своими нормами («вор в законе» — страж безусловного выполнения субкультурных норм, воровского Закона!), ценностями, языком (жаргоном). Разумеется, разграничение «культуры» и «субкультуры» относительно и не должно нести аксиологической нагрузки. Ибо, что «лучше», например: «культура» советского общества 30-х годов или же «субкультура» политзаключенных или «невозвращенцев»?.. Бывает, что вообще нет единой для общества культуры, и оно состоит из субкультур⁵.

Некоторые субкультуры «вечны», например подростковая или молодежная, существовавшая во все времена человеческой истории. Субкультура формирующаяся в результате обособления и интеграции людей, чье поведение и образ жизни не соответствуют нормам и ценностям большинства. Социально-психологические факторы формирования субкультурных сообществ — потребность людей в объединении, психологическая защита, самопроявление и самоутверждение.

дение среди себе подобных. Субкультурные сообщества тем более сплочены и отличаются от социального большинства, чем более энергично отторгаются и преследуются обществом. Поэтому, например, группа наркоманов интегрирована больше, чем компания пьяниц, но меньше, чем преступные сообщества. Интеграция субкультурных групп является следствием давления социального контроля и по степени обратно пропорциональна ему. Вот почему, чем терпимее общество, тем менее «зlostны» его субкультуры.

Субкультура заключенных — противоестественное образование, сообщество поневоле. Но став таковым, оно самоорганизуется. Во всех ИТК и ВТК (во всяком случае, мужских) складывается трехступенчатая, строго иерархизированная структура: лидеры («воры в законе, «черная масть»), нейтральное большинство («мужики») и на низшей ступени — отверженные: «Положение у этих осужденных ужасно. Они оказываются как бы в двойной изоляции: у них специальные и, разумеется, худшие места в столовой, в спальных помещениях, „свой“ ряд в кинозале. Они в последнюю очередь моются в бане, выполняют самые грязные и тяжелые работы. Нормы поведения запрещают остальным осужденным вступать с отверженными в контакты»⁶. Эта лаконичная характеристика специалиста дополняется страшными сценами, описанными Л. Самойловым. Попасты в отверженные несложно: достаточно нарушить определенные нормы сообщества. Подняться из отверженных практически невозможно.

Иерархия субкультуры заключенных используется администрацией исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) в целях поддержания внешнего «порядка». Лишь «беспредел» со стороны «черной масти» может поднять «мужиков» и бунт.

Ненормальная обстановка в местах лишения свободы способствует неэффективности всей пенитенциарной системы. Это не удивительно. Два ее идеологических «столпа»: воспитание «коллективом» и «трудом» — бессмысленны, когда речь идет о коллективе преступников и принудительном труде. Вообще надо понять, что лишение свободы — *вынужденная* мера наказания, общество не нашло иных, альтернативных мер самозащиты. Провозглашаемая уголовным законом цель «перевоспитания» осужденных не может быть достигнута в условиях субкультуры заключенных, принудительного труда («воспитывающего» лишь отвращение к нему), погони за Планом (заменяющим воспитательные мероприятия).

Вот осужденный отбыл наказание и освободился из заключения. Он нуждается в реадaptации. На деле же начинаются мытарства с трудоустройством, жильем и... пропиской. Советский Союз — единственная страна в мире, где судьба человека отягощена институтом прописки. Она изрядно портит жизнь правопослушным гражданам, а для лиц, отбывших наказание, превращается в орудие возвращения их в места не столь отдаленные (предусмотренная уголовная ответственность за нарушение паспортных правил — 198 УК РСФСР за бродяжничество, попрошайничество и тунеядство — ст. 209 УК РСФСР). Государство своими руками штампует преступников и рецидивистов...

Современная пенитенциарная система малоэффективна во всех странах. Во всех странах тюрьма — кузница преступников. Там, где это понимают, стараются хотя бы пореже прибегать к этой мере «борьбы с преступностью». В Японии из всех видов наказания штраф назначается в отношении 95% осужденных, а лишение свободы составляет... 3,5%⁷. У нас же до недавнего времени лишение свободы применялось судами в 60—70% обвинительных приговоров и только за последние годы доля приговоров к лишению свободы понизилась до 30—40%.

Миллионы советских граждан проходят через ИТУ, неся в течение всей жизни клеймо человека, который «сидел». Конечно же, лагерная иерархия и культура заключенных — лишь отражение общественной иерархии и культуры общества. Именно поэтому перестройка общества и перестройка пенитенциарной системы взаимосвязаны. Одно из тяжких последствий царившего у нас д

е десятилетия тоталитарного режима — формирование в общественном сознании святой веры в запретительно-репрессивные меры как лучшее средство решения социальных проблем. Тревожен рост преступности и иных негативных явлений. Стократ тревожнее искренняя убежденность многих, что этот рост можно «сбить» усилением репрессий. Насилие, в том числе со стороны государства, порождает только насилие. Ибо, как заметил еще К. Маркс, «со временinna мир никогда не удавалось ни исправить, ни утратить наказанием. Как в наоборот!»⁸

Примечания

- ¹ Самойлов Л. Правосудие и два креста // Нева. 1988. № 5; *его же*. Путешествие в перевернутом мире // Нева. 1989. № 4.
- ² Помимо статей Л. Самойлова, см.: Еремин В. Лесопопал // Огонек. 1988. № 51. С. 26—29; 52. С. 20—23; Майминов И. Отверженные // Лит. газета. 1989. № 16; Никитинский Л. Бескредит // Огонек. 1988. № 32. С. 27—29 и др.
- ³ См.: Хохряков Г. Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985; *его же*. Социальная среда, личность и правосознание осужденных: Автореф. дис. ...докт. юрид. наук. М., 1987; *его же*. Наказание лишением свободы // Соц. исследования. 1989. № 2. С. 75—83.
- ⁴ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. Т. 1. С. 369.
- ⁵ См.: Кнабе Г. С. Понимание культуры в древнем Риме и ранний Тацит // История филологии и вопросы культуры. М., 1975. С. 109.
- ⁶ Хохряков Г. Ф. Наказание лишением свободы. С. 79.
- ⁷ Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М., 1989. С. 176—177.
- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 531.

© 1990 г.

М. В. Кантария**ВСЕЛЕННАЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
ВАЙНАХОВ И ОСЕТИН**

Древние религии были связаны с определенными этническими общностями и составляли неотъемлемую часть культуры этих народов. Этнический характер ранних классовых религий совершенно отчетливо проявляется в способах названия, как правило, связанных с именами этнических общностей, среди которых они распространены¹.

Возникшие на местной почве и сопровождавшие трудовую, семейную и общественную жизнь населения, этнические религии — или, как их называли Ю. И. Семенов, традиционно-ритуальные религии² — были насыщены обрядами и ритуалами, которые составляли часть бытового уклада древнего населения. Подобные бытовые обряды часто приурочивались к дням церковных праздников.

В этнографической действительности народов Кавказа традиционные этнические верования, разумеется, не могли сохраняться в своем первоначальном виде. По мере происходивших в обществе стадийных или формационных изменений они в определенной степени изменялись, а в некоторых случаях полностью исчезали, либо подвергались значительному влиянию христианства и ислама. Однако процесс носил сложный двусторонний характер. Так, наряду с христианизацией местных культов имели место и случаи превращения христианских храмов в языческие молельни³.

В данной статье мы касаемся основ представлений вайнахов и осетин о строении Вселенной, которые проявлялись в разнообразных видах бытовой культуры.

Считается, что в основе космологических представлений лежит хозяйственная деятельность человека. В подобных взглядах отражается перенесение в космологическую сферу реальная действительность, а цикличность быта отражает цикличность хозяйственных периодов⁴.

По представлениям вайнахов, Вселенная существует в трех сферах: одна — это собственно Земля со своими морями и реками, горами и равнинами. Это мир человека и животных. Вторая — небо, покрывающее землю в виде свода. В нем обитают божества, святые духи, солнце, луна, звезды. Третья — подземный, потусторонний мир, обитель усопших. Жизнь в потустороннем мире, так же, как и на небесах, представляется устроенной подобно земной. Исходя из этого божества и усопшие живут как живые люди.

Однако у вайнахов существует и иная интерпретация представлений согласно которой Вселенная делилась надвое: солнечный мир (*маьлхадуне* — мир света, счастья и благополучия) и потусторонний, подземный мир (*лел* — мир мрака, холода, возмездия, но и мудрости, неизвестной живущим в солнечном мире)⁵. Поскольку в представлениях вайнахов господствует троичная система, деление Вселенной на три пласта представляется более близким к истине. Эта троичная система в противовес дуальной достаточно явно прослеживается на разных пиктографических изображениях, в археологическом материале.

Подобные же представления существовали и у грузин. Им модель

ставлялась следующим образом: вертикально расположены три мира — нижний, средний и нижний. Верхний был населен небожителями: божествами, дамами, небесными телами и фантастическими существами; средний — людьми, животными, растениями, нижний — мир усопших, глубинных вод, дэвов и драгов⁶.

Мир по-чечено-ингушски называется *мохк*, панкисские кистины также принимают это слово в несколько измененной форме — *моахк*, чисто нахского названия. Земля, в значении всей Вселенной, называется *дуне*. В. Абаев связывает этот термин со словом аналогичного значения *дуне* в осетинском языке. Он отмечает, что этот термин с арабско-персидско-турецкого — *дунийя* принят сначала осетинами, а у последних заимствован ингушами⁷. Дуния, мысль Мир, встречается и в диалектах грузинского языка. Надо полагать, четкой грани между понятиями Мир и Вселенная у вайнахов не существовало. Оба понятия обозначались одним и тем же термином — *мохк*.

Небо — *сигалие* (инг.), *стигил* (чечен.), *сигала* (панк. кист.), или свод Мира называется с Землей через радугу. Радуга по-ингушски — *селаад* // *дала* (букв. дуга дуга)⁸. Божество радуги Сели — Сета, она дочь божества Сели⁹. По представлениям ингушей, вокруг земли вращается солнце — *малх*¹⁰, — *бутт*, звезды — *сиеда*. Творцом солнца, луны и утренней звезды (по-ингушски *сасетка*) является бог *Дала* // *Диела*, который считается главным божеством вайнахского пантеона и в то же время нарицательным именем бога солнца¹¹. Эта мысль подтверждается формулой, произносимой во время засухи: «Поздатель солнца и луны, творец утренней звезды Диела». В. Бардавелидзе называет высшее божество вайнахов Дела, Дейла, Диали с широко распространенным в Грузии культом Дали. По ее мнению, это грузино-кавказское божество находит соответствие в шумерском и древневосточном божестве Дил-

Вселенная имеет четыре стороны. Солнце начинает свой ежедневный путь, по мнению местных жителей, с восточного края Вселенной, называемого *малх*, т. е. место восхода солнца. С достижением западного края солнце заканчивает свой дневной путь. Запад по-ингушски — *малхбузие*, означает полночь. Как видим, термины — восток и запад — связываются со зримым движением солнца, с наглядной семантикой: путь солнца от одного края до другого.

Согласно распространенному по всей Ингушетии и Чечне преданию, солнце имеет два места обитания. Одно находится на одном краю Мира, другое — на противоположном. При движении солнца с каждым днем постепенно придвигаясь от одного края к другому и по достижении его наступает равноденствие. После этого остается на этом месте три дня у своей матери Азу. Эти дни определялись посредством ориентиров, разных для разных населенных пунктов. Так, в Бейни таким местом служит гора Докхоу. Старики смотрели на лучи солнца, падающий на Докхоу, наблюдая с крайнего угла башни и говорили: три дня и три ночи сравниваются, солнце у своей матери отдохнет. В Лейлаге говорят: когда солнце подойдет к точке, после которой станет возвращаться, будет самый короткий день. С 22 марта начиналась настоящая весна, а с сентября уже ожидалось похолодание.

Большое значение у вайнахов имел культ солнца. М. Ужахов считает, что название солнца (*малх*) и его диалектные формы восходят к древнеиранскому названию бога солнца *миш* (*митра* в греческой огласовке). Однако исконно нахским названием Бога солнца, по его мнению, является *тхьа*, близкое к нахскому *тхьэ*¹³. Думали, что солнце освещает два мира: днем — реальный, ночью — мир теней. Местные жители полагали, что когда у нас лето, в потупленном мире — зима и т. д.¹⁴

Этот материал также свидетельствует о наличии дуальной структуры Вселенной.

Согласно нахской мифологии, солнце и луна — братья¹⁵. По отцу они родные, матери же у них разные: мать солнца — Азу, мать луны — Кинч. Имя

отца в народных преданиях не сохранилось. У солнца и луны есть сестра — Мож. Она враждует со своими родственниками, преследует их, а когда наступает, наступает затмение солнца или луны.

Содержащиеся в ингушских сказаниях мотивы борьбы между светилами-братьями и их сестрами в мифологии общеизвестны. Они отражают конфликты между дуалистическими началами. Для космологической же мифологии более характерна символическая борьба между светом и мраком, между добром и злом, вообще борьба между противоположными началами; характерно также противопоставление мужского и женского начал. К. Маркс отмечал, что идея борьбы общераспространенных противоположностей приобретает важнейшее значение на Востоке, особенно в философии иранского дуализма и индийского пантеизма¹⁶.

У вайнахов нет собственного оформленного календаря. Они не имели и своего независимого летосчисления. Поэтому можно говорить только о ранних формах счета времени, без которых вообще хозяйственную деятельность вести было бы невозможно, не говоря уже о религиозно-бытовом обиходе, где эти формы регулируют быт, увязывая его с определенной системой времени, понимают как практические, так и идеологические аспекты жизни — условиям времени и пространства. Связывая требования быта с сезонами, вайнахи составляли свой народный, построенный на обычаях и обрядах календарь, который в конечном итоге следует считать аграрным.

Год (ингушск. шу) состоит из четырех периодов: А — зима, б'ясти — весна, ахкие — лето, гуйра — осень. М. Ужахов считает, что такое деление года соответствует старым вайнахским представлениям. Осознание для подобного утверждения дает ему найденная при археологических раскопках бронзовая упряжка, на которой изображены связанные между собой четыре спирали. Исследователь трактует их как знак, отражающий четыре времени года или четыре фазы солнца. Это позволяет выдвинуть предположение, что аборигенному населению Кавказа еще в бронзовом веке было известно деление года на четыре части (четыре фазы солнца или четыре времени года)¹⁷.

Ученые считают, что год у ингушей и чеченцев начинался с первых чисел января. Новогодние праздники продолжались три дня и отмечались многолюдным торжеством, посвященным, по мнению Б. Алборова, главному божеству — Гальерды¹⁸. По С. Хасиеву, годовые периоды вообще начинались с равенств¹⁹. Существование обозначающих новый год терминов (по-ингушски и кистински — *ценишо*, по-чеченски — *керлашио*) свидетельствует о том, что летосчисление и его цикличность вообще осознавались и находились в поле зрения этих народов.

Новый год начинался также и весной. Высказанные в литературе соображения по этому вопросу подтверждаются и этнографическими материалами. Весенний новый год связывался с новым хозяйственным периодом, пробуждением сил природы и, конечно, с культом плодородия. Многие народы начинали новый год в соответствии с хозяйственными сезонами, например по грузинскому и армянскому календарю новый год приходился на август. Н. А. Брегадзе связывал это явление с севсом безостой пшеницы²¹.

Ингуши, наблюдая за солнцем и луной, определяли и времена года. Почти в каждом селе были свои ориентиры — скалы или вершины, на которые падал солнечный луч в то или иное время или же ложилась тень. Например, первые восходящие лучи солнца освещали с. Бейни, тогда и начинались полевые работы. Установление времени происходило и по длине теней. Например, в Ассинском ущелье ориентиром была Черная гора (по-ингушски — Аржлоа). Наблюдения производили с самой крайней башни с. Даккал. Жители с. Пей и Джариаха считали определяющим пунктом с. Бейни, где имелось небольшое ущелье, расположенное справа от Саниба. Летом самым длинным считали день, когда солнце прямо светило на Метлоам. Таких примеров можно привести множество. Это означает, что у здешних жителей была выработана определенная

система отсчета времени, которая опиралась на вращение солнца вокруг ли.

С. Хасиев показал, что по длине отбрасываемой солнцем тени вайнахи измеряли время и таким путем определяли воображаемый круговорот солнца. Подобные же способы имелись почти у всех народов Кавказа. Например, ресурс отсчета времени года производился посредством каменных столбов, движнутых на расположенных к востоку от сел горных вершинах, так называемых «солнечных гнездах». По мере первого попадания, а затем постепенного смещения на следующие столбы солнечных лучей определялись месяц, сезон, начало и конец года, а также важнейшие дни хозяйственной деятельности²³.

В Дагестане, в лакской деревне Балхар, мы видели основанный на каменных столбах астрономический календарь *чви* или *чой* (воздвигнутые на востоке или западе от села каменные конусы). Восход солнца со стороны первого восточного *чви* являлся признаком наступления весны. На этой горе устраивался первый весенний праздник, определялся срок начала пахоты. Через месяц солнце восходило со стороны следующего *чви* и т. д., а когда восход достигал второго *чви*, то женщины возносили молитвы о ниспослании дождя. Подобный же календарь существовал в Сванети, Месхет-Джавахе и Шавшет-Кларджети. Аналогичные способы времясчисления существовали в Балкарии и Карачае²⁴.

Солнечные столбы-указатели в Тушети называли *милиона*²⁵. Милиона представлял собой небольшой каменный столб сухой кладки. Перед сел. Парсма, восточной стороны возвышается гора Татиа, на Татиа стоит пара *милиона*. В феврале между ними восходит солнце. Гора Макратели («Ножицы») также падает в свет восходящего солнца и тут также стоит милиона. Когда солнце падает с одного бока, наступает, по наблюдениям местных жителей, период равноденствия, приходящийся на 9 и 10 декабря. 15 декабря начинается движение в сторону лета. Когда наступит Рождество, солнце подымется над горой (р. Алазани). Издали кажется, что слились г. Макратела и Адама. На Адама — два утеса, со стороны которых в новый год взойдет солнце, а в Крещение солнце показывается со стороны мелких утесов²⁶.

Сколько лун уходило, столько месяцев отмечалось зарубками на специальном бруске, называемом *турс гадж*. 18 ноября приходил *джорбай* — праздник св. Георгия, после чего начинался перегон скота. С этой недели на неделе еженедельно делали 21 зарубку. На 22-й неделе должен был наступить год. С этой датой связывалось вычисление и других дней.

По Б. Алборову, ингуши в месяце ганцхой справляли праздник Гал'ерды. В это время солнце отправляется в свое зимнее обиталище. Проводы солнца «зимний» или «летний» дом сопровождалось жертвоприношениями и праздновались торжественно, посвящались культам Маг'Ерды и Гал'ерды. Моления к этому божеству проводил жрец — *цлай саг* (впрочем, как и все другие жрецы), обратившись лицом к солнцу, подняв руки над головой, жрец молил Гал'ерды о благополучии и удачном окоте, а также избавлении людей от бедности и болезней, градобития и удара молнии, ветра и лишения свободы. Проанализировав эти обряды, З. Мадаева заключает, что здесь особенно явно видна связь данного божества со скотоводческим бытом вайнахов. Данное заключение подтверждается и тем, что само имя божества имеет отношение к скоту, ибо «гал» в древнеперсидском, осетинском, а также даргинском языках переводится как вол²⁷.

В связи с этим привлекает внимание несколько обстоятельств. 1. Связь ингушского Гал'ерды со стихией: грозой, градом, ветрами. Совместно с Мятсели управляет атмосферными явлениями, а значит, воздействует на урожайность. 2. Гал'ерды обращаются с просьбами об избавлении от болезней. 3. Это божество связано с культом быка и его почитанием. Как известно, культ быка был распространен по всему Кавказу в Грузии, Осетии, Армении, Кабарде, Адыгее и т. д. Культ быка связывался с началом земледельческих работ, на что указывает богатый археологический и этнографический материалы, а также фольклор. Бык выступает как тягловая сила и объект культа.

По вайнахским поверьям, земля держится на рогах огромного быка и когда крутит головой — происходит землетрясение²⁸. Значит, бык — гал, с одной стороны, воплощается в божество Гал'ерды, обитающее на небесах, с другой — бык поддерживает землю своими рогами и находится в подземелье, т. е. в царстве мертвых. Таким образом, в системе представлений местного населения прослеживается идея единства Вселенной: земная жизнь управляется с одной стороны, миром усопших, с другой — верхним. В этой системе земля всегда находится в центре (между подземным миром и небесным сводом).

Интересна в связи с этим идея В. Евсюкова. Он отмечает, что если по преданию опорой земли служит тот или иной зверь, то, значит, еще раньше сама земля представлялась в облике этого зверя²⁹. Зооморфная модель мира признается наиболее древней. В виде пережитков она сохранилась лишь в наиболее архаичных мифологических системах. Таким образом, Гал'ерды — это хтоническое божество, возникшее из недр земли. Оно олицетворяет собой земные силы, земную природу и поэтому является главным божеством вайнахов.

В свою очередь, по представлению местных жителей, Вселенная делится на две основные части: «животный мир», куда входит собственно человек и вообще все, что дышит, что «имеет душу», и растительный мир. Здесь просматривается бинарное сопоставление всех сил Вселенной по оси живое — неживое, т. е. активное — пассивное. Класс живых существ разделяется на два подкласса: класс диких животных и класс человекоподобных существ, куда, по представлениям местных жителей, входят и божества, и домашние животные. В свете сказанного понятным становится мышление местного жителя — почему волк в одном случае просто волк, в другом он Туты, покровитель волков и сам волк. То же самое можно сказать и про быка. Бык — животное, тягловая сила, бык-пахарь, совершающий сакральное действие, бык — божество, бык — жертвенное животное. Таким путем человек одно и то же существо представлял в разных ипостасях. Бинарная классификация всего живого — характерная особенность древнейшей индоевропейской культуры, проявляется во всех архаичных индоевропейских системах³⁰. Подобные понятия существовали и у карельских племен. К сказанному следует добавить, что мир богов в представлении человека был сконструирован наподобие собственного микромира обитания божество мыслилось как человекоподобное существо, наделенное кроме собственно сверхъестественных свойств теми же качествами, что и обыкновенные смертные. Таким образом, это антропоморфное, бессмертное существо. Представление о зооморфной природе божества не нарушает указанную схему. М. Макалатия связывает этот феномен с тотемистическими представлениями.

Домашние животные, входящие в класс живых существ, наделены и другими атрибутами: в противовес человеческому миру животный мир бессловесен, неразумен; четвероногие противопоставляются двуногому человеку.

В итоге можно воспроизвести такую схему мышления: человек — земной, смертный, говорящий, разумный, двуногий; божество — неземное (небесное), бессмертное, говорящее, разумное, двуногое; животное — земное, смертное, неговорящее, неразумное, четвероногое.

Если на основе этой схемы составить уравнение и в нем сократить однородные члены, то увидим, что все идентичные члены класса человека будут сокращены, ибо они повторяются в классах божеств или животных. Класс человека таким путем как бы растворяется между классами божеств и животных. Человек как бы является промежуточным, звеном, осуществляющим связь между божественным и животным мирами. Эта связь реализуется путем жертвоприношений — причащение кровью и плотью и обожествление некоторых животных, земных, смертных, неговорящих, неразумных, четвероногих. Посредством разных магических манипуляций некоторые из них человеком превращаются в объект культа, поклонения и становятся, таким образом, бессмертными, а в некоторых случаях (в мифологических текстах, в нартовских сказаниях) даже разумными и говорящими существами.

На плодородие непосредственно влияли, по представлению осетин, души ушедших. Поэтому календарь земледельческих празднеств перенасыщен днями поминовения предков. Таким образом, устанавливается зависимость плодов земли загробного мира. Известно, что, по представлениям многих народов (в том числе и кавказских), души умерших управляют жизнью и делами оставшихся в этом свете своих близких и родственников, влияя на их судьбы. Много дней посвящается поминовению умерших с целью задобрить их, так как они могли принести благо, и навлечь беду. От воли умерших зависит и качество урожая. Ведь они покоятся в той земле, в которую засевают зерно. Смерть осетин представляет, как иную форму жизни, а покойника, как человека в ином состоянии, в ином мире. В этом пласте начинается и загробный мир. Находясь там умерший содействует произрастанию всякой растительности, следовательно, он может воздействовать на урожай. Эти же воззрения породили чеченцев и ингушей обычай графически отображать умерших. В Чечено-Ингушетии сохранились петроглифы разного характера, среди которых встречаются группы людей. Встречаются и эротические сцены, и одиночные изображения людей иногда лежащих, мертвых. Рисунки такого характера, как и композиции с животными, должны были, как предполагает В. Марковин, способствовать плодородию, приносить благополучие. Изображение умерших не составляет исключения, основываясь на той мотивировке, что души мертвых помогают живым³². В этнографической действительности осетин сохранилось много ценного для реконструкции древнейших представлений о строении Вселенной. В соответствии с архаическими мифологическими воззрениями, в том числе индоевропейскими, Вселенная представляется в виде некоей вертикально направленной системы, воплощающей универсальную схему «Мирового дерева», в качестве образа строения Мира. Доказано, что модель Мира, отраженная в подобных мифологических представлениях, является некоторой культурной универсалией, поскольку она засвидетельствована в основных мифологических традициях самых различных культур на обширной территории Евразии и Новогосвета³³. Хотя существует и мнение, по которому древо жизни — библейское изображение³⁴.

На самом нижнем ряду Мирового дерева расположен загробный мир, который, по логике единства Мира, является составной органической частью структуры Вселенной, вследствие чего культ предков так же распространен, как и культ божеств. Вселенная, по представлениям осетин, состоит из следующих частей: земля, на которой живут нарты и другие люди, небо — местопребывание богов, небожителей; водное пространство, подземелье — обиталище демоических существ (бесов, чертей, злых духов) и загробный мир³⁵. Подобное вертикальное членение отражено в фольклорных сюжетах — в нартских сказаниях, где земля помещена в центре Вселенной, живущие же на ней люди могут возникнуть во все ее части³⁶ (вспомним, что нарты путешествуют в «страну мертвых»). С другой стороны, мир живых — это мир жизни, рождения, размножения, оплодотворения; мир реальный, противопоставляющийся миру смерти — хаосу, беспорядка и также небесному фантастическому хаосу.

У многих древних народов просматривается пятичленная система в представлениях. Это касается и скифов. В индийской традиции эта пентада сопоставляется с другими пятичленными классификациями. Пятичленный ряд кодирует и пространственную структуру. Все это указывает на глубокую древность широкого распространения, как предполагает Д. Раевский, этих взглядов индоевропейцев и позволяет считать исторически вполне вероятным ее бытование и в скифской среде³⁷. Однако длительная история послескифской эпохи могла была существенно трансформировать эти представления.

Вертикальное структурное членение в последующие эпохи у осетин преобразуется в троичную систему и получается верхний мир, средний мир и нижний мир (ср. груз.). Подобные структуры выделяет И. К. Сургуладзе, рассмотревший интереснейший материал³⁸. По этой схеме верхний мир — место обитания

божеств — это космосмир, средний мир — земля, с его обитателями, а нижний мир — подземелье или подземное море — мир смерти.

Рассмотрев в сопоставлении представления вайнахов и осетин, приходи к заключению, что их мировоззрение стоит приблизительно на одном и том же уровне. У изучаемых этносов существует понятие о цельности и единстве мироздания. Это краеугольный камень всех местных представлений и понятий. Идеей единства руководствуются при счислении времени, построении космологических схем. С ней связаны представления о цикличности и круговороте во всем явлений, в том числе главном феномене — рождении — смерть — рождение. Без рождения не может быть смерти, а без смерти нет рождения. В этом постоянном круговороте и проявляется жизнь во всем своем многообразии, будь то мир животных или растительный. Мир безграничен в своем многообразии и един в своем проявлении, и в этом заключается отношение мышления к бытию. Явления природы на этом уровне развития осмысливаются не изолированно друг от друга, а во взаимной связи. В этом заключается рациональная сущность познания мира, который порой переплетается с многообразными представлениями иррационального порядка.

Примечания

- ¹ Семенов Ю. И. Эволюция религии: смена общественно-экономических формаций и культурная преемственность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С. 21.
- ² Там же. С. 227.
- ³ Бараниченко Н. Н., Виноградов В. Б. Христианизация как фактор социально-политической истории Чечено-Ингушетии в XVI—XVIII вв. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 13.
- ⁴ Тан-Богораз В. Г. К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений // Этнография. 1930. № 2. С. 34.
- ⁵ Ужахов М. Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. Грозный, 1979. С. 14.
- ⁶ Сургуладзе И. К. Эмпирическая космогония народов Кавказа // Мацне. Серия историко-археологии, этнографии и истории искусства. 1984. № 4. С. 139 (на груз. яз.).
- ⁷ Абаев В. И. Осетино-вайнахские лексические параллели // Изв. Чечено-Ингушского НИИ Грозный, 1959. Т. 1. Вып. 2. С. 117.
- ⁸ Алироев И. Ю. К вопросу о роли древнейшей религии вайнахов в пропаганде научного атеизма // Изв. Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1972. Т. 1. Вып. 1.
- ⁹ Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 181.
- ¹⁰ Алборов Б. А. Ингушское «Гальберды» и осетинское «Аларды» // Изв. НИИ краеведения Владикавказ, 1928. Вып. 1. С. 354.
- ¹¹ Бардавелидзе В. В. Образцы грузинского (сванского) обрядового графического искусства. Тбилиси, 1960. С. 28, 86 (на груз. яз.).
- ¹² Мужухоев М. В. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии. Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. С. 66—110.
- ¹³ Ужахов М. Р. Указ. раб. С. 21, 24.
- ¹⁴ Хасиев С. М. К традиционному отсчету времени у вайнахов // Этнография и вопросы религиозных воззрений у чеченцев и ингушей. Грозный, 1981. С. 16.
- ¹⁵ Исламов А. М. К вопросу первобытно-религиозных представлений у предков вайнахов // Изв. Чечено-Ингушского НИИ. Т. 9. Ч. 1. Вып. 1. С. 56.
- ¹⁶ Архив Маркса и Энгельса. 1938. Т. 5. С. 218.
- ¹⁷ Ужахов М. Р. Указ. раб. С. 68, 69.
- ¹⁸ Алборов Б. Указ. раб. С. 354.
- ¹⁹ Хасиев С. М. Указ. раб.
- ²⁰ Хасиев С. М. Календарный год у вайнахов // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1972 г. Ч. 1. М., 1974. С. 205.
- ²¹ Брегадзе Н. А. О зерновых культурах в Рача-Лечхуми // Вестн. общественных наук АГССР. 1960. № 3. С. 73 (на груз. яз.).
- ²² Хасиев С. Г. К традиционному отсчету времени. С. 19.
- ²³ Бедуквадзе С. И. Народная система счисления времени и ее отражение в «Витязе в тигровой шкуре» // Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Тбилиси, 1968. С. 102 (на груз. яз.).
- ²⁴ Шаманов И. М. Народный календарь карачаевцев // Тр. Карачаево-Черкесского НИИ Черкесск, 1974. Вып. 7. С. 315.

- ²⁵ Утургаидзе Т. Одно латинское слово в греческой форме в тушинском диалекте грузинского языка // Мацне. Серия языка и литературы. 1964. № 4. С. 4 (на груз. яз.).
- ²⁶ Кантария М. В. Народные способы счисления времени в Чечено-Ингушетии // Мацне. Серия языка, археологии, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1977. № 4 (на груз. яз.).
- ²⁷ Мадаева З. А. Летне-осенние календарные обычаи и обряды вайнахов и их связи с хозяйственным бытом (XIX — начало XX в.) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Тбилиси, 1983. С. 31.
- ²⁸ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963. С. 24.
- ²⁹ Евсюков В. В. Мифы о Вселенной. Новосибирск, 1988. С. 71.
- ³⁰ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1985. Т. 2. 468.
- ³¹ Макалатия М. Н. Крупнорогатое скотоводство в горной части Восточной Грузии. Тбилиси, 1985. (на груз. яз.).
- ³² Марковин В. И. Петроглифы Чечено-Ингушетии // Природа. 1978. № 2.
- ³³ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Указ. раб. С. 485.
- ³⁴ Бериашвили М. Т. Дерево жизни // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987. С. 248.
- ³⁵ Чибиров Л. А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали, 1984. С. 86.
- ³⁶ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Указ. раб. С. 91.
- ³⁷ Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- ³⁸ Сургуладзе И. К. Астральная символика в грузинском народном орнаменте. Тбилиси, 1986. 170 (на груз. яз.).

1990 г.

Б. Ширендыб

ИЗ ЖИЗНИ АЯНЧИНОВ

I

С глубокого средневековья вплоть до победы Народной революции перевоз-грузов по Монголии и за ее пределы, в основном в Китай и Россию, шествлялась исключительно вьючным транспортом. Для перевозки вьюков пользовались лошади, быки и верблюды. На лошадях и быках груз везли расстояние от 50 до 300 км только летом и осенью. Как известно, шадь — основное верховое животное в Монголии. Однако в городах, монастырях, княжеских и зажиточных аратских хозяйствах лошадей запрягали пассажирские экипажи и грузовые повозки. И лишь в отдельных случаях лошадях везли небольшие вьюки от 65 до 80 кг. Описание таких экипажей встречается изредка в работах путешественников и ученых. Так, А. М. Позднеев описал в одном из своих экспедиционных отчетов, что он и его спутники видели необыкновенную картину передвижения одного из влиятельных князей лэн ханского аймака Ховчин Жонон бэйсе, ехавшего в Ургу (ныне Улан-Удэ) на праздник «Долоон хошуу наадам»¹. Князь ехал в громадной китайской двухколесной карете с двумя дверями и четырьмя окнами. За князем каретно убранных повозках ехали его чиновники с женами и детьми. Невдалеке от княжеской кареты двигались дворяне с женами и детьми, кто в повозках, кто верхом на лошадях. За всей этой свитой следовали верхом на лошадях верблюдах личные борцы и лучники князя, намеревавшиеся принять участие наадаме — старинных «олимпийских» состязаниях монголов. Автор этих строк также имел возможность видеть в 1920 г. подобную же картину поездки князя Далай Чойнхор вафа Цэдэнсоднома с семьей и приближенными из Сайн-нонханского аймака в район озера Хух-Нур (ныне сомон Шинэ-Идэр Бсугульского аймака). При обычных кочевках, а также для перевозки грузов в летние месяцы в основном в горных районах использовали волов-яков айнаков (гибрид яка и монгольской коровы). Их запрягали в двухколесную арбу. И сама арба и колеса были деревянными. На одной такой арбе в среднем везли до 15 пудов груза. Волы, запряженные в арбы, проходили в течение

часа примерно 3 км. Непрочность арбы и большой вес груза не позволяли покрывать слишком дальние расстояния.

Главным вьючным животным Монголии был верблюд, который использовался по всей стране, особенно в степной и гобийской зоне. На верблюдах ездили верхом, запрягали в телеги с высокими колесами (ирано-туркского происхождения). Верблюды-бактрианы перевозили грузы и людей как внутри страны так и за ее пределы. Караваны верблюдов с грузом проходили в среднем зимой 30—35 км, а в теплый период года — 35—40 км. Средняя скорость такого каравана равнялась 5 км в час. Лица, сопровождавшие нагруженные караваны верблюдов, обозначаются у монголов двумя специальными терминами — «жинчин» или «аянчин». Слово «жинчин» буквально означает перевозчик тяжелых грузов, «аянчин» — путешественник. Оба слова, вместе взятые, означали людей, совершающих поездки с караванами на разные расстояния. Мы будем пользоваться в статье обоими этими терминами.

До сих пор по этой важной теме работ очень мало. Об аянчинах обычно упоминали в своих статьях русские и европейские путешественники, а более подробно о них написал акад. И. М. Майский². Из монгольских авторов эту тему освещал только Ц. Насанбалжир³. В его работе, написанной в форме воспоминаний, без какого-либо справочного аппарата кратко и правильно освещены вопросы истории вьючного транспорта и даны весьма любопытные детали, связанные с техникой снаряжения караванов. По просьбе автора этой статьи ветераны труда Ц. Жамсран и Г. Пагма написали воспоминания, в которых уточняются отдельные стороны жизни аянчинов⁴.

Аянчины вносили значительный вклад в развитие экономических связей между 111 светскими удельными и 13 духовными княжествами, крупными торгово-административными центрами страны, а также между Монголией и ее соседями — Китаем и Россией. Аянчины и жинчины были по существу сезонными транспортными рабочими. Те из них, кто работал много лет, накапливая опыт, приобретали особое умение и навыки, обладали крепким здоровьем и физической закалкой, знанием географии своей страны, отдельных провинций Китая и сопредельных областей России. Они прекрасно ориентировались в караванных путях, знали дороги своей страны и тракты ближних областей Китая и России. Своим трудом, знаниями и наблюдательностью они вносили в жизнь страны какое-то оживление, способствовали обмену новостями. В этом и заключалась социальная роль этой трудовой прослойки аратства.

II

Разветвленная сеть караванных дорог связывала между собой главные административные и экономические центры дореволюционной Монголии. И. М. Майский приводит данные о длине торговых путей: Кобдо — Улясутай — Дзаин Шаби (Цэцэрлэг) — Урга — 1550 км, Улясутай — Дзаин Шаби — 500 км, Дзаин Шаби — Урга — 550 км, Дзаин Шаби — Хатгал — 500 км, Дзаин Шаби — Ван хурээ (г. Булган) — Кяхта (Алтанбулаг) — 700 км, Урга — Ван хурээ — 450 км, Улясутай — Мурэн — 400 км, Мурэн — Кяхта — 600 км. Караванные тропы соединяли также дореволюционную Монголию со многими важными в торгово-экономическом отношении городами Китая и России.

Главные караванные пути, соединявшие Монголию с китайскими городами: Манчжурия — Санбэйсэ (Чойбалсан) — Урга — 1000 км, Урга — Пекин — 1100 км, Урга — Калган — 1100 км, Улясутай — Сайрус — Калган — 1900 км, Улясутай — Гучен — 900 км, Кобдо — Шар сум — 400 км.

Дороги, связывавшие Монголию с городами России: Кобдо — Кош-Агач (Хөшөө мод) — 400 км, Улясутай — Белоцарск — Бийск — 700 км, Монды — Тунка — Иркутск — 400 км, Урга — Кяхта — Верхнеудинск (Улан-Удэ) — 750 км.

Из Монголии вывозили различные виды скотоводческого сырья, а из Китая

России ввозили промышленные товары, три четверти товарооборота проходило через Ургу. Подавляющая часть грузов принадлежала 400 китайским торговым предприятиям, главными из которых являлись 6 пекинских компаний — Юань Шин Хо, Тун Хо Хо, Синь Ха И и др., имевшие оборот от 0,5 млн. рублей золотом. Но самыми крупными компаниями были Дашэнь Ку Хухэ-хото (Гуй Хуа Чэнь) с оборотом 2 млн. рублей золотом и компания И Дэ из провинции Шаньси с оборотом почти в миллион.

Русские фирмы в Монголии были довольно многочисленны: в Урге их насчитывалось 50, в Кобдо — 12, в Улясутае — 5. В 1913—1915 гг. из России Монголию вывозилось товаров на 18 млн. 219 тыс. руб. золотом, а из Монголии — на 9 млн. 602 тыс. рублей. Были и другие иностранные фирмы — английские, немецкие, американские, датские, также занимавшиеся вывозом сырья из Монголии и ввозом товаров. До вступления КВЖД в эксплуатацию в 1903 г. наиболее кратким торговым путем, соединявшим Россию и Монголию, наряду с трактом Улясутай — Бийск, был путь Калган — Урга — Кяхта.

М. В. Певцов отмечал, что вереницы верблюдов, нагруженные чаем, упакованным в плетеные из бамбука ящики тянулись бесконечными караванами по дороге Калган — Урга — Кяхта, снабжая население не только восточных губерний России, но и ее отдаленных западных губерний. По его же сведениям, в 1877—1878 гг. по дороге Калган — Урга были отправлены в Россию 876 тыс. пудов байхового и кирпичного чая, заготовленного русскими торговцами в Ханькоу на р. Янцзы и в порту Фучжоу⁶. Английские фирмы в 1905—1909 гг. правляли из Монголии через Китай морем в Европу 160—200 тыс. пудов чая.

Перевозкой грузов занимались отдельные княжеские хозяйства, эксплуатация аратов (албату) и крепостных (хамжлага). Они имели большие возможности для этого, так как в одном княжеском хозяйстве скота в среднем было 40 раз больше, чем в обыкновенном аратском хозяйстве, причем верблюдов в среднем было в 37 раз больше. Надо указать также на то, что князья или бесплатно отправляли аратов с караванами в китайские и русские города в порядке трудовой повинности. Снаряженные ими в дальний путь караваны ввозили сырье за границу и ввозили оттуда шелк, парчу, меха, серебряные, лютые, бирюзовые и коралловые украшения, китайскую мебель, посуду, монастыри, имея в своем распоряжении около 700 тыс. голов скота, в том числе около 12 тыс. верблюдов, отправляли караваны с грузами в основном в китайские города. Монастырские караваны сопровождали аянчины из числа аратов или бедных лам во главе с каким-либо чиновником из монастырского хозяйства. Эти караваны вывозили из Китая предметы культа, статуи богов, другие строительные материалы для сооружения храмов. Были и некоторые частные араты, которые являлись посредниками между иностранными торговыми фирмами и аратами, занимавшимися перевозкой грузов. Со временем роль посредников превратился в довольно крупных скотовладельцев или коммиссионеров.

III

Заинтересованными сторонами в организации и отправке караванов с грузами были наряду с монголами иностранные купцы. Представители их торговых домов, находившихся в аймаках и городах, заранее подбирали самых опытных ответственных старшин, которые подготавливали большие караваны верблюдов и возглавляли их в оба конца пути. Купцы договаривались с такими старшинами, имея в виду прежде всего их опыт и достаточное имущественное положение, гарантирующее возмещение возможных убытков. Эти старшины (монгольски «жингийн даамал») формировали караваны из 30—40 здоровых верблюдов в возрасте более 5 лет и нанимали примерно 4—5 грузчиков. Содержали животных у аратов: у богатых по несколько голов, а у очень

богатых — по 30. Араты, сдавшие старшинам внаем своих верблюдов, снабжали каждого верблюда 6 потниками (4 мягкими, внутренними, и 2 твердыми, наружными). Этими потниками покрывали спину верблюдов под выюком, что тяжелый и твердый груз не мог их как-либо поранить. Старшины и грузчики проводили сбор необходимых вещей в дорогу, подготавливали войлочную палатку на 6 человек, кошмовые матрацы, меховые *дэли* (нац. мон. костюм — *ред.* дохи, унты, посуду, топоры, лопатки, оружие, непортящиеся сушеные продукты, мясо и топливо. Старшины караванов договаривались с иностранными фирмами относительно объема грузов и конечной точки доставки сырья, а также насчет обратного груза. Иностранные фирмы производили расчет за грузы, которые перевозились одним верблюдом, по данным Ц. Насанбалжира, следующим образом: расстояние до 500—700 км стоило 10—15 лян серебра; груз каждого верблюда составлял 220—240 кг. Старшины, в свою очередь, договаривались с грузчиками об оплате их труда (обычно натурой — чаем, мукой, тканью и др.).

Число идущих одновременно караванов было разным, в зависимости от дальности пути. Внутри страны от какого-нибудь монастыря, находившегося на территории сомона или бага, до центра княжества один караван состоял примерно из 30—35 верблюдов с 3—6 сопутствующими караванами, состоящими из 100—200 верблюдов, а от центра княжества до таких городов, как Урга, Улясутай, Кобдо, Дзаин Шаби направлялось от 3 до 15 караванов, состоящих из 100—500 верблюдов. Старшина каравана искал себе спутника в лице старшин других караванов, чтобы в дальней поездке поддерживать друг друга. В отдаленный край страны отправлялось сразу 3—6 караванов, состоящих из 300, 600 и даже 1000 верблюдов. Один караван обозначал термином «гал» (дословно «огонь», «очаг»), союз таких «очагов» способен выручить друг друга от всевозможных неприятностей — нападения бандитов, потери дороги во время снежных бурь и песчаных смерчей. Старшины идущих вместе караванов всегда советовались между собой и прислушивались к мнению наиболее опытного.

По воспоминаниям Г. Пагма, в 1920-х годах в Китай отправлялись также караваны из 6 сомонов хошчуна, принадлежавшего Эрдэнэ бандидо ламы гэгэну, во главе с аянчинами Аюуром из сомона Баянлич и Чулуунбатом из сомона Богд⁷.

Караваны отправлялись в путь в 4 часа вечера, шли всю ночь до 4—5 часов следующего утра, что требовало от старшин отличного знания дорог и умения ориентироваться по звездам. Причина такого распорядка в том, что ночная поездка была менее опасной, чем ночная остановка. Ночью на спящих могли напасть бандиты, волки, а во время движения каравана как люди, так и верблюды сохраняют бдительность и имеют возможность заметить приближение какой-либо опасности. Не случайно также, что на шее последнего верблюда всегда висел металлический небольшой колокол. Его звон отпугивал волков и заставлял всех путешественников прислушиваться к ночной тишине. По дороге в Монголию шло великое множество таких караванов.

В источниках встречаются противоречивые сведения о количестве верблюдов в Монголии, в том числе верблюдов, использовавшихся на перевозках. Так Ц. Насанбалжир писал, что в караванах, шедших по дорогам страны, было занято 375—384 тыс. верблюдов, тогда как по подсчетам И. М. Майского в Монголии в 1918 г. было всего 300 тыс. верблюдов. Иностранные путешественники давали многочисленным караванам верблюдов поэтические названия: «сухопутные корабли», «бесколесные поезда», «вереницы», «стройные ряды и шеренги», а И. М. Майский называл их даже «эшелонами». Зарубежные караванные путешествия продолжались 2—3 мес и более. В местах, где были хорошие источники воды, обильный травостой, караваны примерно через каждую неделю делали остановку на двое суток, чтобы верблюды могли отдохнуть. Во время таких остановок караванщики имели возможность закупить свежее

продукты, запастись топливом, пообщаться с местным населением, в частности онголами, живущими в Китае, для уточнения дорог, получения необходимых сведений о местности и городах, куда они направлялись.

IV

Основную часть долгого, утомительного и порой опасного путешествия несли своих плечах грузчики. Каждый из них ежедневно нагружал и разгружал 15 верблюдов, поднимая тяжести весом 110—120 кг, если иметь в виду, два грузчика нагружали 30 верблюдов. По данным Насанбалжира, в 1910 г. стране насчитывалось 35—40 тыс. таких грузчиков. Они в основном вели собой караван, часто шли пешком, кормили и поили верблюдов, устанавливали разбирали палатки, собирали топливо, варили чай и еду, охраняли груз верблюдов. Старшины были свободны от таких обязанностей и шли не пешком, ехали верхом на молодых верблюдах. Представители иностранных фирм, осуществлявшие наблюдение за целостью и сохранностью грузов, путешествовали в закрытых повозках, запряженных верблюдами, ночевали в отдельных шатрах.

После сдачи грузов хозяевам компаний в китайских и русских городах грузчики с верблюдами тут же уходили из города в поле, чтобы накормить напоить верблюдов за несколько дней до отправления в обратный путь. Только старшины оставались в этих городах для ведения расчетов с компаниями приема новых грузов в обратный путь. Они имели возможность ходить по городу, посещать магазины и бывать у представителей торговых фирм. В порядке поощрения грузчиков старшины разрешали им по очереди очень продолжительное время побыть в городе, чтобы купить себе необходимые вещи.

Из вышеизложенного ясно, что караванная служба в старой Монголии была вписана в общую систему социальных, колониальных и классовых связей онгольского общества. Эксплуататорами аянчинов и жинчинов были иностранные купцы, феодалы и зажиточные араты. Иностранные купцы покупали сырье по низкой цене, а свои товары продавали по высокой. Они мало платили грузчикам за их тяжелый труд и за аренду верблюдов. Феодалы и монастыри пользовались бесплатным трудом грузчиков.

Араты-аянчины, как и все аратство, освободились от феодально-колониального гнета благодаря победе Народной революции. Многие из них в годы народной власти стали почетными тружениками страны. Например, вышеупомянутые Аюур и Чулуунбат за свой труд получили звания «Передовой скотода» и «Передовой перевозчик», были награждены орденами и медалями, избраны в 1940 г. членами Малого хурала МНР. Известный музыкант М. Дуржав посвятил свою любимую песню «Идэр жинчин» караванщикам нашего времени.

В заключение следует сказать, что вьючный транспорт в условиях социально-экономической Монголии еще не исчерпал своего потенциала.

Примечания

¹ Позднеев А. М. Монголия и монголы. Т. 2. СПб., 1899. С. 450.

² Майский И. М. Монголия накануне революции. М., 1960. С. 151—153.

³ Насанбалжир Ц. Вопросы вьючного транспорта Монголии // БНМАУ ШУА-ийн мэдээ. № 4. С. 21—29 (на монг. языке).

⁴ Записи хранятся у автора статьи.

⁵ Майский И. М. Указ. раб. С. 153—154.

⁶ Пецов М. В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. М., 1883.

⁷ Ныне это сомоны Улзийт, Жинст, Богд, Баянлиг, Баянговь и др. Баянхонгорского аймака. Аяныны Аюур и Чулуунбат были живы еще в 50-х годах XX в. Они перевозили государственные торговые грузы.

© 1990 г.

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ доктора исторических наук БОРИСА ВАСИЛЬЕВИЧА АНДРИАНОВА (к 70-летию со дня рождения)

- Архив А. Л. Куна // Советская этнография (далее — СЭ). 1951. № 4. С. 149—155.
- К вопросу о географических изменениях в дельте Аму-Дарьи // Вопросы географии. № 1. 1951. С. 322—336.
- Ак-джагыз. (К истории формирования современной этнической территории каракалпаков в низовье Аму-Дарьи) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее: ТХАЭЭ). Т. I. М., 1952. С. 567—584.
- Из истории земель древнего орошения Хорезмского оазиса // Памяти академика Л. С. Берга. Сборник работ по географии и биологии. М.; Л., 1955. С. 353—359.
- Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме // Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. Вып. XXVI. М., 1957. С. 5—11 (совместно с Толстовым С. П.).
- Археолого-топографические исследования древней ирригационной сети канала Чермен-яб. ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958. С. 311—328.
- Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII—XIX вв.) // ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958. С. 7—132.
- Социально-экономический строй каракалпаков по данным статистико-экономического обследования Аму-Дарьинского отдела 1912—1913 гг. // Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л., 1959. С. 107—114.
- Этнический состав современного Камеруна // СЭ. 1959. № 5. С. 56—62.
- Археолого-топографические исследования на землях древнего орошения Турткульского и Бийскийского районов Каракалпакской АССР в 1955—1956 гг. // Материалы Хорезмской экспедиции (далее — МХЭ). Вып. 1. М., 1959. С. 143—149.
- Народы Нигерии // СЭ. 1960. № 6. С. 106—118 (совместно с Исмагиловой Р. Н.).
- Карта народов Африки (с пояснительным текстом). М., 1960. 78 с.
- Карта народов Средней Азии и Казахстана (По данным переписи 1926 г.); Раздел: Земледелие и ирригация (Проспект) // Материалы к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана / Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. 48. М.; Л., 1964. С. 15—23; 137—146.
- Изучение каракалпакской ирригации в бассейне Жаны-Дарьи в 1956—1957 гг. // МХЭ. Вып. М., 1961. С. 172—190.
- Народы Африки // Численность и расселение народов мира. М., 1962. Гл. VII. С. 214—242.
- Карты: Народы Африки. Плотность населения Африки. Народы Африки (северная часть). Народы Северо-Западной Африки. Народы Эфиопии, Сомали и Кении. Народы Западной Африки. Народы Камеруна. Центральная Африканской республики и Южного Чада. Народы Восточной экваториальной Африки. Народы Африки (южная часть). Народы Южно-Африканской Республики // Атлас народов мира. М., 1964. С. 74—89.
- Раздел: Хозяйственно-культурные типы // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. М., 1964. С. 32—37.
- Население Африки (этностатистический обзор). М., 1964. 274 с. (с картой народов Африки). Исторические и археологические карты; Каракалпаки в низовьях Сыр-Дарьи и на Жаны-Дар (XVII—XIX вв.) // Очерки истории Каракалпакской АССР. Т. I. Ташкент, 1964. С. 134—161.

проблемы сельскохозяйственного освоения земель древнего орошения // Вестник Академии наук. М., 1964. № 7. С. 117—118.

некоторые проблемы этнографии аридной зоны // СЭ. 1964. № 4. С. 91—101 (совместно с Мурзаевым Э. М.).

шифрование аэрофотоснимков при изучении древних оросительных систем // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 261—267.

этнический состав населения Африки. Рост населения и демографические сведения по странам // Население Земного шара. М., 1965. С. 202—266.

проблемы формирования народностей и наций в странах Африки // Вопросы истории. 1967. № 9. С. 101—114.

развитие гидрографической сети и ирригации на равнинах Средней Азии // Проблемы преобразования природы Средней Азии. М., 1967. С. 24—39 (совместно с Кесь А. С.).

проблема происхождения ирригационного земледелия и современные археологические исследования // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 16—25.

хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // СЭ. 1968. № 2. С. 22—34.

задачи археологии в связи с перспективами освоения земель древнего орошения Средней Азии и Казахстана // Земли древнего орошения и перспективы их сельскохозяйственного использования. М., 1969. С. 42—50.

древние оросительные системы Приаралья. (В связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969. 253 с.

земли древнего орошения в Приаралье // Гидротехника и мелиорация. 1969. № 1. С. 41—50 (совместно с Толстовым С. П.).

земли древнего орошения и их значение в современном развитии орошаемого земледелия // Проблемы освоения пустынь. 1970. № 4. С. 3—10 (совместно с Кесь А. С.).

о переходе к земледелию в историческом процессе // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972. С. 112—133.

хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ. 1972. № 2. С. 3—16 (совместно с Чебоксаровым Н. Н.).

современная наука использует опыт древнего орошения // Курьер ЮНЕСКО. 1972. № 2. С. 14—17, 34—35.

прошлое и будущее земель древнего орошения // Природа. 1972. № 9. С. 40—47.

взаимодействия природы и общества и концепция хозяйственно-культурных типов // Взаимодействие природы и общества. (Философские, географические, экологические аспекты проблемы). М., 1973. С. 199—214.

вопросу о классификации форм орошаемого земледелия в Средней Азии // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973. С. 9—15.

географическая среда и проблема зарождения земледелия // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974. С. 217—224.

земли древнего орошения юго-восточного Приаралья: их прошлое и перспективы освоения // СЭ. 1974. № 5. С. 46—59 (совместно с Итиной М. А., Кесь А. С.).

вопросы картографирования этнических и культурных явлений в Историко-этнографическом атласе народов Средней Азии и Казахстана // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975. С. 63—67.

историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования) // СЭ. 1975. № 3. С. 15—25 (совместно с Чебоксаровым Н. Н.).

опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и Зарубежной Азии // Там же. № 4. С. 33—59 (совместно с Чебоксаровым Н. Н.).

концепция К. Витфогеля «гидравлическое общество» и новые материалы по истории ирригации // Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. М., 1976. С. 153—176.

изучению агроэтнографии // СЭ. 1976. № 3. С. 89—97.

экономические и социальные аспекты этнографического изучения стран Азии и Африки // Вестник Академии наук СССР. М., 1976. № 5. С. 106—109.

специфика формирования африканских наций. (На примере Кении) // Расы и народы. Ежегодник. 1977. Вып. 7. С. 167—178.

оседлое население мира и опыт его картографирования // Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978. Гл. X. С. 119—140.

земледелие наших предков. М., 1978. 170 с.

- Этносы и этнические процессы в Африке (к проблеме типологии) // СЭ. 1979. № 5. С. 22 (совместно с Исмагиловой Р. Н.).
- African traditional economic-cultural types and the problems of typology of world agriculture // Geographia Polonica. Warszawa, 1979. № 40. P. 5—9.
- Динамика гидрографической сети и изменения уровня Аральского моря // Колебания уровня Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 185—197 (совместно с Ит М. А. и Кесь А. С.).
- Ирригация и ее роль в социально-экономической истории древней и средневековой Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. 1980. № 11. С. 35—42 (совместно с Мухамеджым А. Р.).
- К методологии исторического исследования проблем взаимодействия общества и природы // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействий. М., 1981. С. 250—259.
- Археологическая карта Хорезма // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 60—69.
- На великой Русской равнине: Книга для чтения с комментариями на испан. яз. (сер. «Рассказы о народах СССР»). М., 1981. 208 с. (то же с комментариями на англ. и франц. языках).
- The specific character of ethnic processes in african countries // Ethnocultural Processes and national problems in the modern World. М., 1981. P. 291—308.
- Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства // СЭ. 1982. № 3. С. 76—79.
- Население и этнокультурные особенности // Страны и народы. Африка. Общий обзор. Северная Африка. М., 1982. С. 51—83.
- Учение В. И. Ленина о многоукладности и решение национальных проблем в странах Африки // Советский опыт решения национального вопроса и его значение для народов Африки и Азии. Ереван, 1982. С. 237—244.
- Этнос и историко-этнографические области // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983. С. 5—11.
- Хозяйственно-культурная дифференциация народов мира // Природа. 1983. № 3. С. 44—49.
- Комплексное историко-географическое изучение Средней Азии // Проблемы исторической географии России. Вып. III. Вопросы исторической картографии и картографического источниковедения. М., 1983. С. 127—140 (совместно с Федчиной В. Н.).
- Опыт типологизации орошаемого земледелия и ирригации в Средней Азии и Казахстане (с конца XIX — начало XX в.) // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1983. С. 74—90.
- Национальное движение и перспективные решения национального вопроса // Революционный процесс в странах Африки. Тбилиси, 1984. С. 88—104 (совместно с Исмагиловой Р. Н.).
- Неоселенное население мира (историко-этнографическое исследование). М., 1985. 290 с.
- Chapters 1, 3, 4, 5, 6, 13 // History of Irrigation, Drainage, Flood Control and River Engineering V. History of Irrigation and Drainage in the USSR. Delhi, 1985. P. 9—79, 146—153.
- Использование прогрессивных этнических традиций в развитии сельского хозяйства // Современные этносоциальные процессы на селе. М., 1986. С. 67—71.
- Карта народов Африки, масштаб 1:50 млн. // Африка. Энциклопедический справочник. Т. II. М., 1986. С. 144—145.
- Карты народов (карта-врезка к настольным картам) / ГУГК: Эфиопии (1960), Гвинеи (1970), Ганы (1980), Нигерии (1980), Кении (1980), Судана (1980), Танзании (1980), Нигера (1980), Чада (1982), Заира (1983), Анголы (1983), Уганды (1983), Замбии (1985), Ботсваны (1985).
- Роль ирригации в становлении древних государств (на примере Средней Азии) // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 73—88.
- Этнические процессы в Африке // Этнические процессы в современном мире. М., 1987. Гл. 1. С. 253—316 (совместно с Исмагиловой Р. Н.).
- Хозяйственно-культурные типы Африки (с картой; масштаб 1:65 млн.) // Африка. Энциклопедический справочник. Т. II. М., 1987. С. 535—538.
- Историко-культурные области. Хозяйственно-культурные типы // Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 581—585, 596—601.
- Роль экологических и социальных факторов в становлении древних государств аридной зоны Старого Света. (Критический анализ идей географического детерминизма.) // Этнология США и Канаде. М., 1989. С. 20—31.
- Исторический прогресс: хозяйственно-культурные аспекты // Природа. 1989. № 3. С. 75—82.

1990 г.

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ПОДГОТОВКЕ СЕРИИ «НАРОДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»

Логика развития научного знания и общественно-политическая ситуация обуславливают настоятельную необходимость в создании всеобъемлющего труда по этногенезу, культуре и современному положению народов СССР. Фундаментальная сводка современного знания требуется для решения территориально-демографических, социально-экономических, государственно-правовых и культурно-языковых проблем. Максимально возможная точность и полнота научного знания крайне важны для устранения многих причин обострения межнациональных отношений. Издание может быть использовано в системе среднего и высшего образования, а также для индивидуального самообразования самого широкого круга читателей.

1 ноября 1989 г. Секция общественных наук Академии наук СССР приняла постановление, которым Институту этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР поручается осуществление проекта издания многотомной серии «Народы Советского Союза». Для организации работы по изданию данной серии при Институте этнографии (далее — ИЭ АН СССР) был создан Координационно-методический центр (КМЦ), возглавляемый д. и. н. Ю. Б. Симченко. 27—29 ноября 1989 г. в Звенигороде состоялось Всесоюзное совещание по обсуждению общих проблем и концептуальных принципов написания и издания серии. В работе совещания приняли участие более 100 человек — представители заинтересованных ведущих научных организаций различных регионов страны. Совещание организовывали и проводили Ю. Б. Симченко и А. И. Кузнецов (Москва, ИЭ АН СССР, КМЦ).

В самом начале работы совещания все его участники согласились, что в основу структуры издания должен лечь не территориальный, а этнический признак, то есть тома серии должны формироваться не по регионам, а по народам. Такой принцип поможет избежать субъективности при описании одних народов другими. По этому вопросу выступали В. К. Бондарчик (Минск, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР), В. И. Мелешко (Минск, Ин-т истории АН БССР), С. А. Арутюнов, В. А. Александров (оба — Москва, ИЭ АН СССР), Б. Молдобаев (Фрунзе, Ин-т истории АН КиргССР), Э. А. Керимов (Баку, Ин-т истории АН АзССР). Далее Н. А. Алексеев (Новосибирск, Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР) и Л. С. Вахтре (Таллин, Ин-т истории АН ЭССР) высказали мнение, что для народа имеет большое значение, кто о нем написал — о каждом народе, по возможности, пусть пишут его представители. По мнению В. И. Мелешко, правильно будет, если ученые или иной республики будут писать только о коренном народе, а не обо всех народах, живущих в ней.

В связи с этим возникло предложение — выделить для каждого народа отдельный том. Однако, после обсуждения выяснилось, что несмотря на привлекательность этого пути, идти по нему не представляется возможным. По мнению Д. М. Исхакова (Казань, Ин-т языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР), народы Поволжья (татары, башкиры, чуваш) имеют много общего в этногенезе и этнической истории, поэтому писать отдельно о каждом народе не только крайне сложно, но и нецелесообразно. Эта точка зрения была поддержана Н. А. Томиловым (Омск, Омский гос. ун-т). С. А. Арутюнов обратил внимание участников совещания на возможность описания, например, палеолита для каждого отдельного народа. Кроме того, если писать тома по отдельным, даже малочисленным народам, как считает И. М. Золотарева (Москва, ИЭ АН СССР), очень объединит их антропологическая характеристика, так как антропологические типы во многих случаях «не привязаны» к одному этносу: антропологическая картина

базируется на биологических признаках, закономерности распространения которых иные, чем признаков культуры. Есть также и чисто технические трудности осуществления принципа «каждо народу — отдельный том». Если следовать ему, то объем их окажется самым различным — к примеру, от 5 до 50 а. л., а это означает, что все тома будут иметь и различный переплет таким образом, исчезнет единое «лицо» серии. Более того, представитель издательства «Мысль» которое будет осуществлять публикацию серии, А. Г. Ш е м а р и н (Москва) просил свести всё к трем размерам — 25, 35, 50 а. л., чтобы облегчить работу издательства и ускорить выход в свет серии. Во время работы совещания Ю. Б. Симченко и А. И. Кузнецов несколько раз акцентировали внимание на том, что невозможность предоставления отдельного тома каждому народу в коем случае не приведет к ущемлению народов, «соседствующих» в одном томе: фактически по одной обложке будет несколько отдельных книг.

П. П. К а л ь н ю с (Вильнюс, Ин-т истории АН ЛитССР) от имени литовских этнографов задавал вопрос о целесообразности заключительного тома «СССР — страна и народы». Отвечая, Ю. Б. Симченко подчеркнул, что в названном томе не предполагается подтверждение сказанного о народах в других томах. Авторы его полагают дать взгляд на страну в целом и рассмотреть идею исторической обусловленности союза народов во всем многообразии ее аспектов. Новым здесь будет анализ описания роли и места каждого народа в общей истории, рассмотрение общего фона, на котором формировалась национальная культура.

В связи с тем, что тома серии «Народы Советского Союза» будут готовиться не по территориальному принципу, а по принципу описания отдельных народов (за некоторыми исключениями, например — Поволжье), В. К. Б о н д а р ч и к поставил вопрос о необходимости комплексного сотрудничества всех этнографических центров страны при подготовке изданий. Республиканские этнографические центры должны быть готовы принять представителей других республик для изучения некоренных этнических групп. В. К. Бондарчик с сожалением констатировал, что белорусские этнографы почти не имели возможности изучать белорусов, живущих за пределами своей республики, поэтому им необходима помощь ученых других регионов, на территории которых проживают белорусы, для последующего включения их глав в общий том «Белорусы». По мнению выступающего, подобный подход может быть применен при описании всех народов СССР. В. А. Александров отметил, что аналогичная ситуация наблюдается и в изучении русских. Это объясняется порочной практикой академий наук союзных и научно-исследовательских институтов автономных республик изучать только «свои» народы, а не все население в пределах своих границ. Учитывая сложившееся этническое многообразие на территории разных республик, В. А. Александров также высказал мысль о необходимости взаимопомощи научных этнографических коллективов, работающих в разных республиках страны. Идею о сотрудничестве поддержали Н. А. Д е м ч е н к о (Кишинев, Отдел этнографии и искусствоведения АН МолдССР), сообщивший о готовности ученых Молдавии дать материал по русским, и Л. С. В а х т р е, сказавший, что эстонские этнографы могут написать главу о русских Причудья. Проблема изучения частей этноса, живущих за пределами своей республики, стоит и перед учеными Украины. Как отметил В. А. Курочкин (Киев, Институт искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР), в силу разных обстоятельств украинцы вне республики практически не изучались. В СССР наиболее многочисленные группы их живут в Сибири, Казахстане, на Дальнем Востоке, Кубани и в Зауралье. В. А. Курочкин считает необходимым наладить действенную кооперацию с этнографами указанных регионов, включая их авторство или соавторство в написании соответствующих разделов. Говоря об остром дефиците этнографических кадров в области изучения некоренных народов Украины: русских, поляков, венгров, евреев, молдаван, греков, румын и т. д., он отметил назревшую необходимость организации соответствующего структурного подразделения в составе Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР.

В ходе совещания многие говорили о проблеме, связанной с описанием частей этносов, живущих за пределами СССР. В. И. М е л е ш к о просил руководство планируемого издания помочь организовать поездки в отдельные страны, где проживают белорусы, а также получать издаваемую ими периодическую печать. И. Б. М о л д о б а е в говорил о полном отсутствии информации о зарубежных киргизах и невозможности получить необходимые данные без поездок к ним. По устным сведениям, как сказал И. Б. Молдобаев, известно, что киргизы живут в 27 странах, но в советской литературе данных об этом нет, поэтому необходимо срочно установить научные контакты с другими странами. Выступление И. Б. Молдобаева поддержал Б. Р. З о р и к т у е в (Улан-Удэ, Бурятский ин-т общественных наук СО АН СССР). Считая идею об описании в обсуждаемой серии все

бежных этнических групп коренных народов СССР очень важной, Б. Р. Зориктуев полагает, что для ограничения изучения их только по газетным и литературным источникам, а необходимо проводить полевые работы за границей. О целесообразности проведения научных экспедиций за рубежом в самое ближайшее время говорили также Э. А. Керимов, Р. Х. Керейтов (Жебгек, Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики), П. К. Квициниа (Гуми, Абхазский ин-т языкознания, литературы и истории АН ГССР), М. А. Меретуков (Коп, Адыгейский НИИ этнографии, языка, литературы и истории), И. Мухиддинов (Шанбе, Ин-т истории, археологии и этнографии АН ТаджССР), Л. Ф. Моногарова (Москва, этнографии АН СССР), В. А. Александров, А. В. Курочкин.

Л. Ф. Моногарова обратила внимание на необходимость разных подходов при описании народов, живущих и в СССР, и в других странах. Она выделила три основных группы таких народов: 1) являющиеся в СССР переселенцами (хотя и давними) с их основной этнической территории (немцы, греки и др.); 2) имеющие основную этническую территорию в СССР, хотя и живущие этнические группы их живут в Канаде, США и других странах (украинцы, русские, и др.); 3) являющиеся автохтонным населением сопредельных стран (таджики, памирцы, таи, вьетнамцы, узбеки, азербайджанцы). Для описания этих групп народов, полагает Л. Ф. Моногарова, нужны отдельные тематические планы.

И. М. Золотарева в связи с этим отметила, что антропологическая характеристика бежных групп того или иного народа является очень сложной задачей. Изученность этих групп очень неравномерна, советские антропологи практически не могут дополнить ее, так как нет большого количества специалистов и возможности работать за рубежом.

Участники совещания обсуждали вопросы, связанные с структурой томов. С. А. Арутюнов считает, что в томах, в частности, посвященных кавказским народам, надо около 10 а. л. вводить под вступительные главы — географическая среда, археология, древняя история, антропология и этноантропология, глоттогенез и этногенез, а остающийся объем должен быть отдан описанию этнографии народов с момента их появления на исторической арене, т. е. уже со свершившимся этносом, их средневековой и новой историей, общественному строю, хозяйству, материальной и бытовой культуре, обычаям и нормам жизни, семейному быту, старому и новому, традиционному и современному искусству. В томе, посвященном малочисленным и дисперсным народам Закавказья, вступительные разделы по понятным причинам не нужны. С. С. Арутюновым полемизировал А. А. Томилов, по мнению которого, вступительные разделы возвращают к региональному подходу в описании народов. Н. А. Томилов сказал, что археологические, климатические и другие характеристики должны предвещать описание каждого народа. С. А. Арутюнов не согласился с таким подходом, аргументировав тем, что нельзя писать об археологических памятниках или о географических условиях какого-либо одного народа. Позицию С. А. Арутюнова поддержала И. М. Золотарева: нельзя давать антропологический тип по одному народу, нужно оперировать региональной антропологией (об этом см. выше — Л. М.). В связи с этим, И. М. Золотарева задавала участникам совещания: нужна ли вообще антропологическая характеристика народов в издаваемом издании, имея в виду его этнокультурный характер? Об этом стоит подумать для определения характера написания соответствующих разделов. И. М. Золотарева отметила, что вполне можно обойтись в данной серии без антропологических характеристик, так как в противном случае это будет частичным повторением семитомного издания «Антропология СССР», подготовленного под эгидой Института этнографии АН СССР. Названное издание построено по региональному признаку. Если все-таки антропологическая характеристика в серии «Народы Советского Союза» нужна, то давать ее по отдельным народам нельзя, так как получится просто констатация факта, не объясняющая ее генезис. Большинство участников совещания выразило желание ввести антропологические характеристики в данную серию. Мнение С. А. Арутюнова о написании вступительных статей поддержала Г. Н. Грачева (Ленинград, ИЭ АН СССР), высказавшая, что в каждом или двух томах, посвященных населению Сибири, нужны вступительные статьи о тундровых и лесных народах. А. Орзоров (Ашхабад, Ин-т истории АН ТССР) затронул вопрос о структуре описания различных групп этноса, которая, полагает он, должна быть унифицирована для описания народов. Однако большинство участников высказалось за то, чтобы структуру тома обсуждал авторский коллектив конкретного тома.

На совещании обсуждались также «Тематический план описания народа в серии» и «Основные темы кадроплана зрительного ряда серии». Н. А. Демченко предложил пересмотреть план в соответствии с новой структурой серии (старая структура исходила из регионального

принципа). Н. А. Алексеев высказался против обсуждения макетов отдельных томов вс предложение утверждать их редколлегиям конкретных томов. Л. С. Вахтре обратил внимание на неоправданное употребление в «Кадролане» слов «старый» и «новый» (они относятся, например, к органам самоуправления, школе и т. п.): «Ученые должны показать *эволюцию*, а значит, представить целый ряд картин». С. Х. Мафедзев (Нальчик, Кабардино-Балкарский ин-т истории, филологии и экономики при Совмине Кабардино-Балкарской АССР), говоря о важности этнических карт в серии, предложил поместить карту мира с указанием, в каких государствах живут представители народов СССР. Согласившись с С. Х. Мафедзевым, Д. М. Исхаков заметил, что «Плане» отсутствует национальная символика, которую необходимо включить. По мнению И. М. Золотаревой, в «Плане» не нужны таблицы эволюции расовых типов, а также антропологических типов современности. Э. А. Керимов отметил, что в «Описании народа» без подробной разработки вопросов, касающихся этнической психологии. Он обратил также внимание на необходимость унифицировать терминологию, в частности четче определить понятие «этническая территория», выделить старые и новые этнические территории. Вопросы, касающиеся этнической терминологии, поднимали также М. Г. Туров (Иркутск, Иркутский гос. ун-т) и С. Х. Мафедзев.

27 ноября на вечернем заседании выступил директор Института этнографии АН СССР В. А. Тишков, подчеркнувший, что данную серию должны готовить ведущие специалисты страны, а не научные учреждения. Силами коллектива Института этнографии этот труд осуществиться не представляется возможным, поэтому КМЦ сразу обратился к ученым всех регионов, чтобы привлечь лучшие кадры страны. Понимая необходимость заполнения определенных пробелов, существующих в описании народов, В. А. Тишков обратил внимание участников совещания на то, что ученые не могут решать задачу написания «канонического» текста или какого-то обобщающего труда. Главный упор надо сделать на использование новых знаний. Данный труд будет результатом индивидуального мастерства. Поэтому состав редколлегии должен быть минимальным, а фамилии авторов необходимо указать на титульном листе. Мы должны повысить статус автора, а значит и его ответственность за написанное. В. А. Тишков также подчеркнул, что писать только с тем, чем бы согласились абсолютно все ученые, утопично. Необходимо многообразие точек зрения разных авторов по спорным вопросам. Пытаться найти единую линию — это дань прошлому, этого делать не будем. Единственным критерием должна быть научная аргументированность позиции автора. Напомнив, что этот труд будет выходить под грифом Института этнографии АН СССР, В. А. Тишков отметил, что, не претендуя на роль законодателя, но являясь инициатором и написания издания обсуждаемой серии, Институт хотел бы сохранить за собой общие координирующие и редакторские функции, не давая при этом итоговых, оценочных заключений. В. А. Тишков выразил готовность Института помочь провести какие-либо семинары по вопросам терминологии, чтобы договориться о базовых понятиях, а также получить архивные данные, которые ранее не были доступны ученым. Если есть необходимость впервые написать о чем-либо важном для народа — непременно надо сделать. Не должно быть обязательного определенного заранее объема написания соответствующих глав у всех народов. Возможно, необязательна и единая стилистика, ибо это лишает изложение яркости, мешает проявлению индивидуальности как автора, так и народа, о котором он пишет. Необходимо повысить значимость иллюстративного материала. Есть возможность не формально проиллюстрировать текст, а сделать цветные иллюстрации по заказу авторов, которые бы органично входили в текст. Надо использовать различные фотоархивы в Москве, Ленинграде и других городах. Например, известно, что в Институте сохранились фотоматериалы несуществующих сегодня армянских деревень, разрушенных во время недавнего землетрясения. В. А. Тишков выразил пожелание, чтобы данный труд отразил время его написания — конец 80-х годов — время многих споров. Как можно более правдивыми должны быть главы о национальных конфликтах. Ученый должен служить истине, как бы это не было трудно. Мы не публикуем коллектив ученых. Наша задача — написать все так, как это было на самом деле, исходя из материала, а не из заранее определенных тенденций. Следует отразить историю миграции народов, для этого можно привлечь иностранных специалистов к написанию отдельных глав и изучить имеющуюся зарубежную литературу. Нужно понимать относительность нашего знания.

Х. Р. Пусс (Таллинн, Ин-т истории АН ЭССР), одолив позицию В. А. Тишкова, заметил, что по мнению эстонских и литовских этнографов, главная редколлегия серии не должна заниматься существенными изменениями текста в рукописях.

На совещании встал и вопрос о возможности перевода серии на национальные языки. В.

посланописи этого вопроса подчеркивали все участники. В. А. Тишков в сказал, что Институт способствовать положительному решению его. Ю. Б. Симченко добавил, что издательство имеет договориться о переводе серии на английский и французский языки.

Большую дискуссию вызвала проблема описания политической истории народов. П. П. Кальс, выражая мнение литовских и эстонских ученых, отметил, что в «Плане описания народа» есть упор на идеологию, особенно в главе «Особенности политической истории». Это, считает несправедливо. Если есть раздел «Вхождение в Русское государство», то он требует подраздела «Национально-освободительное движение»: стремление к восстановлению национального государственного состояния экономики и культуры в национальных государствах (1918—1940 гг.), вооруженная борьба после войны, депортации, наконец, процесс современного возрождения — причины возникновения Народных и Интерфронт, их влияние на межнациональные отношения и на рост этнического сознания. П. П. Кальнюс отметил также, что национальные литовские фронты не имеют анти-русской направленности — этот миф должен быть развеян.

А. И. Кузнецов задал вопрос участникам совещания о месте политической истории в этнографии. Большинство согласилось с тем, что данное издание должно быть этнографическим, а не политическим трудом. В связи с этим О. В. Котов (Сыктывкар, Ин-т языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения АН СССР) подчеркнул, что политические границы могут меняться с течением времени. М. Н. Губогло сказал, что в данной серии нельзя пренебрегать этнополитическую ситуацию, хотя этнографы не всегда готовы к подобному анализу. М. Губогло также сообщил, что Центром по изучению национальных отношений (руководителем которого он является) будут изданы программы 27 неформальных движений — макет этого издания уже готов.

В. А. Александров отметил, что при характеристике отдельных народов так или иначе стоит вопрос об их существовании в рамках единого Российского государства. При уже имеющейся многообразии мнений о характере вхождения тех или иных народов в его состав необходимо будет объективно и многосторонне ответить на вопрос: имело ли оно для того или иного народа положительное значение, коль скоро отдельные народы жили в составе этого государства 100, 200, и 400 лет? Нужно контактировать с историками. Вероятно, здесь действуют не только политические, а скорее экономические тенденции. По этому поводу были высказаны разные точки зрения (Л. С. Вахтре, С. Х. Мафедзев и др.).

С. А. Арутюнов считает, что эти вопросы не являются целью нашего издания, так как мы не политическую историю народов Советского Союза, а создаем этнографический труд, политическая история служит лишь вспомогательным материалом. Политическую историю опровергают правящие круги. В этнической истории действуют народные массы. А. Т. Марутян (Ереван, Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР) говорил о большой вине этнографов за то, что она сейчас находится на грани развала. Этнографы обязаны заниматься не только традиционной культурой. Этнография должна иметь прикладное значение.

И. М. Золотарева заметила, что создаваемый труд должен нести гуманистическую идею. Нельзя сталкивать народы, предваряя конкретное обсуждение. При рассмотрении таких вопросов необходимо рассматривать не новейшую историю, а тысячелетнюю этническую. Политическая история часто противоречит антропологическим данным. Надо исключить из описания как древнюю, так и самый последний период истории. Оценки могут оказаться временными и дадут субъективную «окраску» всему труду. А. Б. Калышев (Алма-Ата, Ин-т истории, археологии и этнографии АН КазССР) всегда поддерживал И. М. Золотареву. Говоря о гуманистической цели этнографического труда, выступавший подчеркнул, что мы не можем оперировать временными явлениями, так как через 2—3 года картина может оказаться совсем иной.

На совещании много времени было уделено обсуждению региональных тем. Дискуссионным оказался вопрос о целесообразности выделения в отдельный том народов, переселявшихся в Сибирь, начиная с XVII в. (русские, украинцы, белорусы, мордва, коми, литовцы, латыши, эстонцы и др.). Н. А. Томиллов настаивал на сохранении такого тома, считая, что в формировании томов Сибирской серии не до конца преодолен региональный подход; кроме того, переселенческие группы в Сибири и их потомки имеют своеобразную историю и культуру. В Сибири коренные народы насчитывают около 10% всего населения, а переселенческие группы — около 90%, а сама Сибирь составляет две трети территории нашей страны. Н. А. Томиллов выразил сомнение в том, что некоренное население Сибири найдет достаточно полное отражение в других томах. Его поддержали И. Н. Гегелев (Новосибирск, Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР), Н. А. Алексеев и Ф. Болонев (Новосибирск, Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР).

Л. С. Вахтер сказал, что об эстонцах Сибири (как и Кавказа) эстонские этнографы будут писать сами, но может быть, стоит повторить описание сибиряков и в отдельном томе.

Не согласились с подходом, предложенным Н. А. Томиловым, С. А. Арутюнов, а также В. К. Бондарчик и В. И. Мелешко, которые призывали к всестороннему взаимодействию ученых различных регионов: обмен материалом, авторство и соавторство и т. д. В. А. Александров, говоря о томе, посвященном русскому народу, подчеркнул, что его структура должна основываться на учете историко-этнической территории русских, складывавшейся с XIII в. Да характеристику народа в целом на компактно заселенной территории и отмечая особенности регионального характера, в томе необходимо учитывать также наличие отдельных групп русского населения, переселившегося в Среднюю Азию и Закавказье. Кроме того, считает он, желательным проследить расселение русских за рубежом. Исходя из этого, В. А. Александров решительно выступил против выделения русского населения Сибири в отдельный том на том основании, что население будто бы составляет лишь отдельную группу, появившуюся в Сибири к тому же не по своей воле, а в качестве ссыльных. Во-первых, подчеркнул он, это нарушает основной принцип издания всей серии, а именно не региональный, а этнический подход к характеристике отдельных народов, а во-вторых, высказанная точка зрения о русском населении Сибири противоречит исторической истине. Русское население появилось в Сибири в результате народных миграций, и зауральская территория стала частью русской историко-этнической территории.

Н. А. Алексеев предложил разделить описание коренных народов Восточной Сибири Дальнего Востока на два тома.

Бурно проходило на совещании обсуждение тома народов Поволжья. В ходе дискуссии В. П. Иванов (Чебоксары, НИИ языка, литературы, истории и этнографии при Совмине Чувашской АССР) и поддержавшие его Д. М. Исхаков, Л. С. Христюков (Ижевск, Удмуртский ин-т истории, языка и литературы Уральского отделения АН СССР), С. Д. Николаев (Саранск, Мордовский НИИ языка, литературы, истории и этнографии при Совмине Мордовской АССР), В. Д. Шаров (Йошкар-Ола, Марийский НИИ языка, литературы, истории и социологии при Совмине Марийской АССР) обосновывали необходимость разделения тома народов Поволжья на два тома: 1) тюркоязычные народы (башкиры, татары, чуваш); 2) финноязычные народы (мордва, марийцы, удмурты). Калмыков было предложено включить в тот том, где будут описаны ногайцы, так как этническая история калмыков не вписывается в единый этногенез башкир, татар и чувашей.

Представитель грузинских этнографов Д. Э. Одидзе (Тбилиси, Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГССР) высказал протест против вынесения в заголовок тома наряду с грузинами также и сванов, мегрелов и чанов, обосновывая это тем, что три последние этнические группы представляют собой части грузинского народа. А. И. Кузнецов, заметив, что авторство данного тома будет принадлежать грузинским ученым, просил обратить внимание на то, что сваны, мегрелы и чаны (лазы) — объективно существующие этнические общности. Вопрос о том, являются ли они этнографическими группами грузинского народа или отдельными самостоятельными народами, находящимися в процессе естественной ассимиляции, должен решаться строго научными методами.

При обсуждении кавказских томов Р. Х. Керейтов предложил не включать ногайцев в состав тома народов Дагестана, так как этническая история ногайцев больше связана с историей балкарцев и карачаевцев, чем с этнической историей народов Дагестана. Кроме того, у них есть этнокультурные связи с другими северо-кавказскими народами. Поэтому, по мнению Р. Х. Керейтова, ногайский народ лучше включить в том, где будут описаны их соседи: карачаевцы, чеченцы, черкесы и др. — исторически и этнически это будет более правомерно и научно обоснованно.

П. К. Квициниа считает целесообразным посвятить один том абхазо-адыгским народам Осетии в этот том включать неуместно. Эту точку зрения поддержали С. Х. Мафедзе и С. А. Арутюнов.

Другая дискуссия состоялась о курдах: А. Оразов высказал пожелание включить в том, посвященный малочисленным народам Средней Азии и Казахстана. Ученые Туркменистана считают целесообразным включить в этот том курдов, живущих в республике, так как они существенно отличаются от курдов Кавказа и находятся в процессе ассимиляции туркменами. С. А. Арутюнов пояснил, что, так как курды представляют собой единый народ, не автохтонный на территории Советского Союза, описывать их надо там, где находится их первичная этническая территория.

или где их большинство в настоящее время. Э. А. Керимов напомнил, что при описании курдов следует отметить единство всех курдов Закавказья как этнической единицы, но не забывать и о том, что между езидами и мусульманами имеются существенные религиозные различия — это прослеживается в их культуре, быту, этнической истории.

Делегаты республик и областей Кавказа приняли предложение С. А. Арutyunova о том, чтобы целесообразным посвятить народам Кавказа семь томов, распределив их следующим образом: шесть томов — азербайджанцы; грузины; армяне; дагестанские народы; центрально-кавказские народы (карачаевцы, балкарцы, ногайцы, осетины, чеченцы, ингуши); абхазо-адыгские народы (абхазы, убыхи, абазины, адыги); один том — малочисленные и дисперсные народы Закавказья — таши (мусульмане и езиды), ассирийцы, талыши, таты, удины, крызы, будуги, хиналуги.

На совещании обсуждался также вопрос об освещении в серии татар. Д. М. Исхаков предлагал описать сибирских татар вместе с основной частью татарского населения. Н. А. Томин подчеркнул, что крымские, поволжские и сибирские татары исторически развивались обособленно. В Западной Сибири до сих пор отдельно проживает группа татар. Поэтому имеет смысл издавать казанских и сибирских татар отдельно, как два самостоятельных этноса. Л. С. Вахтин, основываясь на том, что татары представляют собой большой народ, говорил о возможном объединении всех татар в один том.

С. А. Арutyunov обратил внимание на то, что такие народы как ногайцы, татары и многие другие не укладываются в определенные географические рамки, поэтому в любом случае получить полную картину невозможно. Видимо, в ряде случаев будет происходить смешение территориально-языкового критериев.

Далее обсуждалась проблема освещения в издании румын и гагаузов. А. И. Кузнецов предложил объединить в одном томе молдаван и румын. М. Н. Губогло и Н. А. Демченко высказались за объединение в одном томе молдаван и гагаузов.

На совещании встал также вопрос о расположении в серии каракалпаков. В. Н. Басилов (ИЭ АН СССР) предложил выделить данный этнос в отдельный том, но оказалось, что издательство не может это осуществить по техническим причинам. Поэтому условились дать каракалпаков в одном томе с узбеками.

Многие участники совещания, в частности Л. С. Христюкова, Э. А. Керимов говорили о том, как важно придать предполагаемому изданию научно-популярный характер для популяризации этнографии. В связи с этим А. И. Кузнецов заметил, что издание должно быть научно-популярным, основанным на тщательно выверенных фактах и документах, а популярность должна выражаться только в доступном для всех, хорошо понятном изложении, четком языке, правильном использовании терминов, непонятных для широкого круга читателей. Эту же мысль подчеркнул В. Н. Басилов, сказавший, что книги должны быть написаны живым и простым языком. Чтобы в них звучал и голос самого народа, следует использовать цитаты из произведений известных писателей (Айтматова о киргизах, Гоголя об украинцах и т. д.).

В. С. Миченко рассказал о сроках подготовки томов в издательство. Первые три-четыре тома должны быть сданы в издательство в конце 1991 г., последний — в 1996 г. Тома не будут иметь жесткой привязки к календарю и могут выходить в любом порядке. Апробация томов будет проходить следующим образом: 1) публикация макета, то есть текста без иллюстраций, в количестве 500 экз; обсуждение макета в прессе, на телевидении и другими способами; 2) региональная конференция для принятия решения о сдаче труда в издательство. Во время подготовки томов предполагается проводить тематические и тематические конференции. Начало этому уже положено: 23—26 октября 1989 г. в Новосибирске состоялась конференция по подготовке сибирских томов серии.

Все участники совещания признали необходимым провести весной 1990 г. повторную встречу с полным присутствием главных редакторов томов, а также ответственных за руководство авторскими коллективами. В заключение был принят следующий проект структуры серии «Народы Советского Союза»:

Карелы. Венгры. Водь. Ижора. Ингерманландцы. Финны	—35 а. л.
Удмурты. Марийцы. Мордва	—35 а. л.
Татары. Башкиры. Калмыки	—35 а. л.
Ливы	—40 а. л.
Ильменские	—35 а. л.
Южнорусы	—35 а. л.
Славяне	—55 а. л.

Украинцы	—40 а.
Белорусы	—35 а.
Молдаване. Гагаузы	—40 а.
Болгары. Поляки. Словаки. Чехи. Греки. Немцы	—25 а.
Албанцы. Венгры. Евреи. Караймы. Румыны. Цыгане	—25 а.
Азербайджанцы	—35 а.
Армяне	—35 а.
Грузины	—35 а.
Дагестанские народы	—35 а.
Чеченцы. Ингуши. Осетины. Ногайцы. Карачаевцы. Балкарцы	—35 а.
Адыги. Абазинцы. Абхазы. Убыхи.	—35 а.
Курды. Ассирийцы. Талышы. Таты. Удины. Крызы. Будуги. Хиналуги	—25 а.
Казахи	—35 а.
Киргизы	—35 а.
Узбеки. Каракалпаки	—50 а.
Туркмены	—35 а.
Таджики. Памирцы	—40 а.
Дунгане. Арабы. Белуджи. Джемшиды. Корейцы. Турки. Уйгуры. Ирани	—25 а.
Ненцы. Энци. Нганасаны. Селькупы. Долганы. Кеты. Ханты. Манси	—40 а.
Якуты. Буряты. Тувинцы. Хакасы. Алтайцы. Шорцы. Тофы. Чулымцы. Сибирские татары	—50 а.
Эвенки. Эвены. Нанайцы. Удэ. Ульчи. Орочи. Ороки. Негидальцы	—35 а.
Чукчи. Коряки. Кереки. Ительмены. Юкагиры. Чуванцы. Алеуты. Эскимосы. Нивхи	—35 а.
СССР — страна и народы	—50 а.

Остался открытым вопрос о том, в каких томах будут помещены разделы о крымских татарах и турках (месхетинцах).

Л. И. Миссонов

© 1990 г.

ДВЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ОНОМАСТИКЕ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ В. А. НИКОНОВА

В 1989 г. состоялись две конференции по ономастике: в Орджоникидзе — Первая конференция по иранской ономастике (апрель) и в Волгограде — Шестая конференция по ономастике Поволжья (сентябрь). Обе конференции были посвящены памяти известного советского ученого, почетного члена Международного комитета ономастических наук при ЮНЕСКО, исследователя ономастики В. А. Никонова. Подготовка конференций началась еще при жизни ученого. Он был инициатором проведения, руководил их организацией. Но случилось так, что проходили конференции уже без него. Однако имя этого неординарного человека, неутомимого труженика науки звучало и в докладах его многочисленных учеников и коллег, и во время их неофициальных встреч.

Первая конференция по ономастике ираноязычных народов, организованная Группой этнолингвистической ономастики ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклуковича и Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом, прошла 19—20 апреля 1989 г. в Орджоникидзе.

В ее работе участвовали ученые из Москвы, Орджоникидзе, Баку, Кызыла, Цхинвали, Душанбы. К сожалению, многие ученые из Азербайджана и Грузии — специалисты по ираноязычным народам — не смогли приехать в Орджоникидзе. На пленарных и секционных заседаниях были заслушаны доклады и сообщения по важным проблемам ономастики ираноязычных народов.

Проблемы этнической ономастики в трудах Владимира Андреевича Никонова были освещены в совместном докладе Р. Ш. Джарылгасиновой, Дж. Б. Логашовой, Т. П. Федотовой и ч (Москва) «В. А. Никонов и проблемы этнической ономастики». В докладе было подчеркнута

ученый разрабатывал различные направления ономастики и фактически стал основателем нового направления — этнической ономастики. Одна из главных работ В. А. Никонова — книга «Имя и общество», награжденная медалью ВДНХ — посвящена исследованию личных имен, фамилий и друриков антропонимов различных народов на протяжении большого исторического периода. Предварительных замечаниях», открывающих книгу, В. А. Никонов подчеркивал, что первый антропонимика, как и всей ономастики, — историзм. Поскольку личные имена существуют в обществе и для общества, оно диктует выбор личных имен, какими бы индивидуальными не казались. Следовательно, все личные имена социальны. В разделе книги «Личное имя — индивидуальный знак» Владимир Андреевич отмечает, что хотя антропоним социален исторически, имени не заложено ничего предопределяющего его социальную роль; антропонимия, как и новые институты, может реагировать на социальные сдвиги не тотчас, а с запозданием, иногда немалым; социальная обусловленность антропонима сложна, нередко она многоступенчато опосредована: некоторые антропонимические процессы вызваны внутриязыковыми или даже внутриантропонимическими, т. е. зависят от истории общества только в конечном счете, через много промежуточных звеньев. Владимир Андреевич неоднократно указывал, что изучение системы личных имен необходимо в качестве источника для таких наук, как история, этнография, лингвистика, ибо в личных именах отразилась история народов, их быт, социальный строй. Почти все религии, уловив ценность имени как социального знака, присвоили монопольное право давать имя, придав этому акту сакральный характер и превратив личное имя в символ принадлежности носителя имени к данной религии. Много внимания В. А. Никонов уделял анализу антропонимических систем разных народов — русских, арабов, грузин, турецких и многих других. Ему удалось показать через изменения в нарекании сложные национальные процессы, проходящие в различные исторические периоды. Огромна роль ученого как организатора науки. К работе по проблемам ономастики (например, ономастике Средней Азии, Кавказа, Поволжья) ему удалось привлечь огромное число исследователей, вдохновить их на разработку малоисследованных проблем ономастики и способствовать внедрению их результатов в практику. Как говорилось в докладе, только перечень вопросов, поставленных на ономастических конференциях: пути развития антропонимии, топонимии и этнонимии, в качестве источников по изучению этнической истории народов — вопросы теонимии, космонимии, гидронимии — показывает не только широту научных интересов Владимира Андреевича Никонова, но и то, что в названных регионах практически не осталось народов, по которым не велись бы исследования в области ономастики. Сам ученый выступал с блестящими эмоциональными докладами, например, «Формы среднеазиатских фамилий», «География фамилий — этноистория грузин», «Общие проблемы ономастики. Проблемы и ошибки», «Имя и общество» и др.

На конференции кроме заглавного доклада были заслушаны свыше двадцати докладов и сообщений. По многим из них развернулись оживленные дискуссии.

Основные направления развития и задачи осетинской ономастики были раскрыты в докладе А. Гуреева (Орджоникидзе). Докладчик охарактеризовал многочисленные исследования по вопросу происхождения нартовского эпоса, по этимологии личных имен, названий осетинских племен, содержащихся в этом эпосе. Докладчик привел историографический обзор специальных работ, обосновал свою точку зрения на хронологию возникновения тех или иных ономов нартовского эпоса.

В докладе Т. Н. Пахалдиной (Москва) «К этимологии осетинского этнонима *Asy // As(s)i*» была сделана попытка историко-лингвистического осмысления осетинского этнонима *Asy // As(s)i*, которым осетины называют соседних балкарцев. Несмотря на различные точки зрения относительно происхождения данного этнонима, все специалисты единодушны в том, что *Asy // As(s)i* — это древнесамоназвание осетин. Учет историко-фонетических чередований согласных, а также явлений глота, свойственных осетинскому языку (как и другим иранским языкам), позволил Т. Н. Пахалдиной высказать предположение, что осетинское *as-, yas-, -sas* (в *dux-sas* и *dax-sas*, *h-перс. os-, os // pus*, а также *os. wa / os, wa / os*) — все это рефлексы фонетических вариантов древнеиранского корня с первоначальным значением «община, род, племя», превратившиеся со временем в этнонимы, родственные древнеиранскому «*saka*»-«саки».

Осетинская ономастика в историко-этимологическом словаре осетинского языка, составленном И. Абаевым, была проанализирована Е. Б. Бессоловой (Орджоникидзе). Она отметила, что в словаре приводится корпус названий божеств, анализируется историзм возникновения того или иного названия, подробно характеризуются быт и культура осетинского народа и на основе многообразного материала делается вывод, что о христианизации осетин можно говорить лишь условно.

Доклады, посвященные различным разделам иранской ономастики — топонимии, этнонимии, антропонимии были сделаны на специальных секционных заседаниях.

С. М. Алиев (Москва) в сообщении об ираноязычных топонимах Северного Азербайджана проанализировал распространенность топонимов с формантами *кала*, *кеде* и высказал предположение, что топонимы с «кала» возникли в восточных районах Азербайджана и распространились затем на его запад, где больше известны топонимы с формантами *диз*, *деж*. Тюркские названия преобладают в равнинных местах, а на побережье Каспия сохранилась ираноязычная топонимика.

М. М. Аскеров (Баку) в сообщении «Семантика талышской топонимии Азербайджана» показал, что среди талышских топонимов десятки, оканчивающихся на «*абад*» и «*кент*», «*кянд*». Докладчик подчеркнул, что, как и у других народов, талышские топонимы могли быть образованы именами, фамилиями, от названий растений, от этнонимов. Нередко топонимы имели религиозную окраску.

Х. Л. Ханмагомедов (Кызыл) рассказал об ираноязычных топонимах юго-восточного Дагестана. Он отметил, что среди ираноязычных терминов значительно распространены такие как «махля» — квартал, «кала» — крепость, стан, страна, область, «бенд» — запруда, промывка «пир» — святой. Наиболее активной является форма «махля», которая встречается в разных формах: махле, мехле, мехля, мягьял, мягье, магал — в лезгинском, азербайджанском, табасаранском, рутульском, цахурском и лакском языках. Докладчик остановился также на этимологии топонимов «Дербент», «Мюшкюр».

Р. Х. Додыхудоев (Душанбе) в сообщении «Слова *kalā* // *kalay* и *gal'a* в топонимии Афганистана» рассмотрел место упомянутых форм в системе географических названий Афганистана и на основе историко-фонетических данных этих форм, а также частотности их употребления сделал вывод о восточноиранском происхождении термина «*kalā*».

Проблемам афганской ономастики было посвящено сообщение Б.-Р. Логашова (Москва), в котором говорилось о необходимости при транскрибировании топонимов учитывать фонетические особенности языков — иранских, тюркских, индийских, распространенных на территории Афганистана; отмечалась важность изучения народной этимологии и особенностей номинации перевалов, пастбищ, мест, изобилующих водой. Докладчица отметила важность использования в качестве источников по ономастике Афганистана таких трудов, как «Камуси-и джуграфияи-и Афганистан» («Географический словарь Афганистана»), Бурхан-уд-Дин хан Кушкеки «Каттаган и Бадахшан», Мир Гулам-Мухаммед Губар «Афганистан дар масир-и тарих» («Афганистан на пути истории») и др.

Интересные доклады были посвящены антропонимическим системам ираноязычных народов.

Динамика женской антропонимии таджиков в 1920—1960 гг. (на материале Аштского района Ленинабадской области) была рассмотрена в сообщении Ш. Хайдарова (Душанбе). На основе частотных подсчетов женских имен показано богатство набора личных имен среди иранских народов. Изучение динамики антропонимов показывает, что в последние десятилетия вытесняются сложные имена и имена, включающие в себя традиционные компоненты и окончания, и все чаще встречается употребление простых и благозвучных имен. Докладчик предложил всем исследователям ономастики ираноязычных народов приступить к составлению «Справочника личных имен ираноязычных народов мира», двух словарей: «Частотный словарь личных имен ираноязычных народов СССР» и «Частотный словарь личных имен ираноязычных народов мира», а также «Библиографии ономастики ираноязычных народов».

С сообщением «О происхождении фамильного имени Алагата» выступил Ю. С. Гаглойц (Цхинвали). Он указал, что нартское фамильное имя Алагата считается западнокавказским, а его основа связывается с корнем *лат* (человек), который считается унаследованным из кавказской субстрата. Однако, по мнению докладчика, имеющийся материал не подтверждает этот вывод, а развитие термина «лат» от этнического к социальному свидетельствует об обратном процессе.

Паштунские антропонимы — предмет исследования Р. Х. Додыхудоева и С. Мерганова (Душанбе). Они проанализировали только те индивидуальные имена, которые связаны с паштунской апеллятивной лексикой, выделили семантические группы этих имен и их структурные модели.

Вариативность осетинских фамильных названий рассматривалась в докладе З. П. Тотуровой (Орджоникидзе). Было указано, что несмотря на то, что некоторые ученые не признают вариативности фамилий, а объясняют ее только орфографией, докладчица согласна с В. А. Никоновым, писавшим: «Установление фамилий как распространенной по всему миру антропонимической категории, главной в системе личных имен, совсем не означает их унификацию. Историко-этнографическое

различия народов и различия языков, а также неодинаковые пути формирования языков, петаясь, обусловили пестрое многообразие их у разных народов мира».

Осетинские фамилии — *мыггаг* — подобно фамилиям многих других народов Кавказа представляют собой родственную группу, состоящую из одной или нескольких патронимий, ведущих свое происхождение от общего предка. Таким образом, все однофамильцы у осетин, помня о своем общем происхождении, считают себя кровными родственниками и поддерживают экзогамные отношения. Ему есть основания считать такие пары фамилий, как Карсантае (Карсантае), Уртатае (Ууртат), Дзидзойтае (Джидждойтае), Джиготтае (Гиготтае) не разными фамилиями, а графическими вариантами фамильных названий. З. П. Тотрова рассмотрела также основные причины появления различных вариантов осетинских фамильных названий.

С докладом «К вопросу об антропонимии нартовского эпоса» выступил А. Р. Чочиев (Цхинвал). По этому докладу развернулась оживленная дискуссия.

Ю. А. Дзидзойты (Орджоникидзе) в сообщении «К вопросу о скифо-сарматском наследии топонимии нартовского эпоса осетин» привлек внимание к необходимости продолжения изучения ономастики нартовского эпоса и выделения скифо-сарматского пласта в топонимии. Было отмечено, что сохранение скифо-сарматских этнонимов в нартовском эпосе в виде фамилий заставляет по-новому подойти к объяснению одной из нартовских фамилий *Saumratâ*, *Sawratâ*, встречающейся в нартовском эпосе также в форме *Sawmagon*. Эту фамилию Ж. Дюмезиль переводит как *gaw* — «черный» и *mâr* — «земля — почва». В докладе была дана этимология фамилии *Astâ* груз. *osi*, русск. *осетин*, а также рассмотрены этимологии многих топонимов Нартовского эпоса.

Л. Х. Давыдова (Нальчик) в сообщении «Модели татских антропонимов» рассказала о результатах сбора и систематизации антропонимической лексики (имена, фамилии, прозвища) и выделения пласта лексики, функционирующей как собственные и нарицательные названия. Докладчик обратила внимание на то, что значительное число имен с точки зрения современного состояния татского языка непереводимы, привела этимологию некоторых имен и выделила структурные модели антропонимов татского языка.

Т. А. Гуриев (Орджоникидзе) рассказал о судьбе скифского теонима *Табити*. В осетинской традиции постоянно упоминается «семь богов», «семь авдиумов» и в этом сохраняется иранская семибожная традиция. По мнению В. И. Абаева, каждый из индоиранских народов имел эту семибожную схему содержанием, соответствующим уровню его хозяйственного, социального и культурного развития. Т. А. Гуриев высказал гипотезы о возведении имени женского рода Сафа к Тапати // Табити и об исчезновении в пантеоне осетин женских божеств.

Конференция по ономастике ираноязычных народов была первой. Дирекция Северо-Осетинского научно-исследовательского института сделала все возможное для успешной ее работы. Участники конференции выразили благодарность за создание хорошей рабочей обстановки и организацию экскурсий. Оргкомитетом была определена программа дальнейших исследований по антропонимике, топонимике, этнонимике, теонимике, космонимике ираноязычных народов и высказано предложение о периодическом проведении подобных конференций.

Б.-Р. Логашова

* * *

26—28 сентября 1989 г. в Волгограде проходила 6-я конференция по ономастике Поволжья, организованная Группой этнической ономастики ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Волгоградским ордена Знака Почета Государственным педагогическим институтом им. А. А. Серафимовича и Волгоградским отделением Советского фонда культуры. Конференция была посвящена памяти известного советского ученого В. А. Никонорова (1911—1988), основателя и организатора пяти предыдущих Поволжских ономастических конференций.

В работе конференции приняли участие свыше 70 специалистов из более чем 30 городов СССР, ранее в подобной конференции участвовали ученые из ГДР, ЧССР, КНДР, СРВ.

Продолжая традиции проведения Поволжских ономастических конференций (1-я конференция по ономастике Поволжья проходила в 1967 г. в Ульяновске), организаторы 6-й конференции внесли в ее работу и новые моменты. Так, были привлечены исследователи не только из Поволжья, но и из Белоруссии, Средней Азии и Украины. Доклады, с которыми они выступали, освещали белорусско-поволжские, украинско-поволжские, среднеазиатско-поволжские параллели в антропонимии,

топонимии, урбанонимии, зоонимии, а также общие вопросы ономастики. По сравнению с предыдущими, на 6-й конференции была представлена и более широкая тематика, в частности, в ряде докладов была показана роль ономастической лексики при обучении иностранцев русскому языку. Кроме того, впервые к открытию конференции были опубликованы тезисы докладов ее участников.

На конференции работало несколько секций, состоялось два пленарных заседания.

Открыл конференцию проректор Волгоградского государственного педагогического института В. И. Супрун. Ее участники минутой молчания почтили память основателя и организатора предыдущих ономастических конференций В. А. Никонова.

Профессор Л. М. Орлов, обратившийся к участникам конференции, от преподавателей Волгоградского педагогического института напомнил собравшимся, что ономастическая школа существует в институте со дня его основания. Долгие годы куратором ее работ был В. А. Никонов.

Стажер из КНР Ян Гуйхуа говорила о важности использования материала по ономастике в практике преподавания русского языка иностранным студентам.

С приветствием от Международного комитета ономастических наук к участникам конференции обратился член комитета профессор К. Хенгст (ГДР, Цвиккау). Он рассказал о большом интересе ученых ГДР к трудам В. А. Никонова, к развитию ономастики в Советском Союзе.

После открытия конференции состоялось первое пленарное заседание. На нем было заслушано 5 докладов.

В докладе Р. Ш. Джарылгасиновой, Дж. Б. Логашовой, Т. П. Федяновой (Москва) «Вклад В. А. Никонова в развитие советской ономастики» подчеркивалось, что проблемы ономастики занимали центральное место в творчестве выдающегося советского ученого. Значительный его вклад в изучение топонимии, антропонимии, этнонимии, космонимии. В разработке многих проблем В. А. Никонову принадлежит честь быть первооткрывателем. Он способствовал формированию новых направлений, внедрял новые методы исследования, вводил в научный оборот новый круг фактов и фактографов. Велика роль В. А. Никонова как организатора науки, огромен его вклад в дело подготовки научных кадров.

В. Д. Бондалетов (Пенза) в докладе «В. А. Никонов и современная антропонимическая теория» отметил, что ученый, войдя в ономастику в 50-е годы, быстро стал одним из ведущих мастологов мира. Широко был круг его ономастических интересов. Для работ В. А. Никонова характерно широкое использование источников, развитие общей и специальной теории. Для современной общеономастической и антропонимической теории ценны и актуальны многие положения, выводы, наблюдения и открытия ученого: например, о социальности и историчности имени человека; о том, что имя собственное — часть языка и подчиняется его законам, о «законе ряда» (имя не только дифференцирует, но и вводит в ряд) и др.

В. Ф. Барашков (Ульяновск) выступил с докладом «Речная гидронимия Ульяновской и Куйбышевской Поволжья», где показал, что для гидронимии изучаемого региона характерны заимствования из разных языков, при заметном преобладании русских гидронимов тюркского происхождения.

Г. Ф. Саттаров (Казань) в докладе «Этнонимы волжских татар в топонимии Средней Поволжья» говорил об отражении в топонимии и особенно в этнотопонимии Среднего Поволжья разнообразных межэтнических взаимоотношений и взаимовлияний волжских татар с соседними народами.

В докладе Г. П. Самойлова и В. И. Супруна (Волгоград) «Происхождение названий „Царицын“, „Царица“: новая версия» высказано предположение о том, что этимологию наименования Цицара (Сисара), Зизара (Зизера) следует искать в языке одного из сарматских или скифских племен.

Успешно работала секция «Этнонимия». О. А. Султаньяев (Кокчетав) в докладе «Исторические сведения о волжских тюркских племенах в сочинениях Ч. Валиханова» высказал мнение, что данные об этногенезе тюркских племен, живших по Волге и Уралу, содержащиеся в трудах известного этнографа, историка, географа Ч. Валиханова, не утратили своей ценности и в наши дни. М. Г. Усманова (Уфа), выступившая с докладом «Следы средневековых этнонимов в топонимии Сакмарского бассейна» остановилась на некоторых из выявленных ею более пятидесяти этнонимов, в том числе названий племен, родов, народов, участвовавших в топонимическом образовании Сакмарского бассейна. Эти данные свидетельствуют о чрезвычайном разнообразии и сложности этнического состава населения указанного региона, его изменении, миграциях, контактах между племенными объединениями и народами в прошлом и настоящем. Н. И. Егоров (Чебоксары) в докладе «Этнонимия в топонимии Сакмарского бассейна» отметил, что в топонимии Сакмарского бассейна отражены этнонимы, которые были распространены в этом регионе в древности и средневековье. Он подчеркнул, что в топонимии Сакмарского бассейна отражены этнонимы, которые были распространены в этом регионе в древности и средневековье.

де «Этнонимы древних тюркских племен огуро-булгарского круга (Опыт историко-этимологического изучения)» предпринял попытку критического анализа известных версий ряда этнонимов — ары (абары, обры, апары), акациры, булгары, кутригуры, огуры (огузы) и др. — с привлечением доступных исторических источников. Этот материал, по мнению докладчика, дает возможность сколько-по-новому осветить древнюю и раннесредневековую историю тюркоязычных племен огуро-булгарского круга. Н. Г. Гордеева (Кемерово), выступившая с докладом «Типы наименований племей в диалектной речи», провела сопоставительный анализ наименований жителей в разных районах Кемеровской области и в речи сельских жителей Поволжья. Докладчица пришла к выводу, что основные семантические и словообразовательные типы наименований жителей в говорах Кемеровской области и Поволжья одинаковы, т. е. тематическая группа наименований жителей носит диалектный характер.

Доклады по антропонимии были заслушаны на секциях «Тюркская антропонимия», «Русская антропонимия», «Антропонимия». Интерес слушателей, многочисленные вопросы и живое обсуждение вызвали доклады по антропонимии Тверского края: И. М. Смирновой (Калинин) «Реконструкция диалектной лексики по фамильным именованиям (на материале тверских памятников П.в.)» и Т. А. Закачкиной (Андижан) «Антропонимия тверских десятен». Большой интерес вызвал также доклад Л. П. Калакуцкой (Москва) «Стилистическая стратиграфия личных имен в русском литературном языке XIX—XX вв.». В нем рассматривались каноническая, литературная (светская) и народная формы личных имен, которые в XIX и XX вв., по мнению докладчицы, отражали культурную и социальную ситуацию в стране. В докладе Е. Л. Гвоздевой (А. Охотин) (Николаев) «Образование и функционирование мужских календарных имен (суффикс -ец, -иц (а) в русской деловой письменности XIV—XVI вв.)» были рассмотрены мужские календарные имена, зафиксированные памятниками деловой письменности Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. Доклад З. В. Копыловой (Астрахань) «Женские имена Астраханской области (структура, динамика 1900—1970 гг.)» посвящен выявлению закономерности изменений женского имени в сельской местности Астраханской области на протяжении 70 лет. Слабо изученной теме ономастические номинации семьи в русских говорах» посвятила доклад З. П. Никулина (Кемерово). Среди народных ономастических номинаций семьи докладчица выделила неофициальные (личные, подворные) фамилии и семейно-родовые прозвища, которые, имея много общего в ономастическом аспекте, значительно различаются в семантике, структуре и грамматическом оформлении, в функциональной «загруженности». В докладе С. М. Малиновской (Томск) «Источники по исторической антропонимии Крайнего Севера (на материалах нарымских селкупов)» была дана характеристика таких источников, как списки ясачных плательщиков, ревизские списки, записи о крещении и другие документы центральных и местных архивов. А. В. Менская (Минск) в докладе «Антропонимы и топонимы французского происхождения в бытовой лексике русского и белорусского языков» отметила, что имена собственные французского происхождения, подвергшиеся фонетической и морфологической адаптации в новой языковой среде, занимают довольно большое место в бытовой лексике русского и белорусского языков. В докладе Р. Ш. Джарылгасиновой (Москва) «Оттопонимическое имя корейцев (на материалах полевых исследований среди советских корейцев)» была охарактеризована корейская антропонимия, показано соотношение каждой фамилии с конкретными оттопонимическими именами, которые обозначаются термином *пон* (диал. *пони, пои*) — «корень», «основа», «исток», «начало» — и сходят к наименованиям мест, откуда якобы ведут свое происхождение носители фамилий. На особенностях модификации двусловных личных именований «имя + отчество» в речи детей дошкольного возраста остановилась Г. Р. Доброва (Ленинград) в докладе «Двусловные личные именования „имя + отчество“ в речи детей дошкольного возраста (семантический и словообразовательный аспекты)».

В докладе Б. Р. Логашовой (Москва) «Имя как социальный знак» показано, что социальная обусловленность антропонимии нередко может быть многоступенчато опосредована; антропонимия часто реагирует на социальные сдвиги не тотчас, а иногда с немалым запозданием, антропонимические модели переживают ту социальную базу, которая их породила. Л. П. Петров (Боксары) в докладе «Чувашские обычаи и обряды, связанные с личными именами» на материале научных источников и данных своих полевых исследований рассмотрел мотивы наречения имени в прошлом, традиции преемственности дохристианского чувашского антропонимикона, процесс адаптации христианских имен в чувашской среде.

Э. А. Бегматов (Ташкент) на основе анализа 300 узбекских мужских и женских имен показал роль этическое-воспитательных мотивов в современных узбекских антропонимах.

В докладе М. В. Орел (Кемерово) была прослежена специфика ономастического компонента в составе устойчивых сочетаний в русских говорах Сибири, а также его роль в образовании этих словосочетаний, в формировании их семантики.

Актуально прозвучали многие доклады секции «Топонимия». Так, в докладах И. А. Родионова (Ижевск) «Отражение интернациональной символики в названиях сельскохозяйственных коллективов Удмуртской АССР», Г. В. Еремина (Москва) «Об изменении названий селений Пензенской области», А. Н. Карпова (Тула) «Топонимическая карта Нижнего Поволжья в лингво-историческом аспекте» говорилось о необходимости бережного отношения к исторически сложившимся наименованиям населенных пунктов, колхозов и совхозов, о недопустимости непродуманных массовых их переименований.

В докладе А. М. Мамедова, Н. Я. Мингбаева (Гулистан, УзССР) «Миграционные топонимы в Сырдарьинской области Узбекской ССР» отмечено, что на изучаемой территории, которая с конца XIX в. стала активно заселяться русскими крестьянами, часть топонимов носила миграционный характер, т. е. эти названия были принесены переселенцами с прежних мест обитания. Авторы говорили и о необоснованности перемены многих из этих названий и необходимости серьезного изучения русской топонимии Сырдарьинской области. Авторы доклада «Некоторые вопросы унификации написания географических названий Казахстана» С. А. Абдрахманов, К. Х. Ахмедиева, А. У. Маканова (Алма-Ата) поставили вопрос о необходимости унификации и стандартизации написания казахских географических названий на русском языке на основе официальной транскрипции.

В докладе А. А. Абдрахманова (Алма-Ата) «Об этимологии некоторых древних гидронимов Южного Урала и соседних с ним районов» предпринята попытка, опираясь на данные топонимии, по-новому поставить вопрос о времени заселения тюркскими племенами Южного Урала и соседних с ним районов. Докладчик отметил, что самые древние гидронимы указанного региона (р. Орь, Иргиз, Илек) встречаются в труде Геродота, написанном в V в. до н. э. О проникновении отдельных тюркских племен на территорию Южного Урала в этот период писали и некоторые исследователи (С. Е. Малов, Дж. Кнекбаев). В. С. Картавенко (Смоленск) в докладе «К вопросу о топонимах» провела лексико-семантическую классификацию топонимов в памятниках деловой письменности Смоленского края XVI—XVIII вв. Как считает автор, это дает возможность проследить зависимость номинации от типа топонимического объекта, установить значение и территорию распространения диалектных слов.

Л. А. Климова (Арзамас) в докладе «Арзамасские поместные акты 1578—1618 как ономастический источник» отметила, что в этом региональном памятнике содержится богатый ономастический материал по междуречью Оки и Волги. В нем отражены антропонимические и топонимические тенденции конца XVI — начала XVII в. К. Т. Бойко (Москва) в докладе «Топонимические пласты в ойконимах Чувашии» выявила славянские, угрофинские, тюркские и другие пласты, изучение которых может послужить источником для исследования этнической истории народов, населявших эту территорию. Т. Нафасов (Карши) выступил с докладом «Азиско-Поволжский ойконимический ареал *балык*». Докладчик утверждает, что этот компонент присущ и древнетюркскому, означающему «стена», «укрепление», «вал». Ю. Дмитриева (Чебоксары) в докладе «Имеется ли венгерский пласт в топонимии Чувашии?» показала ошибочность выводов В. А. Нестерова, сделанных в работе «Над картой Чувашии», о венгерском происхождении ряда чувашских топонимов. Докладчица полагает, что в процессе длительных чувашско-венгерских языковых связей имело место одностороннее влияние чувашского языка на венгерский. В докладе Т. П. Федянович (Москва) «Мордовско-русское взаимодействие в топонимии Мордовской АССР» показано, как давние и тесные контакты и взаимовлияния русских и мордвы отражены в топонимии Мордовской АССР. В. У. Махпиров (Алма-Ата) в докладе «Древнетюркская топонимия: опыт системного анализа» выделил два пласта в древнетюркской топонимической системе: один — субстратные топонимы, и второй, являющийся следствием аккультурации топонимов под воздействием различных факторов религиозного, культурного, политического характера.

На заседании секции «Микротопонимия» были заслушаны три доклада. А. Н. Кука (Йошкар-Ола) выступил с докладом «Марийские топонимы с пермским апеллятивом *сорт* и его вариантами, обозначающими разновидность леса», в котором были проанализированы географические названия северо-восточной части Марийской АССР. В докладе Л. Е. Кирилл (Ижевск) «Удмуртские метафорические микротопонимы» были рассмотрены микротопонимы Удмуртии, в которых лексемы употребляются в переносном значении на основе сходства географических объектов с какими-либо предметами или частями тела человека. Н. В. Казанцева (Горький) выступила с докладом «Названия полей в русских народных говорах Горьковской области».

риала об образовании и функционировании дифференцирующих названий полей в русских народных говорах.

Н. К. Фролов (Тюмень) рассмотрел тюркскую топонимию на *-ар* в Среднем Поволжье и южном Зауралье.

Содержательными были доклады, заслушанные на секции «Гидронимия». В докладе М. Поспелова (Москва) «Гидронимия Подмосковского Поволжья» рассмотрены названия северной части Московской области, которые имеют сток непосредственно в Волгу. В гидронимии региона представлены все топонимические пласты, зафиксированные в области. Одни гидронимы относятся к наиболее древнему для Подмосковья прафинно-угорскому типу (Шоша, Курга, Лама и др.), другие — балтийского происхождения (Любь, Русса, Лама, Яуза). Небольшие реки в системах главных рек имеют преимущественно славянские (русские) названия (Долгуша, Цыя, Городянка, Сенная и др.). У. Ф. Надергулов (Уфа) остановился на вопросе о продолжении гидронима Ирғиз. В результате анализа большого круга гидронимов, образованных компонентами *ыр + ғыз*, он пришел к выводу, что гидроним *ирғиз* восходит к древнетюркскому **уғуз* и этимологизируется как «родниковая; ключевая река». В докладе Б. А. Байтанаева (Чимкент) «К этимологии гидронима „Арысь“» выдвигалось предположение, что это название возникло в результате слияния индоевропейского компонента «ар» и угорского «ас». Приведенные в докладе В. Н. Поповой и Б. А. Байтанаева (Чимкент) «Гидронимические параллели южного Казахстана и Поволжья» параллели свидетельствуют о былых связях Средней Азии и Поволжья.

На секции «Ойконимия и урбанонимия» интерес вызвал доклад И. Г. Добродомова (А. Кучкина (Москва) «К этимологии топонима Казань», в котором поддержана (с рядом изменений) гипотеза американского филолога Э. Кинана, предложившего этимологию топонима Казань на базе осетинского вариантного слова *хадзонег, кьадзонег* — искривление, крюк. Актуальность поднята в докладе А. Ш. Скворцовой (Казань) «Исторические названия улиц Казани — памятники языка и национальной культуры», в котором говорилось о необходимости сохранения исторически ценных названий улиц Казани, недопустимости тиражирования степных, шаблонных их именований.

Та же мысль о сохранении и восстановлении традиционных названий улиц Ташкента звучала в докладе С. К. Караева (Ташкент) «Городская топонимия (на примере внутригородских названий Ташкента)».

С. М. Стрельников (Златоуст) в докладе «О происхождении и бытовании топонима Златоуст» рассматривает этот топоним как ценный памятник культуры и истории, нуждающийся в охране. В докладах секции «Ономастика и преподавание» были поставлены важные и полезные для преподавательской работы проблемы. Так, З. П. Никulina (Кемерово) познакомила слушателей проблематикой и программой спецкурса «Ономастическая лексикография», который является новым опытом преподавания студентам филологических факультетов, специализирующимся поonomастике, ономастической лексикографии — науки о классификации и принципах составления словарей собственных имен. Авторы доклада «Ономастика Волгоградской области в чешских переводах» Л. Н. Костякова и Р. А. Подымова (Волгоград), проанализировав переводы поволжских названий из области географии, истории, культуры на чешский и словацкий языки, попытались установить наиболее приемлемое, на их взгляд, решение. На этой секции был заслушан также доклад О. А. Олейник (Волгоград) «Ономастика в изучении местного исторического материала студентами-нефилологами».

На заседании секции «Теонимия, космонимия, зоонимия и ктематонимия» были прочитаны доклады, посвященные тем разделам ономастики, которым до сих пор достаточного внимания не уделялось. Доклад А. М. Очирова (Элиста) «Космонимы Калмыкии» подготовлен на основе полевых материалов, собранных по «Вопроснику для собирания космонимов Поволжья» (составленному И. Бондалетовым и В. А. Никольным) от информаторов русской и калмыцкой национальности. Два доклада были посвящены зоонимии. Это доклад Т. В. Линко (Алма-Ата) «Зоонимические системы в казахском языке и говорах Поволжья», автор которого выделяет в зоонимической системе русского и казахского языков две подсистемы по сфере использования — народные технические клички с различной семантикой. Т. П. Романова (Куйбышев) выступила докладом «Официальная и неофициальная иппонимия (на материале кличек лошадей Куйбышевской области)». Проведя сопоставление официальных и неофициальных кличек лошадей по ряду признаков, она пришла к выводу, что такой подход способствует выявлению общей типологии зоонимической лексики, а также своеобразия каждой из этих систем. В докладе И. В. Крюковой

(Волгоград) «Названия промышленных предприятий г. Волгограда как объект ономастического следования» рассмотрены три принципиально разные структурно-семантические типа наименования промышленных предприятий Волгограда. Все заслушанные на секции доклады вызвали живой интерес аудитории, докладчикам были заданы многочисленные вопросы, состоялось обсуждение докладов.

На секции «Ономастика в художественной литературе и фольклоре» Г. А. Силаева показала роль В. А. Никонова в становлении теории и практики литературной ономастики. В коллективном докладе Т. М. и Н. Д. Гариповых и Ч. Р. Мударисовой (Уфа) сделана попытка определить место ономинов в языке художественного перевода на материале произведений писателя автономных республик Поволжья.

Л. М. Шелгунова (Волгоград) в докладе «Именования персонажей в русской реалистической художественной прозе» отметила, что именования являются средством создания динамичного художественного образа, выполняют ответственные сюжетные функции. О. И. Фояко (Ленинград) выступила с докладом «Параметры системного изучения имени собственного в художественном тексте (на материале автобиографической трилогии А. М. Горького)», в котором ставила проблему обоснования принципов системного анализа имени собственного в художественном тексте. И. И. Турута (Днепропетровск) проанализировала функции, сферы употребления, способы введения в контекст и т. п. прозвищ в художественной речи А. М. Горького. Е. В. Князева (Волгоград), выступившая с докладом «Ономастика Сталинградской битвы в поэме Муми Канотага „Голоса Сталинграда“», отметила, что в поэме хорошо прослеживается связь поволжской и таджикской ономастики.

На секции «Общие вопросы ономастики» два доклада были посвящены изучению состава и функционирования имени собственного в произведениях В. И. Ленина. Это доклады Г. Я. Деметьевой (Целиноград) «Ономастическая лексика в произведениях В. И. Ленина» и А. В. Володько (Минск) «Ономастические дериваты галлицизмов в языке В. И. Ленина». К. Хенгст в докладе «Ономастика Поволжья в немецкой поэзии Пауля Флеминга 1636—1638 гг.» впервые исследовал в ономастическом плане стихи о России известного немецкого поэта Пауля Флеминга (1609—1640). Для ареала Волги это первые немецкие тексты, где зафиксированы этнонимы, гидронимы и топонимы. О топонимии территорий позднего заселения, в частности Волгоградской области, шла речь в докладе Р. И. Кудряшовой и А. А. Северьяновой (Волгоград) «Своеобразие ономастики территорий позднего заселения». Тема вторичной ономастической номинации затронута в докладе Е. А. Бурмистровой (Рига) «Топонимы Поволжья в названиях произведений живописи».

На втором, заключительном, пленарном заседании было заслушано 4 доклада.

Е. Н. Полякова (Пермь) подвела некоторые итоги изучения отдельных вопросов русской антропонимии Прикамья на протяжении двух последних десятилетий и отметила, что за это время накоплен большой материал для обобщающей работы, которая могла бы явиться одной из составляющих «Русской исторической антропонимии». Она наметила ряд проблем, нуждающихся в решении для осуществления этой задачи.

С большим интересом был заслушан доклад Т. А. Исаевой (Горький) об урбанонимии (совокупности собственных имен внутригородских объектов) г. Горького. В докладе А. Г. Митрова (Элиста) «Топонимические катаклизмы в Калмыкии» говорилось о необходимости восстановления географических названий, исторически сложившихся на территории проживания калмыцкого этноса. Н. Х. Максютова (Уфа), рассмотрев тюркские космонимы и связанные с ними легенды, поверья, приметы, отметила, что они содержат интересный материал для изучения мифов, воззрений, мироощущения, фантазии, художественного восприятия человеком космических явлений.

Шестая конференция по ономастике Поволжья, по единодушному мнению ее участников, прошла успешно. Они выразили благодарность оргкомитету за четкую организацию работы, за содержательную и разностороннюю культурную программу, которая дала возможность познакомиться с культурной жизнью Волгограда, его славным историческим прошлым.

Т. П. Федянин

Примечания

¹ Шестая конференция по ономастике Поволжья. 26—28 сентября 1989 г. Тез. докл. сообщ. / Редколл.: Р. Ш. Джарылгасинова, А. А. Северьянова, В. И. Супрун, Т. П. Федянин. Волгоград, 1989. 179 с.

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В июне 1989 г. в соответствии с планом проведения летней учебной практики первого курса состоялась экспедиция в г. Косово Ивано-Франковской области и в близлежащие села, богатые разнообразными видами гуцульского народного искусства. В ней участвовали 10 студентов отделения художественной керамики Львовского государственного института прикладного и декоративного искусства (рук. — преподаватель В. А. Гудак).

В ходе практики студенты познакомились с экспонатами музея Косовского техникума народных художественных промыслов им. В. И. Касияна и Косовского музея гуцульского народного искусства, а также побывали в Косовском художественно-производственном комбинате, где наблюдали производственные процессы в ряде цехов (керамическом, резьбы по дереву и др.).

Задача экспедиции — изучение и освоение историко-этнографических и художественных особенностей керамики Гуцульщины.

В ходе экспедиции собраны историко-этнографические материалы, характеризующие местное народное искусство: выполнены фарфоровые зарисовки изделий известных гуцульских народных гончаров, как прошлого (О. Бахматюк, М. Баранюк, П. Цвилюк, Кошак и др.), так и настоящего времени (А. и В. Швец, В. Аронец, М. Кикоть, Билянская, В. Джуранюк и др.).

Собранные материалы хранятся на отделении художественной керамики ЛГИПДИ и будут использованы студентами при проектировании курсовых и дипломных работ, при подготовке научных докладов и исследований на студенческих научно-творческих конференциях Института или других художественных форумов страны.

В июле-августе 1989 г. старший преподаватель кафедры Художественной керамики ЛГИПДИ В. А. Гудак провел экспедицию в местный в прошлом гончарный центр Подолы — поселок городского типа (бывший райцентр) Смотрич Дунаевского района Хмельницкой области УССР.

Цель экспедиции — сбор и изучение традиционных и бытующих здесь видов народного искусства для пополнения научно-методического фонда кафедры.

В результате экспедиции на черно-белую фотопленку засняты и отпечатаны фотографии, изображающие деревянную мебель (стол с ис-

кусно выполненными на токарном станке ножками), разнообразные виды жилища и хозяйственных построек, наружные двери домов, интересные, выполненные в кустарных условиях занавески для окон, деревянные и каменные изгороди.

Примечательной особенностью местного жилища являются встречающиеся здесь дымоходы с четырьмя отверстиями изысканной формы. Круглые или четырехугольные в плане, они представляют собой определенный архитектурно-декоративный элемент.

Сделано много снимков с гончарных изделий М. К. Карповича (1927 г. р.). Это подвазонники, украшенные рядом прямых и волнистых линий, нерасписные макитры (большие миски), кувшины, в верхней части украшенные полосами из прямых линий и зигзагообразных пятнышек, вазообразные кувшины с ручкой, украшенные в верхней части прозрачной глазурью и четырьмя гравированными линиями, опоясывающими предмет.

Собран материал по технологии изготовления керамики.

Издавна здесь изготавливали черно- и серо-дымленную посуду и игрушки. Но особой известностью пользовались смотричские расписные миски. С XVI в. в регионе существовал гончарный цех¹.

Посуду делали с белым, желтым и красно-коричневым фоном, расписывали ее элементами геометрического и растительного орнамента. Особенно интересны композиции с птицами на мисках и полумисках, выполненные при помощи рожкованной и фляндрованной росписи.

Емкость мисок прежде обозначали здесь следующим образом: миска, емкостью в 1,5 л. — «30 мисок на штуку»; емкостью в 1 л. — «40 мисок на штуку»; емкостью в 0,5 л. — «60 мисок на штуку» (*кона*); емкостью в 200 гр. — «100 мисок на штуку» (*сотка*).

В начале XX в. по словам старожилы в Смотриче работало 28 гончаров. До Великой Отечественной войны здесь существовала гончарная артель.

Собранный материал хранится у автора.

В. А. Гудак

¹ Матейко К. І. До історії української народної кераміки // Матеріали з етнографії та художнього промислу. Київ, 1954. Вип. 1. С. 19.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

© 1990 г.

История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988. 568 с.

Рецензируемая книга завершает трехтомную серию «История первобытного общества», первые два тома которой вышли в 1983 и 1986 гг. Как явствует из подзаголовка, она посвящена эпохе, когда первобытное общество перестает быть самим собой, когда в его недрах проходят процессы, ведущие к формированию раннеклассового общества. Эпоха классовообразования — это самостоятельная и ключевая эпоха в истории человечества, поэтому данную книгу следует рассматривать не только и не столько как завершающий том серии, но прежде всего как самостоятельный труд.

Книга состоит из шести глав, очень неравновеликих (от 24 до 135 с.), но в определенной равнозначных по важности рассматриваемых в них тем: это производственная база первобытного общества в эпоху его разложения на классы (гл. I), механизмы социализации (гл. III), демографические и этнические аспекты (гл. IV), формы общественного сознания в их развитии (гл. V), наконец, формы отношений между сформировавшимися классовыми и контактирующими с ними первобытными обществами (гл. VI). Особняком должна быть поставлена гл. II (с. 140—270) «Возникновение частной собственности, классов и государства». Явно не случайно этот заголовок перекликается с названием классической работы Ф. Энгельса, и хотя слово «семья» в нем не фигурирует, последний раздел главы посвящен «обособлению семьи и его социальным последствиям». Глава эта, безусловно, занимает центральное место в книге, и ее положение вполне оправдано. В первой, «производительной», главе рассматриваются главным образом производительные силы; вторая глава по существу посвящена в основном производственным отношениям; все же последующие главы имеют дело или иначе с явлениями надстроечного характера.

Глава первая — «Производственные предпосылки разложения первобытного общества» (автор В. А. Шнирельман) — самая большая в книге и самая богатая фактическим материалом (в 256 с. как к этой главе содержится ссылка почти на полтысячи публикаций), так что сама по себе эта глава равноценна самостоятельной и довольно исчерпывающей монографии. Мы находим здесь свод археологических и этнографических данных о динамике производительности разных форм земледелия с момента его возникновения и до формирования классового общества; очерк развития скотоводства и сложения кочевничества; анализ своеобразных высших вариантов присваивающего хозяйства, по продуктивности эквивалентных ранним производящим; историю металлургии вплоть до производства железа; очерк ремесленного производства и обмена в предклассовых обществах. Такой всеобъемлющей и сконцентрированной сводки новейших сведений по экономике предклассовых обществ (большинство источников относится к 80-м годам) еще не бывало не только в советской, но и в общемировой науке.

Следует сделать и некоторые частные замечания по этой главе. Автор почти повсюду дает системную датировку, типа VII (VI) тыс. до н. э. Следовало бы для массового читателя пояснить в чем сущность такой двойной датировки. Льняное масло и льняное семя (см. с. 26) использовались в пищу не только «первоначально», но и до самого недавнего времени, а в античности особенно широко. Вряд ли можно некритически полагаться на письменные документы о том, что в микенскую эпоху в Пилосе 400 бронзолитейщиков обходились одной тонной бронзы в год. Но в целом преимуществу не престижно-ритуальное, а не производственное использование бронзовых изделий сомнений не вызывает, и можно было бы привести подтверждающие параллели из истории бронзы в Восточной Азии.

Стати, уделив много места истории земледельческих орудий — мотыг, бороздковых орудий сох и рал и отказав камню и рогу в пригодности для изготовления деталей упругих орудий (с. 24), автор все же не выявил соотношения между деревом, бронзой и железом в качестве материалов для рабочей части (лемеха, лезвия, оковки) земледельческих орудий и лишь вскользь вернулся к этому вопросу позже (с. 77).

К числу явных достоинств статьи нужно особо отнести детализацию моделей эволюции ко-

ства (с. 48—50) и разбор амбивалентности престижной позиции ремесла, особенно кузнечного, в разных обществах (с. 91—94).

Глава вторая (автор Л. Е. Куббель), как уже сказано, занимает в книге центральное место, так как такие кардинальные процессы, в ходе которых явления, описанные в других главах, служили бы предпосылками, либо следствиями.

Наиболее важными моментами, продемонстрированными в этой главе, являются следующие. Прежде всего это примат земельной частной собственности над любыми другими видами собственности, и поздний и постепенный характер возникновения полной личной земельной частной собственности, к которой общество приходит через корпоративную, семейную, «двойную» и прочую групповую собственность, противопоставленную общинной, т. е. коллективной. Далее, это показ при всем его универсальном характере бесспорной многоплановости и вариативности процессов перехода от патриархального рода к отцовскому и непрямого дальнейшего перехода к патриархальному роду, отсутствия прямой связи этих процессов с уровнями и стадиями общественного развития, формами хозяйства и другими факторами. Наконец, это анализ трех путей политогенеза — военного, плутократического и плутократического при показе реального переплетения и взаимодействия этих путей.

Говоря о соотношении матри- и патрилинейности, экзо- и эндогамии родовых и родоподобных аналогических групп, следовало бы, видимо, упомянуть те редкие, но все же засвидетельствованные случаи перехода от патри- к матрилинейности (народы Суматры) и существование таких «клас- (как у эскимосов), которые не являются строго ни экзо-, ни эндогамными.

Глава третья (автор Л. А. Файнберг) «Механизмы социализации» посвящена механизмам социализации в разных вариантах первобытного и раннеклассового общества. При показе очень большой вариативности общественных подходов к каналам социализации автор делает общий вывод, что по мере подхода к порогу классовости воспитательный прессинг ужесточался, менялось приобретаемое негалатитарные аспекты и содержание инициаций.

Чрезвычайно интересные данные и соображения собраны в главе четвертой — «Демографическая и этническая ситуация». Ее автор В. П. Алексеев оперирует данными могильников и других археологических памятников, привлекает для экстраполяции историко-этнографические материалы. Такая процедура, которая при всей ее неизбежной умозрительности принципиальных возражений не вызывает, обратимся к его выводам. С их помощью можно констатировать очень малую продолжительность жизни и быструю смену поколений при популяциях, состоящих в основном из трудоспособных индивидов, с малым числом стариков и (при высокой детской смертности) не очень большим числом детей. Отметим, что это в целом вполне соответствует структуре ныне наблюдаемых доземельных обществ.

При определении численности человечества в разные эпохи до сих пор чаще всего опираются на данные американского демографа Э. Диви, согласно которым она в верхнем палеолите была около 1 млн. человек, к мезолиту возросла до 5 млн. с лишним, а в неолите, на рубеже эпохи металла, достигла 80—90 млн. В. П. Алексеев корректирует эти цифры следующим образом: для верхнего палеолита устанавливает численность около 2,5 млн., а в мезолите предполагает, что мог иметь место даже обратный регресс численности населения. Это предположение, на наш взгляд, заслуживает всякой поддержки. На начало разложения позднеродовой общины (V—IV тыс. до н. э.) предполагается цифра в 4 млн. человек. Нам она представляется, возможно, несколько заниженной по ряду причин, но, конечно, ближе к истине, чем исчисления в несколько десятков миллионов, которые дают только Диви, но даже и гораздо более осторожные авторы оценок. К середине II тыс. до н. э. расширение земледелия приводит к численности примерно в 90—100 млн. человек. Дополнив, что по более распространенным расчетам, за 15 веков до рубежа н. э. эта цифра примерно удвоилась или же почти утроилась; следующее удвоение потребовало также 15 веков (около 500 млн. в XV веке), еще одно удвоение (примерно до 1 млрд. в начале XIX в.) — трех веков. Ясно, таким образом, демографический прирост коррелирован усложнением социальной структуры общества, тогда как для первобытного общества более характерен демографический гомеостаз.

В этой же главе продолжена и обоснована весьма последовательная с точки зрения выделяемых периодов новая типология этнических общностей на закате первобытности. Завершает главу очерк историческом распределении языковых семей мира в эту эпоху. При всей своей (вполне понятной) схематичности нарисованная здесь картина, пожалуй, наиболее соответствует современному уровню лингвистических знаний. Заметим лишь, что тезис автора, «что южные территории Средней Азии и Южной Сибири были тем коридором, который был заселен племенами, объединявшими лингвистических предков северокавказских народов и протоиндоевропейцев», приобретает особое значение, если подкрепится предположение о принадлежности буришков к этой же макросемье.

Глава пятая — «Эволюция общественного сознания» написана авторским коллективом в составе А. Фролова, О. Ю. Артемовой, В. Я. Петрухина, А. И. Першица. Содержание этой главы очень широко и объемлет по существу все духовную и соционормативную культуру рассматриваемого периода. Здесь собрано много ценных материалов, показывающих разнообразие ситуаций в этой области, но не сформулирован эксплицитно ряд явно напрашивающихся выводов, в частности: с усложнением социальной структуры общества уровень абстрактных знаний резко возрастает, но уровень конкретных может даже снизиться; и если в элитарных слоях уровень духовности жизни часто растет (хотя и не всегда), то уровень всеобщности способностей к творчеству снижается.

Глава шестая — «Первобытность и классовые общества» (авторы А. И. Першиц и Л. Е. Куббель) посвящена отношениям первобытной периферии с классовыми обществами разных уровней. «Контакты ускоряли развитие тех синполитических обществ, которые были к моменту их начала уже развиты, но, как общее правило, замедляли развитие и усиливали отставание синполитических обществ отсталых» (с. 491).

Заключение (автор А. И. Першиц) относится не только к данному тому, но и ко всей серии. В нем характеризуются причины, по которым в истории первобытности столь много спорно и делается попытка выяснить, что же все-таки может считаться бесспорным. Сюда, по мнению автора, относится более раннее появление труда, чем мышления; *Homo habilis* (т. е. «человек умелый» еще не человек, и его орудия еще не орудия человеческого труда; тот тезис, «что в развитии первобытного общества община была немислима без рода, а род — без общины» (с. 548); «что в первоначальный род — всегда материнский» (с. 549); наконец, универсальность племени.

Можно себе представить, какой гул вызвала бы в аудитории любого международного форума этнографов такая декларация «бесспорности» этих положений.

И тем не менее можно согласиться с последними строками книги «... что в принципе первобытная история покоится на таком же прочном фундаменте, как и остальные разделы марксистской исторической науки» (с. 550). Прочность этого фундамента, как нам представляется, не в том, что на нем могут быть воздвигнуты «бесспорные» положения, а в том, что опираясь на него, историки могут уклонно продвигаться от более спорных положений к менее спорным.

Отношение рецензента к основным положениям данного тома уже было в какой-то мере показано при разборе отдельных глав. Поэтому, заключая рецензию, я хочу коснуться уже не столько содержательной стороны, сколько вопросов формы.

Хотя различия авторских стилей и ощущаются, в чем, конечно же, нет ничего плохого, в целом можно сказать, что все главы тома написаны хорошим, ясным языком, хотя иногда авторы предъявляют завышенные требования к эрудиции своих читателей (выражения «вроде известного „парадиза Салинза“» (с. 539), «удовлетворительное решение „аустралийской контroversы“» (с. 549) и т. следовало бы разъяснить).

Том, несомненно, подвергся тщательному компетентному редактированию. И все же вызывает удивление разноречие в транскрипции разных глав, как отмеченные в глоссарии, типа Ферз — Фей Ивенс — Эванс, так и не отмеченные, как Полани (с. 145) — Полани (с. 122), Поспишил (с. 151), Посписил (с. 458), а уж П. Фейош и вовсе превратился в Фехоса.

В книге весьма немного опечаток, но все же некоторые из них досадны, так как способны помешать дезинформацию: «квизи» на с. 450 вместо «кипу», «мегалитические» истоки неолита вместо «мезолитические» (с. 330), «арауканские вожества на Ганти» (очевидно, вместо аравакских см. с. 388).

Все это, может быть, и воспринимается как мелочные придирки, но они продиктованы желанием видеть эту книгу, составляющую определенную веху в развитии нашей науки, свободной от таких шероховатостей. А в том, что эта книга действительно является существенной вехой и сослужит добрую службу и специалистам, и студентам, и даже более широким кругам, заинтересованным в историческом знании, сомнений быть не может.

С. А. Арутюн

© 1990 г.

Ю. В. Павленко. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. Киев, 1989.

Проблема становления классового общества и оценка формационной принадлежности ранних классовых структур всегда были в центре внимания марксистской исторической науки. В последние годы актуальность этих вопросов еще более возросла, и научные исследования в этой области оживились. Связано это с рядом факторов: во-первых, кумулятивный процесс введений в научный оборот все новых и новых источников вывел науку на качественно новый рубеж, требующий переоценки многих прежних представлений; во-вторых, наступление периода гласности в нашей стране, установка на плюрализм мнений благотворно сказались на научной атмосфере, позволили открыто высказывать идеи и разрабатывать концепции, идущие вразрез с теми «общепринятыми» представлениями, которые годами царили на страницах наших научных изданий; наконец, в-третьих, нарастание в советском обществе социальной неоднородности, которое давало себе знать особенно в последние годы, показав воочию ложность представления о «монolithicном единстве» советского народа, которое в течение многих лет навязывалось нам средствами массовой информации. Отмечу, кстати, что с введением на полную мощность тех новых экономических механизмов, которые с таким трудом пробивают себе дорогу, гетерогенность эта будет усиливаться. И это делает изучение процесса классовообразования и характера раннеклассовых обществ особенно актуальным.

Поэтому рецензируемая книга представляется своевременной и весьма полезной. Однако научное значение состоит даже не столько в этом, сколько в методологическом подходе, заключающемся в себе скрупулезный анализ диалектики общего и особенного. Об этом свидетельствует и многообещающее название, выражающее желание автора избегать чрезмерных генерализаций укороенившихся в нашей теоретической науке, изучающей исторический процесс, в частности классовообразование. Вместе с тем переход от общих представлений и концепций к конкретным исторической реконструкции — очень непростая процедура¹, методы которой еще предстоит детально разрабатывать. Во всяком случае одно сейчас безусловно ясно: нельзя механически без должной критической оценки переносить представления об общих закономерностях развития, разработанные теоретиками, на частную картину, подлежащую реконструкции, так как исторический процесс чрезвычайно сложен и вариативен и в каждом конкретном случае так или иначе отклоняется от теоретической генерализованной модели. Кроме того, надо всегда помнить и о том, что каждая новое изучение какого-либо конкретного процесса может заставить нас вносить коррективы в уже выработанную ранее генерализованную модель.

Вологодская областная универсальная научная библиотека

Чувствуя имеющиеся здесь сложности и подводные течения, автор совершенно закономерно логично построил свое изложение в нескольких планах. Вначале он детально анализирует различные научные взгляды на проблему классовообразования и рассматривает общую модель возникновения раннеклассовых обществ, а затем переходит к детальному анализу конкретно-исторического процесса в лесостепной зоне Украины. Особенно отраднo, что одной из главных задач этого исследования автор считает выявление и объяснение *путей и стадий* развития общества в рамках докапиталистической классовой формации (с. 6). По сути дела такая постановка задачи является возвращением к идеям К. Маркса, который ставил и пытался решить задачу выделения различных вариантов и путей развития внутри архаической формации, что неоднократно и совершенно справедливо подчеркивает сам автор (с. 4, 5, 11—18) и чему было посвящено специальное исследование М. А. Виткина².

Остается только пожалеть, что автор не использовал последнее в своей работе, так как это бы ему позволило более точно формулировать некоторые свои положения, а также находить единственную опору своим мыслям в трудах классиков марксизма. Так, достаточно спорным представляется утверждение автора о том, что «основополагающим критерием выделения отдельных стадий общественно-экономического развития для К. Маркса были не формы собственности, а ступени развития производительных сил» (с. 5). Но ведь известно, что различить предклассовые и раннеклассовые общества по уровню развития производительных сил практически невозможно. Да и окружающая нас действительность XX в. делает этот подход более чем спорным. Ведь и Маркс, формулируя еще в 40-е годы XIX в. свои представления о стадиях исторического развития, одним из важнейших показателей считал формы собственности³.

В уточнении нуждается и, например, вопрос о том, когда К. Маркс и Ф. Энгельс впервые проявили интерес к особенностям экономических и политических отношений на Востоке. Это произошло не в 50-х (с. 12), а еще в 40-х годах XIX в.⁴.

В целом же автору, несмотря на лаконичность изложения, удалось нарисовать достаточно выразительную картину эволюции идей о классовообразовании, начиная от взглядов классиков марксизма и вплоть до наших дней. Еще раз надо подчеркнуть, что благодаря его тонкому аналитическому подходу убеждаешься в стремлении Маркса и Энгельса избежать какого-либо схематизма, вырабатывая достаточно дифференцированный подход к различного рода обществам. Об этом свидетельствуют хотя бы цитируемые Ю. В. Павленко слова Маркса о том, что «не все первобытные общества построены по одному и тому же образцу» (с. 15), поистине пророческие слова, подтверждаемые ныне массой этнографических данных. Совершенно правильно подчеркивается и идея Маркса о двух путях классовообразования (с. 16—17), подхваченная и развитая в последние годы целым рядом советских исследователей и играющая важную роль в авторской концепции. К этому можно было бы добавить, что к 80-м годам XIX в. у классиков марксизма начала зарождаться мысль о том, что «Восток» и «Запад» — это не стадии одной общественно-экономической формации, а разные типы обществ⁵. Знаменательно, что и автор приходит к выводу о том, что древневосточные и древнеевропейские раннеклассовые общества являлись разными типами социальных структур, появившихся в результате принципиально различных эволюционных процессов (с. 260 и сл.).

Если в принципе некоторые советские авторы в той или иной степени уже пытались развить эту идею, указывая, в частности, на особенности землевладения и землепользования, характерные для различных связей и типов эксплуатации, то безусловно самостоятельным и оригинальным вкладом автора является анализ некоторых существенных особенностей раннего ремесла и его роли в процессе классовообразования в разных регионах мира. Так, одним из основных в авторской концепции является тезис о том, что рост производства в жизнеобеспечивающей сфере экономики раннеземледельческих цивилизаций происходил не за счет усовершенствования орудий труда, а путем введения новых принципов организации труда, под которыми автор понимает коллективную работу и хозяйственную специализацию отдельных общин (с. 93). Разумеется, оговаривается и были и иные способы повышения эффективности производства, например селекция растений, выведение новых пород скота, рост объема агротехнических знаний и т. д., и их нельзя недооценивать. Иллюстрируя это положение автора, можно вспомнить, что огромную роль в хозяйственной эволюции Передней Азии в предклассовый период сыграло введение и развитие ирригации, развитие пашенного земледелия, распространение садоводства, выведение шерстных и молочных пород скота, начало использования животных под вьюк и в виде тягловой силы — и на этой основе общинной и региональной специализации. А, например, в Мезоамерике в предклассовую эпоху сложилось своеобразное сочетание очень разных земледельческих систем, были выведены высокоурожайные сорта маниса, начался расцвет поликультурного земледелия.

Впрочем, мысль автора о том, что в некоторых, прежде всего архаических земледельческих цивилизациях, рост производства осуществлялся главным образом за счет организационных агротехнических факторов, а в других случаях — за счет усовершенствования земледельческих орудий (в частности, изготовления их из металла — с. 84—85), представляется мне плодотворной, и требующей дальнейшей разработки и корректировки. Так, можно было бы отметить, что в древнейших цивилизациях Передней Азии, Египта и долины Инда в III тыс. до н. э. определенную роль в развитии сельскохозяйственного производства сыграли появление и использование мощных орудий, т. е. и здесь происходило совершенствование земледельческих орудий. Правда, в ранние орудия были малоэффективны и, разумеется, не имели первостепенного значения для сельского земледелия. Во всяком случае ясно, что обсуждение проблемы роста производительных сил в ходе классовообразования нельзя сводить лишь к анализу орудий труда. Последнее иногда идет к неверным выводам⁶. Это надо иметь в виду особенно при работе с археологическими материалами, специфика которых в силу особенностей этих источников такова, что исследователь

может невольно искусственно преувеличить роль орудий труда за счет приуменьшения роли других видов производительных сил.

Как бы то ни было, авторская концепция содержит в себе дифференцированный подход к оценке роли и места ремесла в ранних цивилизациях. По мнению автора, который опирается на массовые археологические и исторические источники, первоначальное ремесло в основном обслуживало интересы знати и было прежде всего источником престижных вещей. В отношении металлургии это диктовалось тем, что медь и бронза являлись редкими и дорогостоящими видами сырья и металлические сельскохозяйственные орудия более или менее широко не применялись лишь к концу бронзового века⁷. Ситуация коренным образом изменилась в раннем железном веке, когда процесс классового образования охватил новые территории с иными социальными системами и иной природной средой, где железные сельскохозяйственные орудия сыграли важную роль в классовом образовании.

Однако в этом отношении ситуация во многих районах Африки к югу от Сахары мало отличалась от европейской. Вместе с тем Тропическая Африка представляется автору стоящей как бы особняком в силу своеобразия своего пути классового образования (с. 148—150), хотя к сожалению, это и не находит места в авторской концепции, подразделяющей раннеклассовые общества на древневосточные и древнеевропейские (с. 262).

В целом, как мне представляется, стремление современных советских исследователей, в том числе автора данной монографии, дать более подробную типологию древних цивилизаций и путей классового образования можно только приветствовать как весьма перспективную и многообещающую линию в нашей науке. Но для этого еще предстоит уточнить и углубить многие наши представления, что в свою очередь требует дополнительного изучения некоторых проблем, часть из которых традиционна для нашей науки. В частности, по мнению Ю. В. Павленко, «раннеклассовое является всякое эксплуататорское общество, в системе которого отсутствуют частная собственность на основное средство производства (землю) и прибавочный продукт, товарно-рыночное производство ...» (с. 258—259). Прямо противоположного придерживался Л. Е. Куббель, считавший, что товарное производство и частная собственность являлись главными предпосылками разложения первобытного общества и классового образования⁸. Некоторые другие советские авторы, если и пишут о частной собственности в раннеклассовых обществах, то в особом смысле. Так, развивая некоторые идеи Маркса о сущности бюрократического восточного государства, Ю. И. Семенов говорит о «феодальной, или групповой, частной собственности бюрократического государственного аппарата, определяющей ее как «политарную»⁹. По сути дела сходных взглядов придерживается и Ю. В. Павленко (с. 6—7). Это — не что иное, как ранние представления Маркса и Энгельса об «азиатском способе производства», которые резюмированы М. А. Виткиным следующим образом: «Частная собственность на землю отсутствует. Экономической основой эксплуатации служит государственная собственность на землю и воду»¹⁰. Кроме того, это «власть-собственность» (по Л. С. Васильеву), т. е. понятие, которым широко пользуется автор.

Оценивая такую систему взглядов, получившую у нас в последние годы определенное распространение, следует также напомнить, что в 70—80-е годы XIX в. Маркс и Энгельс начали критический пересмотр своей первоначальной идеи государственной собственности на землю на Востоке и пришли к выводу о неправомерности отождествления там ренты с налогом¹¹. Для выяснения этой проблемы представляется необходимым проведение более детальных и целенаправленных исследований систем землевладения, зависимости и эксплуатации в раннеклассовых обществах. К примеру, уже сейчас можно утверждать, что эти системы были далеко не едиными. Известны случаи, когда помимо доходов, поступающих царскому двору путем дани и налогообложения, имелся и иной источник доходов, связанный с землями, принадлежавшими лично царю и обрабатывавшимися свободными общинниками путем трудовой повинности. Имелись и иные источники поступлений в царскую казну, свидетельствующие о многообразии форм эксплуатации в раннеклассовых обществах. Так, Н. Б. Коцаковой удалось насчитать до 11 таких источников в странах побережья Бенинского залива¹².

Возможно, ключ к решению этой проблемы могло бы дать углубленное изучение характера и путей модификации социальных связей в процессе классового образования. Ведь еще Маркс делал человеческую историю на две основных эпохи — естественную (или первобытную) и общественную (или цивилизованную), отмечая, что первая базировалась на личностных связях; вторая — на экономических. А промежуточный переходный период характеризовался сложным сочетанием тех и других. Действительно, имеющиеся сейчас данные сравнительной этнографии свидетельствуют о первостепенной важности личностных связей как в эпоху классической первобытности, так и в период классового образования, когда вес человека в обществе определялся прежде всего размерами его социальной сети. И именно ради развития последней человек стремился наращивать свою производственную деятельность. Отсюда нормативное требование проявлять щедрость и, начиная с этого, неприязненное и даже враждебное отношение к накоплению материальных ценностей. Отсюда и весьма широко распространенное восприятие богатства как наличия прочной социальной опоры среди многочисленных родственников и друзей, а не только обладания какими-то материальными благами. Отсюда расцвет престижно-социальных церемоний, значение которых сохранилось и во многих раннеклассовых обществах. Отсюда же и прослеживаемая в истории эволюция от дружеской взаимопомощи до лояльности вначале к неформальному лидеру, а позднее и вождю лояльности, которая выражалась в личной преданности именно властителю, а не какой-то абстрактной территории или государству (последнее в силу указанных причин нередко отождествлялось с личностью властелина). Иначе говоря, на заре истории, в том числе и в процессе классового образования, задачи производства были подчинены стратегии, связанной с установлением и укреплением личностных отношений, тогда как в развитом классовом обществе, например

ые отношения поставлены на службу экономическому интересу, получению экономической выгоды. С этой точки зрения, на эволюционной исторической шкале раннеклассовые общества уходят, по-видимому, на рубеже этих двух эпох. А поэтому для понимания их становления специфика следовало бы, возможно, преимущественное внимание уделить именно эволюции местных, иначе говоря, социальных отношений. И тогда вопрос о земельной собственности был бы подобающее ему далеко не первое место, и стало бы понятно, почему общины, являвшиеся полноправными владельцами земли, все же были обязаны платить налог государству — исполнять всевозможные повинности.

Вопрос о преобладании социального фактора в первобытности над экономическим имеет двустороннюю сторону, которая связана с предпосылками и факторами самого процесса классовообразования. В связи с этим трудно согласиться с мыслью, что «неолитическая революция (а автор имеет под ней переход к производящему хозяйству. — В. Ш.)... выступает в роли решающего фактора формирования эксплуататорских отношений или, точнее, тех предпосылок, которые определили их становление» (с. 75). Ведь на самом деле те важные сдвиги, которые В. М. Массон и некоторые другие авторы связывают с возникновением земледелия и скотоводства, сплошь ином наблюдались в обществах охотников, рыболовов и собирателей, ведущих высокоэффективное присваивающее хозяйство¹³. Поэтому более основательной мне представляется точка зрения А. Башилова, связывающего процесс классовообразования с появлением «прибавочного» (правильнее избыточного. — В. Ш.) продукта независимо от того, в рамках какого именно хозяйства последний был получен. Да ведь и автору не столь уж чужда эта позиция, когда он критикует идею за неумение провести различия между этапами хозяйственно-культурного развития и социальными сдвигами (с. 39), или когда он отмечает, что на базе присваивающего хозяйства мог быть достигнут тот же уровень производительности труда, что и при ранних этапах производящего хозяйства (с. 77. Ср. также с. 80). Что же касается эмпирических данных в пользу этого положения, то благодаря работам археологов их сейчас более чем достаточно. В частности, во многих районах Северной Америки, в том числе в Калифорнии и на северо-западном побережье, стратифицированные общества возникли в рамках высокопродуктивного присваивающего хозяйства задолго до плаваний Колумба¹⁴. И все это — далеко не «редкие случаи» (с. 79). Из последних открытий в этой области можно назвать обнаруженные недавно высокопродуктивные хозяйственные системы в Юго-Восточной Австралии, возникшие там не позднее конца нашей эры. В теоретическом же плане рассматриваемый вопрос решается так, что становление классового общества могло начаться и достаточно далеко зайти в условиях господства присваивающего хозяйства, но не могло окончательно завершиться¹⁵.

Одна из причин разногласий по поводу различных аспектов проблемы классовообразования кроется в крайней фрагментарности имеющихся данных о древних обществах и неоднозначности их интерпретации. И автор совершенно прав, посвятив специальный раздел книги археологическим признакам раннеклассовых обществ. В настоящее время эта проблема волнует многих исследователей и у нас, и за рубежом. Судя по результатам ее анализа разными авторами, чисто историческим путем невозможно выявить грань между классовыми и раннеклассовыми обществами. Отмечу, кстати, что обладающие несравненно более полной информацией историки этнографы также нередко не в силах провести такую грань¹⁶. Сошлюсь хотя бы на нескончаемые споры о формационной принадлежности наиболее развитых из полинезийских обществ. Вместе с тем археология дает возможность достаточно детально проследить процесс нарастания социальной дифференциации. По-видимому, именно здесь археологам и необходимо сосредоточить основные усилия, чем и свидетельствует критический обзор археологических источников, произведенный автором.

Книга Ю. В. Павленко затрагивает огромное количество самых разнообразных сюжетов, из которых может стать предметом отдельного разговора. Например, в ней как будто бы впервые ставится совершенно неразработанная у нас проблема регресса раннеклассовых структур к низинности на этой основе особого типа обществ, которые автор называет «протоклассовыми» (с. 60). Эта проблема, безусловно, требует дальнейшей разработки, хотя более подходящим для обществ такого типа представляется термин «параклассовые». Не менее важными проблемами, которые поднимает автор, являются соотношение этноса и археологической культуры, эволюция характера древних городов, особенности древней торговли и товарно-денежных отношений и пр. Как видно из вышесказанного, несмотря на то, что многие из этих проблем дискуссионны, мы не получили окончательного решения, сама их постановка и попытка их комплексного анализа в рамках единой авторской концепции являются чрезвычайно полезными, будоража ум исследователей и стимулируя развитие новых нетривиальных подходов. Появление рецензируемой книги является несомненной удачей молодого автора, который в дальнейшем, несомненно, будет развивать и уточнять отдельные моменты своей концепции.

В. А. Шнирельман

Примечания

¹ Барг М. А., Черняк Е. Б. Исторические структуры и исторические законы // Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979; Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1980. С. 131 и сл.; История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропологии. М., 1983. С. 83.

- 2 Виткин М. А. Восток в философско-концептуальной концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. 1972.
- 3 См., например, Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 20—24. Ср.: Виткин М. А. Указ. раб. С. 34 и сл.
- 4 Там же. С. 95.
- 5 См.: История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988. С. 128, прим.
- 6 Ср.: Там же. М., 1988. С. 75, 76, 91 и сл.
- 7 Там же. С. 143.
- 8 Семенов Ю. И. К вопросу о первой форме классового общества // Уч. зап. Красноярск. гос. пед. ин-та. Красноярск, 1957. Т. 9. Вып. 1; Его же. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагматизм и аграрные отношения // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980. С. 111 и сл.
- 9 Виткин М. А. Указ. раб. С. 8, 53.
- 10 Там же. С. 86—87.
- 11 Кочакова Н. Б. Рождение африканской цивилизации. М., 1986. С. 262.
- 12 Подробнее см.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М. 1986. С. 334—336, 444—452; История первобытного общества. Эпоха классового образования... С. 50—51.
- 13 Шнирельман В. А. Древние культуры и цивилизации // Коренное население Америки в современном мире. М., 1990.
- 14 История первобытного общества. Эпоха классового образования... С. 141—142.
- 15 См., например: Киселев Г. С. Доколониальная Африка. Формирование классового общества. М., 1985. С. 109.

© 1990 г.

Ph. K. Bock. Rethinking Psychological Anthropology. Continuity and Change in Study of Human Action. N. Y., 1988. 254 P.¹

Рецензируемая книга представляет собой историко-теоретический анализ развития психологической антропологии и размышление над проблемами, стоящими перед ней в 1980—1990 гг. Монография Ф. К. Бока, написанная на основе курса лекций, читаемых в университете Нью-Мексико в течение 20 лет — это один из вариантов видения психологической антропологии на современном этапе ее развития, отмеченном появлением серии фундаментальных трудов, обобщающих поиски и достижения в этой области знания.²

Психологическая антропология — «междисциплинарная область, развитие которой определяется взаимодействием антропологических проблем и психологических теорий» (р. XI). Главная ее задача, по мнению Ф. К. Бока, «понять взаимоотношения между индивидуальными и социальными культурными явлениями» (р. I). Фундаментальную роль в ней играют конкретно-исторические исследования самых различных направлений. Поэтому, нередко как синоним «психологической антропологии» употребляют термин «этнопсихология», отражающий специфику объекта исследования — этнические общности. Не случайно, что и книга Ф. К. Бока отнесена к рубрике «этнопсихология» в библиотеке конгресса США.

Организирующим принципом построения рецензируемой монографии является классификация «школ и подходов» психологической антропологии, предложенная автором. В ней он, используя таксономические единицы различного уровня (школа более общая, чем подход) стремится в историческом и логическом плане дать исчерпывающее представление относительно области исследований рассматриваемой дисциплины. Всего Ф. К. Бок выделяет четыре школы. Первая — психоаналитическая антропология (подходы — ортодоксальный, неопрейдизм). Вторая — культура и личность (конфигурационализм — основная и модальная личность, национальный характер, кросс-культурный подход). Третья — социальная структура и личность (подходы — материалистический, позитивистский, интеракционистский). И, наконец, четвертая — когнитивная антропология, состоящая из исследований первобытного мышления, анализа проблем человеческого развития и этносемантики (р. 42). Классификация школ и подходов, предложенная Ф. К. Бок, позволяет охарактеризовать область исследований психологической антропологии как в хронологическом, так и в структурно-предметном аспектах. Правда, автор, значительно и, как представляется, недостаточно обоснованно расширяет временные рамки анализируемой дисциплины. По его мнению психологическая антропология начинает свое существование с 1848 г. (с работ К. Маркса и Ф. Энгельса) а не с исследований американских антропологов 20—30 гг. XX в., как считает большинство американских антропологов. Практически вся школа «Социальная структура и личность» обычно не включается в психологическую антропологию. Все же ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни Н. И. Бухарин (материалистический подход) не были основателями этой дисциплины ни в историческом, ни в логическом планах. Более обоснованно было бы вести отсчет от Гегеля, неоднократно обращавшегося в своих трудах к этнопсихологии. Едва ли правомочно относить к психологической антропологии труды таких безусловно выдающихся ученых как М. Вебер и Р. Мертон (позитивистский подход). Таким образом, в классификации Ф. К. Бока явно выражена тенденция превращения психологической антропологии из междисциплинарной области в метанауку, далеко выходящую за рамки взаимодействия психологии и антропологии, что противоречит его же исходному определению. В то же время в предложенной Ф. К. Бок классификации (в 1980—88 гг.) не получило отражения наиболее перспективный этнологический подход, хотя он весьма кратко представлен в книге.

Особое внимание в рецензируемой монографии привлекает подробный анализ первых этапов этнопсихологии. Значительное место здесь отводится применению «элементов психоанализа в антропологии», состыковке «динамической теории личности» с актуальными задачами изучения поведения человека в условиях различных культур (р. 23—40). Ф. К. Бок стремится дать активную оценку исследованиям 1930—1940-х гг., выявить их место и значение в историческом развитии психологической антропологии (р. 41—96). Первое, что бросается в глаза при знакомстве с анализом Ф. К. Бока этого периода — это разнообразие подходов в рамках общей задачи — выявить специфику различных культур. Были более интересные и продуктивные исследования, давшие полевым материалам и продуманным обобщениям (например, работы М. Мид). Были неудачи (например, поиски модальности личности А. Кардинера), связанные с произвольным доведением эмпирических фактов, подгонкой результатов полевых исследований под заранее заданный шаблон, абсолютизацией психоаналитических постулатов и т. д. (р. 97—101).

К. Бок полагает, что указанные недостатки стали одной из важнейших причин кризиса психологической антропологии, выразившегося прежде всего в неприменимости прежних средств решения поставленной задачи. На первых этапах развития психологической антропологии казалось невозможным осмыслить богатейший эмпирический материал, организовать его в определенную понятийную структуру, дать ему непротиворечивую интерпретацию.

Возвращаясь к оценке исследований 1930—1940-х гг., следует отметить, что, по мнению К. Бока, это был необходимый этап в развитии психологической антропологии. Результаты исследований этого времени, хотя и подвергались резкой критике, создали основу будущего развития психологической антропологии, открыли новые предметные области. Особо надо сказать об исследованиях, объединенных термином «национальный характер» (р. 79—96). Это анализ национального характера японцев (Р. Бенедикт), немцев (Э. Фромм), славян (К. Клакхон), греков (Д. Рисман «Одинокая толпа», Дж. Горер «Американцы»), французов (М. Мид, Метро) и др. Эти исследования вызвали критику как за рубежом, так и у нас в стране. Основное, в попытках обрисовать национальный характер современных народов наиболее четко проявились недостатки первых этапов развития психологической антропологии. Особенно это видно на примере неоднократных попыток связать особенности характера русских с определенным пеленанием. Но все же подобные исследования не сводились только к «пеленочному детерминизму». В их рамках ведутся поиски этнически обусловленных особенностей характера человека и исторической динамики. Например, в параграфе «Славянская душа» (р. 84—88) Ф. К. Бок описывает разнообразие подходов к анализу этой проблемы. Анализируя «драму русского национального характера», он высказывает согласие с рядом авторов (Клакхон и др.), что она связана несоответствием черт традиционной русской личности идеальному типу, навязываемому капиталистическим строем. Это далеко не бесспорное положение, составленное из абстрактных понятий, все же определенные основания для него в жизни советского общества были и есть. Нужно отметить, что «драма» касается и других народов СССР.

Вызывает сожаление, что Ф. К. Бок не уделил внимания исследованию «национального характера» в современный период, осуществляемому психологической антропологией на новых методических основаниях.

Исследования 1930—1940 гг., для которых было характерно экстенсивное развитие и стремление к результативным показателям личности в культуре, сменяется новой стадией развития, основная направленность которой состоит в разработке понятийного аппарата: идут дискуссии о предмете исследования, решения поставленных задач в рамках теоретических конструкций. В 1960—1980 гг. психологической антропологии были взяты на вооружение новые общепсихологические теории и методы исследования. В их числе современный этап развития когнитивной психологии (р. 175—180), «биологические, ситуационные и экологические детерминанты поведения» (р. 102), этология как синтез полевой методики и теоретической доктрины (р. 159—161).

Ф. К. Бок выделяет наиболее продуктивные, с его точки зрения, направления: когнитивная антропология и применение современных вариантов динамической психологии (психоанализа). По его мнению, именно на путях синтеза подходов этих двух направлений возможно наиболее быстрое развитие психологической антропологии в будущем. Он полагает, что и сейчас в конце 40-х гг. «большой вопрос о том, как мыслят в традиционном обществе, остается во многом без ответа, но мы обладаем новыми методами для его познания» (р. 183). Новейшие исследования, проведенные в традиционных и современных обществах осуществляются вместе с изучением познавательного развития и особенностей восприятия. Важную роль в них играет этносемантика — исследование систем родства, классификаций болезней, терминологии обозначающей цвета, части тела и т. д. с применением лингвистических и логико-математических методов (р. 170—175).

Немало интересных фактов было обнаружено при экспериментально-психологическом изучении восприятия и познания. В частности, с различным решением познавательных ситуаций антропологи выделили два основных «познавательных стиля» — «глобальный», зависимый от характеристик ситуации и «артикулярный», (независимый), которые связаны с процессом дифференциации личности. Значительное место в когнитивном подходе уделено способности человека ориентироваться в существующей ситуации, закрепленной в понятии «познавательная карта». Совокупность познавательных карт — прошлых и наличных, общих и особенных, представление о мире в целом и в конкретной ситуации составляет основу действий человека. Познавательные карты не есть лишь статичный образ внешнего мира, это активные информационные структуры, направляющие наше восприятие, создающие беспрерывный циклический процесс познания. Данную концепцию, изложенную в книге У. Нейсера «Познание и реальность» (1976 г.) разделяет и сам Ф. К. Бок.³ Анализ когнитивной психологии он выступает не только как историк и систематизатор,

но и в качестве оригинального исследователя, изучающего отношение культуры к поведению. Культура, по его мнению, состоит из категорий опыта, связанных с планами действия. «Мы можем предположить существование и структуру этих категорий и планов исходя из вызываемой ими повторяемости вербального и невербального поведения... Я также утверждаю, — продолжает Ф. К. Бок, — что смысл культурных элементов, будь это слово, социальная роль или артефакт, определяется путем соотношения с противоположным однопорядковым типом элементов и ситуации в котором предполагается его наличие» (р. 180). Подводя итог рассмотрению подхода к изучению «восприятия, познания, мышления», Ф. К. Бок подчеркивает, что «все люди обладают общими познавательными способностями» (р. 180). Этим он выражает антирасистскую направленность психологической антропологии, наиболее ярко проявившуюся в межкультурном изучении мышления.

Ф. К. Бок убедительно доказывает необходимость и перспективность когнитивного подхода в психологической антропологии. Тем не менее он не раз настаивал на дополнении его, «на сдвиг с динамическим подходом, с этнопсихиатрией и с анализом социальных основ Я» (р. 209). Наиболее современным направлением совершенствования когнитивной антропологии, а соответственно и всей психологической антропологии, по его мнению, является интеграция с «более эмоционально-ориентированными исследованиями Я» (р. 209). (Я — понимается здесь как предмет собственного восприятия личности, «самость» — self). Ф. К. Бок поддерживает мнение ряда авторов (например, Р. Шведера и Р. Ле Вина), что на основе концепции Я возможен «синтез идей различных дисциплин... антропологии, социальной психологии, социологии» (р. 19). Значение такого подхода для психологической антропологии состоит в возможности изучения становления самосознания как на индивидуальном, так и на групповом уровнях в условиях различных культур. Ф. К. Бок, который сам является автором ряда работ на эту тему, отмечает важность таких исследований для «понимания соотношения социокультурных и индивидуальных психологических феноменов и анализа проблемы устойчивости и изменчивости культур» (р. 20).

В целом в книге Ф. К. Бока представлен оригинальный взгляд на теорию и историю психологической антропологии, интересный еще и потому, что сам автор активно работает в русле ее новейших направлений. Но все же с некоторыми его оценками психологической антропологии трудно согласиться. Так, отмечается важность изучения эмоций, а Ф. К. Бок уделяет этологии человека всего 2 страницы. У него в книге есть и Маркс и Бухарин, но отсутствует гуманистическая психология в целом и в том числе Маслоу (в данном случае логичнее было бы начать с Гегеля). Очень мало места уделено взаимодействию психологической антропологии и экологии. Более того, в работе Уайтинга, Чайлда (1953 г.) дана наивысшая оценка (р. 112—113), а «Проект 6 культур» практически без аргументов зачислен в разряд неудачных (р. 158—159). Еще большее недоумение вызывает очень важная глава об измененных состояниях сознания и душевных расстройствах (р. 185—196). В ней нет даже упоминания об Э. Бургиньоне, крупнейшем исследователе в этой области.

Указанные особенности книги Ф. К. Бока подтверждают мнение о том, что в ней представлен один из вариантов видения психологической антропологии.

В заключение необходимо отметить, что специфика книги такова, что перед рецензентом встает задача — не только оценить книгу, но и ее объект, в данном случае, психологическую антропологию. Что касается самой монографии — то несмотря на некоторую неполноту изложения, она представляет собой веху в изучении психологической антропологии. Рецензент согласен с мнением Ф. Бока, который считает, что психологическая антропология «жива» и способна к продуктивному развитию (р. 102). Психологическая антропология или этнопсихология — ее история, теория, достижения и ошибки важны и для развития аналогичных исследований в СССР. Повышению интереса к подобному роду исследований в нашей стране способствовало бы издание антологии современной психологической антропологии в СССР.

А. А. Бел

Примечания

¹ Данная книга представляет собой переработанное и дополненное издание: *Bock Ph. L. Continuities in Psychological Anthropology*. San-Francisco, 1980.

² См.: Barnouw V. *Culture and Personality*. Chicago, 1985; Shweder R., Le Vine R. *Culture Theory*. Cambridge, 1984; Culture and Self. Marsela A., De Vos G., Hsu F. L. K. N. Y., 1985.

³ Аналогичные проблемы исследуются в рамках темы «ориентировочно-исследовательская деятельность» (П. Я. Гальперин и др.)

М. Г. Рабинович. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; 328 с.: его же. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. 311 с.

Всестороннее изучение древнерусских городов домонгольского времени, связанное прежде всего задачами археологии, продолжает оставаться одной из актуальных задач отечественной исторической науки. Материальная культура русского феодального города последующей эпохи, особенно второй половины XIII—XV в., исследована слабее. Обе рецензируемые монографии, посвященные важнейшим сторонам жизни русских городов за тысячу лет их существования (с IX по XIX в.), своему огромному хронологическому диапазону необычны для советской этнографии. Такой подход, потребовавший от автора огромного труда и универсальных знаний, представляется весьма творческим, так как позволяет проследить городскую культуру в ее развитии. Средневековый город не был застывшим организмом. Экономические и социальные изменения сказывались на всех этапах бытового уклада его населения, что убедительно показано в работе. Вместе с тем следует отметить, что города XVIII — середины XIX в., по моему мнению, уже никак не подходят под определение «феодальных» (хотя это нашло отражение и в самих названиях книг). Включение поздних периодов с точки зрения этнографа вполне понятно, но исторически, безусловно, требовало критического обоснования, что не сделано. Слишком резкий перелом произошел при Петре I, городская культура стала кардинально меняться.

Кстати и принцип хронологического членения соблюден далеко не везде. Если, например, в «Двор и дом» четко выделены периоды (IX—XIII, XIII—XV, XVI—XVII, XVIII—XIX вв.), то здесь нельзя сказать о такой важной главе, как «Город и горожане». Так, в разделе «Планировка и застройка» М. Г. Рабинович пишет: «...радиально-кольцевая планировка городов, исторически сложившаяся в процессе их развития, была характерна для России в X—XVII вв.» (Очерки этнографии... с. 29). Вывод слишком суммарен и не совсем точен: существовали и иные планировочные структуры. В разделе «Ремесла» в одном абзаце соседствуют данные по XII, XIV—XVI и XVIII вв., причем выводы существенно не отличаются (там же, с. 36). Подобные примеры нарушения хронологических градаций, создающие помимо воли автора ложное впечатление о преемственности городских институтов, можно значительно умножить.

Обе книги — в сущности две части единого труда и следовательно должны рассматриваться вместе. Они состоят из отдельных очерков, создающих в сумме целостную картину материальной и духовной культуры русского феодального города. Таковы очерки «Город и горожане», «История общественного быта», «Главные черты домашнего быта», «Двор и дом», «Городской костюм», «Стол горожанина». Особую ценность представляют приложения: обзор письменных источников с описаниями дворов XVI—XVII вв., комплектов одежды горожан XVI—XVII вв.

Труд М. Г. Рабиновича привлекает широкой охвата самых разнообразных материалов. В его труде — междисциплинарный подход, метод синтеза письменных и вещественных источников. Изучены летописные и литературные известия, юридические документы, записки иностранных путешественников о Московии, мемуары современников. Полноценным историческим источником служат чрезвычайно богатые данные: миниатюры рукописей и гравюры, чертежи и планы городов XVI—XVII вв., лаковые картинки, гравированные рисунки на серебряных браслетах-обручах XII—XIII вв. Естественно, что М. Г. Рабинович как археолог и ведущий исследователь средневековой культуры, руководивший экспедицией в Зарядье — московском «Великом посаде», широко привлекает археологические материалы. Они особенно важны для первых столетий истории русских городов, быт и уклад которых скупо освещен в памятниках письменности. Постоянное обращение к археологии позволяет автору ретроспективно воссоздавать более ранние явления, но он отчетливо знает, что этот метод требует сугубой осторожности и неизбежных коррективов. Таким образом, нами комплексное исследование, реконструирующее с достаточной полнотой повседневную жизнь русского феодального города на разных этапах его развития. С XII в. это развитие определяло весь общественный быт в целом: власть и богатство, тесно связанное с христианизацией и просвещением, развитие архитектуры, живописи и прикладного искусства — все это концентрировалось в княжеских дворцах и монастырях.

До сих пор в центре внимания советских историков средневековой Руси находится изучение социально-экономических проблем и событий политической истории. Исследование быта людей той эпохи, неотделимого от социально-политических и идеологических процессов, воссоздание повседневной среды, окружавшей человека, к сожалению, остается в тени. Одним из исключений является двухтомная «История культуры древней Руси. Домонгольский период» (М.; Л., 1951), написанная очень сильным коллективом специалистов и до сих пор не устаревшая. Следует упомянуть и о выпуске трудов ГИМ «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» (М., 1956, 1959, 1967), а также издаваемые МГУ «Очерки русской культуры» (М., 1969, 1976, 1979 и 1985—1988), в настоящее время доведенные до XVIII в. Основная заслуга этих изданий — изучение повседневных форм бытовых вещей, их стиля и моды, материально-пространственной среды в городах периода феодализма — принадлежит археологам. Однако обобщающей работы о быте древнерусских городов и не было создано. В этом факте сказались распространявшиеся в исторической науке

с 30-х годов общая тенденция к свертыванию историко-культурных исследований, игнорированию или крайней примитивной трактовке форм мировоззрения и миропонимания древних обществ, частую их явную модернизацию. Духовная жизнь средневекового человека, сложная, противоречивая, полная контрастов, неразрывно связанная с церковью и вместе с тем впитавшая в себя элементы дохристианских представлений, особенно на уровне массового народного сознания, была в то время в значительной мере забыта. По сравнению с достижениями дореволюционных медиевистов, число историков русской церкви и язычества, этнографов, изучавших древние черты в традициях народной культуры, стало очевидно регресс. Было утрачено понимание того, что предметы быта от жилища до костюма — отражали социально-психологические представления эпохи. Поэтому находили воплощение высокие идеи и образы, относящиеся к категориям времени и пространства, к космогонии и исторической мысли, к пониманию прекрасного в окружающем мире. По глубокому неверно относить предметы быта только к сфере человеческой жизнедеятельности в ее практических функциях, связанных с удовлетворением жизненных потребностей, стремлением к рационализации и комфорту. Едва ли не важнейшая знаковая функция бытовых объектов и являлась во всем реальном многообразии их сторон и оттенков.

Наступила пора от абстрактных социологических схем переходить к изучению живых людей в контексте условий их существования и мотивировки их поведения: отсюда возрождающийся интерес к окружающему человека микромиру как воплощению ценности национальных традиций. Следует вернуться к пониманию, что «предметом истории является человек»¹. «За зримыми объектами пейзажа, орудий или машин, за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами совершенно отчужденным от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей. Кто этого не понимает, тот, самое большее, может стать чернорабочим эрудиции. Настоящий же историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча»². Разнообразные источники в том числе бытовые вещи, рассказывают нам об уровне цивилизации общества, ремесле и торговле, о зажиточности или бедности, о социальных отношениях, навыках мышления и поведении.

В этом отношении живо написанные книги М. Г. Рабиновича весьма примечательны. Восстановление драгоценные черты народного быта, тонким знатоком которого он является, автор придает яркую, изобилующую важными деталями картину жизни русских городов. Стиль, далекий от академической сухости, способствует глубокому анализу явлений, выяснению их мировых и социальных корней, рассмотрению феноменов средневекового быта в их динамике. Труд М. Г. Рабиновича — один из первых за многие десятилетия удачных опытов восстановления условий жизни русских горожан, окружающего их предметного мира во всем его многообразии. В отличие от ставшей классической книги Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси» (первое издание — Л., 1946), автор широко использует археологические и, как уже было сказано, различные изобразительные материалы, благодаря чему и становится возможной конкретизация представлений о культурно-бытовом фоне эпохи, слабо отраженном в письменных памятниках. Вещные источники несут важную информацию о повседневной деятельности средневековых горожан. На первый план выступают не столько знатные лица и правители, сколько простые люди Древней Руси со своей системой ценностей, устойчивыми вкусами и формами жизненной ориентации. В книгах М. Г. Рабиновича совокупность бытовых реалий создает связную и целостную картину жизни древнерусского города в контексте культуры всей Руси.

В первой книге, в очерке «Город и горожане» М. Г. Рабинович коротко останавливается на вопросах становления, возвышения и упадка городов, их планировке и застройке. Он совершенно справедливо подчеркивает такие важнейшие функции города, как административно-политическую, военно-оборонительные и культурно-бытовые (правда, последнее определение нельзя считать удачным). Долгое время господствующее в литературе представление о городе как преимущественно о центре ремесла и торговли следует признать упрощенным, обедняющим реальную историческую действительность. Автор, на наш взгляд, прав, говоря о разнообразии путей происхождения и развития русских городов, но высказанное вскользь утверждение, что они «с самого начала носили выраженный феодальный характер» (с. 17), нуждается в серьезном обосновании. Никогда не следует игнорировать исследования И. Я. Фроянова с существенно иными выводами о ранней социальной политической истории Руси. Профессиональный состав городского населения изменялся в разные периоды и, вероятно, временную дифференциацию следовало бы провести более четко. Напротив, такие категории городского населения, как грузчики, лодочники, возчики и ямщики, появились сравнительно поздно — с XVI—XVII вв., «домовладельцы» — категория для феодального города характерная, так же как и отходники, отправлявшиеся на заработки в крупные города. Автор убедительно обосновывает важную роль подсобных занятий горожан: хлебопашества, огородничества и садоводства, скотоводства и рыболовства. Средневековые города никогда не теряли связи со своей сельской округой и сами еще носили полуаграрный характер. В целом очерк воспринимается как вступительный к основному тексту. Закрывающий его раздел, посвященный этническому составу городского населения, его формированию в результате слияния различных этнических групп, был бы логичнее поместить не в конец очерка — после раздела о сельскохозяйственных занятиях населения, а в начало.

Очень содержателен и второй очерк «Из истории общественного быта». М. Г. Рабинович подробно рассказывает о жизни княжеского двора с его парадными приемами и пирами, о значении главной городской святыни — соборной церкви, где служил высший церковный иерарх, проходили торжественные церемонии. В коротком разделе о вече автор склоняется к традиционному и ставит общим местом положение об обязательном делении города домонгольского времени на укрепленный аристократический детинец и посадскую часть с торгово-ремесленным населением. Но такая планировочная структура не являлась обязательной для всех, даже очень крупных городов.

нерусских городов типа Старой Рязани и др. В очерке, на мой взгляд, имеются некоторые логические недочеты. За описанием позднесредневековых кремлей следовало бы поместить «Кремль в XVIII в.». Если о торжественных встречах высоких гостей — светских и духовных, иностранных послов в XV—XVII вв. рассказано подробно, то соответствующих сведений о XVIII в. нет, что следовало бы обосновать. Начиная от аллегорических шествий-маскарадов с военных побед Петра, феерические празднества по случаю великих событий достигли наивысшей точки именно в этом столетии (о них кратко упомянуто на с. 155).

М. Г. Рабинович, по-видимому, несколько искусственно обособляет разделы «Торг» и «Посад»; но точнее охарактеризовать торг как часть посада, тем более, что, как явствует из самого названия материала, им свойственны одни и те же черты. Например, в разделе «Торг» выделены разделы «Публичные акты. Процессии». «Уличные представления», а в разделе «Посад» — «Праздники. Братчины», «Церковная служба», «Древние обряды», «Улянья. Хороводы», «Игры — взятие снежного городка, борьба, кулачный бой», «Мирные игры и развлечения — шашки, качели, мяч, катания». Объединение перечисленных сюжетов создало бы более цельную картину многокрасочной праздничной жизни народа, которая не делилась на «торговую» и «посадскую».

Уже из перечня заголовков видно, какое большое место уделяет М. Г. Рабинович праздничной, торжественной стороне жизни средневековых горожан. Подробно описаны православные обряды: крестные ходы, ритуал омовения воды — «Иордань», массовые процессии в Вербное воскресенье, «Вход Христа в Иерусалим».

Автор справедливо подчеркивает, что многие городские массовые праздники, по существу не вышедшие от сельских, генетически восходили к дохристианским ритуалам, где ведущая роль принадлежала аграрно-магической обрядности. В праздничном поведении горожан и крестьян, «буржуазных» магии, бессознательно смешивалась древняя языческая практика с поверхностно принятым христианством. Таковы подробно описанные М. Г. Рабиновичем братчины, русалии, в числе праздников Ярлы, сопровождавшиеся пением, плясками и кулачными боями, инсценировки рыцарских турниров. Автором собран обильный этнографический материал XVIII—XIX вв., связанный с обрядами магических обрядов плодородия. Эти коллективные игры, приуроченные к церковным и бытовым и сельскохозяйственным праздникам, не требовали профессиональной подготовки и вовлекали в свою орбиту население целых городов. Таковы крестный ход «на рождество» в сороковой день после Пасхи, Троица, Петров день и зимний праздничный цикл — зимние святки с гаданиями, «Вербное» и другие. На конкретных примерах М. Г. Рабинович показывает, как церковь адаптировала языческие празднества. Большое внимание уделено разнообразным подвижничеству, излюбленным русскими горожанами, которые доставляли искреннюю радость всем присутствующим и участникам состязаний, выявляя их силу и выносливость, быстроту реакции и ловкость. Один из самых интересных очерков в труде М. Г. Рабиновича «Главные черты домашнего быта» посвящен не столько бытовому укладу аристократии, сравнительно хорошо изученному, а жизни посадского населения. Автор подробно рассказывает о формах семьи и внутрисемейных отношениях, об обычаях и обрядах, связанных с браком, о роли детей в семье и отношении к ним взрослых, о похоронных и поминальных ритуалах, наконец, о формах обучения и уровне культуры. Нет необходимости пересказывать содержание этого очерка, основанного на обширных материалах, собранных автором исследования. Разумеется, им учитывается как консерватизм частной жизни, особенно в среде бедных посадских людей, так и ее постепенные изменения в связи с развитием городов и резким отрывом их от деревни, что связано с культурными новациями. Преобладание малой семьи в городах вплоть до XVII в. находит подтверждение и в археологических данных — размерах жилых домов и усадеб. Эти соображения следовало бы привести. «Формы жизни древнерусского горожанина, хотя и в опосредствованном виде, были органически связаны с производством, социально-политическим строем, религиозными традициями с их переплетением разрозненных начал. Так, в свадебном обряде, как справедливо указывает автор, слились древние языческие с церковным чином, распространившимся на Руси после принятия христианства. Многие черты семейного быта вытекали из ощущения извечности и неизменности существования, что особенно наглядно проявилось в свадебных и похоронных обычаях.

Вторая книга М. Г. Рабиновича открывается очерком «Двор и дом», в котором рассмотрены условия усадеб и составивших их основных построек за тысячу лет. Уже для домонгольского времени становится все более очевидным преобладание в городской застройке жилых наземных домов, к которым относятся и слегка углубленные в землю «полуземлянки». Долго бытовавший тип усадебной застройки в Южной Руси жилищ полуземляночного и земляночного типов в свете последних археологических открытий нуждается в пересмотре. Внешний облик древнерусского дома определяли наземные срубные дома, однокамерные и двухкамерные, в том числе и слегка углубленные в землю для сохранения тепла. Нередко при раскопках на небольших площадях археологи ошибочно принимают за земляночные жилища обширные хозяйственные подполья наземных домов, иногда имеющих почти равную с жилищем площадь. Поэтому современная методика археологических исследований древнерусских городов требует раскопок на большой площади. Тогда только выявляется преобладание усадебной (дворовой) структуры не только в севернорусских городах с хорошей сохранностью органики (типа Новгорода), но и по всей Руси. За заборами или околами усадеб располагались и помещения, углубленные в материк до 1,5—2 м, но это были производственные, например по выплавке железа, бронзолитейные мастерские, или погребки для хранения продуктов. Поэтому утверждение автора, что «почти каждый дом был одновременно и мастерской ремесленника» (с. 20), никак нельзя принять без оговорок. Это может относиться не ко всем видам ремесла. Что же касается металлообработки, гончарства или стеклоделания, то это производство, связанное с огнем, то убожестве, что мастерские располагались поодаль от

жилищ. Вероятно, на всех этих проблемах следовало бы остановиться более подробно в раз-
посвященном IX—XIII вв., тем более, что последующее градостроительство вплоть до XVI
развивало домонгольские традиции. Более значительные изменения во времени коснулись бог
деревянных и каменных хором знати и, следовательно, к реконструкциям дворцовых стро
XI—XIII вв. по известным образцам XVI—XVII вв. следует относиться с очень большой ост
ностью.

К сожалению, вне исследования М. Г. Рабиновича остались вопросы демографии, интенс
разрабатываемые в настоящее время западной медиэвистикой. Примерные расчеты численн
населения некоторых городов в разные периоды представили бы значительный интерес.

Связь живого человека с условиями его существования ярко проявляется в истории и се
тике одежды (очерк «Городской костюм»). В ее формах отчетливо «читаются» демокра
ценность национальной традиции, ощущение индивидуальной привлекательности ремесленно
деля по сравнению с обезличенной фабричной продукцией. М. Г. Рабинович рассматр
многообразные функции одежды, которые особенно ярко проявились в условиях города со слож
социальным и этническим составом населения, особой интенсивностью общественной жизни
быта. В изложении автора одежда образует упорядоченную семантическую знаковую систе
Традиционность костюма средневековых горожан, близость его к крестьянскому отнюдь не ис
чала оппозиций официальной и неофициальной (собственно бытовой) одежды, костюма ряд
жителей и людей зажиточных (разница в материале, украшениях, количестве одновременно надев
мых одеяний), а также оппозиции единообразия и вариативности.

Представление о бытовой среде русских горожан было бы неполным без очерка «Столо
жания», содержащего обширный фактологический материал. Здесь перечислены главные продук
питания, кушанья и напитки, рассказано о заготовке продуктов впрок и способах их хранения,
обогащении меню с течением времени, о привозных яствах, об утвари для приготовления пи
столовой и парадной посуде. Подробно описаны различия в трапезах господ и их слуг, отражаю
социальные градации. Имеется раздел о ритуальных блюдах, характерных для храмовых празд
ков, свадебного, крестильного и поминального столов, раскрывается дохристианское магичес
значение этих кушаний, их связь с аграрными культами и почитанием предков. Празднич
пиры с большим числом приглашенных являлись важным элементом общественной жизни. Торже
венные семейные застолья и общественные праздничные столования горожан — братчины вы
пают как факт культуры, как форма общения и консолидации малых социальных групп, устой
вых микросообществ. В сознании средневекового человека совместная трапеза — это не только
и питье, но и истовая благодарность святым за их покровительство, надежда на будущее б
гополучие и на людскую солидарность, столь необходимая в суровом и нестабильном мире.

Подводя итоги, можно констатировать, что предпринятая М. Г. Рабиновичем попытка р
смотреть главнейшие стороны материальной культуры русских горожан на протяжении тысячел
несомненно увенчалась успехом. Как вполне справедливо пишет сам автор, при этом создае
«глубокая историческая перспектива, возможность проследить исторические корни многих явл
городской жизни, пути их развития, преемственность типов» (Очерки материальной культу
с. 265). Всей совокупностью материалов опровергается тезис о двух антагонистических культу
правомерно высказанный В. И. Лениным по отношению к капиталистической формации, но
нически и без должного анализа отнесенный нашими историками и к периоду феодализма. Вме
с тем широкие хронологические границы исследования во многих случаях привели к суммарн
характеристикам разнородных, иногда лишь чисто внешне сходных явлений. Вероятно, следовало
подробнее остановиться на роли церкви в повседневной жизни горожан.

Жизнь и культура древней Руси — все еще часть нашей сегодняшней жизни и культу
Значение многолетнего труда М. Г. Рабиновича в первую очередь состоит в том, что категории об
ственного развития рассмотрены в конкретном воплощении, в неразрывной связи с живым че
веком во всем многообразии условий его существования. Микромир, окружавший русского го
жанина, его бытовая практическая жизнедеятельность выступают во всем их неповторимом сво
разии.

В. П. Дарков

Примечания

¹ Марк Блок. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 17.

² Там же. С. 18.

© 1990 г.

Л. М. Русакова. Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири
Новосибирск, 1989. 176 с. 102 илл.

Новая книга Л. М. Русаковой рассчитана, безусловно, на специалистов — разговор о тради
ционном изобразительном искусстве русских крестьян Сибири ведется на строго научном языке
Этого требовал сам замысел автора, весьма смелый и новаторский. Впервые на сибирском матери

да XVIII — первой четверти XX в. решается задача не простого описания памятников художественной деятельности крестьянства (включая технику изготовления), а и реконструкция идей, мировоззренческих установок, закодированных в тех мотивах и композициях, из которых складываются орнаменты, украшавшие детали крестьянских построек, одежды, металлических украшений, предметов повседневного обихода. Поскольку истоки последних восходили к мировоззрению древнего человека, от автора потребовалось глубокое вторжение в первобытность, ее мифологию, а также привлечение данных археологии, фольклористики, философии, искусствоведения, лингвистики, собственно истории и этнографии. Только прекрасное знание теории, свободная ориентация в непрофильной специальной литературе, наложенные на представительную источниковую базу, могли обеспечить успех авторского замысла.

Л. М. Русакова сумела выявить в музеях Москвы, Ленинграда, Сибири и Казахстана широкий пласт вещественных памятников, датируемых XIX — началом XX в. При работе над монографией были использованы и собственные находки предметов крестьянского искусства, сделанные в время экспедиций в Алтайский край и Восточно-Казахстанскую область. Кроме того автором собраны многочисленные документы, хранящиеся в фондах центральных и сибирских архивов, опубликованные письменные источники. Часть использованных материалов была получена из личных собраний исследователей-сибиреведов. Таким образом, у автора имелась возможность сопоставления разнородных источников с целью их взаимопроверки и получения возможно более полных научных результатов. Особенно важно, что авторский анализ в книге опирается на богатейший иллюстративный материал.

Внимательному изучению подверглись, в частности, резьба и роспись по дереву. При этом Л. М. Русакова стремится выявить их локальные варианты — и в оформлении крестьянского жилища, и в украшении предметов домашнего обихода, орудий труда. В деятельности сибирских умельцев-декораторов, как доказывается в работе, находили свое проявление в первую очередь древнейшие традиции Русского Севера. Устанавливается также значительное влияние на сибирское крестьянское искусство некоторых средневековых и южно-великорусских районов, особенно в специфических эколого-демографических условиях различных зон Сибири. В книге выявляются и общие черты, свойственные сибирскому сельскому зодчеству конца XVIII — начала XIX в. «Суровая сибирская природа, нелегкая жизнь поселенцев, обживавших новые места, — отмечает, в частности, Л. М. Русакова, — наложили на внешний вид жилища печать аскетизма. Декоративные украшения (там, где они имелись) были немногочисленными, по-своему сдержанными, строгими — под стать облику дома в целом. Художественной обработке подвергались в первую очередь основные конструктивные элементы жилища» (с. 11).

Большой интерес представляет наблюдение автора относительно происхождения барочной формы оконных наличников в селениях Приангарья, Забайкалья и притрактной зоны (вдоль Ленско-Сибирского тракта). Детальное исследование вариаций барочного мотива в деревенском строительстве позволило Л. М. Русаковой поставить под сомнение позицию тех специалистов, которые связывают возникновение этого мотива с влиянием городских архитектурных форм, и сделать вывод о его языческих истоках. Вместе с тем в книге приводится внушительный материал, свидетельствующий о непрерывно растущем воздействии города на крестьянское зодчество. «Перекрытые ворот, — говорится, например, на с. 39, — придавались самые различные формы: прямоугольные, треугольные, овальные. Двускатные крыши над воротами иногда заменялись маленькими декоративными крышами над каждым из трех столбов. Иногда концы столбов (верей) завершались маленькими куполами по типу церковных. В некоторых случаях деревянные столбы обшивались досками с фаской, имитирующими кладку камня, их навершия украшались точеными наконечниками. Нововведения, — заключает автор, — больше всего заметны в деревнях, расположенных близ городов, и особенно в усадьбах зажиточных крестьян... Именно сельская буржуазия в первую очередь подражала городскому купечеству, строившему свои дома из камня, и вообще стремилась жить «на городской фасон»».

Резьба на конструктивных деталях домов (и предметах крестьянского быта) во второй половине XIX — начале XX в. почти повсеместно, по данным Л. М. Русаковой, сменилась росписью, причем, видимо, также следует усматривать влияние городского каменного зодчества. Говоря о развитии декора интерьера деревянного жилища, Л. М. Русакова выявляет в нем два хронологически различающихся пласта: ранний (преимущественно геометрические и полурастительные мотивы) и поздний (преобладание растительных мотивов). Причем роспись интерьера, как показано в книге, соответствует с требованиями народной эстетики органично сочеталась с росписью на мебели. Особенно подробно характеризуется при этом орнаментика деревянных прялок. И в домовой росписи, и росписи прялок автором просматриваются композиции, генетически связанные с языческой мифологией и в целом с мировоззрением древних славян.

Однако наиболее архаичные мотивы, по данным автора, сохранялись в вышитых, тканых и плетеных узорах. Некоторые из них восходили к энеолиту, к древнейшей наскальной графике. Основу последнего вывода легла трудоемкая работа исследователя по дешифровке изображений на многочисленных изделиях из крестьянского полотна, в первую очередь на полотенцах. Легко понять определенную пристрастность Л. М. Русаковой к деревенским рушникам и их орнаментике — этому посвящено около 50 книжных страниц. Автор опровергает устоявшееся мнение о том, что вышивке и тканью в Сибири господствовал в прошлом исключительно геометрический орнамент, выявивший на факт обнаружения немалого числа полотенцев с сюжетными изображениями.

Вполне обоснованно в книге выдвигается требование более продуманного решения вопроса о влиянии взаимовлиянии в сфере искусства. Необходимы в данном случае, по мнению Л. М. Русаковой, «тщательные порайонные исследования традиционного искусства сибиряков с учетом

специфики условий, в которых оказалась та или иная группа русских переселенцев из-за У а также тех традиций, которые сложились у такой группы еще на местах выхода» (с. 86). Игнорирование последних такими авторитетными специалистами, как Д. А. Болдырев-Казз Г. А. Щербик. Г. И. Охрименко, интересовавшимися гворчеством сибирских крестьян, связан с художественной обработкой ткани, заставило автора книги критически пересмотреть некоторые выводы. Вполне убедительным выглядит общее заключение Л. М. Русаковой о том, что творчество, как и традиционное изобразительное искусство русских сибиряков в целом, в сра тельно небольшой степени было подвержено инонациональным новациям. Причем объясн ситуации, как показано в книге, надо искать не в замкнутости этноса и не в национал предубежденности, а в особенностях развития системы эстетических взглядов народа. Сибирь вышивальщицы и кружевницы, в частности, старались следовать художественным кан, выработанным предками; строже всего это выдерживалось у старообрядцев. Так, о ба стеновых полотенцах бухтарминских кержаков на с. 88 говорится: «В них все „дышит“ архаи технические приемы (двусторонний русский шов „роспись“, двусторонняя цветная перевить, при тивный способ ажурного ткалья перед бердом, браное и „закладное“ тканье); ограниченный н мотивов геометрического орнамента (кресты с крючками на концах, ромбы с множеством „третей и ромбы с крючками на двух или четырех вершинах); устойчивая структура всего орнаментиро ного конца полотенца...».

Однако рост товарности крестьянского хозяйства в Сибири, усиление связей с городом, седи ное расслоение деревни не могли не вызывать существенных перемен в духовной культуре сел тружеников. Не все эти перемены были к лучшему. «Уже с конца XIX в. и особенно в на XX в., — заключает автор, — сокращается изготовление льняных тканей для мужской и жен одежды, которую стали шить из фабричного материала. Яркие набивные и крупноузорчатые т, не нуждались в украшениях вышивкой и ткаными узорами. Постепенно начинает сокращатьс совсем исчезает орнаментация швейных изделий. Древние технические приемы вышивки (пер роспись, набор, двусторонняя гладь) забываются, от них отказываются в пользу менее трудоо шва крестом, выполнявшегося по канве. Для вышивки мужских рубаш и полотенец использу печатные образцы с узорами преимущественно растительного характера. Многие изделия становя похожими друг на друга, как близнецы» (с. 159—160). Более благоприятными, как показывае в последней главе книги, оказывались условия конца XIX — начала XX в. для судеб традии связанных с художественной обработкой металла.

Важен заключительный вывод Л. М. Русаковой о том, что творчество сибирских масте ювелиров, кузнецов, деревенских зодчих, резчиков и живописцев, кружевниц и вышивальщиц, а тельниц узорного тканья, развивавшееся в русле национальной художественной культуры, сав ствовало в конечном счете существенному обогащению отечественного, а следовательно, и миро художественного фонда.

Разумеется, к автору книги можно предъявить немало претензий. Явно неравномерно п ставлены разные виды крестьянского изобразительного искусства (особенно не повезло «худе ственному металлу»). Заметно доминирует и в тексте, и в иллюстрациях алтайский матери и искусство крестьян Средней и Северной Сибири могло бы быть охарактеризовано более обс тельно — стоило полнее использовать фонды Тобольского, Тюменского и других сибирских муз. По мнению Л. М. Русаковой, «древний смысл некоторых изображений в вышивке и тканых узор орнаментике деталей домов и предметов крестьянского быта был известен сибирским крестьян даже в конце XIX — начале XX в. Однако сколько-нибудь убедительно этот вывод не подтверждя ся. Вообще, увлекшись расшифровкой первоначального смыслового содержания орнамент присутствующих в них мотивов и композиций, автор не решает до конца вопроса о том, и истолковывались эти мотивы и композиции (с показом эволюции) крестьянским сознанием ко XVIII — первой четверти XX в. Заслуживала большего внимания проблема влияния на традици ное искусство русских крестьян Сибири православной религии и церкви.

Встречаются в книге досадные опечатки. Например, на с. 114 говорится: «Как следует из р них публикаций Е. А. Авдеевой (1837 г.) и С. И. Гуляева (1939 г.), в Иркутской губери и на Алтае песни „Олень“ и „Ящер“ исполнялись взаимосвязанно в ходе одной игры». Ме тем публикация Гуляева относится к 1839 г. Кстати, в списке она вообще не указывае названа лишь работа Е. А. Авдеевой. Свидетельство И. П. Фалька относится не к 1824 (см. с. 133), а к 70-м годам XVIII в. Дата публикации записок его путешествия на с. 167 тао указана неправильно: «1924», а надо «1824». Искажена фамилия одного из авторов коллект ного труда «Русская свадьба. Свадебный обряд на верхней и средней Кокшеньге и на Уфти (Тарногский район Вологодской области)» (с. 168) — надо «Балашов», а напечатано «Балыше

В целом работа Л. М. Русаковой является крупным вкладом в отечественную истори этнографическую науку, заметным шагом вперед на пути постижения огромного культурно наследия русского народа.

Н. А. Минин

Сборник посвящен памяти Л. И. Лаврова, крупного специалиста, сделавшего огромный вклад в этнографическую этнографию народов Кавказа.

Леонид Иванович обладал особым талантом увидеть сложную теоретическую проблему в ее словесности конкретно сложившейся ситуацией. Такое умение имеет особое значение для Кавказа, где требуется внимательное рассмотрение совокупности общих и частных моментов, т. е. самых конкретных обстоятельств. Благодаря широкому теоретическому кругозору, знанию языков, большому опыту полевых исследований и независимости мышления Л. И. Лавров занимал в науке самостоятельные позиции, не боясь временами оставаться в одиночестве. Назовем такие, на наш взгляд, аксиоматические истины, за которые ему пришлось бороться: внешние по отношению к современному административным границам истоки этногенеза многих народов Кавказа; оценка исторического уровня развития конкретного общества без прямой интерполяции более поздней, фиксированной лишь в XVII—XIX вв. социальной иерархии; сложное соотношение археологической культуры с историческими известными на той же территории этнонимами и т. д. Л. И. Лавров первым занялся проблемой этнодифференцирующего значения эндогамии на материале народов Кавказа.

Его ученики с благодарностью, как и многие специалисты-кавказоведы, а также этнографы других специальностей, воспримут посвящение рассматриваемого сборника Л. И. Лаврову.

Открывает сборник краткая статья Л. И. Лаврова «Роль естественного географических факторов в истории народов Кавказа». В ней дана общая культурологическая оценка разнообразной ландшафтной среды региона, сделан ряд тонких замечаний о значении торгово-транспортных путей, сухопутных, так и водных, приведены экологические наблюдения о влиянии среды, особенно климата и растительности, на характер жилищного строительства. Автор кратко суммирует этноисторические выводы, сделанные им в предшествующих публикациях. Особенно важной представляется нам мысль о консолидации аварцев на маршруте естественных путей сообщения по ущельям Марской Кайсу, агулов по верхнему течению Курах-чая, абхазов вдоль морского каботажного пути (с. 6). Не менее интересно заключение о вертикальной зональности двудызичия и многоязычия: жители более высоких местностей знают язык живущего ниже населения. Например, лезгини среднего и нижнего течения рек Самура и Курах-чая знают азербайджанский язык, рутульцы, живущие выше лезгин, владеют и лезгинским, и азербайджанским, а цахуры, расселенные еще выше рутульцев, — уже всеми тремя языками живущих ниже их народов (с. 6). В целом статья, несмотря на ее краткость и обзорный характер, представляет неоспоримый вклад в кавказоведение. Это взгляд большого специалиста, теоретика и практика этнографической работы, на целый ряд историко-географических особенностей всего кавказского региона.

Следующая статья — В. П. Кобычева «Некоторые вопросы этногенеза и ранней этнической истории народов Кавказа: финно-угры на Кавказе». Автор обращается к глубинным этапам этногенеза, используя данные этнотопонимики в освещении более поздних свидетельств фольклора этнографии (с. 10). Оценивая эту статью, следует учитывать, что в настоящее время стремительно развиваются исследования именно по ранним этногенетическим эпохам на Кавказе. Лингвисты работают с новыми классификациями языков, археологи прослеживают связи древних культур, филологи углубляют представления о связях ранних государств Кавказа, особенно с переднеазиатскими центрами. Не должна удивлять нас и смелая гипотеза В. П. Кобычева о финно-угорской интерпретации некоторых кавказских топонимов (например, *Кура*), древних этнонимов (таких, как *киммерийцы*, мифические *гам-стег*, фигурировавшие уже на исторической памяти *маджары* и т. д.).

В. П. Кобычевым затронут также вопрос об этнониме *амазонки*, к образу и проблеме которых филолог давно не может не обратиться любой кавказовед. Автор предлагает финно-угорское происхождение древнеславянского термина для амазонок и раскрывает его через этноним *гам* и название *г* в адыгских — *мас* // *мез* и вепском языках — *мец*. Конечно, это только рабочая гипотеза. Она интересна, однако вызывает сомнения интерпретация термина *гам*. Функционально-семантическая сфера этого термина (*гла*) уходит в глубокую древность, где она породила целое гнездо понятий, связанных с родо-племенными отношениями (*гладина* — человек, оставшийся без соратников; *двадхана* — человек, имеющий поддержку многочисленных соратников; *глар* — воинское подразделение и т. д.). Этот же формант определяет мужские возрастные воинские группы. По мнению одного из авторов рецензии, *гам* скорее всего первоначально относилось к категории девушек-воинов, но позднее было отнесено к образу волшебной женщины-оборотня.

В русле гипотетических построений В. П. Кобычева об этнониме *удин* можно было бы привлечь из истории довольно продолжительного господства народа утиев в Шумере. Хотя и нет необходимости в этом вопросе, указанный факт требует обращения при изучении древней кавказской этнонимии не только к северным территориям, но к области распространения ранних среднеазиатских цивилизаций.

Сложная задача реконструкции этнических отношений и этапов консолидации грузинского населения поставлена Г. В. Суляя в статье «Этнокультурный аспект исторического процесса раннефеодальной Грузии (V—X вв.)». Изучая этнокультурные ситуации, борьбу, взаимовлияния Грузии, без обращения к разнородным и разноречивым свидетельствам эпохи (анализу архитектуры, византийского этикета и т. д.), сумел провести глубокий исторический анализ древних источников с целью их этнографической интерпретации. Автор использующий в основ-

ном жити́ю и другую церковную литературу, понимая ограниченность своих источников. В ней лишь изредка встречаются свидетельства о позиции народных масс в сложной идеологической борьбе, например «прямое указание на непричастность собственно армянского этноса к армянскому церковному пререканию» у каталогоса Арсения Сапарийского (IX в. — с. 73). Цен древнегрузинских источников не только в их уникальности. В них отражено уже «зарождение и ков исторического мышления» (с. 39), имеется представление об исторической перспективе, бы в виде реценций библейских мотивов в проповеднических целях (с. 40), а также передававшие изустно, а потом закреплённых в сказаниях о сирийских подвижниках (с. 50) и т. д. И главное, имеется в этих источниках, как показал Г. В. Цулая, — насыщенность этих источников важной духовной проблематикой соответствующей эпохи: самоопределение грузин среди христианских родов «византийского круга»; борьба с маздеизмом; армяно-грузинское политическое и церковное расхождение, культивировавшееся сасанидским Ираном и насаждавшееся мусульманской экспансией.

Основной социально-идеологический вопрос эпохи — отношения раннефеодального абхазо-грузинского государства с Византией — автор трактует в плане борьбы грузинского этноса против ассимиляции греками, «абсорбции» ромеями (с. 58, 61, 70, 79). Думается, что здесь допущена явная натяжка: распространение христианства в V—X вв. не только в Закавказье, но и в других странах, например европейских, отличалось универсалистскими тенденциями, что, впрочем, подало раннефеодальной этнической консолидации. Автор мог бы обстоятельнее коснуться христианского универсализма и тем самым более рельефно показать внутренние, собственно этнические процессы.

Факты, приведённые в статье Г. В. Цулая, убедительно подтверждают высокую оценку консолидирующей роли грузинского языка (с. 44), знаний традиций прошлого (с. 46), роль цев-грузин в отражении военной опасности (с. 58) и др.

Большая работа Г. А. Сергеевой посвящена этноязыковым аспектам межэтнических связей в Дагестане (вторая половина XIX—XX в.). Благодаря обширности материала и точности его изложения эту статью можно назвать справочником по этноязыковой ситуации в Дагестане. Разрывать в отнюдь не простом переплетении языковых контактов с разнохарактерными экономическими, социально-культурными и брачными связями рассматриваемого региона автору помогает понятие «этноконтактных зон», акцентирующее повышенную интенсивность связей (с. 101). Этноконтактная зона — это поле консолидационных и ассимиляционных процессов. Процессы такого протекали также в прошлом и представляли собой важный этногенетический механизм. К ним относятся аварские группы состоят из ассимилированных чеченцев, а в состав последних включены выходцы из многих народов Дагестана.

В статье кратко характеризуется роль письменности на местных языках, а также роль русской грамоты и русского языка в современных условиях. Хотелось бы отметить в связи с этим необходимость изучения ещё мало известных обстоятельств, связанных с существованием в прошлом горских алфавитов на арабской графической основе, но это — тема будущих исследований.

Осетино-вайнахским этнокультурным связям посвящена статья Б. А. Калоева. Автор обращается к явлениям материальной культуры, социально-правовым нормам, погребальному культу, почитанию святых, празднествам, свадебным и другим обрядам, языческим верованиям и искусству творчеству. Использованный материал разнообразен и обширен. Но в нём на первый план выдвинуты специфично осетино-ингушские связи, возникшие в результате тесного соприкосновения двух этносов. Более пристальное внимание к чеченскому материалу позволило бы острее поставить вопрос о значении кавказского субстрата в целом для этногенеза осетин, дало бы хронологическую градацию всем фактам, изложенным в обстоятельной статье Б. А. Калоева. Хотелось бы отметить одну немаловажную частности: наименование осетин, данное вайнахами, — *хлури*, которое традиционно возводится к термину *ирон*, при использовании вайнахских данных выглядит иначе у восточных чеченцев *хлури* — это не название другого этноса. Оно относится к населению, находящемуся «в центре». Причем этот термин — географическое обозначение центральной местности, затем перенесённый на обитателей, там живущих.

Научно объективная статья Б. А. Калоева вскрывает всю сложность этнокультурного процесса протекающего на основе взаимного обогащения соседних народов.

Большой интерес вызывает статья Н. Г. Волковой «Этнокультурные контакты народов Горного Кавказа в общественном быту (XIX — начало XX в.)». Цель автора — проанализировать исторически длительные контакты, проявляющиеся в общественном быту (с. 163). Материал рассматривается по рубрикам: «Хозяйственные основы этнокультурных контактов», «Природные и социальные факторы этнокультурных контактов», «Гостеприимство, куначество и патронат», «Аталычество, усыновление, побратимство», «Народное управление и суд. Праздники». Последняя, заключительная часть статьи — «Некоторые последствия этнокультурных контактов народов горного Кавказа».

Как видим, в статье обобщён огромный, тщательно собранный, во многом полевой этнографический материал. В результате вырисовывается картина длительной существовавших социальных, политических, культурных и брачных связей, которые были гораздо шире зоны контакта двух соседних народов. Поэтому Н. Г. Волкова правомерно оперирует не только понятием «этноконтактная зона», но и более общим — «этнокультурные контакты». Такой широкий подход, очевидно, позволит будущим исследователям приблизиться к представлению о Кавказе как историко-этнографической области и дать его внутреннее этнографическое районирование. Опыты такого рода уже предпринимались в советском кавказоведении, но каждый раз ареальные дефиниции культур горных народов наталкиваются на трудности. Работа Н. Г. Волковой заставляет сделать вывод об особом, хозяйственно-культурном полиморфизме горных обществ, что приводило к пластичности

и, менявшегося в зависимости от военно-политической обстановки в крае, от демографической ситуации, обменных рынков и т. д. Н. Г. Волкова отмечает, что в этих условиях складывались даже не религиозно-культовые центры (с. 200—203). Поэтому мы вправе заключить, что широкое мнение об изоляционизме горных обществ не соответствует истинному положению вещей. И, отсутствие интенсивного денежного обращения в крае отнюдь не мешало оживленному торговому товарообороту. Это необходимо учитывать при оценке уровня развития общественного быта конкретных обществ. Безусловно, что в преобладающем скотоводческом хозяйстве кабардинского края середины XIX в., земледельческом — у чеченцев, ремесленном — в ряде центров Нагорного Кавказа и т. д. не следует видеть критерии эволюции социальных институтов. Перед нами скорее факты хозяйственной специализации.

Особое место в сборнике принадлежит статье Я. С. Смирновой «Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция» — исследованию тех социальных институтов, которые выполняли регулятивно-контролирующую роль в классовом обществе, лишенном резкой имущественной и социальной дифференциации, в условиях большой личной свободы его рядовых членов. Искусственное родство в форме атаклычества, усыновления и побратимства много раз описано наблюдателями и анализировалось теоретически. В рецензируемой статье основное внимание уделяется не столько генетическим корням этих институтов, сколько механизмам их функционирования, хотя затрагивается и проблема их трансформации. Автор показывает вовлечение форм искусственного родства в основные обряды жизненного цикла: детский, свадебный, а затем перенос к фактам установления родства в чрезвычайных случаях (казуальная адопция), к институту побратимства и посестримства и, наконец, к присяжным (клятвенным) братствам. Статью завершает критическое насыщенное заключение — «Искусственное родство в системе раннеклассовых связей». Несомненно, по-новому удалось взглянуть Я. С. Смирновой на социально-культурную роль искусственного родства благодаря функциональной типологии его институтов, основанной на учете конкретных ситуаций — казуальное и окказиональное родство. Отражает конкретную действительность и такое типологическое наблюдение Я. С. Смирновой: феодальная знать предпочитала искусственное родство в виде атаклыческих связей, включающих лиц разных поколений (атаклыч — спитанник), а крестьянство — побратимство и присяжные братства как форму социальной защиты от давления верхов (с. 235, 241).

Осмысливая факты, Я. С. Смирнова обращается и к генетическим реконструкциям. Так, ингушский тепп представляет собой, по ее мнению, более архаическую форму кровнородственных связей, чем присяжные братства западных адыгов (с. 241). Можно, следуя мысли Ю. А. Давыдова, видеть в присяжных братствах прежде всего институт, направленный против феодальных верхов, который, выполнив свою функцию, стал терять значение. Но у западных адыгов антифеодальная крестьянская борьба была зафиксирована историческими источниками I и XIX вв., тогда как у чеченцев и ингушей эта борьба, видимо, уже завершилась в XVI—XVII вв., вследствие чего прямое назначение братств оказалось размытым и было плохо отражено источниками. Именно поэтому трудно этнографически корректно установить все элементы системы искусственного родства, скажем, в обрядах жизненного цикла.

Сборник завершает статья А. Е. Тер-Саркисянца, посвященная браку и свадебному циклу армян, в которой сконцентрирован большой материал, охватывающий разные локально-этнографические группы. Весьма плодотворно особое внимание автора к историческим источникам, что позволяет вскрыть особенности исторического развития армянского этноса. Для исторической этнографии немалое значение имеет анализ терминологии и детальное рассмотрение брачных обычаев, кем хотя бы на такие факты: мать невесты получает со стороны жениха особую плату — «цэчука»/«груди» — с. 252; особую роль в заключении брака играет материнский дядя — с. 252; значение пищи в оформлении свадебного цикла — с. 260, 262 и др.; выраженный культ предков — с. 268—269; культ очага — с. 271—272; магическое отношение к деторождению — с. 269; «свадебное дерево» как элемент обряда — с. 270—271 и т. д.

Некоторые моменты армянского свадебного обряда А. Е. Тер-Саркисянец интерпретирует в свете сопоставления с обычаями других народов Кавказа. Например, использование в свадебных обрядах армян Абхазии ритуального полотенца, что, возможно, является заимствованием из армянского быта (с. 279). К материалам А. Е. Тер-Саркисянца можно привести также северокавказские параллели. Так, обряд венчания у армян Нагорного Карабаха очень близок осетинскому «хушскому». У чеченцев существовали сходные обычаи с дарением яблочки, покрытием невесты белым платком, жертвоприношением ягненка у порога. Ритуальное «убиение» женихом домашних животных в момент свадьбы у армян имеет аналогию в этнографии адыгских народов.

Общее направление сборника, обозначенное во «Введении» как изучение этнической истории, выполнено. Он отвечает возросшему уровню этнокультурных исследований в нашей стране. Важно также, что статьи сборника, написанные с глубоким знанием дела, объективно проникнуты духом интернационализма, уважения к культурам всех народов Кавказа. Наконец, это издание, достойное памяти Л. И. Лаврова, которому в 1989 г. исполнилось бы 80 лет.

С.-М. А. Хасиев, Я. В. Чеснов

Рецензируемый труд — полная научная публикация одного из образцов богатейшего хакасского героического эпоса в замечательной серии книг «Эпос народов СССР». Необходимость выпуска в свет такой серии трудно переоценить. Она адресована массовому читателю, в первую очередь получающему возможность ознакомиться на языке оригинала и в русском переводе с наиболее выдающимися эпическими произведениями народов нашей многонациональной страны. В крупных произведениях народного творчества содержатся в концентрированном виде многие стороны духовной жизни народа: его чаяния, приметы психического склада, его представления о мироустройстве, о смысле жизни, добре и зле, счастье и горе. В таких произведениях отражаются также ступени общественного развития, пройденные тем или иным народом. Поэтому эпос — это своего рода энциклопедия многогранной народной культуры, средоточие проявления народного духа и накопленных народом знаний.

Героическое сказание хакасов «Алтын-Арыг» издано и исследовано согласно единым академическим требованиям к публикации эпических народных произведений. Важность и сложность такой работы очевидны. В своей в значительной степени новаторской работе В. Е. Майногашева представляет не только как опытный переводчик, но и как высококвалифицированный литературовед-исследователь.

Перед нами книга объемом свыше 39 печатных листов. Весь этот труд складывается из ряда взаимосвязанных и в равной степени ценных частей: текста сказания на хакасском языке, перевода на русский язык, исследования «Хакасский героический эпос „Алтын-Арыг“», примечаний к переводу и статьи «О вариантах эпоса „Алтын-Арыг“ и его сказителях» В. Е. Майногашевой, статьи А. К. Стоянова «Искусство хайджи» (с нотами). Все это дополнено иллюстрациями с изображением предметов материальной культуры и образов народного искусства, относящихся к эпохе средневековья. Книгу завершает краткое резюме на английском языке.

Цель издания — дать возможно более полное представление о героических сказаниях хакасов, этих сложных монументальных памятниках народного поэтического творчества; об особенностях структуры и архитектоники; о гибкой форме творческого исполнения сказителями-хайджи и чуткости восприятия их народом; о семантике образов героев и символике их деяний; о народном мировоззрении и мировосприятии.

Автор исследования бережно и проникновенно раскрывает истинную картину складывания, формирования и развития героического сказания как особого жанра устного народного творчества. Возникшее в глубокой древности и на протяжении веков передававшееся из уст в уста сказание, естественно, отразило дух многих эпох. Хайджи и его хай (горловое пение) — это глас памяти народа, дошедший до нас из прошлого, осуществляющий связь времен, а сами сказания — своеобразные «окна в исчезнувший мир». Творческое и во многом критическое осмысление работ коллег-фольклористов, занимавшихся сходными проблемами при изучении эпоса других народов, позволило В. Е. Майногашевой выявить в изучаемом ею произведении некоторые хронологические различия «слои», возникшие на разных ступенях исторического развития хакасского народа. Достигнутые ею важные результаты средствами фольклористики, В. Е. Майногашева подтверждает ряд выдвинутых ею положений данными исторической науки и лингвистики. Комплексный подход значительно обогащает как методику, так и сами результаты исследования.

Умелое выявление закономерностей складывания и изменения сюжета произведения (выявляются даже привнесения разных сказителей) фактически выводит анализ за рамки исследования одного сказания. «Алтын-Арыг» характеризуется в сравнении со многими другими хакасскими героическими сказаниями (*алыптых чымах амы*). Героические сказания исполнялись сказителями в сопровождении горлового пения под аккомпанемент *чат-хана*. Нередко это очаровывавшее людей пение продолжалось в течение нескольких ночей. Перед мысленным взором слушателей чередовались волшебные картины, как бы составленные из десятков тысяч кадров, передающих непрерывность действия множества полнокровных, одухотворенных образов людей и зверей, пользовавшихся содействием высших сил.

В сказаниях вырисовываются космологические представления людей: вселенная располагается по вертикальной оси и расчленяется на три мира: верхний — небесный, средний — земной и нижний — подземный. Недаром кони богатырей наделены крыльями — они легко перемещаются между мирами.

В поэме «Алтын-Арыг» вертикальная ось вселенной описана так:

«На высочайшем хребте Ах-сын
Есть Золотая скала с шестью уступами,
На вершине Золотой скалы растет
Священная береза с золотыми листьями...
... До высочайшего хребта Ах-сын
Еще ни одно живое существо не добиралось,
На высочайший хребет Ах-сын
Еще ни один богатырь не поднимался.
На вершине высокого хребта Ах-сын
Есть Золотое озеро, похожее на конский глаз» (с. 450).

Очевидно, что речь идет о мировой горе и о растущем на ней мировом дереве, об озере — хранилище зародышей всего сущего. Не случайно говорится, что от подножья горы Ах-сын течет великая (т. е. Мировая. — Л. К.) река Ах-талай» (с. 250) что на хребте Ах-сын стоит «вершина хребта Крым-сын... там стоит и сияет Белая Скала...» (с. 268), внутри которой зарождается красная девочка Алтын-Арыг и ее богатырский Бело-игрений конь. Для посвященных в скале открывается волшебная дверь. Нарисованная в сказании картина подтверждает существование хакасов особого культа Мировой горы, того самого культа Горы-прародительницы, который был при анализе сказочных сюжетов хакасского фольклора автором рецензии². Близкие представления сохранились до современности у ряда коренных народностей Сибири. На Небе или внутри лесной горы, по их верованиям, находились хранилища душ не только людей, но и всех диких домашних животных, а также растений. Эти места пребывания бессмертной жизненной силы куда она исходила и куда возвращалась) обычно строго охранялись божествами-хранителями. Еще недавно шаманы хакасов, обращаясь к высшим небесным богам, молили:

«Народ подлунного мира не может жить,
Болезни и страдания не покидают!
Скот гибнет, посевы не растут,
Прошу дать души (кут) скота и посевов!»³ (с. 608—609).

Как видим, сопоставление народных верований со сложным, динамичным, диалектически сочлененным миром героических сказаний (наполненным вечной борьбой рождающихся, действующих и гибнущих богатырей-алыпов, переносившихся в пространство между небом и землею на крылатых, летающих богатырских конях) весьма продуктивно. В связи с этим нельзя не вспомнить свейшего из известных, записанного китайцами в VIII в. предания о происхождении средневековых жителей Енисея. Оно гласит, что рыжеволосые и белолицые хакасы отказывались возводить свой род к волкам — (как это делали древние турки) и заявляли, что «они происходят от спаривания гая с коровой в горной пещере»⁴. На этом примере мы убеждаемся, что культ производящей мировой горы у современных хакасов, восходит, по крайней мере, к раннему средневековью — он существовал у их прямых исторических предков.

Осознание вышеуказанных связей различных сторон единой духовной культуры народа существенно обогатило бы литературоведческий анализ автора. В свете легенды, записанной христианами VIII в., указание автора, что предки хакасов имели общее с тюрками-тугу «происхождение волчицы» (с. 542), является недоразумением.

Вызывает раздумье объясненный В. Е. Майногашевой однозначно как белый (с. 535) термин «Ах-сын» — «Белый хребет», «Ах-талай» — «Великая белая река», «Ах-хая» — «Белая скала» (с. 541), «Ах пюрю» — «Белый волк» (с. 45 и 296), «Ах пайзан» — «Белый дом» и т. д. Даже кровные внутри Белой скалы богатырши Алтын-Арыг и Бело-игрений ее коня уподобляется «бело-мощному ручью» (с. 28, 270 и 541). Можно добавить, что аналогично объясняются обычные в богатырских сказаниях: «ах оҕе» — «чудесный дворец»; «ах май» — «прекрасный конь»; «ах тасхыл» — «белая гора», «ах чазы» — «белая степь», «ах чахая» — «белый цветок» и т. п.⁵

Между тем смысловой контекст с очевидностью говорит за то, что в этих случаях «ах» является тщательно-возвышающим усилением термина, к которому он прилагается. В ирреальных, почти фрагментарных условиях действия героев эпических сказаний прилагательное «ах» может восприниматься слушателем как «божественный», «священный». Неполное значение «ах» подкрепляется началом в тюркских языках многих омонимов для этого слова. Например, в киргизском словаре К. Юдахина для «ак» указано: «бог (божье)»⁶.

В комментариях к тексту В. Е. Майногашева также проявила себя вдумчивым и опытным исследователем. Трудно указать ту область народной жизни, духовной и материальной культуры хакасов, которая не нашла бы отражения или оценки в комментариях. Приходятся исчерпывающие ссылки на многих явления традиционного быта и культуры хакасов.

Большим достоинством рецензируемого издания является включение в него музыковедческой главы А. К. Стоянова. Хакасский эпос не может исполняться без соответствующего музыкального сопровождения, составляя с ним единое целое. Только в этом издании читатель, благодаря серьезному вниманию автора-составителя к музыкальной культуре и исполнительскому мастерству хайджи, получает полное представление о героическом эпосе хакасов.

В. Е. Майногашева внесла большой вклад в изучение культуры хакасского народа, а также издание грандиозной эпопеи эпосов братских народов нашей Родины.

Совершилось обыкновенное для нашей страны чудо: эпическое полотно малочисленного хакасского народа, сохраненное непрерывной устной традицией, благодаря полнокровному воспроизведению в книге стало достоянием народов нашей планеты.

Л. Р. Кызласов

Примечания

¹ Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М., 1986.

² Кызласов И. Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // Сов. этнография. 1982. № 2.

³ Катанов Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX. СПб., 1907.

⁴ Шедер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981.

⁵ Хакасско-русский словарь/Сост. Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул. М., 1953.

⁶ Киргизско-русский словарь/Сост. К. К. Юдахин. М., 1965.

М. Береговский. Еврейская народная инструментальная музыка / Общая редакция текста, примечания и заключительная статья М. Гольдина. М., 1987. 280 с., илл.

Почти 130 лет назад появляются первые сведения о еврейской народной музыке на страницах русских этнографических публикаций¹. Спустя 40 лет в рамках Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете были впервые записаны еврейские песни (Ю. Энгель). В то же время сделаны живые описания традиционной инструментальной музыки (И. Липаев) и начата популяризация еврейского фольклора. Фольклорных экспедиций организуется затем еврейским Историко-этнографическим обществом, созданным в Петербурге в 1908 г.² Лишь впоследствии был осознан тот факт, что, став предметом самостоятельного изучения, еврейский музыкальный фольклор в свою очередь может дать для изучения этнографии народов Восточной Европы, для получения разностороннего представления об их быте, культуре и национальной психологии.

В СССР наиболее впечатляющие выводы на основе изучения еврейской музыкальной традиции получены украинскими специалистами, и прежде всего Моисеем Яковлевичем Береговским (1896–1961 г.). Его многолетний труд без преувеличения является жизненным подвигом. Ныне всемирно известный советский музыковед-фольклорист, автор более 40 научных трудов, участник многочисленных фольклорных экспедиций, записавший тысячи образцов народного творчества различных народов, которые проживают в СССР, он большую часть жизни отдал изучению еврейской музыки. С 1928 по 1936 г. М. Я. Береговский заведовал секцией фольклора Института еврейской культуры АН УССР в Киеве, а после закрытия Института — Кабинетом еврейского языка, литературы и фольклора АН УССР, вплоть до закрытия его в 1949 г. и последующих ссылкой Береговского. Вернулся М. Я. Береговский уже после реабилитации в 1954 г. Под руководством сделано свыше 7 тыс. записей еврейской народной музыки, в том числе более половины — им лично.

Этот богатейший полевой материал лег в основу подготовленной М. Я. Береговским пятитомной антологии еврейского музыкального фольклора. Первые два тома изданы на языке идиш соответственно в 1934 и 1938 гг. В 1982 г. они переизданы с английским переводом в США в одном томе со сборником, впервые вышедшим в Москве в 1962 г. под названием «Еврейские народные песни. Песни без слов и народные драмы должны были войти в последние два тома. Рецензируемое издание представляет третий том антологии.

Рассматриваемая публикация книги М. Я. Береговского под редакцией профессора М. Д. Гольдина, крупнейшего в СССР знатока еврейской музыкальной устной традиции, — выдающееся событие в области изучения еврейской музыкальной культуры и народных традиций. Подтолкнула эта книга в архиве, ожидая встречи с читателем. Ее выход имеет большое значение и потому, что музыкально-этнографические издания на русском языке, посвященные еврейскому инструментальному наследию, крайне немногочисленны. Можно назвать разве что серию очерков Ивана Липаева в «Русской музыкальной газете» (1904 г.) и небольшой раздел в сборнике того же М. Я. Береговского (1962 г.).

Главная задача книги Береговского — публикация музыкально-этнографического материала. Трудно переоценить научно-историческую значимость нотных записей репертуара клезмерских еврейских народных музыкантов-профессионалов, игравших преимущественно на традиционных свадбках. Основным их инструментом была скрипка, наиболее популярная в еврейском обществе. Собиравший ценное свидетельство писателя И. Л. Переца: «Вы хотите знать, сколько мужчин в доме? — Посмотрите на стены. Сколько скрипок там висит, столько и мужчин» (С. Береговский располагал большой коллекцией вариантов инструментальных мелодий: в 1938 г. мог выбрать 258 вариантов из 700 (к 1948 г. их было уже 1500)). Такие мелодии трудно собрать мало даже в международном масштабе. Тем большее значение имеет сделанное М. Я. Береговским. Клезмерская музыка довоенной Украины, в основном отраженная в новой книге, свидетельствует о характере ее редактором как «составная часть музыкальной культуры народов Европы, одна из вершин европейского народного инструментализма» (с. 269). Значение ее выходит за пределы еврейской проблематики. (Не случайно тема «клезмерим» стала предметом обсуждения на 30-й Международной конференции Общества традиционной музыки ЮНЕСКО, проходившей в Атрии в июле 1989 г. Международное научное сообщество высоко оценило и советскую публикацию из коллекции М. Я. Береговского.)

Судьба еврейской народной музыкальной культуры поистине трагична. Во время второй мировой войны не только на Украине, где было записано большинство публикуемых нотных образцов (только в Киевской области 140), но и по всей Восточной Европе еврейские местечки были уничтожены фашистами. Традиционные центры еврейской культуры перестали существовать. Только в Литве, например, погибло 94% евреев. Поэтому записи, сделанные в довоенные годы, невозможно повторить в полной мере, ни восполнить. Кроме того, — и это нельзя замалчивать, — в период сталинской борьбы с так называемым «космополитизмом» был варварски уничтожен совершенно уникальный рукописный, фото-, фоно- и нотный архив Института еврейской пролетарской культуры в Киеве. Уцелели лишь готовые к публикации рукописи самого М. Я. Береговского, хранящиеся у одной из его дочерей и частично в архиве московского издательства. По завещанию покойного спасенные рукописи были переданы в 1966 г. в архив Сектора источниковедения и этнографического отдела Ленинградского института театра, музыки и кинематографии им. Н. К. Черкасова⁴. Изданное собрание клезмерской музыки является, таким образом,

первой, но, возможно, и наиболее полной и практически единственной обобщающей антологией еврейской инструментальной народно-профессиональной музыки этого региона.

Поразительной особенностью клезмерской музыки является то, что даже в тех областях, где уже несколько десятилетий не исполняется в быту, она не воспринимается как нечто мертвое, чужеродное. Это объясняется, видимо, высокой степенью мелодической (интонационной) контактности еврейской музыки, ее традиционной открытостью иноэтническим влияниям и ее способностью проникать в другие культуры. Как подчеркнул недавно Вяч. Вс. Иванов, евреи в Восточной Европе бок о бок с соседями, и прежде всего славянами, на протяжении тысячи лет. И действительно, культура окружавших клезмеров народов (украинцев, поляков, молдаван, венгров и др.) оказала немалое воздействие на формирование мелодики и ритмики клезмерского искусства. В то же время клезмерская музыка, очень популярная среди различных, в том числе и еврейских кругов, и сама участвовала в формировании слухового запаса («интонационного словаря») в Восточной Европе. До сих пор в репертуаре, например, белорусских народных скрипачей и украинских инструментальных ансамблей кое-где сохранились еврейские песни, хотя еврейских музыкантов там уже нет⁶. Круг оборотов («мелодической лексики»), типичных для клезмерской музыки, постепенно вошел в профессиональное композиторское творчество и в массовую песню европейской части СССР. Таким образом, и это важно подчеркнуть, слух людей, впервые, казалось бы, прикасающихся к клезмерской музыкой, оказывается уже подготовленным к ее восприятию. Сборник М. Я. Береговского и через 50 лет после своего завершения оказался интонационно живым, актуальным, актуальным.

Говоря о взаимоотношении традиционной еврейской музыки с фольклором окружающих народов, приходим к важному выводу редактора книги: при всей неспецифичности состава еврейских мелодик и мелодических оборотов, типичных для стиля клезмеров, самобытность этого стиля не вызывает сомнений. Она, в первую очередь, проявляется в своеобразном строении еврейских инструментальных мелодий, в сложном, неповторимом сочетании музыкальных оборотов, «попевок», в тех особенностях, которые и выражают специфику национального музыкального мышления. Можно оправдан взгляд на фольклор (в том числе и музыкальный) как на чуткое отражение специфики национального характера, поведения, общения, пластики, наконец, чувств и мышления любого народа. Следуя этой точке зрения, можно заключить, что сборник М. Я. Береговского свидетельствует о сформировавшемся на протяжении многих веков своеобразии мышления и мироощущения еврейского населения Украины. Помещенные в книгу нотные образцы — отчетливое подтверждение.

Основу тома составляет достоверная публикация 239 нотных примеров (к ним следует добавить еще около 70 образцов, приведенных в очерке редактора). Конечно, представлена не полная нотная нотация ансамблей и оркестровых капелл, а только фиксация партии солиста. Но это именно та мелодическая партия, на основе которой импровизируется ансамблевое исполнение традиционной клезмерской музыки.

Введение в научный обиход ставшего уникальным высокохудожественного музыкального материала — далеко не единственное достоинство книги. Вполне соизмерима с нотной и ее литературной частью — обширное, богато документированное авторское «Введение», развернутые «Приложения редактора» с кратким очерком деятельности М. Я. Береговского и, наконец, принадлежащее редактору музыковедческое исследование «Клезмерская музыка Украины».

Большая часть авторского «Введения» посвящена историко-этнографическим вопросам этноорганологическим проблемам: быту клезмеров и еврейскому музыкальному быту XVII—XIX вв. вообще, традициям передачи мастерства, устно-профессионального обучения и т. п. Невольные оркестры, так называемые капеллы еврейских народных музыкантов, функционировали там, где были компактные группы еврейских поселений. Их история освещена в книге. До второй половины XIX в. существовали цеховые объединения клезмеров: профессия передавалась из поколения в поколение в одной семье, даже детали быта и особый язык (арго), не говоря уже об особой пластике и исполнительских канонах. Социальное положение музыкантов было не всегда и не везде одинаковым: приходилось и выдерживать конкуренцию с музыкантами других национальностей, и обслуживать окрестных помещиков, ведь в некоторых местностях клезмеры были единственными музыкантами-инструменталистами. Часто они были вынуждены осваивать побочные занятия — службы, посыльного, дирижера, стекольщика и др. Автор ссылается на исторические литературные свидетельства, приводит характерные, любовно подобранные выразительные документальные иллюстрации (редкие фотографии, рисунки и др.), помогающие воссоздать и вернуть ушедший быт.

До второй половины XIX в. клезмерская капелла состояла обычно из 3—5 музыкантов, владеющих несколькими инструментами. Неизменная участница, душа и глава ансамбля — скрипка. Оркестр могли входить цимбалы, бубен, барабан, труба, кларнет, бандура и другие инструменты, типичные для той или иной местности. Часто членом капеллы становился *бадхон* — певец балагур, развлекавший гостей на свадьбе.

М. Я. Береговский рассказывает о конкретных исполнителях, выдающихся клезмерах: скрипачах из Бердичева Стемпеню (прозвище Йосэлэ Друкера, 1822—1879 гг.) Педоцере (прозвище М. Холоденко, 1828—1902 гг.) цимбалисте из Могилевской губернии М. И. Гузикове (1809—1871 гг.) волынском клезмере Е. Гойзмане (1846—1912 гг.) и многих других. Каждый народный музыкант-профессионал — личность. Его знали и любили в народной среде, им восхищались известные еврейские писатели (М. М. Сфорим, Шолом-Алейхем) и прославленные европейские музыканты (Ф. Лист, Ф. Мендельсон-Бартольд, К. Липинский, Ф. Давид и др.).

Специальный раздел «Введения» характеризует жанры еврейской инструментальной музыки. Система лучше всего отражает бытовую функциональность этой музыки.

Самый популярный неfigurный танец — *фрейлехс* (букв. веселый), имеющий и другие названия: *hopke* — гопак, *redl* — кружок, *karahod* — хоровод, *dreidl* — юла и др. Другие танцы гинальны как в образном, так и в хореографическом отношении: *шер* — парный фигурный танец, *шток* — танец с палкой, *баройгес-танц* — танец ссоры, *хосид* — танец с элементами гротеска. Музыка они все близки фрейлехсу. Необычайно важны для сравнительного этномузыковедения записи и таких еврейских танцев, как *жок*, *дойна*, *оландре*, *волах* (т. е. валашский), *пла бейгеле* (бубличек).

Инструментальная музыка — неотъемлемый элемент еврейской свадьбы. Известны случаи, когда свадьбу переносили за пределы той местности, где в знак траура было запрещено играть на инструментах. Согласно этнографическим наблюдениям, именно инструментальная музыка была стержнем свадебной церемонии; она сопровождала важнейшие моменты свадьбы: встречу и проводы гостей, обряд усаживания невесты, шествие к венцу и возвращение, приглашение к столу, само застолье и т. д. Всем этим моментам свадебного ритуала соответствуют определенные музыкальные эпизоды: *добрыдень* и *добраночь*, *мазлтов* — для встречи гостей, скрипичная импровизация для *Kale-bazech* (усаживания невесты), фрейлехсы *in der hupe* и *fun der hupe* (к венецу и от венеца), наигрыши *Ahavo rabo* (Любовью великой); различные доины, скочны, фрейле сопровождающие трапезу; задравная *lehajim*; *gas-nign* — уличные напевы, которыми провожают гостей; прощальные *a gute naht* (доброй ночи) и *zai gezunt* (будьте здоровы).

Дополнительные сведения о свадебном обряде, о традиционной помолвке (*тнйим*), о соответствующей обряду музыке, варьируемой в зависимости от того, какой была свадьба — богатой, средней или бедной, а также о бытовании инструментальной музыки читатель найдет в очерке М. Д. Голдина. Очерк в целом посвящен анализу клезмерской музыки Украины на фоне общевосточноевропейской традиции еврейской свадьбы. Автор характеризует интонационные истоки клезмерской музыки — связь ее с народной песней, с синагогальным речитативом, ее лады, их генезис, ритмическую форму, черты национального своеобразия и взаимодействие с музыкой других народов.

Стремясь дать более полную картину еврейской инструментальной музыки, редактор вводит в свои примечания такой ценный источник, как материалы книги Иоахима Стучевского «Клезмеры (клезымеры)», изданную в Иерусалиме на иврите в 1959 г. и потому подавляющему большинству советских читателей недоступную. Согласно мнению редактора, труды М. Я. Береговского и И. С. Чевского взаимно дополняют друг друга.

Очевидно, что рецензируемое издание имеет огромное научное и художественное значение, и музыковедческое, так и историко-этнографическое. Разносторонний комплексный подход к предмету исследования делает книгу равно интересной для любителей и профессионалов — музыкантов, фольклористов, этнографов, историков, культурологов — и широкого круга читателей, интересующихся восточноевропейской музыкой, танцами, свадебным обрядом, интернациональными связями.

Можно выделить три момента, свидетельствующих о выдающемся значении рецензируемого издания. Это бесценный исторический материал для понимания еврейской национальной культуры, драгоценный типологический материал для изучения инструментальной музыки устной традиции, и, наконец, уникальный материал для историко-генетического исследования взаимовлияния различных этнических культур, реальной диалектики национального — интернационального, конкретно «технической» эстетического переосмысления — переинтонирования с учетом региональных стилей и традиций восприятия.

Остается лишь посоветовать на более чем скромный тираж издания — 2 тыс. экземпляров. Учитывая скудость литературы по этому вопросу на русском языке (оригинальной и переводной) и также интерес со стороны самых разных категорий читателей, такой тираж явно не в состоянии удовлетворить даже незначительную часть всех желающих познакомиться с книгой.

Хочется надеяться, что рецензируемое издание активизирует исследовательскую деятельность в области еврейской традиционной культуры и послужит толчком для выпуска в СССР новых интересных работ, в том числе из архива М. Я. Береговского¹. Заметим, что в нем хранятся до сих пор не изданные бесценные материалы по еврейскому традиционному театру, значение которого для истории театра многих народов Европы трудно переоценить. Эти материалы подготовлены к печати самим собирателем, снабжены переводами и комментариями. Добавим, что подобные работы пользуются повышенным спросом и у зарубежного читателя, необходимо публиковать с резюмен на английском языке.

М. И. Вайнштейн, И. И. Земцовский

Примечания

¹ Берлин М. И. Очерк этнографии еврейского народонаселения в России // Этнографический сборник. Т. 5 (Записки Императорского Русского Географического общества). СПб., 1861).

² Вайнштейн М. И. Общество еврейской народной музыки как фактор культурной жизни Петербурга начала XX в. // Этнография Петербурга-Ленинграда: Материалы ежегодных научных чтений. 2 / Сост. Н. В. Юхнева. Л., 1988. С. 29—37.

³ Old Jewish Folk Music. The Collections and Writing of Moshe Beregovski / Edited and Translated by Mark Slobin. Philadelphia, 1982. 579 p.

Путеводитель по архивным фондам ЛГИТМК / Ред. А. Я. Альтшулер. Л., 1984. С. 8—9.
5 Песни былого. Из еврейской народной поэзии. М., 1986. 319 с. / Ред. Вяч. Вс. Иванова // *Мир*. 1988. № 7. С. 270.

Белорусские свидетельства — по экспедиционным материалам И. Д. Назиной, украинские — Мациевского. Благодарим собирателей за ценную информацию о еще неопубликованных

Заметим, что архив М. Я. Береговского не исчерпан рецензируемым изданием и в области инструментального фольклора. В частности, редактор не включил некоторые ценные записи, в числе выдающийся образец клезмер-таксима. Публикацию его вместе с подробной информацией о содержании рукописи М. Я. Береговского см. в статье профессора Бар-Иланского университета Иоханна Брауна: Braun J. The Unpublished Volumes of Moshe Beregovski's Jewish Musical Folklore // *Israel Studies in Musicology*. 1987. V. IV. P. 125—144.

1990 г.

Антропологические типы древнего населения на территории СССР (по материалам антропологической реконструкции). Авторы: Т. С. Балугева, Е. В. Веселовская, Г. В. Лебединская, А. П. Пестряков. М., 1988. 178 с.

В рецензируемой книге освещаются два различных аспекта антропологической реконструкции — по черепу. Во-первых, это специальное исследование, посвященное дальнейшему развитию методических и теоретических вопросов пластической антропологической реконструкции, той области антропологии, основателем и первым отечественным исследователем которой был проф. М. М. Генис. Во-вторых, работа знакомит читателя с коллекцией скульптурных и графических портретов, выполненных методом антропологической реконструкции по черепу, дающих наглядное представление о хронологической динамике антропологических типов населения СССР. В этой части ориентирована на максимально широкий круг читателей: специалистов в области антропологии, антропологии, общей истории и всех интересующихся методом восстановления лица по черепу.

Первая часть монографии — «Антропологическая реконструкция и пути ее развития» посвящена собственно научным исследованиям, нацеленным на дальнейшее развитие пластической антропологической реконструкции, и носит сугубо научный характер. Здесь дается подробный очерк истории создания метода и самого направления антропологической реконструкции. На фоне этого исторического экскурса наглядно просматриваются последние достижения в данной области.

Особое внимание уделено новым методическим и теоретическим вопросам, разрабатываемым коллективом Лаборатории пластической антропологической реконструкции Института этнографии СССР, которые, на наш взгляд, представляют собой качественно новый этап в развитии данной области науки. Новизна состоит в том, что впервые разработаны методы и программы исследований на основе массового, статистически достоверного материала по различным этнорасовым и половозозным группам населения Советского Союза, позволяющие существенно уточнить и объективизировать метод антропологической реконструкции лица. Применяемый при этом новый и весьма перспективный метод ультразвуковой эхолокации позволил впервые получить объективную информацию о толщине мягких покровов на различных участках лица и выявить взаимозависимость морфологических признаков лица и соответствующими костными структурами. Перспективность разработанных программ и метода для целей антропологической реконструкции удалось подтвердить результатами статистического анализа конкретного цифрового материала, полученного по девяти этнотерриториальным группам.

В этом же разделе представлено большое количество таблиц и схем, иллюстрирующих взаимосвязь между мягкими покровами лица и черепом, полученных при анализе совершенно уникального материала — рентгенограмм головы живого человека.

Несомненный интерес представляет также впервые осуществленный анализ ряда характеристик антропологической программы, выполненной по серии графической реконструкции лица по черепу. Вытекает внимание и широкий спектр различных методических подходов, предлагаемых авторами для решения этой сложнейшей и очень важной проблемы современной антропологии.

Вторая часть книги — «Антропологические типы древнего населения на территории СССР» — в значительной мере популяризаторский характер, что органически вытекает из второго, не менее важного познавательного аспекта галереи портретов древнего населения и исторических лиц, предназначенного для широкого круга интересующихся данным вопросом читателей.

Вниманию читателей предлагается галерея портретов, выполненная на краниологическом материале различных регионов Советского Союза, охватывающем огромный отрезок времени — от палеолита до средневековья. Следует отметить высокий профессиональный уровень и большую художественную выразительность представленных реконструкций, которые наглядно характеризуют разнообразие антропологических типов древнего населения территории СССР.

В краткой, но достаточно емкой форме даются общие характеристики хронологических эпох, подробные описания конкретных археологических памятников (стоянок, могильников и т. д.), а также антропологическим материалам которых и созданы реконструированные портреты. Предлагается удачным и сжатое научно корректное изложение теоретической полемики по проблеме происхождения человека современного вида.

Вызывает сожаление, что из-за ограниченного объема публикации не все методические подходы

и конкретные результаты исследований, успешно разрабатываемые под руководством Г. В. Лебединской, отражены в книге. Не получила полного отражения и богатая коллекция портретов выполненных в последние годы сотрудниками Лаборатории пластической антропологической реконструкции. Учитывая неординарность подобного рода работ в антропологии и их ценность (в том числе и как иллюстративного материала), было бы крайне желательно предусмотреть в дальнейшем периодическую публикацию реконструированных антропологических портретов в виде атласа снабженных аннотациями к портретам и картам с указанием мест соответствующих находок. Следует отметить хорошее оформление книги, хотя такого рода публикации требуют большего формата. Досадно, что по непонятным причинам фамилии авторов не вынесены на обложку и на титульный лист.

Антропологическая реконструкция является уникальной и единственной возможностью представить вочию внешний облик наших далеких предков. В этой связи вызывает большое удивление то обстоятельство, что данное направление, основанное М. М. Герасимовым, нашло достойное продолжение в трудах созданной им школы. Поскольку последняя монография М. М. Герасимова вышла уже давно (1964 г.) и по данной тематике публиковались лишь отдельные статьи, появление новой коллективной монографии является убедительным свидетельством успешного развития этого метода коллективом, которым руководит Г. В. Лебединская.

В целом рецензируемая книга позволяет ознакомиться с новыми методами и программами нацеленными на дальнейшее совершенствование метода антропологической реконструкции, характеризующими развитие качественно нового этапа в этой области антропологической науки.

Р. Я. Денисов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

© 1990 г.

ПЕСЕННАЯ ПОЭЗИЯ ЦЫГАН ВОЕВОДИНЫ

Собирание, изучение и публикация произведений устного народно-поэтического творчества цыган Югославии начались довольно поздно. Лишь в 1937 г. Раде Ухлик (известный ныне цыганолог с мировым именем) впервые издает на цыганском языке небольшой сборник песен югославских цыган. В послевоенные годы в сотрудничестве с Бранко Радичевичем он публикует избранные народные цыганские песни в художественном переводе на сербскохорватский язык. Этот сборник неоднократно переиздавался и на западноевропейских языках, в частности на немецком¹.

В 1978 г. в издательстве «Стражилово» впервые увидел свет двуязычный сборник народной поэзии цыган Воеводины «Капа vavas ando fogo» («Когда я возвращался с ярмарки») на цыганском языке с параллельным переводом на сербскохорватский. Вошедшие в сборник песни собраны и переведены на сербскохорватский его составителем Трифуном Димичем.

Два года спустя в Белграде вышел сборник цыганских загадок, подготовленный Раде Джуричем², который опубликовал также несколько сборников собственных стихов на цыганском и сербскохорватском языках³.

И наконец, в 1986 г. в издательстве Сербской матицы в Новом Саде появился еще один сборник цыганской песенной поэзии, включающий 129 песен. Вошедшие в него народные песни Трифун Димич собирал в различных районах Воеводины⁴, но далеко не во всех. В сборнике представлены песни на гурбетском (влашском) диалекте сербских цыган, а некоторые — на диалекте живущих в Воеводине румынских цыган, близком к кэлдэрарскому и ловарскому. Сборник снабжен также параллельными переводами на сербскохорватский язык. К сожалению, он издан в весьма ограниченном тиражом (лишь 1000 экземпляров), и ему суждено скоро стать библиографической редкостью.

Составитель распределил материал по 10 разделам: I. Свадебные песни (с. 8—27). II. Пени-плачи (с. 30—35). III. Застольные песни (с. 38—47). IV. Любовные песни (с. 50—83). V. Семейно-бытовые песни (с. 86—217). VI. Колыбельные (с. 220—225). VII. Шуточные и сатирические песни (с. 228—251). VIII. Социальные песни (с. 254—289) (раздел социальных песен возглавлен по-цыгански — «Dilja katar o coripe thaj o barvalipe», т. е. «Песни о бедности и богатстве»). IX. Песни периода НОБ, т. е. народно-освободительной борьбы народов Югославии в 1941—1945 гг. (с. 292—309). X. Послесловие Т. Димича, где рассказывается о сборнике народных песен среди цыган Воеводины. Здесь содержится и информация об антропонимике сербских цыган Воеводины — Ковачевич, Кнежевич, Александрович, Мартинович, Новакович (9 человек), далее следуют Йовановичи (5 человек) и Димичи (также 5 человек), в том числе тезка и однофамилец составителя сборника — Трифун Димич. Другие распространенные фамилии

оских цыган Воеводины — Ковачевич, Кнежевич, Александрович, Мартинович, Новакович и Йокв 5.

В 1960—1970-х годах секция этнологов Общества музейных работников Воеводины в составе Яны Малуцков, Милы Босич, Веры Милутинович, Милюево Милосавлевича, Милана Милова, Лиляны Радуловачки, Владимира Митровича, Види Грбич Тричковиц и Катинки Ковачевич тщательно исследовала цыганское население 133 (более трети) населенных пунктов Воеводины. В упомянутом сборнике приводятся не только антропонимические, но и демографические и социологические данные (количество домов, семей, отдельных лиц, их расселение среди основных слоев того или иного населенного пункта, род занятий и пр.), а также собственно этнографические сведения, в частности по материальной культуре (жилище, пища, одежда), описание свадебных и погребальных обычаев, наиболее популярные религиозные праздники.

Согласно переписи 1971 г., в Воеводине зарегистрировано 7536 цыган, однако эта цифра не отражает действительности, ибо, как правило, во время переписи населения сербские цыгане называют себя сербами, румынские — румынами, венгерские — венграми. В 19 исследованных Милошевым населенных пунктах Баната живет около 7500 цыган, из которых около 3000 человек признают родным цыганский язык.

Помимо сербских («белых цыган», «гурбетов» и др.), венгерских («гурваров», «ловаров» и др.) и румынских цыган на территории Воеводины упоминаются еще так называемые русские цыгане, которых ни в какой степени не следует смешивать с собственно русскими цыганами нашей страны, так как здесь имеются в виду представители происходящей из Баната и Трансильвании лингвистической группы венгерских цыган-ловаров, предки которых во второй половине прошлого века появились на территории царской России, а в начале нынешнего века оказались на территории Сербии, в том числе и в Воеводине. Многие из них и сейчас имеют родственников в Украине. Для этой группы характерно наличие чисто русских фамилий (Романов, Денисов, Иванов, Петров, Комаров), с одной стороны, и чисто венгерских мужских имен вроде Йожи, Йош, Шандор, Матяш, Пишта — с другой.

Кроме того, в Воеводине встречаются группы так называемых турецких и албанских цыган, а также балканских цыган «сарлия» из Македонии и Косова.

Вернемся к фольклору этой группы цыган. Наиболее широко представлены семейно-бытовые песни (53 песни). Далее следуют социальные и любовные песни (по 17 песен в каждой группе), шуточные и сатирические (12 песен), а также свадебные (10 песен).

За редким исключением, большинство цыганских песен периода народно-освободительной борьбы лишено своеобразия и вполне могло бы быть помещено в разделе семейно-бытовых или социальных песен. Среди песен военной поры особенно следует отметить «Ala trajin e Baškaše» («Еще живут цыгане Бачки» — № 122, с. 294):

Еще живут цыгане Бачки,
а цыгане Срема убиты на дорогах.
О лагерь, как ты велик!
Насколько велик, настолько же проклят.
Открой, боже, твои черные ворота,
чтоб я увидел свою семью.
Вывезли нас из Моловина,
Моловина, где жизнь была хорошей.
Все собрались, и цыгане, и цыганки,
а среди них и малые детишки ⁶.

К этой песне близка по своей тематике песня «Jekh detharin uštilem zorava» («Однажды утром я встал на заре» — № 128, с. 306):

Однажды утром встал я на заре
и думаю, что мне, бедному, поделать.
Куда пропали цыганские девушки
и вместе с ними господа-евреи?
Не могу забыть те тяжелые дни,
То, что приключилось с нашей страной.
Бог даст и все будет хорошо,
наших цыган бог сохранит.

Характерно, что другой вариант песни «Еще живут цыгане Бачки...» встречается в песенной традиции Венгрии:

Еще живут цыгане Бачки,
А цыгане Срема убиты на дорогах.
Ай-ой, Гитлер, на твоей голове
То, что ты сделал с нашей страной.
Гремят ружья, детишки убегают,
Отчего они бегут? Сильно ружья стреляют.

В разделе семейно-бытовых песен привлекают к себе пристальное внимание тексты нескольких баллад — эпических и лироэпических повествований, как правило, о трагических происшествиях семейно-бытовых драмах. Так, в балладе «*Kan' avavas andgo fogo*» («Когда я возвращался с ярмарки» — № 36, с. 86—95) рассказывается о том, как цыган Миле, возвращаясь с Яркованской ярмарки, повстречал прекрасную Яну Фамильяну с ведром в руках и попросил воды, чтобы напоить своего Мургу... Далее повествуется о том, как после различных приключений ему удалось жениться на прекрасной Яне Фамильяне. В сборнике публикуется и фрагмент другого варианта этой баллады, в котором девушку зовут Дана Логожана (№ 37, с. 96—99).

«*Den-pe svato duj terne phralogga*» («Советуются два молодых братца») — еще одна баллада; тексты двух ее вариантов приводятся в сборнике Т. Димича целиком (№ 47, с. 120—123; № 48, с. 124—127). Два брата идут к богатому Йошке сватать его дочь Рину. Йошка готов отдать дочь, если она сама этого захочет. Рина ставит условие: кто переплывет реку (Саву), тот будет ее мужем. Братья плывут до середины реки, у них не хватает сил плыть дальше, они обнимаются и тонут. На одном берегу реки пляшет Рина, а на другом плачет их мать и рвет себе волосы.

Полна драматизма и «*Dili katar e Bila*» («Песнь о Биле» — № 49, с. 128—135). Эта баллада о двух братьях — Миле и Михайло. В юности они поклялись у гроба матери никогда не разлучаться и поэтому не жениться. Когда одному из братьев исполнилось 20 лет, как-то утром они отправились на ярмарку. На полпути старший — Михайло остановился и объявил, что решил жениться на прекрасной Биле. Так братья расстались. Михайло приехал к Биле, которая согласилась стать его женой, только если он подарит ей глаза своего брата Миле. Встретил Михайло брата Миле и все ему рассказал. Миле отдал брату свои глаза и стал слепым бродячим музыкантом. Через неделю собрались сваты Михайло с подарками у окна дома Билы, а сам Михайло подарил ей глаза своего брата Миле. После свадьбы поехали сваты по домам и взяли с собой молодого прокатиться. Напали на них разбойники, захватили Билу и все ее серебро-злато, Михайла убий и оставили на дороге, а сваты разбежались. Бредет по дороге слепой музыкант Миле и играет на тамбуре. Наткнулся он на труп брата, закричал: «О Михайло, брат ты мой любимый, отдал я тебе свои глаза, чтоб счастлив ты был с Билой. Отдам тебе теперь и свое сердце, навсегда останемся друг с другом!» Умер Миле от большого горя, лежат теперь братья рядом друг с другом, спят...

И наконец, баллада «*Suta Mile tal akhorin*» («Спал Миле под деревом грецкого ореха» — № 75, с. 188—191). Аналогичную балладу мы встречаем в фольклоре наших кэлдэаров под названием «Поркэрашо ле баленго» («Свинопас» — № 9, с. 62—65)⁸. Воеводинский вариант баллады проще кэлдэарского. Так, уже в первых двух строчках: «*Suta Mile tal akhorin/dija o sap ap kolin*» — мы узнаем, что, когда Миле спал под деревом, к нему на грудь взползла змея. Далее он идет к отцу, отец посылает его к матери, мать — к сестре, а сестра — к жене, которая вместе змеи вытаскивает из-за пазухи Миле золотые дукаты. В кэлдэарском, более разработанном варианте факт появления змеи на груди героя баллады становится известным лишь в восьмой и девятой строчках:

Раклорб де-инья-бэршэнго,
Поркэрашо ле балэнго...

(Здесь следовало бы ожидать «де-дешинья-бэршэнго», т. е. 19-летний.)

Мальчик лет девяти,
Свинопас.
Свиней он пас,
Солнце его припекало,
К дереву он пошел,
Уселся в тени,
И охватил его там сон.
Красная змея подползла.
За пазуху к нему забралась.

Бежит он к матери, мать посылает к отцу, отец — к сестре, сестра — к возлюбленной. Вытащила змею, ударила оземь и посыпались монеты. Пошел Миле с нею в церковь, обвенчался и живут они счастливо.

По всей видимости, и песня «*Svanisarda o četvrtko rano*» («Рано рассвело в четверг» — № 174) — также фрагмент некогда существовавшей баллады. Вот первые четыре стиха этой песни:

Рано рассвело в четверг,
встретились два молодых братца,
встретились Иво и Злато,
встретились в узком переулке...

То же можно сказать о песне «*Tradel Meča štare lole grasten*» («Гонит Меча четырех рыжих коней» — № 88, с. 216—217).

Обращают на себя внимание и два варианта сватовской песни «Ušti, Ruža, fulav tut!» («Встань, и, причешись» — № 5, с. 16; № 6, с. 18) со следующим зачином:

Встань Ружа, причешись,
едут цыгане сватать тебя,
едут, едут цыгане,
все на красных повозках...

Сравните эти тексты с текстом цыганской песни, записанной братьями И. и Ш. Ченки в 1953 г. в Венгрии (№ 16, с. 31)⁹:

Встань, Роза, причешись,
Едут цыгане сватать тебя.
На зеленых повозках
И на желтых жеребцах.

В песне образ цыганских сватов на красных повозках в основе другой песни воеводинских цыган (№ 3, с. 12—13):

Вот едут цыгане,
все на красных повозках,
чтоб сватать девушку,
далеки их дорожки.

Вообще для песенного фольклора различных этнолингвистических групп влашских цыган характерно употребление определенных фольклорных клише — устойчивых выражений или отдельных строк. Сравните, например, четверостишие из песни цыган Воеводины «Rodel man, rodel man» (№ 23, с. 58) с четверостишием из песни наших ловаров:

Вон идет оттуда
моя смуглая жена,
с распущенными волосами,
с заплаканными глазами...

...Ищет меня, ищет
Моя бедная мать,
С распущенными волосами,
С заплаканными глазами...¹⁰

Приведем в качестве примера еще зачин трех разных по содержанию песен — воеводинской «Věša, vōša» (№ 73, с. 184), песни влашских цыган Венгрии и ловарской «Вэша, вэша зэлэнона» (ОФЦК, № 41, с. 114):

Лес, лес зеленый,
как ты красив своей листвою,
словно девушка своими волосами.
Лес, лес зеленый,
Ты красив своей листвою,
Ты красив своей листвою,
Как цыганка волосами (CsK, с. 59).

Лес, лес зеленый,
Как красив ты своей листвою.
Как красив ты своей листвою,
Словно цыганская девушка с длинными волосами.

А вот зачин песни воеводинских цыган «Dža, džā» (№ 2, с. 10) и куплет из песни цыган Венгрии:

Иди, иди, не стыдись, иди к цыганам, сватай девушку...	Иди, иди, иди не стыдись, иди к Лимчи, проси дочь ¹¹ .
---	--

Брось яблоко в печь
по мне больше ты не плачь.

Брось яблоко в грязь,
вслед мне больше не гляди.

Брось яблоко в суму,
за мною больше не бегай.

К сожалению, буквальный перевод не передает всей прелести этой основанной на полном рифмовке песни. Первые два двуступища ее используются и в начале третьего и четвертого четвертуступищ другой песни: «Si man sita thaj karlica» («Есть у меня сито и корыто» — № 96, с. 236), которая в вольном переводе Ж. Петровича звучит на грампластинке в исполнении Гордана Йованович.

Многие цыганские песни существуют в различных вариантах. Так, в сборнике Т. Димич мы встречаем два варианта песни «Рина» (№ 24, с. 60—61 и № 50, с. 136—137). Третий вариант этой песни — на грампластинке Гордана Йованович. Эти песни объединяет, пожалуй, лишь то, что все они обращены к девушке по имени Рина. Зато почти идентичный вариант песни «Верка» (№ 60, с. 158) можно услышать на грампластинке в исполнении Оливеры Катарины.

Подавляющее большинство народных песен цыган Воеводины имеет строфическую (куплетную) форму в виде двуступищ, трехстипищ, четверстипищ и строф с большим числом стихотворных строк, что, кстати, не характерно для сербской народной лирики¹². Излюбленный стихотворный размер — хорей. Практически все вошедшие в сборник песни изложены в этом размере. Единственное исключение — популярная ныне цыганская песня «Đelem, đelem» («Шел я, шел» — № 12, с. 292), прозвучавшая в 1960-х годах в кинофильме А. Петровича «Сборщики перьев». По всей вероятности, эта изложенная в пятистопном ямбе песня — авторского происхождения.

Однообразие в выборе стихотворного размера компенсируется различным числом слогов хорейческой строке. С одной стороны, мы встречаемся с песней, где каждая из семи строк представляет собой одну диподию хорей, т. е. двухстопную (четырёхсложную) строку («Мессо сого» (№ 104, с. 254):

Я — беден,
я — беден,
прислони свою голову,
прислони свою голову
ко мне,
чтоб не умер я
в одиночестве.

С другой стороны, шестистопная (12-сложная) строка в песне «Po motori bešlem, and Pešta đelem» («На мотоцикл сел я, в город Пешт поехал» — № 54, с. 144) и даже семистопная (14-сложная) стихотворная строка в песне «Cvetosarda, cvetosarda e gunjica parni» («Белым цветом, белым цветом зацвела айва» — № 65, с. 168—169). Однако подавляющее большинство песен имеет 10-сложный стих (наиболее распространенная, доминирующая форма в сербской народной поэзии, так называемый десетерац. Широко представлены, как и в сербских лирических народных песнях, семисложный (седмерац), восьмисложный (осмерац) и более редкий в сербских песнях шестисложный стих (шестерац)¹³. В отдельных песнях могут чередоваться восьмисложные и шестисложные строчки (№ 116, № 126), а в трехстипищах первая строка может состоять из пятистопного, вторая — из четырехстопного и третья — из трехстопного хорей (№ 78, с. 196).

Отметим также вошедшие в сборник три песни-плача, подобные сербским «тужбалицама». Плач «Ake tuče kali kuna» («Вот тебе черная колыбель» — № 12, с. 32) — в размере четырехстопного хорей. Два других отличаются неравнослоговостью стиховых строчек. «Na dža leste, k achilo lesko suno ande tungrge phare đesa» («Не уходи к нему, о ком остался лишь сон в мои тяжелые дни» — № 13, с. 34) представляет собой десятистипище с 12-, 16-, 20-сложными стихами в размере хорей. Плач «Avilem ake te-govav manđe po šudro bar-u» («Я пришла, чтоб плакать в холодным камнем» — № 11, с. 30) состоит из 15—16-сложных строчек. 16-сложные стихи имеют четкий хорейский размер с цезурой посередине.

По-видимому, нет особой нужды подробно останавливаться на возможных опечатках или неточностях в рукописи при передаче цыганского текста, таких как tu će вместо tuče «тебе», soğav вместо soğav la «украду ее», dikla вместо dik la «смотри на нее», lele вместо le-ba «возьми-ка» и т. д.

Однако следует сделать одно замечание относительно переводов на сербскохорватский. В стремлении как можно точнее передать форму цыганских оригиналов автор переводов нередко допускает досадные промахи в смысле передачи содержания песен. Так, например, в приведенных выше песне «Брось яблоко в печь» (№ 35) все три вторые строки двуступищ — «по мне больше не плачь», «вслед мне больше не гляди», «за мною больше не бегай» переведены на сербскохорватский одной фразой: «и плакати немой за мною». Первое двустипище песни № 10 (с. 26-27) «Okojaring o dorjav/Kaldaraša čeren'bjav'», что означает «По ту сторону реки цыган

кларры справляют свадьбу», в переводе также значительно упрощено до «С оне стране Ду-
ша цыгански су сватови», что значит «С той стороны Дуная цыганские сваты». В песне
еще живут цыгане Бачки» (см. выше) говорится, что цыгане Срема «убиты» («mudarde») на до-
ках, тогда как в переводе они «протерани», т. е. «прогнаны» («выгнаны, изгнаны»).

Тем не менее в целом работа Т. Димича заслуживает самой высокой оценки, потому что
ствительно является весомым вкладом в исследование цыганской народной песенной поэзии.

Лекса Мануш

Примечания

¹ Ухлик Р., Радичевић Б. Циганска поезија. Сарајево, 1957; *Uhlik R., Radčević B. Zigeuner-
der. 3. Auflage. Leipzig, 1977. 63 S.; Ciganska poezija / Sakupio i preveo Uhlik R. Prepevao i dopevao
idčević B. Beograd, 1982. 302. S., ill.*

² Romane garadine alava. Ромские загометке / Избор, предговор, превод и коментар Бурић Р.
град, 1980. 91 с.

³ Бурић Р. Рхом рходел тхан талав кхам. Београдо, 1969. 40 с.; *Durić R. Bi kheresko bi
ioresko. Без дома, без гроба. Beograd, 1979; Бурић Р. Прастара реч, далеки свет. Purano svato,
dur them. Beograd, 1980. 88 с.; Durić R. A. thaj U. A i U. Beograd, 1982. 92 s.*

⁴ Cidimata e romane diljendar. Ромска народна поезија / Čida thaj nakhada Dimić T. Novi
id, 1986. 331 s.

⁵ См. подробнее в сборнике этнологических материалов по цыганам Воеводины: *Etnološka
ada o Romima-Ciganima u Vojvodini. I. Novi Sad, 1979. 420 s.*

⁶ Все тексты цыганских песен даются в переводе автора рецензии.

⁷ Csikóink kényesek. Magyarországi cigány népköltészet. Budapest, 1977. 93. old. (далее — CsK).

⁸ Образцы фольклора цыган-кэлдэрарей / Подг. Деметер Р. С. и П. С. М., 1981. 264 с.
лее — ОФЦК).

⁹ Csenki I., Csenki S. Bazsarózsa. 99 cigány népdal. Budapest, 1955. 4. kiadás. Budapest,
99. 151 l.

¹⁰ Сравните эту ловарскую песню с ее фонетической «кэлдэраризацией» (ОФЦК, № 31, с. 104).

¹¹ Vig R. Magyarországi cigány népdalok. Budapest, 1976.

¹² Петрович Р. Взаимосвязь текста и мелодии в сербских лирических народных песнях //
прошлого югославской музыки. Сб. статей югославских музыкантов. М., 1970. С. 108.

¹³ Петрович Р. Указ. раб.

© 1990 г.

J. H. Moore. *The Cheyenne Nation. A Social and Demographic History*. Lincoln and London, 1987. 390 p.

В течение десятилетий наши представления об индейских племенах Америки базировались на наблюдениях и обобщениях американских этнографов — классиков «золотого века американской этнологии» конца XIX—30-х годов XX в. Именно в этот период были монографически исследованы большинство североамериканских индейских племен. Особенно подробно изучена этнография степных индейцев, некоторых из них неоднократно. Так было и с чейеннами. Монография Дж. Гриннела, Дж. Дорсея, Дж. Муни стали уже классикой. История знакомства европейских поселенцев с индейцами, свидетельства торговцев, путешественников, военных и правительственных агентов об их жизни в течение XVII—XIX в., демографические наблюдения, производство, занятия, общественная и религиозная жизнь, быт, материальная культура, фольклор, — все, казалось бы, получило освещение, включая и описание резервационного быта индейцев. Однако новые исследования Дж. Мура показывают, что к настоящему времени не все проблемы исчерпаны.

Дж. Мур относит себя одновременно «к последнему поколению полевых исследователей, которые могут еще получить новые знания об аборигенных культурах степей...», и «к первому поколению, применяющему компьютеры для того, чтобы разобраться в огромной массе данных по перипетиям и административным вопросам» (с. 3). Это порубежное в методическом и методологическом плане положение современного исследователя-этнолога и определило во многом специфику подхода Дж. Мура к материалу, который оказался в его руках благодаря дружеским отношениям со многими старейшинами и вождями чейеннов, а также интенсивно проводившимся им полевым работам в 1980—1982 гг. и последующим архивным изысканиям. В лучших традициях американской этнологической школы, подкрепленной марксистской методологией (с. 8, 127, 337, 338), автор стремился возможно точнее определить этносоциальную терминологию своего исследования, что сразу же при анализе таких понятий, как «племя» и «народность», по отношению к популяции чейеннов давало ему возможность показать пределы эволюции общественного устройства индейцев от матрильной ячейки, матриликальной организации, управляемой советом вождей, к агнатной, к наследованию по мужской линии, руководимой военными вождями (с. 94). В сущности, Дж. Мур в споре с Э. А. Хибелом отстаивает идею военной демократии как формы перехода от родоплеменного устройства к классовому, осуществляющемуся уже в рамках новых форм этносоциальной общности — «народности», «нации». К сожалению, материал для этносоциологического обобщения, который давала американская действительность XVII—XIX в., оказался недостаточно выразительным, ибо в чистоту опыта, связанного с переходом к классовому обществу, к более высокой общественно-экономической формации и устойчивым государственно-административным формам управления, — непрерывно воздействовало организованное давление внешних социально-экономических стимуляторов колонизационных потоков европейских иммигрантов.

Специфика историко-культурного подхода, осуществленного Дж. Муром, заключается в том, что социальные и демографические процессы он стремится показать на фоне живой исторической действительности. И это в первую очередь отражается на его подходе к источникам. Их характеристике посвящено немногим менее трети всего текста (с. 27—125), сгруппированного в три главы. Глава 2 — «Племенной круг», где описано размещение различных подразделений чейеннов в священном кольцевом лагере (типичном организационном устройстве степных кочевых племен), в котором проводился ежегодный праздник солнечного танца. Глава 3 — «Старые документы», где приведены сведения, собранные экспедицией М. Льюиса и У. Кларка (1804 г.), и предшествующие сообщения, которые могут быть связаны с чейеннами, а также не опубликованные ранее топографические карты, содержащие даже сведения, относящиеся к 1674 г. (с. 78). Глава 4 — «Устная история», включающая священную мифологическую традицию, в том числе креативные мифы (с. 9—98) основных подразделений чейеннов, а также их светскую историю.

В результате проведенного в этих главах исследования была выяснена динамика развития общественно-политического устройства чейеннов в исторический период (с. 15, 19, 121—125), установлены пути их расселения с Верхней Миссисипи к Блэк-Хилс (на рубеже штатов Вайоминг и Южная Дакота) (с. 80, 83). Вообще стремление представить культуру чейеннов именно в развитии выгодно отличает монографию Дж. Мура от работ предшественников, которые обычно составляли этнологическую характеристику по воспоминаниям индейцев — современников событий конца «века бизонов», проживающих в резервациях. Предыдущий период рассматривался ими фрагментарно в соответствии с отдельными наблюдениями путешественников прошлого, сопровождающихся описанием некоторых деталей быта индейцев, образцов их материальной и духовной культуры. Таким образом, хронология жизни индейцев ставилась в прямую зависимость от посещений путешественников-наблюдателей и самого качества их наблюдений.

Дж. Мур, выявляя последовательность сегментации групп, образования новых (вследствие соединения представителей различных подразделений), поглощение одного коллектива другим, распад коллективов, преобразование их вследствие браков с представителями других групп и даже этносов (с. 53, 54), стремится установить внутренние исторические вехи племенной истории чейеннов (с. 87, 122—124) и представить комплексную социальную характеристику каждого из периодов, насколько позволяют материал и современные возможности этнологических реконструкций.

зательна в этом смысле история изучения этнонима «чейенны», который еще в начале XIX в. исследователи могли воспринимать по аналогии с наименованием «кроу» (вороны) как французский перевод самоназвания, восходящего к слову «собаки» (ср. с. 59). Cheyenne — chien — Nation Chien, указано на неопубликованной карте, рисованной Л. Хэннеленом в 1967 г., где этот «народ» отмечен на западном берегу Миссисипи близ ее истоков. На карте Ж.-Б. Фрэнклена (1697 г.) верно там же обозначены «chaienaton» (у дакота «ton» означает народ) (с. 79). По данным индейцев-чейеннов, живших в первой половине XIX в., подразделение чейеннов «сутайо» было еще самостоятельным племенем, но называлось «народом собак», потому что не имело лошадей и использовало в волокушах собак. Отсюда, видимо, возникло и французское наименование. Однако современный этноним восходит к сискускому наименованию чейеннов — *сайенас*, т. е. «говорящие на красном языке» (с. 78—79), что связано с идиомами сиу: «белая речь» — понятный язык, «красная» — чужой, непонятный язык. Естественно, что язык чейеннов, принадлежащий к языковой семье алгонкинов, был непонятен атапаскам — сиу (с. 59). Но в сознании путешественников, торговцев и исследователей семантические и фонетические характеристики этих терминов часто и причудливо переплетались. Даже единственный пример с этнонимом чейеннов показывает, насколько сложна была реконструкция этнотопонимической обстановки в прериях, а ведь реальная история индейцев прерий может быть написана лишь при том условии, что идентификация индейских племен и их подразделений проведена безупречно, тогда как в данной области многое намечено лишь приблизительно (см. лингвистическое приложение на с. 339—345). Изучение этих явлений показывало, сколько большие трудности, во многом еще не замечаемые специалистами, стоят на пути реконструкции древней этнокультурной и лингвистической ситуации в Евразии.

Далее Дж. Мур находит возможность подкрепить свои исторические наблюдения анализом природной обстановки степей (глава 5): «Я убежден, что такие значительные события, как войны, восстания, миграции и союзы могут быть поняты в качестве итога многих мелких событий — столь мелких, как изыскание достаточного количества травы для лошадей» (с. 128).

Дж. Мур показывает, что для чейеннов охотничьего периода условия жизни в низкотравных степях¹, где сочетались три вида трав, необходимых, согласно этноботанике чейеннов, для прокорма лошадей², (с. 158, карта 8), определялись в середине XIX в. размерами и качеством пастбищ (на с. 145, 165 предлагаются формулы для определения размеров территории поселений), устойчивыми природными ресурсами (с. 155), наличием топлива (с. 149; ср. также карты 5, с. 129 и 12, с. 173). Автор приходит к выводу, что чейенны, охотясь, искали специально не стада бизонов, а пастбища, к которым приходили бизоны (с. 165). Этими условиями определялась жизнь популяции, насчитывавшей 3000 душ (с. 132, 133) и владеющей более чем двумя лошадьми на каждое семейство (с. 169—170).

XIX век в жизни индейских степных племен — время непрерывных перемен. В первой половине столетия произошел необычайный взлет, а во второй его половине — тяжелое падение. В конце XIX в. чейенны вступают в период безрадостного национального упадка, связанного с резервационной организацией жизни и быта, с полной зависимостью от государственных социальных программ. Этот период оказывается для Дж. Мура лишь отправной точкой, откуда можно достигать легендарных времен индейской истории. В четырех главах монографии (главы 6—9) сосредоточена основная проблематика его работы — социальная история и семейная жизнь чейеннов, проблемы, разделяющие принципы взаимного общения в коллективе, место и значение этого коллектива среди окружающих народов и, наконец, его выживаемость, способность сохранять этнические особенности быта при всех переменах XIX и безысходности XX в.

Развитие социальных отношений в среде чейеннов происходило, с точки зрения исторической перспективы, в крайне короткий срок. Лишь в первой половине XVIII в. четыре племени чейеннов являются владельцами конских табунов. В середине того же века великий пророк Добрый Шава «дал» им законодательство, где определил главные установления нового народа. Он запретил войны между группами, охарактеризовав межгрупповое кровопролитие как убийство, потребовал наказания убийц и ритуального очищения священных стрел. Он определил взаимоотношения военных союзов с народными сообществами, создал новый вид политического и юридического органа — «совет сорока четырех» (с. 315, а также 102—105 и др.). В XIX в. состоялась собственно история чейеннов как народа: он «обрел национальное самосознание из разрозненных групп разного герба» (с. 193—197), обрел духовное единство (см. примеры построения ежегодного «священного пути» в праздник солнца, — с. 44, 47, 329). Наряду с мирной племенной структурой (с. 195, 249) чейенны создали боевую организацию (с. 197—204, 61—66), своеобразную материальную культуру быта, образ жизни. Думается, что к этим вопросам еще стоит вернуться автору. Их изучение поможет разрешить многие сложности в изменениях племенной и групповой структуры, систем родства, масштабов семейного расселения.

Монография Дж. Мура представляется знаменательным явлением в американской этнологии. Она указывает на широчайшие, еще не использованные, возможности исследования тех разнообразных кочевых народов, которые еще недавно населяли прерии США и которые, казалось бы, оставили лишь скудный резервационный быт и богатейшие музейные собрания. Дж. Мур показал, что один из таких народов — чейенны — живет еще своим прошлым, его полной и яркой историей, которую не смогли стереть годы упадка.

¹ Боли А. Северная Америка. М., 1948. С. 101; Уиттекер Р. Сообщества и экосистема. М., 1960. С. 155.

² Более восточные племена пауни и оседж обсаивали высокотравную прерию (с. 174).

© 1990 г.

И. Е. Сеницына. Человек и семья в Африке. М., 1989. 311 с.

До сих пор проблемы обычного права в странах Африки рассматривались лишь в русле этнографической этнографии. Как правило, обычное право составляло часть работ общего характера, самые значительные из них — это, например, работы Р. Н. Исмаиловой «Народы Нигерии» (М., 1963), М. В. Райт «Народы Эфиопии» (М., 1964), Н. А. Ксенофоновой «Народы Зимбабве» (М., 1974). Автор рецензируемой работы, пожалуй, пионер в изучении соционормативной этнографии Африки как таковой. Как и в первой своей книге по этой проблеме («Обычай и обычное право в Африке» М., 1978), И. Е. Сеницына рассматривает этот комплекс культуры африканских народов и как этнограф, и как юрист. Такой междисциплинарный подход оказывается очень плодотворным.

Содержание книги намного шире названия. Через семейные отношения автор сумел показать целый комплекс проблем как материальной, так и духовной жизни африканцев: здесь и имущественные отношения, и правила наследования, и место и роль женщины в традиционном и современном обществе и т. д.

Для стран Африки, как для всего третьего мира, ныне весьма актуальна проблема соотношения традиционного и современного. По всему спектру культурных явлений очень остро обсуждаются вопросы приоритетов, предпочтений традиций или инноваций. В области права этот вопрос особенно остро. Дело в том, что в колониальный период в странах Африки насаждалось английское прецедентное право или Кодекс Наполеона, приходившие нередко в прямое противоречие с нормами обычного права. И в этой области взаимоотношений «западной» и «африканской» культур проявляется механизм зарождения и развития инноваций в культуре этносов, отмечавшийся С. А. Арутюновым (Арутюнов С. А. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.): селекция, воспроизводство или копирование, приспособление или модификация, структурная интеграция. По отношению к правовым нормам (как, видимо, и к другим аспектам культуры) в Африке, по нашему мнению, можно сейчас говорить о минувших уже трех первых этапах и о бытовании четвертого. При этом данный процесс может сочетаться с кажущимся «ретрадиционализмом» (с. 162).

Пока этот процесс в нашей литературе активно изучался в производственной сфере (основное внимание африканистов было сосредоточено на многоукладности, сложной стратификации африканских обществ и т. п.). Лишь в последнее время привлекаются материалы по истории реальных трансформаций традиционных властей, изменениям в культуре этносов и т. д.

В книге дается серьезное сопоставление юридических норм Западной Европы и Африки. Совершенно справедливо указывается на ошибочность бытовавшего в свое время подхода к подлинным местным правилам к европейскому праву (с. 122). Важно подчеркнуть, что автором рассматривается не просто дихотомия «западная — африканская» практика, а делается исследование так называемой «африканской» практики, на деле состоящей из множества подходов и традиций разных народов континента. Автор (а подобный подход, увы, не часто встречается в африканистике) тщательно сопоставляет их, изучает, какие именно нормы и почему выбираются в современной Африке нормативные для общегосударственных кодексов.

Очень велик корпус источников, проанализированных автором: это и этнографические описания и «кодексы», принятые в последние годы в ряде стран Африки на основе обычного права. Важно отметить также, что привлечен и обширный сравнительный материал (юридические нормы древности, античности, раннего европейского средневековья, древней Руси), что дает возможность видеть как общее, так и особенное в обычном праве африканских народов. Тщательно изучена и литература по данному вопросу, особенно следует подчеркнуть привлечение работ африканских авторов. Источниковедческий и историографический очерк занимает отдельную главу.

Завершает работу раздел о правотворческой деятельности африканских государств, актах, включающих в кодексы действующего права нормы обычного права, выбирая из норм разных народов полиэтнических стран общие установления, становящиеся законами для всех этносов. И. Е. Сеницына проанализировала разные подходы в этой деятельности. Она подчеркивает (с. 118—119) длительность процесса создания новых правовых норм, несовпадение юридической картины с реальной жизнью и делает вывод, что такие факторы, как индустриализация и урбанизация, и сужают сферу действия обычного права, но и отчасти сохраняют ее, а в целом способствуют созданию нового законодательства.

Работа снабжена обширным приложением. В нем содержатся переводы текстов принятых в ряде стран кодексов обычного права, а также примеры, отражающие реальную борьбу норм английской и обычного права. Это приложение делает работу особенно значимой как в теоретическом, так и в практическом (вводит новый материал для изучения как этнографии, так и истории права), так и в практическом (для использования кодифицированных норм обычного права в обучении африканистов, для повышения практических работников, непосредственно сталкивающихся в своей работе с правовыми аспектами деятельности).

Безусловно, в одной монографии трудно охватить достаточно подробно весь спектр правовых аспектов, особенно в нашем быстро меняющемся мире. Какие-то проблемы не отмечены, другие лишь названы. Так, лишь вскользь сказано о том, что в скотоводческих обществах законодательство о земле занимало гораздо меньше места по сравнению с законодательством о скотоводстве.

130, 134, 141 и др.). Между тем и у скотоводов-кочевников существовали определенные права: маршруты перекочевки, пастбища, колодцы — пользование всем этим должно было регулироваться достаточно четко. Не указано также, что на скотоводческие общества Кении, например, не существовало сужение пастбищных земель, занятых гикуйю, вытесненных в свою очередь с их исконных земель белыми поселенцами.

Лишь однажды (с. 124) упомянуто о «рабах». Вероятно, было бы целесообразно более подробно рассмотреть правовой статус рабов и их потомков, особенно учитывая, что в некоторых странах рабство было отменено лишь в середине нашего века, то есть на памяти одного поколения.

Только затронут такой важный для большей части Африки вопрос, как смена в современных условиях материнского права отцовским, формы их сосуществования, роль дяди по матери и возрастающая роль обязанностей и прав отца и т. п., нормы наследования в этой сложной ситуации, особенно при наличии смешанных браков, когда супруги принадлежат к народам с разными нормами филиации.

Могут быть расширены исследования и проблем полигинных браков. Достаточно подробно рассмотрены сороратные и левиратные формы, есть информация о правовых нормах сверстников на ушедших супруг или супругов.

Однако в рецензируемой работе не отражен анализ распространенного у народов Западной Африки «шуточного родства», а этот обычай, вероятно, порожден теми же нормами, что и первый брак сверстников на выбор супруга), но в отсутствии возрастных классов, еще живо сохраняющихся в Восточной Африке. Полигамия правителей, о которой также упомянуто, являлась не столько привилегией, сколько политическим актом, закрепляющим власть правителя над областями, откуда поступали его жены. Этот аспект был настолько важен, что даже в христианской Эфиопии императоры в средневековье наследовали жен своего предшественника.

Эти замечания указывают на необходимость дальнейших исследований в намеченном направлении и подчеркивают значимость и важность работы, начало которой положила И. Е. Синицына своими книгами.

Э. С. Львова

Autonomy or Home Rule?

Surveying the situation of small indigenous peoples and immigrant groups in different countries the author offers a critical analysis of the current national-political structure of the U. S. S. R. concentrating upon the C. P. S. U. Platform on National (Ethnic) Policies under Modern Conditions. In the author's opinion, the current national-political structure of the U. S. S. R. fails to ensure equal rights for all the peoples of the country subordinating autonomous districts, regions and republics to administrative regions, territories and union republics. The author suggests that all the peoples of the U. S. S. R. should qualify as subjects of the Soviet federation, each people having its form of home rule (national district, area, region or republic).

A. I. Kuznetsov

The Noghays — Ethnic and Cultural Problems

The Noghays, formerly nomadic cattle-breeders of the Noghay steppe, are now settled in Dagestan, the Stavropol territory, the Checheno-Ingush Autonomous Republic and the Astrakhan region. Their main occupations are transhumance cattle-breeding and (to a lesser extent) agriculture. During the late decade the socioeconomic condition of the Noghays has deteriorated. The pasture area was reduced which had an adverse effect on the Noghay cattle-breeding. The unemployment rate among educated young people and women has increased. These facts are closely associated with a massive inflow of newcomers from other areas of the Caucasus gradually excluding the Noghays from economic activities. The situation with school teaching of the Noghay language as well as with cultural infrastructure for rural and urban Noghay population is far from satisfactory. The Noghay people has no center of national unity. These and other economic and social problems combined with interethnic tensions lead to growing popularity of the idea of Noghay autonomy among the Noghays.

K. P. Kalinovskaya, G. Ye. Markova

Ethno-Cultural Situation in the Karachai-Cherkess Autonomous Region

The Karachai-Cherkessia is a multinational area. Though the current interethnic relations are more or less normal, not characterized by sharp conflicts, there is some mutual resentment, feelings of national superiority or inferiority. The problems of national cultural development involving language use, school policies and personnel selection are now particularly important. Solving the pressing problems is inseparable from the future of the autonomous region, its administrative structure and possible territorial change (detaching a separate Karachai region and several ethnic districts).

S. A. Arutiunov, G. A. Sergeeva, Ya. S. Smirnov

The Shaping of Contemporary Ethnic Situation in Northern Tadjikistan

The paper provides an overview of the population history of Northern Tadjikistan (now the Leninabad region of the Tadjik republic). The author gives a brief account of peopling the region since ancient times characterizing the settlement patterns of both nomadic and agricultural populations. Some ethnic groups of Turkic and pre-Turkic origin which had inhabited the region prior to the Mongol invasion are reconstructed. The advance of new Turkic-speaking groups as the result of the Mongol invasion is indicated as well as some ramifications of the process for the ancient population. A detailed account of population growth, migrations and settlement shifts since 1870 till now is provided, based upon the author's field research as well as upon statistical and other sources. The paper is supplemented by numerous tables characterizing the population growth, ethnic and tribal structure. Some conclusions are made concerning the impact of the processes described on the contemporary ethnic situation.

V. I. Bushin

Ancient Female Calendar

The paper proceeds with an interpretation of some elements of a certain pattern of Russian folk embroidery found in the Kargopol region (Russian North). The pattern's central figure is examined in detail. It includes some conjugal symbols and series of numbers leading the author to presume that the pattern could function as a female calendar used both in work and family life.

Being almost unique, the Kargopol calendar can only be compared with the well-known Slavic cultural-magic calendar going back to the IV century B. C., which was found in the Kiev region.

P. Ye. Riazanov

Interpreting the Kargopol Calendar-Embroidery

The author attempts to disclose the original sense of the pattern known as the Kargopol calendar-embroidery. The pattern is interpreted as a historically late depiction of a calendar which was earlier presented as a necklace. The latter served as a model of a megalithic structure for astronomical observations.

The minimal point on the Kargopol scale is supposed to be four days (a half of an eight-day week) indicating Southern origin of the phenomenon. An analysis of cultural characteristics involving artistic icon, cosmological concepts and related cults allows the author to presume that the pattern goes back to Neolithic cultures of North Africa (VIII—V millennia B. C.).

V. G. Vlasov

Totemistic Survivals and Tabooing among Arabian

tribes in VI—VII Centuries (by Ibn Hisham's «The Life of Allah's Messenger»)

An analysis of the sources related to the early Muslim tradition including «The Life of Allah's Messenger» written by Ibn Iskhak / Ibn Hisham (VIII—IX cc.) reveals some totemistic survivals and the evolution of the tabooing pattern in the pre-Islamic period and at the inception of Islam.

The data indicate that totemism only persisted as a residual phenomenon manifesting itself in the names of tribes and clans as well as in worshipping totemic stones.

The tabooing pattern was extremely resistant to change combining diverse elements — from the most ancient taboos (hair, blood) to later ones introduced under Islamization (nudity taboo etc.). Using similar tabooing objects with various tribes, Muhammad set up taboos common for all Muslims rejecting some old taboos favorable for pagan tribes. Thereby he fought tribal separatism.

R. K. Shidfar

Ethnic Notions of Bulgarian Scribes

in the Early Time of the Ottoman Domination

The author provides a historical and linguistic analysis of literary works by Bulgarian scribes of late XIV—early XV centuries (Ioasaf Bdinsky, Grigory Tsamblak and Konstantin Kostenechsky) aimed at preliminary reconstruction of ethnic notions spread among educated strata of medieval Bulgarian society.

A structural analysis of ethnonyms used in the works considered makes it possible to follow the evolution of Bulgarian self-stereotype as well as that of stereotypes of neighboring ethnic groups — Serbians, the Greeks, the Turks etc. Ethnic and religious consciousness among Bulgarian scribes of the period was more intense, while political consciousness tended to be less important.

I. F. Makarova

Dermatoglyphics of the Population of South Arabia

The authors analyze the first data on dermatoglyphics of male population of South Yemen. The sample included 182 persons on the mainland and 446 persons on the islands. The data were collected by the Complex Soviet — Yemenite Expedition in 1983—1986. Multidimensional analysis reveals morphological heterogeneity of the population examined caused by interaction between South Europoid (South-West Asian) and Indo-Australoid components. The Sokotra island, particularly its highland, is characterized by prevalence of the first component, while in the south of the Arabian peninsula

both components are in equivalence. The Indo-Australoid admixture is more visible on the southern coast of the peninsula and on the northern edge of the island. Among the population of the Abd-El-Kuri islands Negroid — African traits are clearly predominant.

H. L. Heet, V. S. Shinkarenko, V. V. Naumkin

How «Primitive» is Criminal Subculture?

The author questions L. Samoilov's conclusion on «primitive» character of criminal subculture in a labor camp. Some of the parallels drawn by L. Samoilov are unreliable or even fictitious, being founded on the facts which are not specifically inherent to primitive society and ignoring the functions of the phenomena compared. The illusion of close similarity between criminal and primitive cultures is based upon the time-honored error of selective observation and comparison confronting incidental facts and signs rather than systems. L. Samoilov misrepresents primitive society as «deprived of culture» making his wrong conclusion that contemporary man minus culture amounts to primitive man. Explaining real similarities requires expanding the range of subcultures compared (army, juvenile gangs). Some common traits of the subculture explored may be probably reduced to most natural ways of self-organization in small groups under extremal conditions.

G. A. Levintov

A Subculture behind Bars

Culture as pattern of vital activity involves both «useful» and «harmful» forms, the latter deviating from social norms of behavior. For some social communities deviant behavior becomes prevailing. As the result, a subculture with its specific norms comes into being. A criminal subculture is an unnatural, involuntary community. The hierarchy of criminal subculture is utilized by the penitentiary officials for maintaining superficial order and meeting production quotas. The regime in Soviet prisons and labor camps as well as numerous hardships suffered by those leaving them shape more and more criminals instead of correcting them. Crime growth cannot be stopped by harsher reprisals, because violence raises only violence.

Ya. I. Gilinsky

CONTENTS

National Processes Today

(A. I. Kuznetsov (Moscow). Autonomy or Home Rule? K. P. Kalinovskaya, G. Ye. Markov (Moscow). The Noghays — Ethnic and Cultural Problems. S. A. Arutiunov, G. A. Sergeyeva, S. Smirnova (Moscow). Ethno-Cultural Situation in the Karachai-Cherkess Autonomous Region.

Articles

V. I. Bushkov (Moscow). The Shaping of Contemporary Ethnic Situation in Northern Tadzhikistan. P. Ye. Riazanov (Leninsk-Kuznetsky). An Ancient Female Calendar. V. G. Vlasov (Moscow). Interpreting the Kargopol Calendar-Embroidery. R. K. Shidfar (Moscow). Totemistic Survivals and Tabooing among Arabian Tribes in VI—VII Centuries (by Ibn Hisham's «The Life of Allah's Messenger»). I. F. Makarova (Moscow). Ethnic Notions of Bulgarian Scribes at the Early Time of the Ottoman Conquest. H. L. Heet, V. S. Shinkarenko, V. V. Naumkin (Moscow). Dermatoglyphics of the Population of South Arabia.

Discussions

Discussing L. Samoilov's Article «Labor Camp Ethnography». G. A. Levinton (Leningrad). How «Primitive» is Criminal Subculture? Ya. I. Gilinsky (Leningrad). A Subculture behind Bars.

Communications

M. V. Kantaria (Tbilisi). The Universe as Conceived by the Vainakhs and the Ossets. Shirendyb (Ulan-Bator). From the Life of the Ayanchins.

Anniversaries

List of Major Works by B. V. Andrianov, Doctor of Historical Sciences (to His 70th Birthday).

Academic Life

L. I. Missonova (Moscow). An All-Union Conference on Preparing the Series «Peoples of the Soviet Union». B.- R. Logashova, T. P. Fedianovich (Moscow). Two Conferences on Onomastics in Memoriam V. A. Nikonov.

Expeditions in Brief

Criticism and Bibliography

General Ethnography. S. A. Arutiunov (Moscow). A History of Primitive Society. The Age of Class Formation. V. A. Shnirelman (Moscow). Yu. V. Pavlenko. Early Class Society: Genesis and Evolution Patterns. A. A. Belik (Moscow). Ph. K. Bock. Rethinking Psychological Anthropology. Continuity and Change in Study of Human Action. Peoples of the U. S. S. R. V. P. Darkezh (Moscow). M. G. Rabinovich. Ethnographic Essays on Russian Feudal City. Idem. Russian Feudal City. Sketches of Material Culture. N. A. Minenko (Novosibirsk). L. M. Rusakova. Traditional Folk Arts of Russian Peasants Siberia. S.-M. A. Khasiev (Grozny), Ya. V. Chesnov (Moscow). Caucasian Ethnographic Collection. IX. L. R. Kyzlasov (Moscow). Altyn-Aryg. The Khakass Heroic Epic. M. I. Vainshtein, I. I. Zemtsovsky (Leningrad). M. Beregovsky. Jewish Instrumental Folk Music. Ya. Denisova (Riga). T. S. Balueva, Ye. V. Veselovskaya, G. V. Lebedinskaya, A. P. Pestriakov. Ancient Physical-Anthropological Types on the Territory of the U. S. S. R. as Identified by Anthropological Reconstruction. Peoples of Non-Soviet Europe. Leksa Manush (Moscow). Singing Poetry of the Voivodina Gypsies. Peoples of America. P. M. Kozhin (Moscow). Cheyenne Nation. A Social and Demographic History. Peoples of Africa. E. S. Lvova (Moscow). I. Ye. Sinitsyna. Personality and Family in Africa.

Редакционная коллегия

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — акад. АН СССР; **С. А. Арутюнов**, **С. И. Брук**,
Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), **Л. М. Дробижева**, **Т. А. Жданн**
Р. Н. Исмагилова, **Р. Ф. Итс**, **Г. Е. Марков**, **Р. М. Мунчаев**, **А. И. Перш**
Н. С. Полищук (зам. главн. редактора), **П. И. Пучков**, **Ю. И. Семенов**
В. А. Тишков, **Д. Д. Тумаркин**

• Ответственный секретарь редакции **Н. С. Соболев**

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
телефоны: 126-94-91, 123-90-97.

Зав. редакцией **Е. А. Эйлиман**

Технический редактор **Гришина Е. И.**

Сдано в набор 10.01.90 Подписано к печати 27.02.90 Формат бумаги 70×100¹/₁₆ Офсетная печать
Усл. печ. л. 14,3 Усл. кр.-отт. 50,9 тыс. Уч.-изд. л. 18,6 Бум. л. 5,5 Тираж 3500 экз.

Зак. 3931 Цена 1 р. 90 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19, тел. 126-94-91, 123-90-97
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

Собрание сочинений в шести томах

Издательство «Наука» и Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР готовят к выпуску Собрание сочинений великого путешественника и ученого-гуманиста Н. Н. Миклухо-Маклая в шести томах.

В 1950—1954 гг. было издано пятитомное Собрание его сочинений. Но эта публикация не была исчерпывающей. За последние три десятилетия в СССР и за рубежом выявлено много рукописей рисунков Миклухо-Маклая, а также других материалов о его жизни и деятельности. Эти находки будут включены в новое Собрание его сочинений. В нем будет впервые осуществлена также научная публикация всех этнографических коллекций, собранных выдающимся исследователем.

Издание богато иллюстрировано рисунками автора.

Собрание сочинений Миклухо-Маклая рассчитано как на специалистов различных областей знания, прежде всего этнографов, так и на широкие круги читателей, интересующихся историей естественной науки, богатой и самобытной культурой народов Океании.

Условия подписки:

Издание будет осуществлено в 1990—1993 гг. Ориентировочная стоимость издания — 18 руб. При подписке взимается задаток в размере 3 руб., который засчитывается при получении последнего тома.

Подписка принимается книжными магазинами, распространяющими подписные издания, а также магазинами «Академкнига».

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА Ч И Т А Й Т Е:

В. А. Тишков «Ассамблея наций или союзный парламент? (Этнополитический анализ съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР)»

А. И. Родионов, В. В. Мунтян «Поиск путей решения национального вопроса в первые годы становления советской власти (1917—1923)»

В разделе «Дискуссии и обсуждения» статьи **М. И. Васильева** и **С. И. Дмитриевой** — о географическом распространении русских былин.

В разделе «Наши публикации» — воспоминания **Н. И. Гаген-Торн** о ссылке на Енисее.

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА»

и м е ю т с я в п р о д а ж е:

**ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЕ. 1988. 167 с. 2 р. 10 к.**

Как жили средневековые славянские народы, каковы их взаимоотношения с германцами и греками? В чем было отличие западных и южных славян от других народов, как это отражалось в их культуре и письменности эпохи средневековья? На эти сложные и еще недостаточно изученные вопросы стараются дать ответ авторы этого комплексного сборника, включающего работы по истории, лингвистике, историографии и этнографии славянских стран (Болгарии, Сербии, Чехии).

Книга рассчитана на историков, славистов, филологов и читателей, интересующихся историей славянских народов.

**Сиверцева Т. Ф. СЕМЬЯ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ ВОСТОКА:
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. 1985. 164
95 к.**

Серьезные перемены в жизни освободившихся стран ведут к модернизации структуры семьи и семейных отношений. Вместе с тем преобладание сельского хозяйства в экономике этих стран, длительное господство патриархальных отношений тормозят процесс трансформации традиционной семьи. Все эти проблемы рассматриваются в данной работе. Показаны также формы семьи, нормы брачности, влияние традиционных и современных факторов на уровень рождаемости, положение женщины.

Книга предназначена для демографов, историков, экономистов, этнографов, социологов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга почтой» «Академкнига»:

252030 Киев, ул. Ленина, 42; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр-т, 22